

ГЕНЕРАЛ М.Д. СКОБЕЛЕВ И ЕГО ВРЕМЯ

(к 170-летию со дня рождения)

Материалы международной
научно-практической конференции
«М.Д. Скобелев: история и современность»
Рязань, 27–28 сентября 2013 г.

Рязань, 2014

Правительство Рязанской области
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
Рязанский государственный медицинский университет
имени академика И.П. Павлова
Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
Рязанская областная универсальная научная библиотека имени Горького
Рязанское историческое общество

ГЕНЕРАЛ М.Д. СКОБЕЛЕВ И ЕГО ВРЕМЯ

(к 170-летию со дня рождения)

Материалы международной
научно-практической конференции
«М.Д. Скобелев: история и современность»
Рязань, 27–28 сентября 2013 г.

Рязань, 2014

ББК 63.3 (2) 52

Г 34

Редакционная коллегия:

П.В. Акульшин, д-р ист. наук, проф. (отв. ред.)*И.Н. Гребенкин*, д-р ист. наук, доц. (отв. ред.)

Рецензенты:

Сергеев Е.Ю., д-р ист. наук, проф., главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии Наук.*Степанов В.Л.*, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института экономики Российской Академии Наук.

Сборник издан на средства

ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник»

Г 34

Генерал М.Д. Скобелев и его время (к 170-летию со дня рождения). Материалы международной научно-практической конференции «М.Д. Скобелев: история и современность». Рязань, 27–28 сентября 2013 г. – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2014. – 352 с.: ил.

Настоящий сборник научных статей объединяет материалы, посвященные жизни, деятельности, взглядам и наследию видного российского военачальника генерала М.Д. Скобелева, а также актуальным проблемам истории и историографии международной политики, реформ и модернизации в России XIX – начала XX вв. В сборник вошли статьи специалистов из России, Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Польши.

Адресована научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей России и её проблемами.

На обложке фрагмент литографии «Скобелев М.Д. в бою» (конец XIX века).

ISBN 978-5-902096-50-4

© ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник», 2014

© Авторы, 2014

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Сто семьдесят лет со дня рождения Михаила Дмитриевича Скобелева, жизнь которого была тесно связана с Рязанской губернией, отмечали в нашем регионе масштабным научным и общественным мероприятием – Международной конференцией «М.Д. Скобелев: история и современность», которая состоялась в сентябре 2013 г. В ней приняли участие российские ученые и зарубежные исследователи. Значимым моментом стало участие в этой конференции представительной научной делегации из Болгарии, страны, в которой имя М.Д. Скобелева почитается среди самых почетных героев – борцов за национальное возрождение и освобождение. Хочется верить, что эта совместная работа послужит шагом к восстановлению и упрочению российско-болгарских связей.

Наследие М.Д. Скобелева не утратило своего значения и в наше время, в начале XXI века. Защита интересов России в Центральной Азии и на Балканах, вклад в борьбу за свободу народов Южной Европы от многовекового чужеземного владычества, стремление противодействовать диктату и гегемонизму на европейском континенте – вот главные деяния Скобелева, которые позволяют считать его одним из выдающихся деятелей России и Европы второй половины XIX столетия. По-прежнему актуальными остаются его слова: «Мой символ краток: любовь к Отечеству, свобода, наука и славянство».

Эта книга, в которой собраны материалы конференции, предназначена не только специалистам в об-

ласти истории и международных отношений, но и всем, кому дорого имя и память нашего выдающегося соотечественника и земляка – генерала Михаила Дмитриевича Скобелева.

Особое чувство благодарности хочется выразить организаторам этой значимой конференции, инициаторам издания этой книги: Рязанской областной универсальной научной библиотеке имени Горького, Рязанскому государственному университету имени С.А. Есенина, Рязанскому государственному медицинскому университету имени академика И.П. Павлова, Рязанскому историко-архитектурному музею-заповеднику, Рязанскому историческому обществу.

О.И. Ковалев

Губернатор Рязанской области

С.В. Филимонов

*Вице-губернатор Рязанской области –
первый заместитель Председателя
Правительства Рязанской области*

ЧАСТЬ I

М.Д. СКОБЕЛЕВ: СУДЬБА, ОБРАЗ, ПАМЯТЬ

П.В. АКУЛЬШИН
(Рязань)

**М.Д. СКОБЕЛЕВ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ**

Пореформенная эпоха породила целую плеяду крупных военных деятелей. Среди них реформаторы армии военный министр Д.А. Милютин и начальник Главного штаба Н.Н. Обручев, военачальники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. И.В. Гурко, Ф.Ф. Радецкий и М.И. Драгомиров, покорители Туркестана М.Г. Черняев и К.П. Кауфман, военный публицист и историк Р.А. Фадеев. Но не один из них, ни при жизни, ни после смерти не был столь известен и популярен у современников и потомков так, как Михаил Дмитриевич Скобелев. Он прожил короткую жизнь, родившись 17 (29) сентября 1843 г. и уйдя из жизни, не достигнув сорокалетия – в 1882 г.

Из 39 лет недолгой жизни Михаила Дмитриевича Скобелева общеевропейскую известность ему принесли лишь два года, связанные с крупными военными событиями – участием в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и руководством второй Ахал-текинской экспедицией в 1881 г. Они способствовали росту его популярности, но она была связана не только с ними. Его горячие почитатели, как и не менее горячие недоброжелатели, видели в нем не просто талантливое генерала, но новый тип отечественного деятеля. Его можно охарактеризовать как публичного политика, который сочетает государственную службу с общественной деятельностью. В наше время этот тип является достаточно распространенным. Для России второй половины XIX в. это было новым явлением, которое свидетельствовало о значительных сдвигах в социальной и политической сфере. Прижизненная известность М.Д. Скобелева и его посмертная слава во многом объяснялась не только тем, что он успел совершить, но и тем, что он мог потенциально сделать для России.

Отдавая должное всем тем, кто изучал личность и деятельность М.Д. Скобелева, надо признать, что на протяжении полутора столетий, которые прошли после его рождения, так и не была создана его научная биография.

Наиболее полным изложением биографии М.Д. Скобелева по сей день остается книга эмигранта первой волны Н.Н. Кнорринга «Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд»,

в которой широко использовались материалы из вывезенного из России архива князей Белосельских-Белозерских¹.

Одним из первых обращений к политической деятельности М.Д. Скобелева в 1881–1882 гг. стала статья В.Б. Вилинбахова, появившаяся в 1969 г.² Ряд работ о М.Д. Скобелеве научно-популярного характера вышли в постсоветскую эпоху³. Последним важным событием в историографии проблемы стало издание сборника воспоминаний о М.Д. Скобелеве, подготовленного Р.Г. Гагкуевым⁴.

Отсутствие фундаментального исследования объясняется не столько отсутствием интереса к личности М.Д. Скобелева у исследователей и общественности, сколько трудностями источниковедческого порядка. Личный архив генерала не сохранился. Написанные им служебные бумаги и его эпистолярное наследие и по сей день полностью не выявлены и не введены в научный оборот. Внутренний мир М.Д. Скобелева, его мотивации и размышления авторы исследований пытаются реконструировать преимущественно на основе воспоминаний современников, которые отражают не столько его личность, сколько представления о нем современников и ближайших потомков. Поэтому годовщина его рождения требует определить место М.Д. Скобелева в общественной жизни России, исходя из введенных в настоящей момент источников и фактов, а также современных трактовок развития российского социума того времени.

Два десятилетия, последовавшие за крестьянской реформой 1861 г., на которые пришлись сознательная жизнь и деятельность М.Д. Скобелева, явились временем значительных перемен, динамичность и масштабы которых для потомков оказались в тени бурных потрясений начала следующего столетия. Эти перемены непосредственно отражались и на судьбе русского полководца.

С ними было связано начало его жизненного пути. Первоначально восемнадцатилетний юноша предполагал поступить не в военно-учебное заведение, а на математический факультет столичного университета. Но именно в этот 1861 г. впервые в России произошли массовые студенческие волнения, с которыми власти боролись путем временного закрытия Петербургского и Казанского университетов. Набор студентов на первый курс не производился, и Михаил Дмитриевич встал на путь военной карьеры. Так, российская наука и образование потеряли будущего крупного деятеля, но зато русская армия обрела неординарную личность, ставшую одним из первых носителей новых тенденций в ее рядах.

Первые пять лет военной карьеры М.Д. Скобелева были достаточно типичными для юноши из «хорошей семьи». После двух лет службы в Лейб-гвардии кавалергардском полку юнкер М.Д. Скобелев в 1863 г. получает первый офицерский чин – корнета. Боевое крещение он получил в 1864 г. в стычке с польскими повстанцами.

Дальнейшая военная служба Скобелева длилась всего 20 лет. При этом через 12 лет после получения первого офицерского чина в возрасте 32 лет он был уже генерал-майором. Для сравнения, А.В. Суворов стал генерал-майором в 1770 г. в возрасте 40 лет, М.И. Кутузов в 1784 г. в возрасте 39 лет, П.И. Багратион в 1799 г. в возрасте 34 лет. Известный своей быстрой карьерой А.А. Брусилов стал генерал-майором в 1900 г. в возрасте 47 лет.

Жизнь России в пореформенное время сохраняла многие черты ушедшей эпохи. В частности, чинопроизводство в императорской армии этого периода во многом зависело от такого фактора, как наличие протекции в придворных кругах. Без нее выделиться из основной массы офицерского корпуса даже при наличии дарований было крайне сложно. В этом отношении М.Д. Скобелев обладал хорошими стартовыми позициями. Его дед и основатель рода Иван Никитич Скобелев хотя и являлся выходцем из однодворцев, но сделал блестящую карьеру. Это позволило его сыну Дмитрию Ивановичу Скобелеву не только дослужиться до чина генерал-майора в 39 лет, но и заключить выгодный брак. Мать великого полководца Ольга Николаевна Полтавцева находилась в родственных связях с семействами, которые имели большое влияние при дворе Александра II. Одна ее старшая сестра (Елизавета) вышла замуж за генерал-адъютанта Н.Т. Баранова. Екатерина в 1842 г. стала женой А.В. Адлерберга. Сестры Михаила Дмитриевича стали женами представителей самых богатых аристократических семейств. Надежда в 1865 г. стала женой князя К.Э. Белосельского-Белозерского, Ольга – графа В.П. Шереметева, Зинаида в 1878 г. вышла замуж за герцога Е.М. Лейхтенбергского, сына великой княгини Марии Николаевны и внука пасынка Наполеона Евгения Богарне. Их дочь Дарья Евгеньевна, племянница Михаила Дмитриевича, являлась единственной представительницей династии Романовых, проживавшей на территории России после окончания Гражданской войны.

Но эта придворная среда породила не только тех, кто пытался помочь полководцу, но и его влиятельных врагов, действия которых, как минимум, трижды ставили под угрозу саму возможность его военной карьеры. Впервые это произошло в 1870 г., когда М.Д. Скобе-

лев был выслан из Туркестана после дуэли с флигель-адъютантом князем Долгоруковым, братом княжны Екатерины Михайловны Долгорукой, морганатической супруги Александра II. Затем на него обрушилась личная неприязнь самого императора, а после и его приемника Александра III. Только огромные личные заслуги, подкрепленные протекцией родственников, спасали генерала от опалы и удаления из армии.

Сам же Михаил Дмитриевич, несмотря на происхождение и родственные связи, никогда в состав придворной элиты не входил и не стремился войти. Как часто бывает в момент динамичных социальных изменений, ближайшие родственники по-разному определяли свой социальный статус. М.Д. Скобелев являлся представителем новой социальной группы – профессиональных военных, для которых служба играла более важную роль, чем принадлежность к дворянскому сословию или обладание поместьями. Свидетельством этого являлся и неудачный брак полководца с княжной Марией Николаевной Гагариной, который быстро распался из-за значительного различия в системе ценностей супругов.

Стремлением к профессиональной военной карьере можно объяснить и поступление молодого гвардейского офицера в Академию Генерального Штаба, которую он окончил в 1868 г. в возрасте 25 лет. Академическое образование не давало в то время значительных преимуществ в карьере, но позволило ему компенсировать отсутствие первоначального военного образования. К этому времени Кавказская война уже завершилась, поэтому сферой приложения его энергии стал Туркестан, борьбу за обладания которым Российская империя начала в эту эпоху. Первое пребывание М.Д. Скобелева в Туркестане в 1869–1871 гг. завершилось скандалом⁵. Но вторая поездка стала переломным моментом в его жизни. Он принял активное участие в Хивинском походе 1873 г. и подавлении Кокандского восстания 1875 г., за что был удостоен ордена св. Георгия 4-й и 3-й степени и получил чин генерал-майора⁶. В феврале 1876 г. Скобелев назначается на важный административный пост – военного губернатора Ферганской области. Перед ним открывался путь к успешной административной карьере⁷.

Но она, судя по всему, не привлекала молодого генерала. Он мечтал о лаврах военных побед. С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он смог добиться перевода на службу на Дунай в действующую армию и получил назначение на должность начальника штаба сводной казачьей дивизии, которой командовал его отец и которая действовала отдельными подразделениями, приданными

различным пехотным частям. Это делало его в в глазах сослуживцев молодым карьеристом, который, хотя и имел высокие награды, но получил их за «подвиги» в делах против заведомо более слабого противника – туземцев Туркестана. Создавать боевую репутацию М.Д. Скобелеву приходилось фактически с нуля.

В июне 1877 г. он участвует в переправе через Дунай 4-й пехотной дивизии под командованием генерала Драгомирова, при котором генерал-майор М.Д. Скобелев фактически выполнял роль ординарца. Уже начальный период войны показал, что многие армейские чины, которые в мирное время, казалось, были на своем месте, в боевых условиях показывали себя совершенно непригодными. Поэтому молодой и энергичный генерал оказался востребованным. В августе он участвует в третьем штурме Плевны в качестве командующего левым флангом, одерживает победу в бою за Ловчу. В сентябре М.Д. Скобелев, к тому времени уже генерал-лейтенант, впервые вступает в командование соединением – 16-й пехотной дивизией – первоначально в качестве временно командующего, официально числясь по Генеральному штабу без должности⁸. Уже будучи утверждённым в должности начальника дивизии, он участвует в переходе через Балканские горы и в битве у Шипки-Шейново, которые и решили исход войны⁹.

Эти полгода военных действий и принесли М.Д. Скобелеву известность и славу. Уже в мартовском номере «Отечественных записок» за 1878 г. А.Н. Энгельгард в шестом письме «Из деревни» писал о появлении коробейника в смоленской деревне: «Коробочник Михаила принес военные картины: и «Чудесный обед генерала Скобелева под неприятельским огнем», и «Штурм Карса», и «Взятие Плевны». ... Вот это, – объясняет он в застольной собравшимся около него бабам и батракам, – вот это Скобелев-генерал, Плевну взял. Вот сам Скобелев стоит и пальцем показывает солдатам, чтобы скорее бежали ворота в Плевну захватывать»¹⁰.

В феврале 1879 г. М.Д. Скобелев получает в командование 4-й армейский корпус, штаб которого после вывода из Болгарии расквартировался в Минске, а части – в прилегающих губерниях¹¹. Формально он числился в этой должности практически до самой смерти. Но проблемы, возникшие в ходе завоевания закаспийской части Туркестана, позволили ему впервые стать самостоятельным командующим. Он возглавил вторую Ахал-текинскую экспедицию, получив под начало около 7 тыс. солдат. Предшествующая экспедиция летом 1879 г. под руководством генерала И.Д. Лазарева завершилась для русских войск неудачей

и поколебала авторитет России в Восточном вопросе. Вторая экспедиция длилась с мая 1880 по январь 1881 г. Падение племенного центра туркмен Геок-Тапе стоило русским войскам около 1,2 тыс. погибших и принесло Скобелеву Георгий 2-й степени и чин генерала от инфантерии¹².

Но эти четыре года были для М.Д. Скобелева не только временем обретения воинской славы, но и периодом огромных утрат. В 1879 г. умер его отец, генерал-лейтенант Д.И. Скобелев, которому исполнилось всего 58 лет. Через год в 1880 г. в Болгарии в возрасте 57 лет была убита его мать. А в марте 1881 г. в Закаспии он узнал о гибели императора Александра II, который после Русско-турецкой войны стал ценить военное дарование М.Д. Скобелева, в то время как его преемник относился к полководцу с недоверием и подозрением.

Определенные основания у нового императора для этого были. Осознание себя носителем новых тенденций в русском обществе не могло не вызвать у М.Д. Скобелева отрицательного отношения ко многим сторонам отечественной жизни, которое он не скрывал от окружающих¹³. Это давало основание современникам и потомкам оценивать М.Д. Скобелева как оппозиционную фигуру по отношению к тогдашнему политическому строю. Существуют свидетельства о его попытках установить контакты с руководителями русской революционной эмиграции, в частности с П.Л. Лавровым, одним из вождей народников и бывшим полковником артиллерии. Партия «Народная Воля» имела в своем составе Военную организацию, объединявшую несколько сотен офицеров. Участники этой конспиративной структуры обсуждали возможность восстания части армии, которое невозможно без авторитетного и популярного предводителя. Это послужило источником для слухов о разработке М.Д. Скобелевым плана военного переворота, направленного против Александра III.

При всех критических отзывах о существующих порядках М.Д. Скобелев по политическим взглядам несомненно являлся монархистом. Хотя, это не исключало ни стремления к переменам, ни недовольства многими чертами отечественной действительности.

Из всех современных государственных деятелей Российской империи очевидно самым близким, если не по взглядам, то по духу, к М.Д. Скобелеву был Николай Павлович Игнатьев. Благодаря усилиям этого дипломата, в 1860 г. был подписан Пекинский договор, который закрепил существующую донныне границу России на Дальнем Востоке. Он являлся автором проекта Сан-Стефанского

договора. В начале правления Александра III Н.П. Игнатьев занял должность министра внутренних дел и предложил для укрепления монархии собрать Земский собор. Новый император и его приближенные отвергли эту идею, а Н.П. Игнатьев в мае 1882 г. был отправлен в отставку¹⁴.

А 25 июня 1882 г. при загадочных обстоятельствах в Москве скончался М.Д. Скобелев. Его смерть вызвала разнообразные толки, прежде всего, о ее насильственном характере¹⁵. После Февральской революции 1917 г. в печати появилась версия о том, что к смерти генерала имели отношение император и тайная организация сторонников самодержавия «Священная дружина»¹⁶. Можно предположить, что эта гипотеза является малодостоверной и отражает не реальные события, а состояние общественного мнения сразу после свержения монархии. Власть монарха в 1880-е гг. была настолько прочна в глазах подавляющей части населения, что тайные убийства политических противников не входили в состав политических инструментов властей¹⁷.

В то же время нужно признать, что М.Д. Скобелев в последние годы жизни мог оказаться объектом манипуляций со стороны могущественных сил. Государственная элита и общественное мнение Российской империи являлись в те годы объектом воздействия со стороны политиков двух противоборствующих держав, одинаково заинтересованных в благожелательном отношении России – Германии и Франции. В силу определенных причин в этом столкновении интересов перевес оказался на стороне последней. Поэтому в годы образования франко-русского военного союза и Первой мировой войны сложилась устойчивая традиция представлять М.Д. Скобелева как убежденного противника Германии и сторонника сближения с Францией. В этой связи были попытки манипулировать общественным мнением в России, примером может послужить брошюра Жульеты Ламбер (Адам), которая вышла в России в 1886 г.¹⁸

Но эта трактовка не совсем точна. М.Д. Скобелев исходил прежде всего не из необходимости ориентации на ту или иную великую державу, а из необходимости четкой формулировки международных интересов России. В то же время его стремления четко сформулировать стратегические задачи страны не встречали понимания российских властей, которые придерживались традиций «кабинетной» дипломатии ушедшей эпохи. Это позволяло французским и германским политикам, использующим более современные методы воздействия, оказывать влияние на формирование

политического курса Российской империи. Французская печать преувеличивала антигерманскую направленность публичных выступлений русского генерала, трактуя их как призыв к подготовке войны с Германией. Существуют свидетельства, что М.Д. Скобелев требовал опровержения в связи с откровенным извращением текста своей речи перед славянскими студентами в парижской газете «Нувель Ревю». В свою очередь, германские правящие круги использовали эту кампанию для давления на российское правительство, преувеличивая степень оппозиционности М.Д. Скобелева к официальному курсу¹⁹.

На самом деле, выступления полководца по международным проблемам в сравнении со многими призывами, которые исходили из других европейских столиц, являлись достаточно умеренными. В них излагалась программа укрепления военно-политического потенциала России как залога поддержания стабильности в Европе. Составной частью этого называлась поддержка славянских народов Балканского полуострова. Как потенциальные противники России упоминались помимо Германии и другие государства, прежде всего Австро-Венгрия и Великобритания. Принципиальных отличий от проводимого правительством курса в выступлениях М.Д. Скобелева не было. Но сам факт таких публичных выступлений был новым явлением в русской жизни, что пугало и иностранных политиков, и российские власти.

В конкретном контексте международных противоречий той эпохи публичные выступления М.Д. Скобелева задевали прежде всего интересы Великобритании и Австро-Венгрии. Именно с этими державами спустя несколько лет Россия окажется на грани военного конфликта в Туркестане и на Балканском полуострове. Оказало ли это непосредственное влияние на обстоятельства смерти М.Д. Скобелева, пока не представляется возможным определить.

Во второй половине девятнадцатого столетия, в пореформенную эпоху, М.Д. Скобелев стал одним из наиболее ярких продолжателей традиций российской императорской армии дореформенной эпохи, носителем которых был его дед. Но он явился и зачинателем новых традиций. Его военная деятельность была связана с созданием новых вооруженных сил России – массовой армии, основанной на всеобщей воинской обязанности. На смену войскам, состоящим из взятых на царскую службу крепостных под командованием офицеров из «благородного сословия», для которых военная служба не профессия, а только следование семейной и родовой традиции, должна была прийти новая армия, воины которой соединили бы

в себе патриотизм и профессионализм, дополненные высокой технической оснащенностью. Это и было профессиональным и общественным идеалом М.Д. Скобелева, который, по словам современника, он формулировал словами: «Мой символ краток: любовь к Отечеству, свобода, наука и славянство».

Воин новой русской армии должен быть не только православным воином, преданным «вере, царю и Отечеству», но и сознательным гражданином, хорошо вооруженным и снаряженным и, что еще важнее, мотивированным к ведению войны до победного конца. Создание такого солдатского материала требовало целой исторической эпохи. В императорской армии эти стремления не могли быть реализованы в полной мере²⁰.

Наряду с восторженным отношением части офицерского корпуса к молодому полководцу многие высшие чины с недоверием и опаской относились к молодому генералу, чьи стремления были им в лучшем случае непонятны, а порой казались опасными. Суть этих опасений передал генерал М.И. Драгомиров, которому приписывали фразу: «Я с радостью хотел бы быть подчиненным Скобелева. Но не хотел бы быть его начальником»²¹. Негативные оценки всех сторон деятельности М.Д. Скобелева современниками были обобщены в работе Г.К. Градовского «М.Д. Скобелев. Этюд по характеристике нашего времени и его героев»²². Судя по обширным экскурсам автора, никогда не служившего в армии, в область чисто военных вопросов, значительная часть их принадлежала той части офицерского корпуса, которая критически относилась к личности и заслугам М.Д. Скобелева.

Те современники М.Д. Скобелева, на которых пал свет его воинской славы (например, А.Н. Куропаткин) оказались только его слабым отблеском. Остается только гадать, как могла сложиться военная карьера самого М.Д. Скобелева, если бы он смог избежать ранней смерти. Но с большой долей уверенности можно предположить, что его кипучая энергия и беспокойный характер вряд ли могли реализоваться в эпоху правления императора Александра III, когда в военной среде преобладал административно-бюрократический подход, все последствия которого императорской армии пришлось испытать на полях Русско-японской и Первой мировой войн.

Назревающий в начале XX в. кризис российской монархии втягивал в политическую жизнь те социальные слои, которые традиционно были далеки от нее и даже гордились своей аполитичностью. Это коснулось и офицерского корпуса императорской армии. Про-

фессиональные военные, испытывая вполне объяснимую тревогу за будущее и монархии, и ее вооруженных сил, нуждались в поисках общественно-политического идеала, который можно было бы сопоставить и даже противопоставить культовым фигурам либерального и революционного лагерей. В этом отношении и была востребована фигура М.Д. Скобелева²³. В ноябре 1904 г. в связи с Русско-японской войной по инициативе сестры генерала Скобелева княгини Н.Д. Белосельской-Белозерской была создана благотворительная организация «Комитет имени генерал-адъютанта М.Д. Скобелева для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам». Учредительница стала пожизненным председателем, ее товарищем по должности становился начальник Николаевской академии Генерального штаба. Важным событием в жизни России периода «третьеиюньской монархии» стало сооружение памятника полководцу в Москве в 1912 г.

Посмертное вступление М.Д. Скобелева в официальный пантеон героев царской России предопределило отношение к нему после победы Октябрьской революции 1917 г. В 1918 г. был ликвидирован памятник ему в Москве, за ним последовали сооружения в его честь в других городах. В немалой степени этому способствовала оценка М.Д. Скобелева прежде всего как колониального деятеля, утвердившаяся в историографии социал-демократического направления еще до 1917 г.²⁴

Но если имя самого М.Д. Скобелева в эти годы на время исчезло из активной исторической памяти российского общества, то его идеалы оказались в полной мере реализованы в советский период отечественной истории в военной сфере. Рабоче-Крестьянская Красная Армия (с 1946 г. – Советская Армия), вооруженные силы, созданные Советским государством на основе всеобщей воинской обязанности, стали воплощением в жизнь той модели вооруженных сил, о которой мечтал М.Д. Скобелев в пореформенную эпоху.

¹ *Кнорринг Н.Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд. Кн. 1–2. Париж, 1940; *Кнорринг Н.Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. М., 1991; *Кнорринг Н.Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. М., 1997. Кнорринг Николай Николаевич (1880–1967), историк и критик, член партии кадетов, после Великой Отечественной войны вернулся в СССР.

² *Вилинбахов В.Б.* Генерал от «пронунсименто»: Исторический очерк // Прометей: историко-биографический альманах. М., 1969. Т. 7. С. 346–369.

³ *Костин Б.А.* Скобелев. М., 1990; *Костин Б.А.* Скобелев. М., 2000; *Масальский В.Н.* Скобелев: Исторический портрет. М., 1998.

⁴ Генерал Скобелев. М., 2013.

⁵ Воспоминания о пребывании ротмистра М.Д. Скобелева в Баку в 1870 г. см.: *Гунаропуло С.А.* В Туркменской степи: (Из записок черноморского офицера) // Исторический вестник. 1900. № 11. С. 565–583.

⁶ См.: *Гродеков Н.И.* Хивинский поход 1873 года: Действия кавказских отрядов. СПб., 1888.

⁷ О М.Д. Скобелеве в должности военного губернатора Ферганской области в 1876–1877 гг. см.: *Смирнов Е.* К характеристике Скобелева // Исторический вестник. 1914. № 9. С. 957–958. Об отношениях М.Д. Скобелева с генерал-губернатором Туркестана К.П. фон Кауфманом см.: *Кауфман П. фон.* Письмо в редакцию // Русская старина. 1913. № 5. С. 278–280; *Толбухов Е.* Скобелев в Туркестане (1869–1877 гг.) // Исторический вестник. 1916. № 10. С. 107–132; *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 г.) // Там же. 1913. № 10. С. 33–55; *Чанышев Х.А.* Русское посольство в Кашгар в 1875 году / Записал В. Кулешов // Исторический вестник. 1887. № 12. С. 694–708.

⁸ Список генералам по старшинству, составлен на 1 ноября 1877 года. СПб., 1877. С. 505.

⁹ О действиях частей под командованием М.Д. Скобелева в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. см.: *Куропаткин А.Н.* Блокада Плевны: (Продолжение статей «Плевна, Ловча и Шейново») // Военный сборник. 1885. № 2. С. 185–256; 1886. № 9. С. 5–53; № 10. С. 179–214; № 11. С. 5–38; № 12. С. 167–202; *Он же.* Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Ловча и Плевна. СПб., 1885; *Он же.* К штурму Плевны 30–31 августа 1877 г. // Военный сборник. 1885. № 7. С. 25–60; *Он же.* Ловча, Плевна и Шейново (Из истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) // Военный сборник: 1881. № 1. С. 5–52; № 2. С. 217–262; № 3. С. 5–44; № 4. С. 217–269; № 5. С. 5–30; 1882. № 8. С. 161–188; № 9. С. 5–36; № 10. С. 202–234; № 11. С. 5–28; № 12. С. 143–176; 1883. № 1. С. 70–91; № 2. С. 208–233; № 7. С. 5–85; № 10. С. 65–213; № 11. С. 28–64; *Он же.* Переход через Балканы отряда Скобелева и бой у д. Шейново, 28 декабря 1877 года (окончание статей «Плевна, ловча и Шейново») // Военный сборник. 1889. № 6. С. 189–229; № 8. С. 177–224; № 9. С. 5–43; № 10. С. 185–249; *Он же.* Сражение под Плевной 28 ноября 1877 г. (Окончание статьи «Блокада Плевны») // Военный сборник. 1887. № 12. С. 181–232; *Сухотин Н.* Штурм Плевны 30-го августа 1877 года: (По поводу труда А. Куропаткина «Ловча, Плевна, Шейново») // Военный сборник. 1884. № 2. С. 84–225; *Зайончковский А.* Движение в атаку: По опыту Ловчи, Плевны (Зеленые горы) и Шейново // Военный сборник. 1894. № 2. С. 291–315. *Он же.* Наступательный

бой по опыту действий генерала Скобелева в сражениях под Ловчей, Плевной (27 августа) и Шейново. СПб., 1893.

¹⁰ *Энгельгард А.Н.* Из деревни: 12 писем, 1872–1887. М., 1987. С. 286.

¹¹ Об эпизодах командования М.Д. Скобелева корпусом в мирное время см.: *А.Л.* Последняя атака генерала Скобелева // *Разведчик*. 1898. № 393. С. 381; *Е.К.* Сутки на ординарах у Скобелева // *Исторический вестник*. 1900. № 8. С. 478–484.

¹² О ходе этих военных событий см.: *Куропаткин А.Н.* Завоевание Туркмении. (Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.). С очерком военных действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г. СПб., 1899; *Арцишевский А.Ф.* Михаил Дмитриевич Скобелев: Очерк его деятельности во время Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. // *Русская старина*. 1883. № 5. С. 387–432; *Гейнс К.* Очерк боевой жизни Ахал-текинского отряда 1880–1881 гг. // *Военный сборник*. 1882. № 6. С. 340–359; № 7. С. 151–159; № 8. С. 336–348; № 9. С. 155–167; № 10. С. 317–328; № 11. С. 128–142; *Гершельман С.* Нравственный элемент в руках опытного начальника // *Военный сборник*. 1888. № 12. С. 270–322; *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т. 1–2. СПб., 1883. Современные оценки Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. в контексте российско-британского противоборства в Восточном вопросе см.: *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 72–75.

¹³ См.: *Оболенский Д.Д.* Наброски из прошлого // *Исторический вестник*. 1893. № 12. С. 659–690; 1895. № 1. С. 96–108; *Он же.* Воспоминания о М.Д. Скобелеве / Вступ. ст. и подгот. текста *Я.М. Златкис* // *Отеч. архивы*. 1995. № 5. С. 56–67.

¹⁴ Н.П. Игнатьев о М.Д. Скобелеве см.: *Игнатьев Н.П.* Походные письма 1877 г.: Письма Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. М., 1999. С. 66, 146, 149, 157, 160, 167, 171, 173, 174, 194, 199, 200, 219, 235, 236, 238, 249, 254, 259–261, 264, 267, 292.

¹⁵ [На смерть генерала Скобелева] // *Отечественные записки*. 1882. № 8. С. 231–247; Смерть Скобелева // *Вестник Европы*. 1882. Кн. 8. С. 838–846; *А.Е.К.* М.И. Драгомиров, командующий войсками (Из отрывочных воспоминаний) // *Русская старина*. 1912. № 1. С. 113–121; *Агапеев П.* Из воспоминаний о генерале М.Д. Скобелеве // *Русская старина*. 1914. № 10. С. 81–86; *Аксаков И.С.* Смерть Скобелева // *Михаил Скобелев*. Сб.М., 1997. С. 433–439.

¹⁶ *Дрюбок Ф.* Смерть Скобелева: (Письмо в редакцию) // *Голос минувшего*. 1917. № 5–6. С. 102. См. также: *Смельский В.Н.* Священная Дружина: (Из дневника ее члена В.Н. Смельского) // *Голос минувшего*. 1916. № 4. С. 109.

¹⁷ О состоянии здоровья М.Д. Скобелева и результатах его посмертного вскрытия см. воспоминания врача, участвующего в Ахал-текинской экспедиции: *Гейфельдер О.Ф.* Воспоминания врача о М.Д. Скобелеве. 1880–1881 // *Русская старина*. 1886. № 11. С. 391–404; 1887. № 4. С. 217–239; № 7. С. 203–225.

¹⁸ *Ламбер Ж.* Генерал Скобелев. Воспоминания госпожи Адам (Жульетты Ламбер). СПб., 1886. Использование тезиса о М.Д. Скобелеве как борце с «тевтонами» в годы Первой мировой войны см.: *Апушкин В.А.* Скобелев о немцах. Его заветы славянству. Пг., 1914. Взгляд на М.Д. Скобелева с германской стороны см.: *Верди-дю-Верница Ю. фон.* Воспоминания прусского министра // *Исторический вестник*. 1905. № 7. С. 148–165.

¹⁹ *Скобелев М.Д.* Речь Скобелева на обеде в годовщину взятия Геок-Тепе 12 января 1882 г. // *Михаил Дмитриевич Скобелев: Слово Белого генерала. Слово современников. Слово потомков*. М., 2000. С. 69–73; [По поводу воинственных речей М.Д. Скобелева, произнесенных им в Европе] // *Отечественные записки*. 1882. № 3. С. 129–150; *А.Б.* По поводу недавних речей // *Русское богатство*. 1882. № 4. С. 25–32; *Каширов Д.Д.* Взгляды на политику, войну, военное дело и военных Михаила Дмитриевича Скобелева. СПб., 1893; *Воллан Г.А.* Очерки прошлого: (Дневник за 1882 г.) // *Голос минувшего*. 1914. № 6. С. 131–160; *Тарле Е.В.* Речь ген. Скобелева в Париже в 1882 г. // *Красный архив*. 1928. № 2. С. 215–225.

²⁰ См.: *Астахов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 гг.: военный опыт и современность. М., 2014.

²¹ О взаимоотношениях М.Д. Скобелева и М.И. Драгомирова см.: *Сигов А.А.* Драгомиров и Скобелев // *Исторический вестник*. 1911. № 4. С. 181–199; *Драгомирова С.А.* Радецкий, Скобелев, Драгомиров: (Из воспоминаний Софьи Абрамовны Драгомировой) // *Исторический вестник*. 1915. № 3. С. 796–803; № 4. С. 88–96.

²² *Градовский Г.К.* М.Д. Скобелев. Этюд по характеристике нашего времени и его героев. СПб., 1884. Градовский Григорий Константинович (1842–1915), публицист либерального направления, в 1870-е гг. активно сотрудничал в «Голосе» и был близок к М.Т. Лорис-Меликову. Примером апологии М.Д. Скобелева может быть предназначенная для народного чтения брошюра: *Филитов М.М.* М.Д. Скобелев: Его жизнь и деятельность, военная, административная и общественная: Биографический очерк. СПб., 1894.

²³ О литературе о М.Д. Скобелеве, появившейся на протяжении 20 лет после его смерти см.: *Полянский М.И.* Библиографический указатель литературы, относящейся к биографии М.Д. Скобелева: Ко дню 20-летия кончины его. СПб., 1902; *Гейсман П.* Михаил Дмитриевич Скобелев: Очерк его

военной и государственной деятельности: (С портретом и картой) // Военный сборник. 1907. № 6. С. 1–56.

²⁴ См.: Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии.: Сб. ст. London, 1991. С. 284–285, 288–289, 290, 329, 330–331. Оценка М.Д. Скобелева и его деятельности в Туркестане в советской историографии послевоенного периода см.: Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90 годы XIX в.). М., 1965. С. 273, 305, 306, 322, 323, 325, 327–329, 351–353, 357–358. Достаточно симптоматичным для эпохи «перестройки» стало появление, изданной в издательстве ЦК КП Туркменистана брошюры: Ходжагельдыев Н. Скобелев – национальный герой или же..?! Ашхабад, [1992], а так же: Даврон Х. Завоеватель не может быть героем // Звезда Востока. 1990. № 9.

В.А. АРТАМОНОВ
(Москва)

ПОЛКОВОДЕЦ «ОТ БОГА» (к 170-летию со дня рождения М.Д. Скобелева)

В «золотой век» Екатерины II и в начале царствования Александра I «великая духом» русская армия громила не только шведов, поляков, турок, но и сильные войска революционной Франции. Лучшие из дворянства стремились к карьере воинов, и на русском небосклоне сверкало созвездие блестящих полководцев – П.А. Румянцев (1725–1796), М.И. Кутузов (1745–1813), А.П. Ермолов (1747–1832), М.Б. Барклай-де-Толли (1761–1818), П.И. Багратион (1765–1812), П.С. Котляревский (1782–1852) и, конечно, А.В. Суворов (1730–1800) с его «стратегией сокрушения» таранными ударами пехоты.

Окостенение царизма с 20-х годов XIX в. привело к уходу талантов в гражданские сферы, и «погоду в войнах» стала вершить «серость». Крымская война 1853–1856 гг. была проиграна, среди прочего, и из-за бездарности А.С. Меншикова (1787–1869), М.Д. Горчакова (1793–1861), П.А. Данненберга (1792–1872) и им подобных¹.

«Война за славян новых Суворовых даст России», – чеканилось на медальях в войну 1877–1878 гг. Пророчество оправдалось: благородная идея вдохновила даже непримиримых противников царизма – народолюбцев и на горизонте русской славы пронеслась одинокая комета Михаила Дмитриевича Скобелева (17 сентября 1843–25 июня 1882). Душа героя жила идеей славянской взаимности, во всех походах его сопровождал сшитый руками матери красный штандарт с жёлтым русским восьмиконечным крестом (В.В. Верещагин). «Мой символ краток – любовь к Отечеству, свобода, наука и славянство... И нечего думать о брюхе. Ради этих великих целей принесём все жертвы»².

В отрочестве будущий полководец получил невоенное образование: с 1856 по 1861 гг. он обучался в парижском пансионе педагога Д. Жирарде, который так привязался к воспитаннику, что уехал с ним в Россию и часто сопровождал в походах. Юнкер и корнет элитного Кавалергардского полка, потом строптивый поручик лейб-гвардии Гродненского гусарского полка жил как «сорви-голова»: кутил, прыгал со второго этажа, легко шёл на дуэли, переплывал в ледоход верхом Вислу, многократно падал с коней, играл

с офицерами в «кукушку», стреляя в тёмном сарае на звук голоса³. В 1869 г. молодой офицер окончил Николаевскую Академию Генерального штаба и был послан штаб-ротмистром в войска Туркестанского военного округа. Любимым занятием было изучение стратегии и военной истории. «Он военный до мозга костей», – говорил о своём ученике преподаватель М.И. Драгомиров⁴. Он же был и ярчайшим великорусским державником: «Принцип национальности – прежде всего. Государство должно расширяться до тех пор, пока у него не будет того, что мы называем естественными границами... Нам, славянам, нужны Босфор и Дарданеллы... Война нужна для того, чтобы... пробудить и поддержать в народе стремление к более возвышенным идеалам; воинский дух и воинская слава составляют высшее проявление жизни в государстве... Можно нанести Англии не только решительный удар в Индии, но и сокрушить её в Европе»⁵.

В походе на Хиву в 1873 г. подполковник Скобелев, командуя двухтысячным авангардом, продемонстрировал необычайную силу духа. 700 вёрст его отряд прошёл от Мангышлака по безводной пустыне. Когда от невыносимой жары и жажды пехота свалилась на раскалённый песок, Скобелев, помня завет Суворова «Музыка удваивает, утраивает армию», военными маршами и грохотом барабанов поднял её⁶. «Против азиатского неприятеля лучшее... средство к успеху – это спокойно наступающий молодецкий строй», – так писал он в своих приказах⁷. 5 мая 1873 г. в рубке с текинцами отчаянный храбрец получил 7 ран пиками и шашками!⁸ Первым во главе тысячи солдат он через брешь в воротах ворвался в Хиву и сквозь уличные бои пробился к ханскому дворцу.

За другой «подвиг смелости» – 600-вёрстную рекогносцировку в песках 4–12 августа 1873 г. (всего с 3–4 проводниками-туркменами) в направлении Красноводска и глазомерную съёмку местности с колодцами – он получил Георгиевский крест 4-й степени.

В 1875 г. полковник Скобелев с двумя десятками казаков в разгар восстания в Коканде, смертельно рискуя, вывез русских чиновников и «свиного» кокандского Худояр-хана со свитой, принявшего протекторат России. Достойной наградой стала золотая сабля с надписью «За храбрость». В конце августа 1875 г. он разгромил в ночном бою огромный лагерь мятежников, штурмовал крепость Махрам, был ранен шашкой в ногу и получил крест Св. Георгия 3-ей степени. Тогда же он был произведён в генерал-майоры с зачислением в императорскую свиту.

В феврале 1876 г., используя тактику Суворова при подавлении польского восстания в 1794 г., Скобелев с «ничтожными сила-

ми» (так писал Д.А. Милютин) покорил Кокандское ханство. «Моя система – сразу сильно ударить и наносить удар за ударом, пока не сломлено сопротивление... С побеждёнными обходиться мягко и гуманно»; «Та пуля ещё не вылита, которая меня убьёт», – говорил он⁹. Таким же было и кредо Суворова: «Преследовать неприятеля денно и ночью до тех пор, пока истреблён не будет».

Не меньшее, чем у Суворова, честолюбие¹⁰ побуждало смельчака выделять себя в сражениях белым мундиром, подобно ярко одевавшимся героям наполеоновской эпохи – И. Мюрату и М.А. Милорадовичу. Как былинный богатырь, бранный пир он называл «весёлым праздником» и в пекло боя бросался на коне¹¹ в белом, с иголочки, кителе с эполетами и всеми орденами. Заметный издали для своих, он призывом «Дети, за мной!» увлекал за собой сомкнутый строй солдат. (Сомнительно предположение, что слепящая цель «расплывалась» и мешала прицельной стрельбе противника).

Став в 32 года губернатором и начальником войск образованной на месте бывшего Кокандского ханства Ферганской области с населением более 1 млн человек, он, помимо ликвидации рабства, племенной вражды, упорядочивания налогов, обучал войска грамоте и создавал в частях библиотеки. Семейным солдатам разрешил вызывать семьи и выдавать им пособия. Так обеспечивался приток русского населения. Летом 1876 г. губернатор с 8 ротами и 4 сотнями казаков горными переходами совершил экспедицию к Памиру и предложил присоединить к русским владениям ферганский Тянь-Шань.

Звёздный час Михаила Дмитриевича, «идеалиста в самом чистом значении этого слова», пробил в войну 1877–1878 гг. «Не быть там, где... будут грохотать русские пушки! Волосы дыбом становятся при этой ужасной мысли!», – говорил полководец¹².

С открытым и смелым взглядом¹³, расчёсанной надвое широкой светлой бородой, с гордой и стройной осанкой, он воплощал тип лучезарно-удалого витязя. «Как кочет красуется!», – говорили о нём солдаты. На коне, «в одной рубахе, но с Георгием на шее» он, рискуя собственной жизнью, ради примера для казачьих полков¹⁴ переплыл разлившийся на 3–4 версты Дунай! Как А.В. Суворов, Скобелев мог «красиво бравировать, шупать пульс боя» и предугадывать победу по лицам солдат. 14–15 июня 1877 г. вместе с 14-й дивизией генерала М.И. Драгомирова он под перекрёстным огнём, закулив сигару, переправлял войска через Дунай и отличился, выбив турок с высот южного берега у г. Систово. Генерал любил шумные пирушки, давал обеды на 40–50 человек, рассылал пособия неимущим офицерам

и отставным солдатам. Женщин не чурался, но говорил, что «война и семья – понятия несовместимые».

Владея пятью европейскими языками, влюблённый, как А.В. Суворов и Наполеон, в ратное ремесло, Скобелев до мелочей знал мировую военную историю. Энергия «Белого генерала» была ключом. «Для отдыха» он мог отмерить десятки вёрст верхом, затем, окатившись водой, инспектировать аванпосты и лагерь, а вечером изучать военную литературу. Чтобы проверить варку пищи в ротных котлах, вставал в 4 часа утра, «изнеженный, избалованный, брезгливый» (так писал журналист В.И. Немирович-Данченко) генерал не гнушался солдатской жизнью, мог спать в землянке, на земле и снегу. Он приучал конницу быстро вплавь форсировать водные преграды, а пехоту идти в атаку без пальбы до рукопашной схватки. Для унтер-офицеров и фельдфебелей Скобелев устраивал «военные советы», чтобы каждый «знал свой маневр».

Чище и теплее одетые «скобелевцы» не страдали от мороза, лихорадки и тифа и даже к гвардии относились с чувством превосходства. «Это что за краснорожие? Видимо, сытые совсем... Слава Богу, хоть одни на мертвецов не похожи», – поражался главнокомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич Старший (1831–1891), увидев скобелевцев после зимнего перехода Балкан и боя под Шейновом.

При вынужденном безделье Скобелев был привередлив и капризен, но всегда ненавидел наушничество и сплетни. После боевых успехов он всегда выделял подчинённых: «Я вам, братцы, обязан!»

«Победи себя – будешь непобедим», – говорил А.В. Суворов.

Самоутверждение через русскую лихость – в этом была суть скобелевских уроков храбрости: утреннее умывание вместе с денщиком на ничейной полосе в виду противника, «выставление себя из рва на банкет на показ неприятелю»¹⁵, прогулки по «райской дорожке» («ведущей в рай») между сближавшимися на 150-300 шагов турецкими и русскими траншеями под руку с каким-нибудь необстрелянным хлыщом-офицериком во время перестрелки. Всё это не проходило даром для сердца генерала. А.В. Суворову и в голову не приходило устраивать подобную бесшабашность.

«Отца и благодетеля» А.В. Суворова его «чудо богатыри» боготворили. Точно так же солдаты любовались неукротимой отвагой «белого полубога». «Какой бы ни был бой, – понеси его перед нами мёртвого, – разнесли бы всё прочь!»; «Лучше умирать под его командой, чем остаться в живых при других генералах!», – восторгались они своим любимцем. Ходила легенда, что в Хиве он был «загово-

рен» и пули прошивают его без вреда. Однажды, когда Скобелев пропускал мимо себя обоз с тяжело ранеными и умирающими, от повозки к повозке прокатилось – «ура!».

Летом 1877 г. русская армия предприняла три кровавых штурма Плевны. Первая атака на земляные редуты крепости 8 июля генерала Ю.И. Шильдер-Шульднера (1816–1878) была отбита с большими потерями. Во время второго приступа, 18 июля 1877 г., Скобелев командовал усиленной Кавказской кавалерийской бригадой. Казаки и батальон Курского пехотного полка генерал-майора должны были прикрыть основные силы атакующих войск генерала Н.П. Криденера. Однако Скобелев не ограничился этим, но перешёл в атаку против многократно превосходящего противника. Заняв высоту «Зелёные горы» южнее Плевны, он продержался там до конца дня. Увидев, что турки теснят левый фланг войск, генерал повёл в атаку резервные роты и преследовал врага до самой Плевны¹⁶. Там он вынужден был уступить ввиду плотного артиллерийского огня. Сравнение бокового отряда Скобелева с «надоедливой мухой»¹⁷, почти не беспокоившей коменданта Плевны Осман Нури пашу (1832–1900), является клеветой. В этом бедственном штурме, вызвавшем почти панику командования, только Скобелев проявил громадную силу духа. «Ни одного шага он не предпринимал очертя голову»; «он своим верным быстрым глазомером сразу оценивал положение дел и выбирал надлежащий образ действий, затем своим блистательным спокойствием и распорядительностью в адском огне, своим героическим личным примером воодушевлял войска и делал их способными на чудеса храбрости. Одна лошадь под ним убита, другая ранена. Когда пришло время отступать, генерал-майор Скобелев слез с коня и, вложив саблю в ножны, лично замыкал отступление»¹⁸. Теперь бездари-завистники перестали называть «Белого генерала» «победителем азиатских халатников».

Через два дня Скобелеву дали отдельный отряд, с которым он провёл блестящую операцию по взятию Ловчи. Под музыку военных маршей полководец возглавлял лобовую «психическую атаку» против 8-тысячного противника. В результате 22 августа из деморализованного гарнизона спаслось только 400 человек.

28 августа полководец овладел турецкими укреплениями на «Зелёных горах» и вплотную приблизился к крепости. Однако командование не развило успех. Рутинёрская военная каста (Н.П. Криденер (1811–1891), А.А. Непокойчицкий (1813–1881), П.Д. Зотов (1824–1879), А.И. Шаховской (1821–1900) и др.) избегала риска. 30 августа, в решающий день третьего приступа, кото-

рый оказался самым кровавым за всё время русско-турецких войн, Скобелеву была поставлена задача овладеть южными редутами, после чего открывался прямой путь на Плевну.

Рассыпные атаки ещё не утвердились в военном искусстве. Снова скобелевцы по раскисшей от дождя грязи шли плотным строем навстречу смерти с распущенными знамёнами, военной музыкой и грохотом барабанов. На редутах завязался штыковой бой. Как и А.В. Суворов, генерал не признавал ретирад: «Наша русская пехота всегда умела работать штыком и никогда не сверкала пятками перед неприятелем»¹⁹. Подобно великому русскому генералиссимусу, Скобелев знал, что способен воспламенить дух людей в смертельной опасности. Когда турки истребили почти 16 тысяч русских солдат и всё грозило провалом, генерал бросил вперёд последний резерв – «самого себя» (А.Н. Куропаткин). Оба редута были взяты. «Это было олицетворение воинского иступления. Одетый в мундир, обрызганный кровью и грязью, со сломанной шпагой (её переломила турецкая пуля) и согнутым Георгиевским крестом... с лицом, почерневшим от дыма и пороха, глазами, блуждающими и налитыми кровью, высохшими губами и хриплым голосом, Скобелев отдавал приказание среди трупов и раненых»²⁰.

Для удержания укреплений необходимы были резервы, в которых командование отказало. На другой день Скобелев вынужден был оставить редуты ввиду контратак превосходящих сил турок²¹. Растерявшееся большинство командования предлагало уйти за Дунай, но меньшинство (и его поддержал Александр II) решило осаждать Плевну.

Третья бойня потрясла нервную натуру генерала: «до третьей Плевны я был молод, оттуда вышел стариком... Это кошмар, который может довести до самоубийства... Я искал тогда смерти и если не нашёл её – не моя вина!»²². В этих словах – знаменательное отличие двух полководцев. Скобелев не знал помощи свыше, как Суворов, который был несокрушимо уверен, что «Бог наш генерал!», «Мы русские, с нами Бог!». Вскрытие тела героя Плевны после смерти показало «паралич сердца»: оно оказалось «сильно изношенно», «настолько дрябло, что почти расплзлось»²³. Если сердце Суворова в опасности ликовало и не теряло равновесия, Скобелеву приходилось своей громадной волей переламывать смертельный риск. «Равнодушие к смерти у него не было; напротив, он всегда, в каждом деле боялся, что его прихлопнут, и, следовательно, ежеминутно ждал смерти. Какова же должна была быть сила воли, какое беспрестанное напряжение нервов, чтобы побороть страх и не выказывать его!»²⁴.

После «третьей Плевны» все, в том числе и Александр II, осознали: настоящий полководец у России один! На фоне чудовищных потерь он был единственным русским победоносцем. 1 сентября он был произведён в генерал-лейтенанты, награждён орденом Станислава 1-й степени и принял командование 16-й пехотной дивизией («Скобелевской»). Слава «русского льва» разнеслась и по Европе.

В суровую зиму 1877/78 гг. русская армия перешла Балканы. Трёх колоннам – М.Д. Скобелева, Ф.Ф. Радецкого и Н.И. Святополк-Мирского – было поручено спуститься в долину Казанлыка, взять в клещи тридцатитысячную армию генерала Вессель-паша, которая контролировала выход с Шипкинского перевала в укрепленном лагере у д. Шипки, и 26 декабря встретиться у Шейново. Лютая стужа, снежные заносы и горные подъёмы, с которых солдаты по 5–6 раз скатывались обратно, крутые спуски и бои задержали Скобелева на сутки. Он подоспел, когда турки стали теснить войска Святополк-Мирского.

Утром 28 декабря Скобелев повёл в наступление свои войска, но не в сомкнутом строю, а стрелковыми цепями, используя новаторскую тактику перебежек. Было уничтожено 60 батальонов противника, захвачено 104 орудия, Вессель-паша сдался, в плен попало (по разным данным) от 23 до 35 тыс. турок. Так русские повторили подвиг суворовских солдат в Альпах, хотя и потеряли до 5,7 тыс. человек. «Белый генерал» был награждён Золотой шпагой с бриллиантами.

Иностранные агенты прочили «поэту меча» славу военного гения, недоброжелатели – пускали слух о его раздутом честолюбии, заставлявшем посылать на смерть солдат²⁵.

Вслед за Шейново Скобелев совершил рывок от Казанлыкской долины к Стамбулу. «Врага надо лупить не только по загривку, но и по воображению», – считал генерал. Вторжение в османский «очаг державности» сломило противника, он стал выводить растерзанные войска из-под русских ударов²⁶. 8 января 1878 г. «Ак-паша» без боя занял форпост Стамбула – Адрианополь, в феврале – пригород в десяти километрах от Константинополя – Сан-Стефано. Со дня на день он ждал приказа вступить в беззащитный Царьград, причём для нейтрализации английских угроз предлагал начать военную демонстрацию из Туркестана в сторону Индии. Однако Александр II, опасаясь конфликта с Европой, не решился на это. Видя, как пропадают результаты войны, «рыцарь века» разрыдался и собрался даже самовольно занять Стамбул: «пусть потом отдадут под суд и расстреляют».

В апреле 1878 г. Скобелев был назначен командующим Четвёртым армейским корпусом, стоявшим в Восточной Румелии (южной Болгарии). Здесь он под видом гимнастических обществ формировал болгарские вооружённые дружины и «говорил многим близким о возможности» стать болгарским князем²⁷. Уступки на Берлинском конгрессе в июне 1878 г. он счёл позорищем, возненавидел германского канцлера О. Бисмарка и стал горячим приверженцем русско-французского союза.

Князь Болгарии Александр Баттенберг (1857–1893) предлагал ему пост военного министра, на что Скобелев «уже дал почти своё согласие» (В.В. Верещагин). В апреле 1879 г. национального героя Болгарии вернули в Россию. При отъезде из Бургаса болгары, боготворившие его, выпрягли из кареты лошадей и на себе довели до черноморской пристани.

После провального похода генерала Н.П. Ломакина в Ахал-Текинский оазис в 1879 г. Александр II предложил командовать экспедицией против текинцев Скобелеву и тот немедленно согласился. Новую операцию «Белый генерал» готовил год: создавал промежуточные укрепления и склады, собирал верблюжьи караваны, строил железную дорогу и телеграфную линию из Красноводска. В результате войска оперативно были переброшены через пустыню Кара-кум.

В июле 1880 г. Скобелев вёл рекогносцировку боем в направлении к Геок-Тепе (в 45 километрах северо-западнее Ашхабада). «Кучка людей в 800 человек, окружённая десятками тысяч беспощадных, расвирепевших врагов, сыпавших пулями, стройно, как на параде, двигались под знойными лучами солнца... Только один незабвенный герой, «Белый генерал», мог своим высоким гением довести этих людей... Минута смущения, и отряд бы погиб... Но смущения не было. Равняясь под музыку, шли солдаты, воодушевлённые духом своего геройского вождя, и неприятель расступался перед этой гордой фалангой «белых рубах», грозным молчанием отвечавших на сыпавшиеся пули. Но вот колонна останавливается, развёртывает фронт, который сразу окутывается клубами дыма; меткий залп гремит как один выстрел... Снова играет хор музыки, снова стройно тянутся ряды русских «белых рубах», солнце сверкает на штыках, и текинцы с озлоблением начинают сознавать, что выше их сил помешать урусу делать, что он хочет. Дисциплиной и меткостью огня неприятель был удерживаем от решительного нападения»²⁸.

В декабре 1880 г. Скобелев подошёл к центру Ахал-Текинского оазиса и крепости Геок-Тепе. Местное население ожесточённо сопротивлялось. В ответ сжигались непокорные кишлаки, угонял-

ся скот. Три недели шли бои за крепость. Как и А.В. Суворов, генерал верил, что «в борьбе с вооружёнными массами надо кровью нагонять страх, нанести материальный ущерб»²⁹. 12 января 1881 г. она была взята семитысячным отрядом и отдана на три дня солдатам. После штурма погибло немало мирного населения. «Если бы я не разрешил разграбления, то азиаты не считали бы себя побеждёнными и война затянулась», – так считал полководец. Древний обычай – три дня на разграбление – использовал и Суворов после взятия крепости Измаил. От конницы текинцев («первой в мире кавалерии») «Белый генерал» был в восхищении: «текинцы такие молодцы, что сводить несколько тысяч такой кавалерии под Вену – совсем неплохое дело». В Скобелеве «после Ахал-текинской операции Россия видела... готового вождя для крупных самостоятельных армий»³⁰. Слава «Белого генерала» докатилась до Индии, где в нём стали видеть Нана-сахиба (род. в 1824 г.), вождя сипайского восстания 1857–1859 гг., исчезнувшего после его подавления. Скобелев предлагал занять и остальную часть Туркестана, но Петербург счёл это преждевременным.

А.В. Суворов получил чин генерал-аншефа поздно, в 56 лет. В России 37-летнего Скобелева, теперь уже генерала от инфантерии, встречали как народного героя. В нём видели вождя и борца за правое дело. Мечта стать самым молодым русским фельдмаршалом вряд ли была тогда в пределах досягаемости. Новый император Александр III, недовольный его популярностью и оппозиционными высказываниями, отнёсся к нему холодно. В придворных кругах сложилось мнение, что это непредсказуемая личность с бонапартистскими амбициями. «Скобелев стал великой силой и приобрёл на массу громадное нравственное влияние, люди ему верят и за ним следуют», – считал обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. Власть беспокоили слухи о «скобелевских замыслах» свержения одряхлевшей «немецкой династии» Романовых. (В народе ходила молва, что во время коронации вместо Александра III на трон взойдёт Скобелев под именем царя Михаила).

Побывав на военных маневрах в Германской империи, Скобелев пришёл к убеждению, что она потенциальный противник России и составил план войны, предусматривавший среди прочего нанесение главного удара по Австро-Венгрии и опустошение немецких земель 40–50 тысячами текинской кавалерии.

Гибель под Пловдивом матери Ольги Николаевны в 1880 г. стала сильнейшим ударом для полководца, который предчувствовал свою скорую кончину. В летнем отделении Спасо-Преображенской

церкви родового имения Спасское (Заборово) он подготовил себе могилу³¹. Внезапная смерть героя в московской гостинице потрясла как Россию, так и за границу. Похороны полководца превратились в манифестацию, его гроб пронесли под Триумфальной аркой. От Москвы до ст. Раненбург Казанской ж.д. люди стояли даже вдоль перегонов. Оттуда крестьяне несли гроб на руках до Спасо-Преображенской церкви, места последнего упокоения доблестного воина. На его могиле один из генералов сказал: «Дайте мужикам топоры и поставьте во главе их Скобелева, у вас готова лучшая в мире армия»³².

За 19 лет Скобелев провёл 76 победных больших и малых сражений. «Смерть Скобелева равняется потере Россией 100-тысячной армии», – такое высказывание приписывается О. Бисмарку.

¹ «Перевелись витязи на Руси», – писали тогда публицисты. П.С. Нахимов (1802–1855), В.И. Истомин (1809–1855), В.А. Корнилов (1806–1854) были исключениями.

² См. также: *Филатов И.А.* М.Д. Скобелев как панславист // К 165-летию со дня рождения М.Д. Скобелева. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Рязань, 26–27 сентября 2008 г.) Рязань, 2008. С. 57–71. Патриотизм и славянофильство Скобелева некоторые сводили к «ограниченности ума, узости развития и жажде войны» генерала, который де не может рассматриваться как полководец «по той простой причине, что он ни разу... не являлся руководителем целой войны». *Градовский Г.К.* М.Д. Скобелев. Этюда по характеристике нашего времени и его героев. СПб., 1884. С. 13. Возмущённый «задирчивостью и самохвальством» речи Скобелева, произнесённой 12 января 1882 г. в честь покорения Геок-Тепе, «всполишившей Европу», Г.К. Градовский критиковал «раздутый идолопоклонниками подобострастный культ» русского полководца. Там же. С. V, 95.

³ Промахнувшийся платил штраф, подстреленная «кукушка» расплачивалась раной или жизнью.

⁴ Одну из последних работ, посвящённую полководческому искусству Скобелева, см.: *Шайкин В.И.* Законы и обычаи войны в военном искусстве генерала Скобелева // III-е Скобелевские чтения, п. Юрино 9–10 октября 2001 г. Сборник. Йошкар-Ола, 2002. С. 34–50.

⁵ Таким было кредо генерала. См.: Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала. Слово современников. Слово потомков. М., 2000. С. 66–67, 201, 204.

⁶ «Последние десять вёрст были пройдены церемониальным маршем с барабанным боем». *Кнорринг Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев // Михаил Скобелев. М., 1997. С. 78.

⁷ Приказ от 1 октября 1876 г., г. Ош. (*Скобелев М.Д.* Приказы генерала М.Д. Скобелева. СПб., 1913. С. 9.).

⁸ *Шолохов А.Б.* Полководец, Суворову равный, или Минский корсиканец Михаил Скобелев. М., 2008. С. 33.

⁹ *Филиппов М.М.* М.Д. Скобелев. Его жизнь и деятельность, военная, административная и общественная. СПб., 1894. С. 69, 95.

¹⁰ «Скобелев весьма исполнительен и усерден... Непомерное честолюбие, желание выскочить, отличиться от других, побуждает его снисходительно смотреть на средства», – писал туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман Д.А. Милютину 30 сентября 1870 г. // *Масальский В.Н.* Скобелев: исторический портрет. М., 1998. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/346418-skobelev:-istoricheskij-portret.html>. *Муханов В.М.* Исторические портреты. Михаил Дмитриевич Скобелев. М., 2004. С. 63.

¹¹ У Скобелева были вороные и гнедые кони, но он считал, «что будет более невредим на белой, чем на другой масти лошади» (В.В. Верещагин).

¹² *Муханов В.М.* Исторические портреты ... С. 69.

¹³ В гневе и в бою глаза становились зеленоватыми, как у тигра. (*Филиппов М.М.* М.Д. Скобелев. Его жизнь... С. 95.).

¹⁴ *Верещагин В.В.* Михаил Дмитриевич Скобелев // Михаил Скобелев. Сборник / Сост. И.Д. Носков / М., 1997. С. 441.

¹⁵ *Дукмасов П.А.* Воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о М.Д. Скобелеве. СПб., 1889. С. 187–188.

¹⁶ Бежавший батальон «был приведён в порядок производством ученья ружейных приёмов» в 45 шагах от неприятеля. Скобелев М.Д. Приказы... С. 151.

¹⁷ *Градовский Г.К.* М.Д. Скобелев. Этюда по характеристике... С. 30.

¹⁸ Из докладной записки Главнокомандующему от представителя Генерального штаба полковника П.Д. Паренсова (*Костин Б.А.* Скобелев. М., 2000. С. 153). Общие потери всех войск составили 168 офицеров и 7167 солдат.

¹⁹ *Скобелев М.Д.* Приказы... С. 37. Приказ от 1 ноября 1877 г.

²⁰ Военный корреспондент газеты «Нью Йорк Геральд» Я.А. Мак-Гахан // *Ламбер Ж.* Генерал Скобелев. Воспоминания госпожи Адам (Жульеты Ламбер). СПб., 1886. С. 6. В пылу боя из уст генерала извергалась и площадная брань.

²¹ Преждевременное ввязывание в бой (в 10 часов утра вместо установленных 15 часов), срыв неожиданности штурма и неоправданная растрата многих тысяч людей – такие промахи ставились в вину Скобелеву. (*Градовский Г.К.* М.Д. Скобелев. Этюда по характеристике... С. 39–54.). Вместе с тем этот критик признавал распорядительность генерала и его способность воодушевлять солдат собственным примером.

²² *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев. М., 1993. С. 93.

²³ *Врач О.Ф.* Гейфельдер отмечал мелкий и слабый пульс генерала, глухие звуки и слабую мускулатуру сердца. (Шолохов А.Б. Полководец, Суворову равный... С. 318).

²⁴ *Верещагин В.В.* Михаил Дмитриевич Скобелев... С. 450–451. Внутреннее волнение Скобелева перед боем «обнаруживалось, но во время дела оно было незаметно». *Филиппов М.М.* М.Д. Скобелев. Его жизнь... С. 73. И.А. Аксаков опрометчиво считал, что безумная отвага «поэта войны» сочеталась с хладнокровием (См.: Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала... С.237). Знаменательны слова генерала: «Я не люблю войны, и не люблю её больше. Я слишком много воевал... Никакая победа не оплачивает той массы энергии, сил и богатств людей, которую на неё тратят». (Несколько слов о генерале Скобелеве русского офицера. (По поводу брошюры г-жи Адам «Генерал Скобелев»). Paris, 1887. С. 23).

²⁵ «Белый генерал» всегда берёт солдатскую кровь, но вопреки этому смысл антивоенной картины В.В. Верещагина «Скобелев под Шейново» – «цена крови».

²⁶ Военная история Отечества с древнейших времён до наших дней. М., 1993. Т. 2. С. 56.

²⁷ *Филиппов М.М.* М.Д. Скобелев. Его жизнь... С. 71–72, 87.

²⁸ Рассказ гардемарина Майера. – *Филиппов М.М.* М.Д. Скобелев. Его жизнь... С. 67.

²⁹ *Верещагин В.В.* Михаил Дмитриевич Скобелев... С.454.

³⁰ *Чанцев И.А.* Скобелев как полководец. 1880-1881. Исторический очерк. СПб., 1883. С.155. Бессмысленной является оценка: «это ничтожная экспедиция, подобные которой выпадают на долю Англии чуть ли не ежегодно» (Градовский Г.К. М.Д. Скобелев. Этюды по характеристике... С.87).

³¹ *Дукмасов П.А.* Воспоминания... С. 453–458.

³² Военный атташе США в России лейтенант Грин считал, что в будущей войне Скобелев «займёт место среди пяти величайших полководцев нашего столетия, рядом с Наполеоном, Веллингтоном, Грантом и Мольтке» (*Филиппов М.М.* М.Д. Скобелев. Его жизнь... С. 31, 95). Сравнивая Скобелева с Наполеоном, Грин писал: «Сходство французского и русского гениев поразительное. Оба они обладали в высшей мере таинственным даром покорять себе массы. От солдата и мужика все чувствовали в них олицетворение народной души, народного гения. ... Там, где только они появлялись, совершался удивительный подъём духа, жизнь закипала горячим ключом; там были энтузиазм, подвиги самоотвержения, порывы храбрости и великодушия». (Несколько слов о генерале Скобелеве русского офицера... С. 6).

Д. ХРИСТОВ
(Болгария, София)

О ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ: МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ СКОБЕЛЕВ И БОЛГАРИЯ

Прошу не любви ворованной,
Не милостей на денёк,
Пошли мне, Господь, второго,
Чтоб не был так одинок.

Андрей Вознесенский

О свободе

Когда мы свободны, мы не очень часто задумываемся о свободе. Просто свободно делаем то, что мы делаем – вот и все. Конечно, мы ценим свободу и остаемся признательны освободителям. В честь освободителей наши поэты писали поэмы, а скульпторы и архитекторы создавали памятники. Вначале, когда мы, болгары, получили нашу свободу, мы были склонны чаще задумываться о ней. Нашу признательность мы выразили прежде всего Царю-Освободителю Александру Николаевичу, он был первым, кому болгарский народ воздвиг целый ряд памятников, а после покушения на его жизнь

Памятник
М.Д. Скобелеву.
Бронза. Плевен,
Парк-Музей «Дом
Царя-Освободителя
Александра II»

2 апреля 1879 г. депутаты Народного Собрания даже решили построить собор как место молитв «о здравии же и спасении освободителя нашего, императора Александра II».

Время идет своим чередом, люди идут своими путями, иногда даже не замечая в память кого названы эта улица или тот бульвар... И все-таки имя сохраняет память о прошлом и иногда неожиданно напоминает прохожим о том, что надо быть признательными.

Первая улица имени Скобелева появилась в Плевне через 5 месяцев после освобождения города – 24 апреля 1878 г. Городской совет освобожденного Плевна принял решение о новых названиях улиц. Третьей в этом списке стояла Скобелевская улица. Ниже приведен перевод текста решения из дневника заседаний Плевненского городского Совета, сохраняемого в Областном Государственном Архиве в г. Плевен.

«Городской совет в его полном заседании в присутствии городских старейшин и некоторых из горожан:

ПОСТАНОВИЛ

Назвать улицы города Плевна следующими названиями:

1. Александровская улица: от фабрики Хыцова... до склада Панаеота...

Собор им. Св. Александра Невского, София

2. Николаевская улица: от... до...

3. Скобелевская улица: от Табацкого моста влево мимо конака Махмуд-бея до Сарая.

4. Игнатъевская улица:...

5. Черкасская улица:...

6. Раковская улица:...

7. Свято-Николаевская улица:...

...

18. Телеграфная улица:...

Начинается с 24 апреля 1878 г.

г. Плевен

И.Д. Председатель: Атанас Костов...»¹

О мужестве

В Болгарии сегодня пять деревень, которые называются «Скобелево» – в современных Ловчанской, Старозагорской, Пловдивской, Хасковской и Сливенской областях. Была и шестая деревня Скобелево, тоже в Старозагорской области, но сегодня она вошла в состав другого населенного пункта². Из всех генералов Освободительной войны никому другому не оказано столько «топонимических почестей». Второй в списке это ген. Гурко, но в Болгарии только четыре деревни зовутся Гурково. Лишь название «Александрово» можно встретить чаще, но не в каждом случае мы можем быть вполне уверены, что деревня носит имя Царя-Освободителя. Показательно и то, что название «Скобелево» для этих деревень выбрал сам простой народ сразу после Освобождения. Здесь не было административного решения, которые часто возникают по политическим или идеологическим причинам. Только о двух деревнях (Ловчанской и Хасковской областей) были изданы государственные указы о переименовании (соответственно, в 1880 и 1882 гг.), однако и в этих случаях указы, вероятнее всего, просто утверждали имена, которые уже были в обиходе у жителей деревень. Скобелево Ловчанской области (бывшее Метудово) было освобождено Скобелевым в сентябре 1877 г. Горное Скобелево Пловдивской области в 1879–1880 гг. еще не было деревней, а только скоплением нескольких хижин горцов-пастухов, в защиту которых, говорят, Белый генерал направил казачьи разъезды. Прочие деревни «Скобелево» также связаны с боевыми делами генерала в Русско-турецкой освободительной войне (1877–1878 гг.) или с его деятельностью во Временном Российском управлении Восточной Румелией (1878–1879 гг.). Стоит задать вопрос: почему именно в честь Скобелева названо так много

деревень? Ответ неоднозначный, но, пожалуй, причина этому – необычайное мужество Белого генерала и его теплое отношение к братьям-болгарам.

Несколько слов стоит сказать о том, как сам генерал Скобелев относился к Болгарии. Патриарх болгарской литературы Иван Вазов (1850–1921) цитирует опубликованные в газете «Вестник Европы» свидетельства очевидцев о реакции Скобелева, когда генерал узнал о смерти своей матери в Пловдиве в июле 1880 г. Телеграмму Михаил Димитриевич получил под Геок-тепе.

«Несколько мгновений генерал стоял как получивший удар: потом вспрыгнул грозный и голосом раненного льва взревел:

– Ах, турки убили мою мать! Это я знаю верно! Сразу когда война кончится, я подам отставку и поеду повести моих болгар на Царьград, и сотру с лица земли турецкую империю!... Клянусь!...»³.

Обратите внимание на фразу «мои болгары», произнесенную в, может быть, самый трагический момент в жизни генерала. Кстати, турки – враги Скобелева на поле боя – по-своему уважали его как достойного противника и человека одаренного необыкновенной отвагой. Среди турецкого гарнизона в Плевне его страшились, называли Ак-генерал (Белым генералом), о нем ходили слухи, будто его еще мальчиком заколдовали, чтобы его не брала пуля. М.Д. Скобелев не знал тогда, что его мать убили не турки, а русский офицер А.А. Узатис, которого генерал хорошо знал⁴.

Что касается смелости Скобелева, выезжавшего, не страшась пуль, в белом парадном кителе в самом жестоком бою, то об этом хорошо известно. Однако мужество Белого генерала могло быть вполне понято и признано только такими же мужественными людьми. К счастью, такие в Болгарии имелись.

О признательности

Стоян Заимов (1853–1932) – главнейший организатор и вдохновитель создания памятников признательности русским героям в Болгарии. Он один из самых неукротимых духом героев болгарского освободительного движения, дважды осужденный турками на пожизненную ссылку в Азию, первый раз бежавший из тюрьмы (1874), второй раз амнистированный после Освободительной войны в марте 1878 г.

Вместо того, чтобы принять государственную должность в свободной Болгарии как заслуженный герой, Заимов поехал учиться педагогике в Россию (1878–1882), а после возвращения работал в области образования. В России Заимов женился на Клавдии По-

*Бюст Стояну Заимову
в Плевне, на улице
им. Ген. Скобелева,
недалеко от
Скобелевского парка*

ликарровне Корсак, дочери русской дворянки и русского офицера польского происхождения. Клавдия Заимова-Корсак последовала за мужем в Болгарию и была всегда его надежной помощницей, в особенности в деле возведения памятников признательности. В период русофобского режима Стамболова (1886–1894) Заимов снова преследовался властями и несколько месяцев жил эмигрантом в Одессе (1886–1887), а после возвращения в Болгарию был арестован и брошен в тюрьму на полгода (1887). В 1897 г. Стоян Заимов в первый раз выдвинул идею об увековечении памяти освободителей и, прежде всего, императора Александра Николаевича. Показательно то, что это случилось на конгрессе болгарских ветеранов борьбы освобождения и ополченцев. В 1899 г. начал свои заседания созданный для этой цели Комитет «Царь Освободитель Александр II» под председательством Заимова⁵. В марте 1900 г. Комитет определил место и опубликовал условия конкурса о создании памятника Царю Освободителю в центре болгарской столицы. Здесь мы снова увидим огромное место Скобелева в памяти признательных болгар.

«Скульпторы, которые будут принимать участие в конкурсе, должны представить следующие лица и события Освободительной войны:

1. Статуя во весь рост Царя Освободителя...

2. Статуи четырех виднейших сподвижников Царя в Освободительной войне, а именно: Его Императорского Высочества **Великого Князя Николая Николаевича Старшего** Главнокомандующего российских войск; **графа Игнатиева** как главного деятеля при подготовке войны и полководцев-героев: **генералов Скобелева и Гурко...**»⁶

Итальянский мастер Арнольдо Дзоки (Arnoldo Zocchi) из Флоренции (1862–1940) стал победителем в анонимном конкурсе. В 1901–1907 гг. он сделал для болгар свой шедевр, в котором с правой стороны Царя нашел свое место и Белый генерал.

Памятник был официально открыт осенью 1907 г. в связи с торжественным празднованием тридцатилетия Освободительной войны. Комитет под руководством Заимова не остановился только на воздвижении памятника Царю Освободителю в Софии. В тот же период (1901–1907 гг.) в Плевне и в других местах, связанных с войной, было сделано еще больше для увековечения памяти освободителей. В 1904 г., благодаря огромным усилиям Заимова и его друзей, был открыт и Скобелевский парк в Плевне, в местности, раньше называемой «Зеленые высоты», которая находилась в соседстве с самой страшной точкой на поле сражения – Мертвой до-

Бронзовая фигура ген.
М.Д. Скобелева на коне.
Деталь правой
стороны памятника
Царя-Освободителя
Александра II
в Софии.
Скульптор: Арнольдо
Дзоки, 1901–1907 гг.

линой. На том самом месте, где находились турецкие редуты Кованлык и Исса-Ага, занятые Скобелевым в героических сражениях 28–30 августа 1877 г. во время третьего штурма Плевны, а потом покинутые по приказу командования после неуспеха русских на других направлениях. Для ограды Скобелевского парка было использовано оставшееся после боев поврежденное вооружение обеих армий: пушки, сабли, штыки и пр.

Заимов не только создал парк для увековечения памяти Скобелева и его солдат – «орлов северных небес». Герой болгарского Освобождения, звезда собственного блеска, Заимов поселился в Плевне и отказался от всего того, что он мог получить в столице Софии. С 1908 г. и до своей смерти в 1932 г. он жил в небольшом доме в Скобелевском парке, заботился о созданных им домах-музеях и встречал каждого посетителя парка как своего гостя. Конечный успех его героического дела признавательности предсказывал друг Заимова, поэт Вазов. В 1906 г. он писал: «*Эти дома, пока малоизвестные, в течение времени превратятся в места поклонения болгарского народа... Они – иерусалимы болгарской признавательности*»⁷.

Поэт не ошибался. Я, как и многие болгарские дети, вырос в этих парках признавательности. Поэтому для меня вопрос о благо-

Редут Исса-Ага (Скобелевский №2), восстановленный Заимовым и его друзьями в 1904 г. как памятник отваги Скобелева и его войск.
Скобелевский парк, Плевен

Братская могила павших героев из Скобелевских войск
(5-го Калужского Его Императорского Величества полка).
Скобелевский парк, Плевен

дарности освободителям не какая-нибудь абстрактная идея, вызванная политической или идеологической необходимостью. Напротив, признательность – это дело живое, и это так не только для меня.

И поскольку все памятники, о которых идет речь, дело рукотворное, что означает – дело временное, преходящее, обратимся к делам, обращенным в вечность. Каждый день в каждой болгарской православной церкви на каждой литургии во время Великого входа церковнослужители возглашают и следующую ектению: «**БЛАЖЕННО ПОЧИВШАГО ОСВОБОДИТЕЛЯ НАШЕГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА И ВСЕХ ПРАВОСЛАВНЫХ ВОЖДЕЙ И ВОИНОВ НА ПОЛЕ БРАНИ ЖИВОТ СВОЙ ПОЛОЖИВШИХ ЗА ВЕРУ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВА НАШЕГО ДА ПОМЯНЕТ ГОСПОДЬ БОГ ВО ЦАРСТВИИ СВОЕМ!**».

¹ Областной Государственный Архив-Плевен (ОДА – Плевен). Ф. 60 к, оп.1, а.е. 1, л. 6.

² Коледаров П., Мичев Н. Промените в имената и статута на селищата в България (1878–1972). София: Наука и изкуство, 1973. С. 225–226.

³ Вазов Иван. От Марица до Тунджа // Събрани съчинения. Т. 12. София: Български писател, 1977. С. 224–225.

⁴ Стоянов Маньо. Когато Пловдив беше столица. София: Отечествен фронт, 1973. С. 93–94.

⁵ Димитров Данко. Стоян Заимов. София: Отечествен фронт, 1971. С. 231–236.

⁶ Ганев Н. Паметниците на София, 1939. Цит. по публ. www.stara-sofia.com/pametnikCarOsvoboditel.pdf.

⁷ Вазов Иван. Ерусалимите на българската признателност // Събрани съчинения. Т. 12. София: Български писател, 1977. С. 174–184. Текст написан в Софии, декември 1906 г.

А. ГОРАК
(Польша, Люблин)

СЛЕД М.Д. СКОБЕЛЕВА В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ: ПАМЯТНИКИ, МАЙОРАТЫ И СЕЛО СКОБЕЛЕВКА

Жизнь Михаила Дмитриевича Скобелева и сложившаяся после его смерти «скобелевская легенда» оставили несколько материальных следов в польских землях, где в марте 1864 г. он в рядах лейб-гвардии Гродненского гусарского полка впервые принял участие в военных действиях в боях с польскими повстанцами, за что получил и первую свою награду – орден Святой Анны 4-й степени. Эти материальные следы были свидетельствами попыток монархической власти найти новые инструменты для укрепления Российской империи.

Самыми известными следами были памятники М.Д. Скобелеву, сооруженные в местах расквартирования воинских частей императорской армии, связанных с именем выдающегося полководца. Первый из них был установлен в местечке Ораны¹ (Виленская губерния) 25 июня 1886 г. на территории лагеря 16-й артиллерийской бригады. В Варшаве памятник М.Д. Скобелеву был открыт 12 июля 1911 г. и располагался у православной церкви св. Ольги полкового храма Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, в котором Скобелев служил в начале карьеры. В Белостоке (ныне центр Подляского воеводства Польши) памятник в честь А.В. Суворова и М.Д. Скобелева был открыт 30 августа 1913 г. на полигоне 16-й пехотной дивизии, которой Скобелев командовал полтора года. На территории крепости Осовец (ныне город Osowiec-Twierdza в Подляском воеводстве Польши), одной из самых важных для обороны западной границы империи, имя Скобелева было увековечено в названии господствующей высоты – Скобелевский холм, на котором в 1912–1914 гг. была построена новая укрепленная позиция, а на территории крепости был прорыт канал. Дальнейшие политические события привели к уничтожению этих сооружений. Памятник в Оранах был уничтожен уже в 1915 г., а остальные ликвидированы после восстановления независимости Польши в 1918 г.²

Одним из важных инструментов политики Российской империи на западных окраинах была конфискация имений у польского дворянства и католической церкви, которые затем передавались российским военным и гражданским сановникам. Бывшие частные владения в виде майоратов, а «подушные» (т.е. церковные) прода-

вались на льготных условиях. Такие меры должны были, по мнению властей, стать не только формой репрессий, но и способом усиления «русского» влияния в Польше и губерниях, присоединенных в ходе польских разделов XVIII в.

В связи с этим на польской земле в эпоху правления Николая I появились и земельные владения рода Скобелевых. Его основатель, дед знаменитого генерала Иван Никитич Скобелев за активное участие в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. получил майорат на территории Царства Польского³. Указом от 14 (26) апреля 1841 г. И.Н. Скобелеву было пожаловано «в вечное и потомственное владение, со всеми правами и угодиями коими пользуется казна» обширное имение Заборышки, расположенное в Сейненской области Августовской (в последующем – Сувалкской) губернии с годичным доходом в 15 тыс. золотых. И.Н. Скобелев в это время был уже комендантом Петропавловской крепости, и сведений о его участии в управлении этим имением не имеется⁴. Получившие майораты российские военнослужащие и чиновники, как правило, сами не вели в них хозяйство, а для получения дохода сдавали их в аренду или передавали на основе контракта в управление кому-то из местных предпринимателей. Очевидно, не было исключением и И.Н. Скобелев. Можно предположить, что его управляющим или администратором была инициирована поданная генералом жалоба о том, что принятый за основу денежный доход от майората, исходя из которого рассчитывали ставку дохода, был завышен при первоначальной оценке⁵.

Затем майорат Заборышки перешел к Дмитрию Ивановичу Скобелеву, отцу М.Д. Скобелева⁶. Он смог расширить свои земельные владения на польской земле. По указу от 3 декабря 1868 г., он получил имение Красново в той же Сувалкской губернии размером 574 морга⁷. Это пожалование было связано с тем, что Д.И. Скобелев, как и другие владельцы майоратов в Польше и Западном крае, пытался за счет казенных имений компенсировать свои материальные потери, связанные с реализацией крестьянской реформы. В ходе ее владельцы майоратов были обязаны предоставить земельные участки для безземельных крестьян. В письме Министерства финансов от 30 августа 1868 г., направленном в Комитет по делам Царства Польского, указывалось: «хотя испрашиваемое Учредительным Комитетом пособие для генерал-майора Скобелева и не достигает полного размера исчисленных, по его мнению, потерь, но принимая во внимание, что владелец сей не согласился отвести из состава фольварковой земли участков для наделения малоземельных и безземель-

ных крестьян, проживающих в его майорате, а также, что количество казенных податей, следующих с его майората, по новой раскладке уменьшилось против прежнего оклада, как видно из имеющихся в министерстве финансов сведений, почти на 75% (в 1867 г. по имению г. Скобелева уплачивалось 1648 руб. 12,5 коп., по новой же раскладке поземельного налога Скобелев должен был вносить 386 руб. 84 коп., т.е. менее на 1263 руб. 28,5 коп.), я нахожу вполне достаточным предположенный Учредительным Комитетом размер пособия генерал-майору Скобелеву, тем более, что пополнение сего размера до всей цифры потерь, по мнению этого владельца, представляется, как объясняет Комитет, неудобным по местным обстоятельствам»⁸.

На отказ Скобелева от наделения крестьян землей ссылался в переписке с Учредительным Комитетом и Комитет по делам Царства Польского, указывая, что «по этому поводу [отказа] некоторым другим майоратным владельцам признано уже неудобным ходатайствовать перед его императорским величеством об оказании пособия, о чем и объявлено Скобелеву»⁹.

Ходатайство Д.И. Скобелева встретило поддержку наместника Царства Польского графа Ф.Ф. Берга, который 9 (21) октября 1868 г. сообщил Собственной его императорского величества Канцелярии Царства Польского, что на предложенной Д.И. Скобелевым земле может быть поселена только часть находящихся в его майорате коморников и что при значительном числе сих крестьян поземельное всех их обеспечение неминуемо повело бы к совершенному расстройству хозяйства, а потому и наместник нашел передачу в пользование малоземельных крестьян 95 моргов 156 прентов достаточным пожертвованием со стороны ген. Скобелева¹⁰.

Впоследствии Комитет, рассмотрев постановление Учредительного Комитета о пособии Д.И. Скобелеву¹¹ и заключение Министерства финансов, принял решение представить к высочайшему подписанию проект указа о пожаловании ему в пособие еще и казенных фольварков Сейны и Красново. Журнал Комитета по делам Царства Польского с указом о пожаловании Скобелеву в пособие этих казенных фольварков был утвержден императором 9 декабря 1868 г.¹² Он гласил: «Указом от 14 (26) апр. 1841 г. его императорско-королевское величество пожаловал коменданту Санкт-Петербургской крепости генералу-майору Скобелеву Августовского уезда имение Заборишки с принадлежащими к оному фольварками, селениями и прочими угодьями и оброчными статьями за уравнением чистого дохода годового до 2250 руб. в потомственное владение. [...] Нынешнему владельцу майората Заборишки положением 4 (16) окт. 1868 г. свиты

нашей генералу-майору Скобелеву Сувалкской губернии, Сейненского уезда фольварки: Сейны и Красново»¹³.

После смерти родителей и самого Михаила Дмитриевича Скобелева эти майораты перешли в руки его сестры княгини Надежды Дмитриевны Белосельской-Белозерской и числились за нею еще в 1909 г.¹⁴

Помимо памятников М.Д. Скобелеву и майоратных владений его рода на карте Царства Польского между 1878 и 1888 гг. появился еще один своеобразный памятник русскому военачальнику. С именем генерала М.Д. Скобелева связано название одного из сельских населенных пунктов Царства Польского – деревни Скобелевка, расположенной в Блонском уезде Варшавской губернии на землях фольварка Скулы.

Пытаясь объяснить происхождение этого топонима, местные краеведы считали, что это владение одного из католических монастырей было конфисковано русскими властями после восстания 1863 г., а после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оно перешло в руки генерала Скобелева, который и назвал его Скобелевкой. В дальнейшем генерал переселил из России 34 крестьянские семьи, которые наделил пахотной землей и лесом, а в начале XX в. власти построили здесь здание, в котором была православная часовня и сельская школа¹⁵.

Такое объяснение не могло не вызвать определенных сомнений, так как не отвечало реалиям поземельных отношений на территории Царства Польского того времени. Во-первых, российские землевладельцы могли получить, как правило, конфискованную частную землю, а «подушные» имения можно было приобрести только путем покупки, хотя и на льготных условиях. Во-вторых, передавать такие владения можно было только путем наследования, а в 1870-х гг. о наделении землей крестьян в Польше речи идти не могло, они могли ее получить только в собственность или взять в аренду.

Дальнейшее изучение вопроса позволило заключить, что появление деревни Скобелевка вблизи Варшавы связано не с хозяйственной деятельностью самого генерала М.Д. Скобелева, а со стремлением властей решить две сложные проблемы. Первая из них – «русификация» западных окраин империи, а вторая – отношения с такой группой русского населения, как старообрядцы.

В «Алфавитном указателе Царства Польского» 1877 г. населенный пункт «Скобелевка» отсутствует, а указаны деревня и фольварк Скулы¹⁶. В издании 1888 уже указано, что в гмине Скулы находится деревня Скобелевка¹⁷.

Фольварк Скулы, расположенный рядом с деревней с таким же названием, поступил в собственность казны на основании указа о римско-католических монастырях в Царстве Польском от 27 октября 1864 г. Он занимал площадь размером 2100 морг, из которых 1500 морг занимали леса. Скульский лес состоял из двух участков: один площадью около 641 морг, а другой – 938 моргов. Фольварковая земля располагалась между этими лесными массивами, дополняемая отдельными пахотными и луговыми участками внутри лесов. Варшавской казенной палате предписано было в сентябре 1874 г. составить план назначенного к продаже фольварка и леса¹⁸. На продажу предполагалось выставить только 520 моргов фольварка и лесную дачу размером 120 моргов, так как остальные части леса считались настолько ценными, что предполагались для отдельной продажи¹⁹.

Но на торги фольварк Скулы так и не был выставлен. Из казенного подушного имения он превратился в деревню Скобелевка, в которой поселились русские крестьяне, бывшие старообрядцы. Варшавская казенная палата еще в декабре 1870 г. передала в Министерство финансов ходатайство местной православной духовной консистории об отводе казенной земли для наделения «прусских» раскольников беспоповщинской секты (322 лица), присоединившихся к Русской православной церкви на правах единоверия. Министерство финансов 13 апреля 1872 г. назначило для этой цели фольварки Бискупице и Кукалы Варшавской губернии, на что Комитет по делам Царства Польского получил высочайшее утверждение 6 ноября 1872 г.

Бискупице было передано раскольникам в мае 1873 г., а Кукалы в июле 1874 г. В октябре 1875 г. Варшавский генерал-губернатор уведомил Министерство финансов, что к нему поступило новое прошение 82 раскольников, проживающих в Пруссии, о воссоединении их с православной церковью с дозволением переселиться в Царство с принятием русского подданства и с наделением их участками земли. Архиепископ Холмский и Варшавский уведомил графа П.Е. Котцебу, что многие из этих людей лично известны духовному началу и что искренность их желания не вызывает сомнения.

Генерал-губернатор предлагал предоставить для расселений этих просителей подушное имение Скулы Блонского уезда, для чего и вошел в сношение с МВД об исходатайствовании высочайшего повеления. Комитет по делам Царства в заседании от 18 апреля 1877 г. рассмотрел представление Министерства финансов 25 марта 1877 г., а уже 26 апреля император подписал журнал²⁰. Бывшим

старообрядцам были дарованы эти земли, но было воспрещено переступать ее лицам других исповеданий²¹.

Таким образом, «в 1872, 1877 и 1880 г. около трехсот прусских старообрядцев соединилось с православной церковью взамен за землю в Царстве Польском. Казна подарила им земли в Гроецком уезде, Варшавской губернии, где учредило новые села: Скобелевку, Ивановку, Езерки и Благодатное, в котором построена церковь и учрежден приход, в 1904 г. насчитывавший 220 прихожан»²². Церковные книги прихода Благодатное показывают, что жители этого села являлись единоверцами²³. В 1909 г. при перечислении православного духовенства Варшавской губернии указывалось: «Село Благодатное, Гроецкого уезда, Варшавской губернии. Храм во имя Св. Александра Невского, деревянный с пятью куполами, крытый железом, построен в 1894 г. для русских старообрядцев, вышедших из Пруссии и принявших вместе с русским подданством православие на началах единоверия. К Благодатненскому приходу причислены единоверцы села Благодатного и деревни Скобелевки в числе 213 человек обоего пола. Настоятель, священник Леонид Любимов, окончил курс Костромской духовной семинарии, в сане с 1885 г., последняя награда камилавка в 1903 г.»²⁴. В 1920-е годы православный священник Афанасий (Мартос) вспоминал: «Такое название [Благодатное] имела небольшая русская колония в 50-ти километрах от Варшавы. Население вокруг этой колонии было польское и католическое. Русские колонисты были выходцами из Центральной России [*это ошибка отца Афанасия – А.Г.*], старообрядцами, принявшими единоверие с Православной Церковью. Митрополит Дионисий назначил меня сюда исполнять пастырские обязанности. ... Церковь в Благодатном небольшая, но уютная с иконостасом в старообрядческом стиле. Пели и читали на мотивы старообрядческие – протяжно. Богослужебные книги были старообрядческие. Здесь я хорошо познакомился со старообрядческими обычаями и порядками. В 20-ти и 15-ти километрах отсюда находились еще две русские колонии: Ивановка и Скобелевка. В них русского населения было еще меньше, но они принадлежали в церковно-приходском отношении к Благодатному»²⁵.

Таким образом, деревня Скобелевка не относилась к числу майоратных имений Скобелевых и М.Д. Скобелев не был собственником или арендатором фольварка Скулы и не мог его переименовать в Скобелевку. Выбор для названия поселения русских крестьян имени Скобелева можно объяснить достаточно легко. Усилия по русификации западных окраин Российской империи вызывали про-

тест большинства польского населения. В этих условиях обращение к «скобелевской легенде», образу талантливого полководца, рано ушедшего из жизни, чьи антинемецкие высказывания, сделанные в конце жизни, получили широкую известность, было одной из попыток унификации западных окраин Российской империи.

Но на данный момент не выявлены и не введены в научный оборот документы, которые позволили бы сказать, кто был инициатором выбора этого названия. Можно предположить, что новое имя фольварку скульскому могло быть дано по инициативе кого-то из представителей имперских властей на территории Царства Польского. Им мог быть активный участник турецкой кампании Иосиф Владимирович Ромейко-Гурко, который с 1883 г. был Варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа, который активно проводил политику русификации подчиненных ему территорий. Вторая волна дискриминации пришла с ген. Гурко. В этот период поляков удаляли со службы даже с постов советников и делопроизводителей. Преобразования достигли прямых целей, но без влияния на крестьянские массы русификация была бы только поверхностной, потому власти сильно подчеркивали блага, которые приносили крестьянству. В такой обстановке легенда Скобелева могла являться успешным орудием в пропагандистской борьбе за умы простолюдинов.

В это же время в Царстве Польском высокие административные посты занимали еще два видных участника Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Во-первых, это генерал-майор Дмитрий Гаврилович Анучин, который отправился на театр военных действий в качестве заведующего гражданской частью при главнокомандующем, продолжая числиться губернатором Радомской губернии²⁶. Инициатором выбора названия «Скобелевка» мог быть и еще один участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-майор Михаил Алексеевич Зиновьев, губернатор Седлецкой губернии. Мог им быть и попечитель Варшавского учебного округа Александр Львович Апухтин, который заявлял, что мечтает о том, чтобы польские няни польским детям пели русские колыбельные.

Таким образом, появление название «Скобелевка» на карте Царства Польского являлось частью усилий властей по унификации западных губерний в пространстве Российской империи. Прошло несколько десятилетий, и большинство следов насильственной русификации польских земель, которая требовала огромных усилий от властей и встречала ожесточенное сопротивление польского общества, быстро исчезли после достижения Польшей независи-

мости. Не была исключением и деревня Скобелевка. В 1919 г. она было переименована в Бартошовку в память известного участника восстания Т. Костюшки 1794 г. крестьянина Бартоша Гловацкого²⁷, хотя в ней еще оставалось небольшое количество новых русских поселенцев из числа эмигрантов из Советской России. До сих пор в Бартошовке проживает несколько семей с русскими фамилиями и сохранились следы деревенского православного кладбища.

¹ Ныне город Варена в Литве.

² См.: *Wap A. Twierdza Ossowiec zarys dziejów*. Białystok, 1994.

³ Русский биографический словарь: Сабанеев-Смыслов. Изд. под наблюдением А.А. Половцова. Санкт-Петербург, 1904. Т. XVIII. С. 563.

⁴ Дневник Законов Царства Польского [далее: ДЗ]. Т. XXX. С. 90–98, указ от 14 (26) апр. 1841 г.: *Tygodnik Petersburski. Gazeta Urzędowa Królestwa Polskiego*. Ч. XXIII. Год XII (1841), вторник 17 (29) июня. С. 242.

⁵ *Kukulski J. Generałowie carscy i ich majątki ziemskie w Królestwie Polskim (1835–1920)*. Warszawa, 2007. С. 113.

⁶ Русский биографический словарь: Сабанеев-Смыслов. Изд. под ред. А.А. Половцова. Санкт-Петербург, 1904. Т. 18. С. 560–562. Список генералам по старшинству. СПб. 1878. С. 281.

⁷ ДЗ. Т. LXIX. С. 140; Постановления Учредительного Комитета [далее: ПУК]. Т. XIV. С. 533.

⁸ Российский Государственный Исторический Архив [далее: РГИА], ф. 1270, оп. 1, д. 491, О пособии майоратным владельцам Скобелеву и др.

⁹ Там же. Письмо Комитета п.д. Царства Польского в Учредительный Комитет от 26 мая 1868 г.

¹⁰ Морга – мера площади, 5598,7 кв.м = 300 прентов.

¹¹ ПУК. Т. XIV Ст. 1743, журнал от 15 (27) марта 1868 г.

¹² РГИА, ф. 1270, оп. 1, д. 491, О пособии майоратным владельцам Скобелеву и др. К. 23, Выписка из журнала Комитета п.д. Царства Польского от 19 нояб. 1868 г. за № 45.

¹³ Там же. К. 25, Указ Учредительному Комитету – срок пожалования считается с 28 мая (1 июня) 1866 г.

¹⁴ Постановлением Учредительного Комитета Заборышки выделено из казенной имении Кадарышки – *Kaczowski J. Donacye w Królestwie Polskiem*. Warszawa, 1917. С. 434–435.

¹⁵ *Gradkowska B. Dzieje gminy*, 10.09.2013 г. //www.zabawola.pl/111, dzieje-gminy.html.

¹⁶ Алфавитный указатель Царства Польского. Варшава, 1877. С. 153.

¹⁷ *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i in. kr. słow.*, т. X (дозволено цензурою 18 дек. 1888 г.), s. 737.

¹⁸ На основании правил с 1 (13) июля 1871 г. о продаже подушных земель, введенных указом Правительствующего Сената – Свод Узаконений и Распоряжений Правительства, № 73, 1871 г., С. 905.

¹⁹ РГИА, ф. 1270, оп. 1, д. 1246, Об отдаче подушного имения Скулы под водворение прусских раскольников, изъявивших желание переселиться из Пруссии, к. 2.

²⁰ Там же, к. 10.

²¹ Там же, письмо Отделения министерства финансов по финансовым делам Царства Польского в Комитет п.д. Царства Польского от 25 марта 1877 г.; записка о отдании Скул от 25 марта 1877 г.

²² *Sokol K., Sosna A. Kopuły nad Wisłą. Prawosławne cerkwie w centralnej Polsce w latach 1815–1915.* Moskwa, 2003. С. 24.

²³ Метрическая книга, данная из Холмско-Варшавской Духовной Консистории в Гроецкую Св. Николаевскую единоверческую церковь Варшавской губ. для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших, на 1893; 1894; 1895; 1896; 1897.

²⁴ Варшавская епархия. Варшава, 1907.

²⁵ *Арх. Афанасий (Мартос).* На ниве Христовой. Изд. 2003. Интернет-версия под общей ред. Его Преосвященства Александра (Милан-та). 13.09.2013 г., www.fatheralexander.org/booklets/russian/na_%20nive_hristovoj_archb_athanasios.htm.

²⁶ Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900) – генерал от инфантерии (1891), генерал-губернатор Восточной Сибири с 1879 г., командующий войсками Иркутского военного круга с 1884 г. Автор многих трудов по военной истории и статистике. В частности, под его редакцией вышли «Очерки экономического положения крестьян в губерниях Царства Польского» (Радом, 1875).

²⁷ Dziennik Urzędowy Ministerstwa Spraw Wewnętrznych. Год II: 1919, № 23. ст. III. 301. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych w sprawie zmiany nazwy wsi «Skobelewka» na «Bartoszkówka». Nazwa wsi «Skobelewka» gminy Skuły powiatu Błońskiego zmienia się niniejszem, zgodnie z życzeniem ludności, na Bartoszkówka. Warszawa, d. 4 IV 1919 r. Za Ministra Spraw Wewnętrznych K. Sienkiewicz.

И.О. ЕРМАЧЕНКО
(Санкт-Петербург)

ЛЕГЕНДА О «БЕЛОМ ГЕНЕРАЛЕ»: ОТ ТУРЦИИ ДО ЯПОНИИ (Ориентализм и «народная культура» на рубеже XIX и XX вв.)

Михаил Дмитриевич Скобелев – исключительно яркая и разносторонняя фигура, след, оставленный им в русской истории и культуре, глубок и многозначен. Подтверждение тому – широкий тематический диапазон настоящей мемориальной конференции в Рязани, включающий в себя и данный несколько экзотичный аспект. Под ориентализмом здесь понимается, как принято считать и в зарубежной, и в новейшей отечественной историографии, система символически обобщенных, в значительной мере стереотипизированных, европоцентристских по сути представлений о «Востоке», затронувших как «высокую» культуру (включая академическое востоковедение и его политико-прикладные аспекты), так и культуру массовую¹. Классический ориентализм принято связывать с периодом Нового времени – эпохой возникновения мировой колониальной системы и соперничества европейских метрополий, которое расширило соответствующие представления далеко за внутримперские пределы, придало ориентализму международное измерение, по-разному акцентируя и специфические образы «восточного врага»². Эту эпоху в истории и западных стран, и России характеризуют имена отдельных военных, политических деятелей, ученых, художников, одно только упоминание которых максимально актуализирует контекст ориентализма – таких, например, как Р. Киплинг или Н.М. Пржевальский.

Априори можно предположить, что и фигура Скобелева должна иметь подобное же значение. С одной стороны, Михаил Дмитриевич не только полностью разделял восточные имперские планы эпохи «Большой игры», но порой и опережал их в своем, как сказали бы сегодня, геополитическом мышлении. Его позиция по поводу судьбы «Царьграда» после войны 1877–1878 гг. или российских перспектив в Индии была известна уже современникам из самых непосредственных и популярных свидетельств. Так, в книге «Белый витязь» известный военный журналист и писатель В.И. Немирович-Данченко, сопровождавший войска в Балканской кампании, повествует о негодовании полководца из-за остановки их у стен

Стамбула, о его сетованиях на то, что больше такой возможности взять Царьград не будет, о пессимистических предчувствиях относительно ближайших дипломатических решений, о самолично организованной Скобелевым разведке османской столицы и попытках установить контакты с местными силами, лояльными русским, и даже о тренировках по взятию турецких укреплений в период перемирия³. В свою очередь, в очерке «После штурма Геок-Тепе» временный комендант захваченной крепости А.В. Верещагин, брат знаменитого художника, так рисует настроение Скобелева: «Вот он скачет ... мимо меня ... в мундире, при орденах и аксельбантах. Радостный, гордый победой, точно сам бог войны. Да как и не радоваться. Этот день, конечно, счастливейший в его жизни. Заветная мечта его – когда-либо столкнуться с красными мундирами на границе Индии – по-видимому, приближалась к осуществлению. Взятием Геок-Тепе, как выражался впоследствии Скобелев, мы открыли себе туда ворота»⁴.

С другой стороны, Скобелева с полным правом относят к военным востоковедам. Уже в XIX в. отмечалось, что боевые успехи Скобелева в той же Средней Азии были бы невозможны без хорошего знания им специфики противника и театра военных действий. Опыт его кампаний против Хивы, Турции и текинцев разбирался в многочисленных публикациях, в том числе зарубежных⁵. Среди их авторов были сами участники походов и лично Скобелев, начиная с описания им маршрута от Краснодара к Узун-Кую в «Известиях Императорского Русского географического общества» за 1872 г. (Т. 8. № 2) и заканчивая его рапортом об осаде и штурме Денгиль-Тепе в «Военном сборнике» за 1881 г. (приложение к № 4).

Примечательно, что даже критики Скобелева апеллировали к своеобразию его азиатского военного опыта. Показательная статья такого рода была опубликована в 1901 г. генералом В.И. Дмитриевским (1834–1902)⁶. Будучи в Балканской кампании ближайшим помощником Ф.Ф. Радецкого, Дмитриевский решительно отстаивал его правоту в полемике об ошибках, допущенных в сражении под Шипкой. В частности, выражая свое отношение к атаке Скобелевым Шейново «с музыкой и распущенными знаменами», он писал: «Подобные парадные атаки ... уместны против туркмен, бесспорно, людей также храбрых, но вооруженных лишь своею храбростью и саблями... Против турок же, вооруженных и лучшим ружьем, и лучшей пушкой, чем мы, владеющих кроме того большим искусством в укреплении и отстаивании своих позиций, такие атаки не должны допускаться. Сам г. Скобелев должен был в этом убедиться при сво-

их атаках на Зеленых горах, которые, несмотря на его личную храбрость и отличное поведение войск, успеха не имели и скорее были полезны туркам, возвышая их нравственный дух, чем нам, понесшим только огромные потери в людях без всякой для себя пользы»⁷. Автор противопоставлял среднеазиатский боевой опыт Скобелева кавказскому опыту Радецкого как гораздо более пригодный в войне с Турцией. Впрочем, и Дмитриевский, по его собственным словам, нисколько не отвергал «ни таланта, ни тех подвигов, которые были совершены г. Скобелевым в Средней Азии»⁸.

Среди таких подвигов – и семидневная 600-верстная рекогносцировка Скобелева от Змукшира к Орта-Кую навстречу отряду полковника В.И. Маркозова, за которую он был представлен к ордену Св. Георгия. Ей, кстати, была посвящена одна из картин для волшебного фонаря из специальной скобелевской серии под названием «Смелая разведка при покорении Хивы»⁹. Видимо, именно это мероприятие, в которое Скобелев отправился в одеянии сарта с несколькими туземными спутниками, послужило поводом для широко распространившихся среди солдат (и отраженных впоследствии в литературе «для народа») рассказов о том, что Скобелева семь дней возил по пустыне некий хивинец-колдун, заставляя голодать, заговаривая от пуля и добившись в конце концов его полной неуязвимости (имеются также варианты с девятью днями и старухой-колдуньей).

Именно в таких культурных рамках, на стыке более-менее объективных свидетельств, народной или авторской фантазии и социального заказа, формировалась, в основном, легенда о «Белом генерале», представленная очень широко и многообразно – от лубочных картин, оформления и содержания солдатских песенников до изделий прикладного искусства (Скобелев-всадник, воплощенный в художественном литье и даже детских игрушках) и предметов широкого потребления («народные» конфеты, пряники, мыло, папиросы со скобелевской символикой).

Пик массового распространения образа «Белого генерала» пришелся на время уже после смерти Скобелева и затронул прежде всего литературу – поэзию, беллетристику, публицистику конца XIX – начала XX в. Одно из наиболее известных стихотворений этого периода, приписываемое княжне Е.С. Горчаковой и публиковавшееся также в качестве военной песни, начиналось следующим образом:

*Кто скачет, кто мчится на белом коне
Навстречу свистящих гранат?*

*Стоит неведимый кто в адском огне,
Без брони, без шлема, без лат?
Кто в кителе белом, с крестом на груди...
<...>*

И заканчивалось:

*Вот кто он, тот всадник на белом коне,
Народной любовью хранимый,
Герой из героев в Восточной войне,
Он Скобелев непобедимый!
От вражеской пули его сохранит
Господь наш и Дева святая
И светлым покровом своим осенит
Героя Кокандского края¹⁰.*

Уже современниками Скобелева многократно подчеркивалось, что сам этот образ неуязвимого «Белого генерала» на белом коне – победителя Востока – тоже восточного происхождения: калька с «белого паши», турецкого прозвища Скобелева времен кампании 1877–1878 гг., в результате которой его слава и приобрела легендарный характер. В этой легенде первоначально действительно прослеживается некая квинтэссенция специфически русского ориентализма, связанного с дистанцированием как от Востока, так и, в определенной мере, от Запада.

Это хорошо демонстрирует, например, изданная в 1902 г. брошюра военного историка П.А. Гейсмана «Славянский крестовый поход». Автор проводил прямую параллель между мусульманскими захватами и Гроба Господня, и Царьграда (от которого, по его словам, «распространился свет учения Христова на всю землю Русскую»). Русско-турецкую войну, к 25-летию которой вышла брошюра, он определял как *«славянский крестовый, т.е. настоящий, действительный крестовый поход»*. «Старой Западной Европе, – замечал Гейсман, – непонятно то, что переживал и чувствовал тогда молодой еще русский народ, по той простой причине, что она переживала и чувствовала не то же самое, а лишь нечто вроде этого слишком давно, в XI, XII и XIII столетиях, во время известных крестовых походов»¹¹ (курсив автора, подчеркнуто нами – И.Е.).

Соответственно, «Белого генерала» в поэтических и прозаических публикациях рубежа веков именовали «рыцарем без страха и упрека», но рыцарем XIX столетия, не обращая внимания на определенную эклектичность этого образа, приобретающую порой комический оттенок: «Но “Белый генерал” отступать не мог. Он, как средневековый рыцарь, говорил: “или со щитом, или на штыке!”»¹².

Другим вариантом отграничивания от западноевропейской историко-культурной традиции была замена «Белого рыцаря» на «Белого витязя», вписывающая Скобелева уже в русскую былинную традицию. Так, в книге А.П. Струсевица «Один из богатырей XIX в.», рассчитанной на молодую образованную публику (от старших гимназистов до юнкеров), готовую пополнить ряды офицерства, несмотря на название, лейтмотивом является неординарность и даже исключительность судьбы Скобелева на фоне его современников. Автор напрямую продолжает Скобелевым ряд былинных персонажей во главе с Ильей Муромцем, восклицая: «И вдруг, почти в конце культурного XIX века, появляется новый богатырь, новый сказочный герой, который невольно заставляет нас припоминать древние сказания русского народа»¹³. И здесь, и в других подобных изданиях в ряду, начинающимся Ильей Муромцем, самой близкой по времени к Скобелеву сопоставимой фигурой оказывается Суворов. Это сравнение, запечатленное многократно, вплоть до погребального венка Скобелеву от Николаевской академии Генерального штаба, основывалось на том, что в военных успехах обоих полководцев видели прямое воплощение народного духа. Непобедимость и того, и другого определялась умением пробудить этот дух личным примером, высвободить его и организовать:

*И живы в нас Пожарский, Минин,
Суворов, Скобелев, они
Зовут вперед нас; ими силен
Народный дух в несчастья дни...¹⁴*

И если в работах, как писали тогда, «интеллигентных авторов» все же достаточно подробно разбирались восточные военные реалии (упомянутая книга Струсевица сопровождалась даже картами театров военных действий), то в так называемой «литературе для народа», выполнявшей наряду с лубком социальный заказ по первичному просвещению масс, дело обстоит иначе. На рубеже веков Скобелев был излюбленным персонажем такой беллетристики, зачастую анонимной, очень типизированной (это заметно даже по внешнему виду обложек с изображением фигуры генерала-всадника) и порождавшей прежде всего стереотипы¹⁵. Массовое однонаправленное воздействие такой литературы определялось и характером ее источников. Она максимально адаптировала для малограмотного читателя несколько наиболее популярных изданий о Скобелеве, предназначенных для более просвещенной публики, отбирая из них самые яркие и общепонятные сюжеты. Процесс облегчался тем, что и «интеллигентных» авторов сама фигура Скобелева обязывала

быть максимально «демократичными» и «занимательными». Так, упоминавшаяся уже популярная книга В.И. Немировича-Данченко «Белый витязь» не только носила подзаголовок «Черты из жизни народного героя», но и вышла в серии «Для школ, народа и войск».

Результатом стал перевод исключительности и избранности фигуры Скобелева на новый уровень – уровень сакрализации. Этому способствовала и сама символическая лексика более высокой книжной культуры, постоянно использовавшей обороты вроде «истинный бог войны», «солдаты боготворили Скобелева» и т.п. По словам А.И. Красницкого, «впечатлительные текинцы были уверены, что русский вождь не простой человек, а существо, посланное самим Аллахом для наказания их за грехи»¹⁶. И вот уже к известному эпизоду внезапной встречи Скобелева с превосходящими силами текинцев, когда его выручили находчивость и знание «характера азиата»¹⁷, писатель для народа добавляет якобы сказанную текинцами фразу: «Теперь мы верим тебе, «Белый генерал», что ты неустрашим и добр, как сам Аллах (бог)»¹⁸.

Книжка С.И. Глебова «Белый генерал, или историческое происхождение его», из которой взята последняя цитата, выдержана почти в духе житийной литературы. Согласно автору, Скобелев, будучи «прекрасен, как ангел, добродушен, как гений, и величав, как герой», с юности словно излучал вокруг себя особое сияние. Окрестные мальчишки звали его «наш “Белый дядинька”», а крестьяне почтительно внимали ему как «Белому человеку»¹⁹. «Молодого офицера, – сообщает автор, – стали повсюду сопровождать толпы нуждающихся и болящих людей, и он всем им помогал, как мог...»²⁰, поучая их при этом «добродушию и кротости, скромности и сердечности, добродетели и всемирению», а также «всепрощению к врагу своему»²¹.

Результаты взаимодействия такой продукции с устным народным творчеством были порой неожиданными. Сакрализация Скобелева предполагала его незаменимость, и это своеобразно проявилось в момент, когда военный опыт после сравнительно долгой мирной передышки вновь оказался востребованным – в самом начале XX века.

Исходный импульс нашей работе был дан путевыми заметками офицера Константина Боженко, призванного из запаса и сопровождавшего вверенных ему солдат в Китай на подавление Ихэтуаньского («боксерского») восстания 1900–1901 гг.²² В поезде Боженко услышал беседу подчиненных о том, что в Китае «“на войне” обаялся Скобелев». «Оказалось, – излагает автор услышанное им

от попутчиков, – что Белый генерал совсем и не думал умирать, а за какие-то нехорошие амурные проделки был выслан “за границу” и все время проживал у японца (т.е. в Японии – *И.Е.*). Когда же началась война, он не утерпел, написал царю “бумагу”, в которой просился опять “на царскую службу”. Царь его простил и дал ему войско, с которым он проделывал новые чудеса храбрости»²³. Перед этим солдаты успели обсудить причины войны с Китаем. По мнению главного рассказчика, она развернулась из-за некоего «золотого острова», который торговал у «китайского хана с императрицей» во время поездки к ним «цесаревич Миколай Александрович» по заданию ныне покойного «царя-батюшки» за пятьдесят бочек «золотых». Китай, однако, получив деньги, острова не отдал, прислал угрожающее письмо и «огромный куль с маком», должный символизировать необозримое количество китайских солдат, а затем призвал себе на помощь против России семь заморских земель, начиная с «Англичанки» и кончая «французом». «Как же наши ребята сказывали, что француз и японец заодно с нами?», – оправданно усомнился один из вагонных слушателей, но был посрамлен²⁴.

Это очень показательная зарисовка мифологизированного восприятия окружающего мира солдатами – выходцами из крестьянской среды. В нее с трудом, но все-таки пробивалась более реалистичная газетная информация. Мемуарная заметка Боженко появилась в «Русской старине» в январе 1904 г., а спустя девять месяцев там же были напечатаны уральские очерки «У казаков» В.Г. Короленко, относившиеся к чуть более позднему времени и в чем-то повторявшие, а в чем-то дополнявшие свидетельство Боженко. В частности, из них становится понятной локализация «воскресшего» Скобелева именно в Японии. Согласно казачьим рассказам, «Белый генерал» во время своего стояния под Стамбулом оскорбил, выразившись, что называется, по-русски, саму английскую королеву, за что якобы был приговорен в России к расстрелу, но по воле царя тайно укрылся за границей «до новой войны». Причем конфликт с «Англичанкой» произошел из-за ее протеста против намерения Скобелева взять Царьград, а «немец» вмешался на стороне «Англичанки»²⁵. Понятно, что с подобной фантастической точки зрения ни на Западе, ни в коварном Китае мнимому «расстрелянному» Скобелеву делать было нечего. Оставалась Япония, сведения о союзе с которой против китайцев все-таки доходили до солдат. Этот неизведанный, плохо представляемый союзник оказывался самой пригодной страной для укрытия «Белого генерала» и локализации подаваемой им чудесной помощи против неизведанного же врага.

Однако очерки Короленко, как и Боженко, появились в журнале с большим опозданием: в разгаре была уже русско-японская война и стихийное народное творчество отреагировало соответственно. Уже в феврале 1904 г. «Биржевые ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» отметили бытование той же легенды о живом Скобелеве в столице, а газета «Сибирская жизнь» – в провинции. Отличия заключались в том, что теперь Скобелев воевал против Японии, скрывался до этого все-таки «в неметчине» (Германия в противовес Англии и США в ходе дальневосточного конфликта гораздо благожелательнее относилась к России). Подобные свидетельства прессы были собраны и на скорую руку изданы в начале войны в виде брошюры столичным книгопродавцем А.А. Холмушиным вкупе с кратким изложением якобы имевшейся даже у японцев легенды о будущем явлении скрывающегося Скобелева на войну с ними из некой «Большой башни» (это «японское поверье» было впервые упомянуто в «Восточном вестнике»)²⁶.

При этом в глазах «осведомленных людей» легендарный полководец выступал то под именем наместника Алексева, то адмирала Макарова, то, позднее, генерала Линевица: каждый из них, как говорилось в соответствующем случае, «и есть Скобелев». Лишь назначенный главнокомандующим А.Н. Куропаткин, бывший начальник штаба Скобелева, по понятной причине избежал такой участи. По словам одного из персонажей газетной заметки, «Скобелев поехал на японца» и «он там главный будет, а Куропаткин ему помощником. А как они, значит, вместе в прошедшую войну били турка, так теперь будут бить и японца». Пропаганда военного времени по-своему, символически использовала подобные мотивы, но старалась при этом «держаться ближе к народу». Характерны два пропагандистских листа, написанные и изданные одним из плодотворных «народных писателей», крестьянином Ярославской губернии Василием Дуниным (сохранились в фондах Российской национальной библиотеки). Первый из них содержал стихотворение «Скобелев жив», посвященное главнокомандующему Куропаткину, со словами:

Да, Скобелев жив, хоть давно под землею
Покоится прах его, нам дорогой.
Но новому он полководцу-герою
Завет оставляет воинственный свой.

При этом слова «Скобелев жив» рядом с портретом полководца были набраны максимально крупным, бросающимся в глаза шрифтом (в отличие от малозаметного уточнения «в сердцах русского

народа»)²⁷. В более позднем листе под названием «Радостный сон столетнего воина. Луч света прорезал тьму» Скобелев является во сне старику-ветерану, переживающему за судьбу Маньчжурской кампании, чтобы лично объяснить, что отступление Куропаткина «не есть поражение наших войск, а искусное отражение обходного маневра армии генерала Куроки». Оно сравнивается «Белым генералом» с действиями Кутузова в 1812 г.²⁸

Дальнейшее развитие военных событий, включая замену главнокомандующего, обесценивало пропагандистское значение очень популярной поначалу темы преемственности между Скобелевым и Куропаткиным с упоминанием их прежде высоко оценивавшегося боевого содружества («от соединения этих двух крупных талантов получилась полная гармония и сила»²⁹). Исчерпав более рациональные аргументы, пропаганда начинает абсолютизировать надежду на мистический порыв «народного духа». Такой порыв в момент боя на Зеленых горах изображен на репродукции из московского сборника «Тень Скобелева в рядах Маньчжурской Армии», дозволенного цензурой 26 марта 1905 г., уже после потери Мукдена. Назван сборник по заглавному стихотворению Максима Липкина «Тень Скобелева». В нем частям на биваке после рассказа старого фельдфебеля Трофимыча о волшебной силе, исходившей от Скобелева в Текинском походе, является в виде призрака сам «Белый генерал» и обращается к испугавшимся поначалу солдатам, опровергнув молву о своей смерти и вдохновив их на новые подвиги:

– Ты ль, батюшка? – молвил старик со слезами.
– Как видишь, я здесь и здоров,
И здесь, на маньчжурских равнинах я с вами,
Чтоб с вами идти на врагов³⁰.

В идущем за стихотворением очерке дается следующая ретроспективная оценка взаимодействию Скобелева с подчиненными: «Этот восторг возбуждал генерал, их генерал, умеющий летать, как сокол, кричать, как лебедь на заре, зачарованный от пуль, облеченный таинственной властью всегда побеждать, увешанный серебряными и золотыми “заслугами”, собой русский красавец, с длинной бородою, которую расчесывает надвое, чтобы был виден крест на шее. И полки в ответ на его звучный голос вздрагивали, бледнели, краснели, сердца работали до изнеможения, и тысячи людей отвечали своему любимцу оглушительным, радостным, звенящим воплем. Полки, не помня себя, отдавались одному человеку, словно это были не тысячи мужчин, а влюбленная экзальтированная девушка»³¹.

Как видим, восточное своеобразие противника – будь то турки или японцы – окончательно выводится тут за скобки. Легенда о «Белом генерале» в своем концентрированно-пропагандистском воплощении не только утрачивает ориентальные мотивы, но и перестает отражать само наследие Скобелева и принципы его подхода к военному делу.

¹ См., напр.: Особенности российского ориентализма // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 332–335; Ориентализм на Северном Кавказе // Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 307–326; *Бобровников В.О.* Ориентализм в литературе и политике на Северном Кавказе // Азиатская Россия: Люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 23–42. Само понятие «ориентализм» в интерпретации предложившего его еще в 1970-е годы Эдварда Саида (см.: *Said Э.* Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. СПб., 2006) со временем было существенно и критично переосмыслено в мировой историографии (см., напр.: *Varisco D.M.* Reading Orientalism: Said and the Unsaid. Seattle, 2007; *Schmitz M.* Kulturkritik ohne Zentrum: Edward W. Said und die Kontrapunkte kritischer Dekolonisation. Bielefeld, 2008).

² См., напр.: *Ермаченко И.О.* 1904–1905 гг.: «новое нашествие монголов» (к истории русского ориентализма) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики: Материалы науч. конф. 5–7 октября 2006 г. М., 2006. С. 178–182; *Филиппова Т.А.* «Враг с Востока»: Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.

³ См.: *Немирович-Данченко В.И.* Белый витязь: (Черты из жизни народного героя). М., 1901; 2-е изд. 1912.

⁴ *Верещагин А.В.* Новые рассказы (1855–1895). СПб., 1900. С. 138.

⁵ См., напр.: The country between Krasnovodsk and Khiva, shewing the routes reconnoitred in 1871 by Captain Skobelef, compiled by E.G. Ravenstein. London, 1871; Kritische Rückblicke auf den russisch-türkischen Krieg 1877/78. Bd. 3: Uebergang der Armee-Abtheilung des Generals Skobelef über den Balkan und die Schlacht bei Scheinowo: nach Aufsätzen von Kuropatkin / bearb. von Krahmer. Berlin, 1890 (Neue Aufl. 1902); *Маслов А.Н.* Завоевание Ахал-Теке: Очерки из последней экспедиции Скобелева (1880–1881). СПб., 1882 (переизд. 1887); *Гродеков Н.И.* Хивинский поход 1873 г.: Действия кавказских отрядов. СПб., 1883; *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении: Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т. 1–4. СПб., 1883; *Куropаткин А.Н.* Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 годов: Ловча и Плевна. СПб., 1895; *Федоров К.М.* Ахал-Текинская экспедиция и Геок-Тепинский бой. Асхабад, 1902; *Эсадзе Б.Ф.* Ско-

белев в Закаспии: Очерк Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. М., 1914 и др.

⁶ *Дмитровский В.* Радецкий и Скобелев в сражении 27-го и 28-го декабря 1877 г. под Шипкой // Русская старина. 1901. Июнь. С. 595–624.

⁷ Там же. С. 615.

⁸ Там же. С. 624.

⁹ Белый генерал Михаил Дмитриевич Скобелев: Пояснение к картинам для волшебного фонаря серии 2-й. С прил. краткого жизнеописания М.Д. Скобелева... СПб., 1909.

¹⁰ Один из вариантов. Цит. по: *Струсович А.* Один из богатырей XIX века: Популярный очерк (с картами). Посвящается юным воинам XX века. Остров, 1899. С. 5–6.

¹¹ См.: *Гейсман П.* Славянский крестовый поход: (По случаю 25-летия со времени начала войны 1877–1878 гг.). СПб., 1902. С. 46–48.

¹² *Глебов С.И.* Белый генерал, или историческое происхождение его. СПб., 1900 (переизд. 1901). С. 91.

¹³ *Струсович А.* Один из богатырей XIX века. С. 7.

¹⁴ Стихотворение А. Горцева цит. по: С.Л. М[арков]. Памяти М.Д. Скобелева. М., 1912.

¹⁵ См., напр.: Белый генерал Михаил Дмитриевич Скобелев, русский чудо-богатырь: Очерки боевой жизни и кончины его. М., 1882; Незабвенный чудо-богатырь Михаил Дмитриевич Скобелев: Грустное воспоминание о славных подвигах скончавшегося героя. М., 1882; *Соколов А.А.* Белый генерал, русский народный герой Михаил Дмитриевич Скобелев. СПб., 1888; «Белый генерал»: повесть из событий последней русско-турецкой войны. М., 1891 (переизд. 1892, 1895, 1899); Марш – вперед: Белый генерал М.Д. Скобелев: Рассказ из последней русско-турецкой войны. М., 1901; Апофеоз светлой памяти «белого генерала». Пг., 1914; «Белый генерал», его геройские подвиги и заветы для офицеров и солдат. М., 1915.

¹⁶ *Красницкий А.И.* Белый генерал: Повесть-хроника из жизни генерала М.Д. Скобелева. СПб.; М., 1904. С. 285.

¹⁷ Ср. подобную интерпретацию в издании: Марш – вперед: Белый генерал М.Д. Скобелев... С. 31.

¹⁸ *Глебов С.И.* Белый генерал, или историческое происхождение его. С. 88.

¹⁹ Там же. С. 58–61.

²⁰ Там же. С. 57.

²¹ Там же. С. 60.

²² *Боженко К.* На войну: эскизы из походного альбома «запасного» // Русское богатство. 1904. № 1. С. 3–35.

²³ Там же. С. 33.

²⁴ Там же. С. 11–14.

²⁵ *Короленко В. У казаков* // Русское богатство. 1901. № 10. С. 192–193.

²⁶ Японское поверье, с приложением анекдотов из жизни М.Д. Скобелева. СПб., 1904.

²⁷ См.: *Душин В.* Война родит героев, или Скобелев жив в сердцах русского народа. СПб.: Типо-лит. К. Фельдман (дозв. ценз. 7 апреля 1904 г.).

²⁸ См.: *Душин В.* Радостный сон столетнего воина: Луч света прорезал тьму. СПб.: Электропечатня Я. Кравицкого (дозв. ценз. 9 сентября 1904 г.).

²⁹ *Струевич А.* Один из богатырей XIX века. С. 12. О репутационном значении опыта службы под началом Скобелева для Куропаткина см., напр.: *Сапрыкин Р.В.* Отношения А.Н. Куропаткина и М.Д. Скобелева // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 39–42.

³⁰ Тень Скобелева в рядах Маньчжурской Армии: Сб. стихотворений и военных рассказов. М., 1905. С. 7.

³¹ Там же. С. 11.

О.А. МИЛЕВСКИЙ
(Сургут)

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ СКОБЕЛЕВ И «НАРОДНАЯ ВОЛЯ»

Сюжет, предложенный в статье, является дискуссионным и малоизученным, хотя нельзя сказать, что историки ранее к нему не обращались. О контактах высокопоставленных военных с революционерами писали в своих работах Н.Н. Кнорринг¹ и Н.А. Троицкий², затрагивает эту тему, пусть и под другим углом зрения, современный биограф М.Д. Скобелева Б.А. Костин³. Собственно, каждый из исследователей, занимающихся изучением биографии легендарного «Белого генерала», вольно или невольно будет задаваться вопросом, насколько далеко был готов зайти М. Скобелев в своем фрондировании против власти после возвращения из триумфальной Ахалтекинской экспедиции.

Чтобы понять мотивы поведения М. Скобелева, необходимо детально проанализировать ту обстановку, в которой он оказался после возвращения в Россию. М. Скобелев прибывает в Санкт-Петербург в конце мая 1881 г. в зените славы и настоящим народным кумиром, свидетельство чему – восторженный прием, устроенный ему перед этим в Москве. Однако в столице он оказывается в совершенно иной политической ситуации, резко контрастирующей с той, что была до его отъезда в Среднюю Азию. Противостояние власти и революционного лагеря полностью изменило политический климат Империи.

1 марта 1881 г. народовольцами убит Александр II. Страна находится в тяжелейшем внутриполитическом кризисе, а новый император Александр III фактически не выбирается из Гатчины, чем еще больше подогревает разговоры о силе революционной партии и слабости власти. Д.А. Милютин, свидетель тех событий, в дневнике отмечал: «В Гатчине поражает приезжего вид дворца и парка, оцепленных несколькими рядами часовых с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч. Дворец представляет вид тюрьмы... Во всех классах населения необыкновенно натянутое, неровное настроение. Все чего-то ожидают»⁴.

В такой обстановке 11 марта 1881 г. появляется Письмо Исполнительного Комитета «Народной воли» Александру III. Этот документ поражал выдержанным тоном, разумностью и умеренностью требований. От партии, его составившей, буквально веяло силой

и решимостью. Текст его начинался словами: «Ваше величество! Вполне понимая то тягостное настроение, которое вы испытываете в настоящие минуты, Исполнительный Комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время...

Мы не ставим вам условий... Мы не ставим, а только напоминаем их.

Этих условий, по нашему мнению, два:

1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга;

2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями.

Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при следующей обстановке:

1) депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей;

2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть;

3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходов, г) полную свободу избирательных программ.

Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития. Заявляем торжественно пред лицом родной страны и всего мира, что наша партия со своей стороны безусловно подчинится решению народного собрания, избранного при соблюдении вышеизложенных условий, и не позволит себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием»⁵.

Дальнейшие события, как то «Процесс по делу 1 марта» и казнь «первомартовцев» 3 апреля 1881 г. на Семеновском плацу Санкт-Петербурга, также не способствовали успокоению общественных настроений. Власть пребывала в растерянности. Окончательный политический курс был неопределен. Пока наметилась только сме-

на прежней «правительственной команды»: 29 апреля 1881 г. в отставку отправлены наиболее умеренные министры Александра II М.Т. Лорис-Меликов и Д.А. Милютин, новым главой правительства 4 мая был назначен граф Н.П. Игнатьев. Т.е. фактически М. Скобелев оказался в столице, когда только начинает формироваться новый политический курс.

Современные исследователи очень часто недооценивают фигуру Н. Игнатьева, полагая, что знаменитый «лгун-паша» был просто промежуточной фигурой, прикрывающей отступление к внутренней реакции. Но представляется, что дело тут гораздо сложнее. Период с весны 1881 до середины 1882 гг. – это время жесткого столкновения у трона разных политических группировок. И здесь для достижения цели в ход шли все средства.

Не будем забывать, что Н. Игнатьев был близок к славянофильским кругам, а многие идеи славянофилов разделял и М. Скобелев, к тому времени очень близко сошедший с И.С. Аксаковым. Несомненно, что с фигурой Н. Игнатьева славянофилы связывали определенные надежды. Честолюбивый и знающий себе цену М. Скобелев также вполне мог рассчитывать на крупные роли при проведении нового политического курса.

Однако первый же после его приезда в столицу прием у Александра III оказался для генерала-победителя «холодным душем». Как вспоминал барон Н. Врангель, при аудиенции царь проявил весьма малый интерес к самой экспедиции, вместо похвалы выразив неудовольствие гибелью молодого графа Орлова, он поинтересовался: «А какова была у Вас, генерал, дисциплина в отряде?»⁶.

Такой прием при общей нелюбви М. Скобелева к новому императору, о чем свидетельствовали многие (например, Н. Врангель), не мог не вызвать еще большего взаимного отторжения. Несомненно, это был серьезный политический просчет молодого монарха, что ясно понимал К.П. Победоносцев, сам не любивший М. Скобелева, но реально оценивавший его политический вес и его невероятную популярность в различных слоях общества. Естественно, такого человека лучше было иметь в союзниках.

Свидетельство тому – письмо К. Победоносцева Александру III: «Я уже смел писать вашему величеству о предмете, который почитаю важным, – о приеме Скобелева. Теперь в городе говорят, что Скобелев был огорчен и сконфужен тем, что вы не выказали желания знать подробности о действиях его отряда и об экспедиции... Я слышал об этом от людей серьезных, от старика Строганова, который озабочен этим... Смею повторить слова, что вашему величеству

необходимо привлечь к себе Скобелева сердечно. Время таково, что требует крайней осторожности в приемах... Не надо обманывать себя: судьба назначила вашему величеству проходить бурное, очень бурное время, и самые опасности и затруднения еще впереди. Теперь время критическое для вас лично: теперь или никогда, – привлечете вы к себе и на свою сторону лучшие силы России, людей способных не только говорить, но, самое главное, – способных действовать в решительные минуты... Пускай, Скобелев, говорят, человек безнравственный. Вспомните, ваше величество, много ли в истории великих деятелей, полководцев, которых можно было назвать нравственными людьми, а ими двигались и решались события. Можно быть лично и безнравственным человеком, но в то же время быть носителем великой нравственной силы и иметь громадное нравственное влияние на массу. Скобелев, опять скажу, стал великой силой и приобрел на массу громадное нравственное влияние, т.е. люди ему верят и за ним следуют»⁷.

Однако Александру III не хватило умения и такта расположить к себе честолюбивого и экспансивного генерала и рассеять вражду между ними. В таком состоянии М. Скобелев отправляется в отпуск. В Париже он встречается и тесно сходитя с Л. Гамбеттой. Их объединяет идея русско-французского сближения перед угрозой прусского милитаризма. Встречается он и с М. Лорис-Меликовым. Его встреча с бывшим «бархатным диктатором» особенно интересна с точки зрения характеристики тогдашних настроений М. Скобелева.

Этот рассказ со слов самого М. Лорис-Меликова записал А.Ф. Кони: «Летом 1881 г. он телеграфировал мне в Эмс о желании видеть меня. Я назначил местом свидания Кельн... Когда мы остались одни ... Он стал волноваться, плакать, негодовать», а далее, пожаловавшись на плохой прием Александра III, он закончил свою речь следующими словами: «Михаил Тариелович, вы знаете, когда поляки пришли просить Бакланова о большей мягкости, он им сказал: «Господа, я аптекарь и отпускаю лишь лекарства, которые подпишет доктор (Муравьев): обращайтесь к нему». – То же говорю и я! Дальше так идти нельзя, и я ваш аптекарь. Все, что прикажите, я буду делать беспрекословно и пойду на все. Я не сдам корпуса⁸, – а там все млеют, смотря на меня, и пойдут за мной всюду. Я ему устрою так, что, если приедет смотреть 4 корпус, то на «здорово, ребята!» будет ответом гробовое молчание. Я готов на всякие жертвы, располагайте мною, приказывайте. Я ваш аптекарь...»⁹.

Видимо информация о тогдашних настроениях М. Скобелева не была полной тайной, со временем слухи достигли даже антипра-

вительственных кругов. Об этом, например, пишет П.А. Кропоткин, отмечая, что «Скобелев предлагал даже Лорис-Меликову и графу Игнатьеву арестовать Александра III и заставить его подписать манифест и конституцию»¹⁰.

Таковы были настроения М. Скобелева летом 1881 г. Однако не следует рисовать М. Скобелева только политическим авантюристом, он искренне переживал за Россию и пытался понять причину того, что произошло со страной. В одном из заграничных писем он сетовал: «Жилось за границей неохотно, а возвратился против воли. Эта двойственность чувств и стремлений присуща, думаю, не мне одному и, полагаю, есть результат наших общественных недугов... тем не менее, я верую, что не отделяюсь ни мозгом, ни сердцем от всего мыслящего на Руси. Крайне разнородны виды нигилизма – только цель единая. Тем хуже для тех, которые того не осознают»¹¹.

Вернувшись из отпуска, он узнает о создании «Священной дружины», целью которой являлась прямая борьба против революционной крамолы. В нее первоначально вошли 729 персон, преимущественно из «верхов» общества, были там и лица, хорошо знавшие М. Скобелева. Это и великие князья Алексей и Владимир, московский генерал-губернатор В.А. Долгоруков, министр двора И.И. Воронцов-Дашков и др. Звали туда и М. Скобелева, но тот отказался, заявив, что «обязался присягой не вступать ни в какие тайные общества»¹².

Думается, позиция М. Скобелева в отношении членства в «Священной дружине» объяснялась следующим образом: кроме неприятия методов деятельности «дружинников», он не мог согласиться на участие в ней еще и потому, что за границей начал активно фрондировать против Александра III, а члены организации ставили целью защиту личности монарха. Хотя, будучи в столице, он не мог не встречаться с отдельными представителями «Священной дружины» на различных светских раутах.

Сохранились свидетельства о товарищеском ужине, состоявшемся в июне 1881 г., на котором кроме М. Скобелева присутствовали и многие видные члены этой организации. Его участник Н. Врангель вспоминал следующее: «Сидела у ген. Дохтурова в Петербурге большая компания – были Воронцов-Дашков, Черевин, Драгомиров, Щербатов и др. Говорили, между прочим, об императоре Александре III, отзываясь о «хозяине» не особенно лестно. Затем говорили о современном положении... Воронцов казался настроенным оптимистически, но можно было понять, что говорит он одно, а в душе не уверен, что все обстоит благополучно»¹³.

Думается, естественным образом беседа касалась и деятельности революционной партии, и способов борьбы с ней. Возможно, именно тогда М. Скобелев узнает о планах подготовки переговоров представителей «Священной дружины» с ИК «Народной воли» с целью приостановления террора ради проведения коронации Александра III¹⁴. Такое опасливое отношение власти к революционерам еще более убеждает М. Скобелева как боевого генерала, уважающего сильного противника, в необходимости установления контактов с народовольцами, дабы выяснить их действительные намерения. О тогдашних настроениях М. Скобелева свидетельствует тот же Н. Врангель, описавший его беседу с генералом Дохтуровым после упомянутого выше ужина. В этой беседе М. Скобелев весьма критически отзывался о положении дел в России и даже коснулся такой острой темы, как революция.

Думы о судьбе России не покидают М. Скобелева в это время. Наблюдая противостояние власти и революционной партии и пытаясь найти объяснение происходящего, он выстраивает для себя следующее, основанное на славянофильских теориях, объяснение, связывающее активизацию революционного движения с депрессией мыслящего российского общества после подписания Берлинского трактата. «Уже под Константинополем, — пишет он, — слишком для многих из нас было очевидно, что Россия должна обязательно заболеть тяжелым недугом нравственного свойства, разлагающим, заразительным. Опасение высказывалось тогда открыто, патриотическое чувство, увы, не обмануло нас. Да, еще далеко не миновала опасность, чтобы произвольно недоделанное под Царьградом не разрушилось бы завтра громом на Висле и Бобре. В одно, однако, верую и исповедую, что наша «крамола» есть в весьма значительной степени результат того почти безвыходного разочарования, которое навязано было России мирным договором, не заслуженным ни ею, ни ее знаменами»¹⁵.

Для М. Скобелева рецепт оздоровления России во многом крылся в успешной национально-ориентированной внешней политике, носящей общеславянскую направленность. Его близость к славянофилам аксаковского толка нервировала окружение царя и особенно К. Победоносцева, ведшего борьбу за влияние на государя с Н. Игнатьевым. Горячий и импульсивный М. Скобелев исполнял в этой игре не последнюю роль. Наиболее четко и ясно он выразил свое политическое кредо в знаменитой речи от 12 января 1882 г. на банкете, посвященном годовщине взятия Геок-Тепе.

Речь эта надделала много шума и в России, и за границей. Ее полный текст был опубликован в аксаковской газете «Русь» (1882.

№ 5.). Кроме определения в ней целей балканской политики России М. Скобелев обращается и к русской интеллигенции, подчеркивая, что, в отличие от простого народа, она не всегда оказывалась на высоте положения: «Полагаю господа, — произнес он, — что это явление вполне объяснимое. Космополитический европеизм не есть источник силы и может быть лишь признаком слабости. Силы не может быть вне народа, и сама интеллигенция есть сила — только в неразрывной связи с народом». Вполне можно согласиться с мнением Н. Кнорринга, утверждавшего, что в этом месте речи у М. Скобелева «были бесспорные данные упрекнуть значительную часть интеллигенции не столько в отсутствии патриотизма, как огульно и грубо это делал Аксаков, но, главным образом, в отсутствии политического чутья и дальнорзости»¹⁶.

Александр III был крайне недоволен речью, а М. Скобелеву было предложено взять отпуск. В результате состоялась его знаменитая поездка за границу. Он посетил Париж, Женеву, Цюрих — все это центры русской политической эмиграции. Находясь в Париже, М. Скобелев предпринимает попытку установить контакты с представителями народovolьческого центра. О целях этих контактов у биографов «Белого генерала» нет единого мнения.

Представление об этих событиях можно получить из статьи с черновым названием «О переговорах царского правительства, напуганного террористическими действиями партии «Народная воля», с русской революционной партией»¹⁷, хранящейся в фондах РГАЛИ¹⁸. Ее автор пишет, что «в конце 1881 или начале 1882 г. М. Скобелев тотчас по приезде своем в Париж прислал к Петру Лаврову Лаврову своего адъютанта, передавшего Лаврову приглашение своего патрона повидаться с ним для переговоров о некоторых важных вопросах; но ввиду того, что визит его может привлечь к себе внимание и таким образом получить нежелательную огласку, М. Скобелев просил назначить какое-нибудь нейтральное место, где они могли бы встретиться... но покойный Лавров заколебался»¹⁹.

Далее тот же автор с сожалением пишет: «На беду в это время в Париже не оказалось подходящего человека, который мог взяться за это дело, а Лавров наотрез отказался от предлагаемого свидания. Когда в наступившем 1885 г. в разговоре с Лавровым я упомянул об этом случае, выразив сожаление, что он не был использован надлежащим образом в свое время, он воскликнул с искренним изумлением: «Уж помилуйте, ну и о чем стал бы я разговаривать со Скобелевым?»²⁰.

Н. Троицкий полагает, что П. Лавров был не осведомлен о военных планах «Народной воли»²¹ и поэтому отказался от встречи

с М. Скобелевым²². Но, думается, что все же дело в тактической негибкости и излишней догматичности П. Лаврова. Что же касается мотивов самого М. Скобелева, то здесь существуют следующие исторические версии.

Две из них связаны с политическими амбициями М. Скобелева и его неприятием внутри- и внешнеполитического курса Александра III, т.е. это попытка подготовки военного заговора. Для реализации подобного начинания «Белый генерал» тогда несомненно представлял из себя самую влиятельную и харизматичную политическую фигуру. Да и по складу характера он вполне укладывался в вышеприведенную схему.

Очень метко и образно психологический тип М. Скобелева описал академик Е.В. Тарле: «Человек больших и общепризнанных способностей, честолюбец высшего порядка, мечтающий не столько о Суворове, сколько о Наполеоне, с натурой совершенно бесстрашного кондотьера, с относительно большой притом умственной культурой, весьма равнодушный к традициям и вполне уверенный в своем предназначении, Скобелев привлекал к себе особое и совсем специальное внимание... Скобелев был по своей натуре именно типичным генералом от прунсименто в стиле испанских и южноамериканских военных командиров, берущих на себя время от времени экспромтом инициативу по части внезапных изменений государственного устройства своей Родины»²³.

В трактовке же конечных целей М. Скобелева мнения у историков расходятся. Н. Кнорринг выдвигает предположение о том, что пытаясь встретиться с П. Лавровым и предпринимая другие попытки завести сношения с революционерами, М. Скобелев преследовал отнюдь не «революционные» цели. Будучи тогда убежденным в грядущей войне с Германией, он искал себе союзников. В этом направлении он действовал, ратуя за создание франко-русского союза, очевидно для этого же он хотел сблизиться с революционерами, стремящимися сбросить ту самую власть, которая, по убеждению М. Скобелева, вела антинациональную внешнюю политику. Т.е. работал принцип «враг моего врага мой друг».

Политическое кредо М. Скобелева в то время было следующим: правительство (в смысле старого режима) отжило свой век. Что может его низвергнуть? Конституционалисты слабы. Революционеры также не имеют корней в широких массах. В России есть только одна организованная сила – армия, и в ее руках судьба России. Но, чтобы поднять армию, нужна личность, известная каждому солдату, личность сверхгероя. Но и одной популярной лично-

сти мало, нужен лозунг, понятный не только армии, но и широким массам. Таким лозунгом может быть только провозглашение войны немцам и объединение славян. Таким образом, по мнению Н. Кнорринга, М. Скобелев по своей психологии был ближе не к революционерам XIX в., а приближался к настроению генералитета и офицерства XVIII в., т.е. к эпохе «дворцовых переворотов»²⁴.

Иначе на положение дел смотрит Н. Троицкий, хотя и с оговорками, вслед за В.Я. Богучарским высказывающий предположение, что недовольный политическим беспорядком в стране М. Скобелев мог искренне сочувствовать идеям политической свободы и смотрел на народолюбцев как на союзников в достижении этой цели²⁵. Но и в этой версии захват власти оставался единственно возможным выходом из ситуации.

Но возможен и иной сценарий. Выше уже указывалось, что в раскладе политических сил того времени мало внимания обращается на фигуру Н. Игнатьева. А ведь граф вел свою политическую игру, и М. Скобелев был осведомлен о его планах. А.Ф. Тютчева (супруга И.С. Аксакова – О.М.) пишет в дневнике, что «между Скобелевым и Игнатьевым заключен договор; они хотят привести к союзу между Францией и Россией против Германии»²⁶, а оформление подобного союза являлось давнейшей мечтой М. Скобелева.

Кроме того, не будем забывать, что он был близок к славянофильскому окружению Н. Игнатьева и, естественно, знал о готовящемся манифесте, провозглашающем созыв «Земского собора», тем более, что одним из идеологов этого проекта был И. Аксаков. Планировалось, что огромный по численности собор «до 4 тысяч человек, состоящий из чиновников высших учреждений и сословных представителей, должен был служить внушительным декоративным элементом коронационной процедуры и символизировать крепость самодержавной власти, опирающейся на народ»²⁷.

Сам Н. Игнатьев так подавал монарху эту идею: «при виде собора» революционеры, «пораженные смелою решимостью правительства... остановят свою теперешнюю пропаганду «словом и фактом» и будут с нетерпением ждать, что скажут царю призванные им земские люди. А так как для себя и своего дела они от Земского собора ничего кроме ужаса, негодования и беспощадного осуждения не дождутся, то им останется одно – сложить оружие»²⁸.

Исходя из этого, можно выдвинуть еще одну гипотезу, конечно, также дискуссионную и основанную на косвенных фактах. Попытки установления М. Скобелевым контактов с народолюбцами имели целью перехватить инициативу у «Священной дружины»

и попытаться самому добиться примирения революционеров и правительства на приемлемых для обеих сторон условиях и проведения в дальнейшем спокойной коронации Александра III, которую будет предварять манифест о созыве Земского собора.

Главным призом для М. Скобелева было бы упрочение позиций Н. Игнатьева, а, следовательно, и изменение всего вектора российской внешней политики и реализация политического проекта по созыву Земского собора, а для самого М. Скобелева – возвращение поколебленных позиций при дворе. В случае подобного поворота событий можно было рассчитывать и на дальнейшую эволюцию правящего дома в сторону демократических уступок, но не в духе европейского парламентаризма, а в традициях патриархальной славянофильской доктрины.

Косвенным подтверждением такой позиции М. Скобелева является фрагмент из его письма к И. Аксакову: «Для Вас, конечно, не осталось незамеченным, что я оставил вас более чем когда-либо проникнутый сознанием необходимости служить активно нашему общему святому делу, которое для меня, как и для вас, тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания. Более, чем прежде, ознакомясь с нашей эмиграцией, я убедился, что основанием общественного недуга в значительной мере является наше отсутствие всякого доверия к положению наших дел. Доверие это мыслимо будет лишь тогда, когда правительство даст серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народный как внутренней, так и внешней политики, в чем пока друзья и недруги имеют полное основание болезненно сомневаться. Боже меня сохрани, относить последнее к Государю, напротив того, он все более становится единственной надеждой среди Петербургского всерешающего бюрократического небосклона, но Он один, а с графом Игнатьевым их всего двое, этого мало, чтобы даже временно побороть петербургскую растлевающую мглу... Кстати, чтобы к этому более не возвращаться, я имел основание убедиться, что даже эмиграция в своем большинстве услышит глас правительства, когда Россия заговорит по-русски, чего так давно, давно уже не было, и в возможность эту она положительно верит»²⁹.

Впрочем, пребывание М. Скобелева в Париже было недолгим. Поэтому о каких-то серьезных контактах, а уж тем более договоренностях между ним и революционерами говорить не приходится. Вскоре разразились события, связанные с его знаменитой речью перед сербскими студентами 5 (17) февраля 1882 г., которые и привели к скорому отъезду «возмутителя спокойствия» в Россию.

Справедливости ради отметим, что речи как таковой не было. Сам М. Скобелев так описывал этот случай И. Аксакову: «Что сказать Вам про приписываемую мне речь сербским студентам? Ее я, собственно, никогда не произносил. Да и вообще никакой речи не говорил. Пришла ко мне молодежь на квартиру, говорили по душе и, конечно, не для печати. С. Фарсу напечатал то, что ему показалось интересным, для пробуждения французского общества и со слов студентов, меня не спросив. Я бы мог формально отказаться от мне приписываемой речи, но меня переубедили и Гамбетта, и madam Adam. Первый особенно настаивал на ее полезном впечатлении в молодежи, армии и флоте; так как, в конце концов все сказанное в газете «France» сушая правда и, по-моему, могло повести не к войне, а к миру, доказав, что мы – сила, то я и решился не обращать внимания на последствия лично для меня и молчанием дать развиваться полезному, т.е. пробуждению как у нас, так и во Франции законного и естественного недоверия к немцу»³⁰.

Опубликованный текст «речи» М. Скобелева стал причиной серьезного международного скандала с Германией, что и неудивительно, ибо последними фразами из его речи во французских газетах были слова: «Германия – великая пожирательница – это нам хорошо известно, – и вы сами, вы особенно, вы, увьи! – слишком хорошо это знаете. Восточный вопрос имеет большое, огромное значение. Именно через разрешение этого вопроса и может быть восстановлено то равновесие, о котором я говорил, – в противном случае останется одна держава – Германия. Я сказал и повторяю, что я верю в благополучное разрешение, которого я страстно хочу. Я особенно верю в то, что, наконец, поймут истину, что между Францией и славянами должен быть заключен союз. Для нас – это средство восстановить нашу независимость»³¹. Что и говорить, неординарная личность генерала умела будировать общественное мнение!

Свидетельством замешательства русского дипломатического корпуса является срочная депеша на имя министра иностранных дел Н.К. Гирса от посла в Париже кн. Орлова. В ней он так аттестовал поступок М. Скобелева: «Посылаю почтой речь генерала Скобелева... Генерал этот в своих выступлениях открыто изображает из себя Гарибальди. Необходимо строгое воздействие, чтобы доказать, что за пределами России генерал не может безнаказанно произносить подобные речи и что один лишь государь волен вести войну или сохранять мир. Двойная игра во всех отношениях была бы гибельна. Московская его речь далеко не была столь определена, как его обращение к сербским студентам в Париже»³².

В результате, чтобы унять международную шумиху, М. Скобелева немедленно отзывают в Россию, подобное распоряжение последовало уже 12 (24) февраля. В Санкт-Петербурге его ждала аудиенция у разгневанного монарха. Однако после их беседы ситуация несколько разрядилась. Вот, что пишет очевидец, дежурный свитский генерал Витмер: «Скобелев вошел туда крайне сконфуженным и по прошествии двух часов вышел веселым и довольным». Далее Витмер добавляет: «Нетрудно сообразить, что если суровый император, не любивший шутить, принял Скобелева недружелюбно, то не мог же он распекать целых два часа. Очевидно, талантливый честолюбец успел заразить миролюбивого государя своими взглядами на нашу политику в отношении Германии и других соседей»³³. Но, тем не менее, с целью успокоения немцев его перемещение с должности было, скорее всего, решенным делом³⁴.

Дальнейшие события полностью опрокинули планы и М. Скобелева, и всего окружения Н. Игнатьева. 4 мая 1882 г. граф Н. Игнатьев был отставлен от должности и вся затея с созывом Земского собора провалилась. Это произошло после того, как с проектом предполагаемого собора император познакомил К. Победоносцева. 30 мая 1882 г. министром внутренних дел был назначен крайний реакционер граф Д.А. Толстой. Наиболее лаконично, но при этом емко его назначение прокомментировал издатель «Московских ведомостей» М.Н. Катков: «Имя графа Толстого само по себе уже есть манифест и программа!»³⁵.

Славянофильская партия, к которой принадлежал М. Скобелев, потерпела полное поражение. А всего через месяц – 25 июня 1882 г. – в Москве, в номерах гостиницы «Англия» при обстоятельствах, окруживших его имя и возможные планы еще большим ореолом таинственности, неожиданно для всех скончался баловень фортуны – легендарный «Белый генерал» Михаил Дмитриевич Скобелев. Скоропостижная смерть «русского Ахиллеса» унесла с собой в могилу и тайну последних месяцев его жизни.

¹ *Кнорринг Н.Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Исторический этюд // Белый генерал. М., 1991. С.199–216.

² *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. М., 1978. С. 143; Он же. Народники и генерал М.Д. Скобелев (Заметки по поводу одной книги) // Освободительное движение в России. Вып. 21. Саратов, 2006. С. 241–246.

³ *Костин Б.А.* Скобелев. Серия ЖЗЛ. М., 2000. С. 196.

⁴ *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 4., 1881–1882 гг. М., 1950. С. 51.

⁵ «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882. С. 330–333.

⁶ Цит. по.: *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 186.

⁷ Цит. по.: *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 188–189.

⁸ После Ахалтекинской экспедиции М.Д. Скобелев был назначен на командование корпусом в Минске.

⁹ Цит. по.: *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 187.

¹⁰ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1991. С. 411.

¹¹ Цит. по.: *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 192.

¹² Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 179.

¹³ Цит. по.: *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 190.

¹⁴ Переговоры были начаты в конце 1882 г. в Париже. Со стороны ИК в них участвовал Л. Тихомиров, а посредником в них выступал грузинский общественный деятель, литературный критик Н.Я. Николадзе. Вместе с ним прибыл К.А. Бороздин, выступавший от лица графа И.И. Воронцова-Дашкова – одного из лидеров «Священной дружины». Речь шла о безопасности коронации Александра III, которая из-за боязни возможных террористических покушений неоправданно затянулась. И. Воронцов-Дашков через К. Бороздина ставил вопрос, нельзя ли прекратить террор на условиях более приемлемых, нежели те, что изложены в письме ИК к Александру III. Во время переговоров остановились на ряде условий совместной работы, а именно: требовать полной амнистии политических заключенных и ссыльных, свободы печати, обществ и мирной социалистической пропаганды, расширения земского и городского самоуправления. Относительно первоначального «залога» со стороны власти договорились о следующем: 1. Немедленное освобождение какого-нибудь важного политического преступника; 2. Внесение «влиятельными лицами» какой-либо крупной суммы, например, в один миллион рублей на имя какого-либо благонадежного третьего лица в Париже с тем, чтобы эти деньги возвращались последним по исполнению ими обещаний либо передавались ИК в случае их неисполнения (См. подр.: *Тихомиров Л.А.* Тени прошлого. М., 2000. С. 375).

Что касается кандидатуры освобожденного политического заключенного, то решено было освободить Н.Г. Чернышевского. В результате Н. Николадзе привез в конце декабря 1882 года в Петербург записку от Л. Тихомирова с обязательством не производить покушения до и после коронации в обмен на освобождение Н. Чернышевского и расследование злоупотреблений администрации на карийской каторге (См. подр.: *Николадзе Н.Я.* Переговоры «Священной дружины» с партией «Народная воля» в 1882 г. Пг., 1917. С. 31). Однако в дальнейшем переговоры продолжения не имели. Причина их срыва была в том, что, благодаря предательству С.П. Дегаева, власть поняла слабость «Народной воли» (*Волк С.С.* Народ-

ная воля. 1879–1882 гг. М.-Л., 1965. С. 145). Справедливости ради отметим, что действительно после коронации Н. Чернышевского через некоторое время возвратили из Виллюйской ссылки сначала в Астрахань, а затем на родину, в Саратов.

¹⁵ Цит. по.: *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 195.

¹⁶ *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 221.

¹⁷ Статья в несколько ином виде опубликована. См.: *Иванов С.А.* К Характеристике общественных настроений в России в начале 80-х годов // *Былое* 1907. № 9. С. 193–207.

¹⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 206.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 2–2 (об).

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Ед. хр. 206. Л. 3.

²¹ «Народная воля» к 1882 г. имела достаточно сильную военную организацию (См. подр.: *Годунова Л.Н.* Военная организация народолюбцев // *Вопросы истории*. 1973. № 9).

²² *Троицкий Н.А.* Народники и генерал М.Д. Скобелев (Заметки по поводу одной книги) // *Освободительное движение в России*. Вып. 21. Саратов, 2006. С. 245.

²³ *Тарле Е.В.* Речь генерала Скобелева в Париже в 1882 г. // *Тарле Е.В.* Собр. соч.. Т. 11. М., 1962. С. 615.

²⁴ *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 211–212.

²⁵ *Троицкий Н.А.* Указ. соч. 245.

²⁶ *Тютчева А.Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2002. С. 349.

²⁷ *Хейфец М.И.* Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х – начало 80-х годов XIX вв.). М., 1963. С. 223.

²⁸ Цит. по.: *Троицкий Н.А.* Россия в XIX в. Курс лекций. М., 1997. С. 305.

²⁹ Цит. по.: *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев: Личные воспоминания и впечатления // *Белый генерал*. М., 1991. С. 531.

³⁰ Цит. по.: *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев: Личные воспоминания и впечатления // *Белый генерал*. М., 1991. С. 533.

³¹ Речь ген. Скобелева в Париже в 1882 г. // *Красный архив*. 1928. Т. 1 (26). С. 221.

³² Там же. С. 218.

³³ *Русская старина*. 1908. Т. CXXXVI. С. 696.

³⁴ *Кнорринг Н.Н.* Указ. соч. С. 256.

³⁵ Цит. по.: *Троицкий Н.А.* Россия в XIX в. Курс лекций. М., 1997. С. 306.

Л.В. ЧЕКУРИН

(Рязань)

ИСТОРИК Д.И. ИЛОВАЙСКИЙ О «ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ» И ВОСПОМИНАНИЯ О М.Д. СКОБЕЛЕВЕ

Журналистика путеводительствует цивилизацию.

Н.И. Надеждин

Публицистика Д.И. Иловайского, как и вся проблематика русского консерватизма, только начинает исследоваться¹. В фундаментальной монографии М.П. Мохначевой «Журналистика и историческая наука» тема «Иловайский – публицист» не нашла отражения, он упоминается как автор биографий (в самом начале этой традиции), создатель первооснов исторического краеведения и среди тех историков, диссертации и книги которых вызвали полемику². Хотя публицистика Иловайского велика по объему, интересна по содержанию. Библиографы выявили в газетах и журналах более 200 его публикаций³. До сих пор отсутствует роспись статей 63 номеров «Кремля», газеты издаваемой Д.И. Иловайским в течение 18 лет, в которой он был редактором, издателем и автором большинства статей. По хронологии публицистика Иловайского занимает более полувека. Первая газетная публикация состоялась в «Рязанских губернских ведомостях» в 1856 г., а последний номер «Кремля» вышел в 1916 г. Начав работать в газете еще студентом, Иловайский прошел школу московских и петербургских газет, печатался в самых знаменитых журналах. Историк-долгожитель хоть и не любил менять свои взгляды, но сама жизнь вносила в его публицистику существенные коррективы. Он не был слеп и глух к происходящему в России и в мире, как иногда представляют его историографы, определяя в лагерь безнадежных, «никогда не изменяющихся» консерваторов. Он был в публицистике самостоятелен и нелицеприятен в высказываниях и мнениях.

В творчестве историка Д.И. Иловайского публицистика занимала особое место. Периодическая печать для него была наиболее удобной формой для научного диспута: свободная от ведомственного педантизма, она привлекала его возможностью оперативного отклика на различные мнения и веяния. Иловайский еще в годы рязанского учительства вступал в дискуссии по крайне сложным проблемам развития культуры, «внутренней» и «внешней» кри-

тике учебников по истории. Тематика статей и некоторые его высказывания были неудобны для господствующей идеологии и поэтому замалчивались. Например, утверждение, что марксизм не подходит как теория для крестьянской страны России. Власть не устраивала критика внешней и внутренней политики царского правительства и его министров, высказывания о роли «иностранцев» в революции, его резкие оценки позиции европейских держав и их лидеров и т.д.

1870–1880-е гг. отмечены повышенным интересом Д.И. Иловайского к Восточному вопросу и судьбе доживающей Османской империи. Потребности ведущих держав сталкивались в зоне черноморских проливов, игравших большую роль в экономической, политической и культурной жизни как России, так и всей Европы. Для России Восточный вопрос состоял еще в укреплении позиций в Закавказье, на Черном море, Балканах и в Дунайских княжествах. Интерес общества к этим вопросам отразился в русской публицистике.

Историк считал, что в его публицистике самую главную роль играют исторические занятия⁴. Употребляя исторические экскурсы, в своих оценках международного положения историк выглядит вполне профессионально. Некоторые статьи в периодике по международным вопросам позднее были им включены в тома исторических исследований⁵. Причина успешности русских историков в международной публицистике – в их широком политическом кругозоре, глубоком личном интересе к истории России и ее роли в международных делах. Историки, как правило, в совершенстве владели европейскими языками, а в Московском университете Д.И. Иловайский изучал еще и три славянских языка.

Многолетние занятия историей помогали автору более четко ощущать вектор развития стран и их отношений, давать более взвешенные и глубокие оценки многим явлениям во внешней политике. В его публицистике проявилась прогностическая способность, столь редкая для исследователей прошлого. Он предсказал революцию в России в результате отказа от национальных интересов, видел в Германии серьезную опасность для России и близкую войну с ней. Предвидел новую войну Германии против Франции и некоторые детали будущей войны. «В случае войны [Германия – Ч.Л.] для избежания укрепленных французских линий перейдет через Бельгию и нарушит ее нейтралитет»⁶.

Участие в периодических изданиях, сотрудничество с выдающимися редакторами газет и журналов М.И. Семевским, П.И. Бартеневым, К.Н. Бестужевым-Рюминым, С.Н. Шубинским,

В.А. Бильбасовым, М.Н. Катковым, А.Н. Пыпиным, самыми знаменитыми издателями И.Д. Сытиным, А.А. Гатцуком, М.О. Вольфом, И.Н. Кушнеревым – интереснейшая страница его творчества и биографии. В настоящее время началась публикация выступлений историка в печати, собранная в сборниках самим Д.И. Иловайским, при этом своего исследователя нашла только небольшая часть его публицистики⁷. По Восточному вопросу им опубликовано около 30 писем. Отдельно стоит публикация «Поездка под Плевну» и статья о пленении историка в Галиции.

Иловайский особенно внимательно изучал взаимоотношения со славянскими народами, обязательно бывал в странах, сопредельных и имеющих с Россией культурные и деловые связи. Он много путешествовал по Польским землям, совершал поездки в Австро-Венгрию (1868, 1870, 1874, 1877), Францию, Испанию (1880), Турцию (1886), Англию (1876, 1894). Был он в Константинополе, Александрии, Иерусалиме. Чаще всего это были «запланированные» поездки в районы, связанные с той или иной исторической или международной темой. Поездки были откликом на потребности общества в новой информации. При этом историк стремился иметь свой взгляд на те или иные события. Это не был привычный в наше время туризм, пусть даже научный. Путешествия расширили кругозор историка. Объект своего интереса он стремился видеть своими глазами. В своих поездках, по подсчетам А.С. Соболева, Иловайский преодолел расстояние, равное двум экваторам⁸. Зная его хороший литературный слог и взгляды, редакторы самых именитых газет и журналов охотно предоставляли для публикаций свои страницы. Читая их, приходишь к выводу, что Иловайский, занимаясь историей Отечества, с живым интересом и участием следил за многими проблемами международных отношений, особенно за событиями, которые представлялись ему первостепенными. Важнейшее значение для него имела судьба славян, особенно болгар, а также сербов, черногорцев, их борьба с турецким игом.

Сам автор выделил три группы публикаций по Восточному вопросу: «Письма с сербско-турецкой войны», (12 писем в 1875–1876 гг.); «Письма о русско-турецкой войне» (1-ое письмо опубликовано 8 февраля, 11 письмо – 4 августа 1877); письма «По окончании военных действий» опубликованы в Московских и Петербургских ведомостях в январе–ноябре 1878 г.

В 1870 г. Иловайский, опережая русских дипломатов, пишет статью о своевременности решения славянского вопроса на Балканах. Европа была поглощена войной Франции и Германии, а немцы

осадили Париж. «Я думал развить эту мысль в целом ряде писем; но первое из них осталось ненапечатанным». При свидании с редактором «Московских ведомостей» он потребовал от М.Н. Каткова объяснения причин отказа в публикации. Но Катков был другого мнения⁹. Он не стал публиковать статьи Иловайского. Всесильный редактор «Московских ведомостей» М.П. Катков в споре (если не в конфликте) с Иловайским, выражая настроение официальных кругов, считал, что возбуждать Восточный вопрос не только не следует, но и вообще вопрос о славянах нужно оставить в покое: «Пусть балканские славяне спокойно живут и развиваются под верховенством султана»¹⁰.

Иловайский пытался переубедить Каткова, но тщетно. Позднее он писал: «Может быть, и даже по всей вероятности, наши современные указания тоже не имели бы практических последствий; по крайней мере, русская печать исполнила бы свой долг перед отечеством вместо того, чтобы служить для русской публики эхом тех громких событий, которые совершались тогда на европейском Западе»¹¹.

И только позже, когда разразилось новое Герцеговинское восстание и кровавый призрак Восточного вопроса зримо навис над Европой, русская общественность стала обсуждать балканские события. Время для их решения было для России, по мнению Иловайского, упущено. Завершив войну, европейские государства (Англия, Германия, Франция, Австро-Венгрия, Италия) имели развязанные руки и могли в своих интересах действовать против России, препятствовать освобождению славян.

«Я был один из тех, – писал Иловайский, – которые сознавали, что дело на сей раз не ограничится одной Герцеговиной, что события неизбежно примут широкие размеры и что России невозможно будет уклониться от деятельного в нем участия. А потому тяжело было оставаться праздным зрителем этих событий, и я решил по своему разумению способствовать уяснению политических обстоятельств и наших национальных задач в предстоящей борьбе»¹². Высказанное было его постоянной позицией в исторических и публицистических произведениях.

«Возможно ли историку беспристрастно и безучастно относиться к совершающимся вокруг него событиям, то есть истории ему современной, хотя бы иногда не подавать своего голоса, если только есть возможность его подать? Наблюдение над современностью должно многое уяснить ему в истории прошедших веков; а изучение прошлой жизни народов, в свою очередь, должно просветлять его взгляд на современность и сообщать более серьезное звучание его

голоса. В особенности это можно сказать о нашем времени и нашем Отечестве, которое переживает трудную эпоху, когда само положение русской нации должно занимать ум не только русского историка или русского публициста, но всякого самостоятельно мыслящего человека»¹³.

В письмах Иловайского отражены многие стороны Восточной проблемы: автономия Болгарии, расширение границ Сербии и Черногории, возвращение России права содержать флот на Черном море. Его интересовало все, что, по его мнению, отвечало национальным интересам России.

В Татьянин день (12 января 1877 г.), по традиции, праздновалось основание Московского университета. На праздничном обеде в московском ресторане «Эрмитаж» Иловайский, обращаясь к присутствующим, призвал русскую интеллигенцию подать руку примирения правительству, попавшему в затруднительное положение вследствие неудач на Балканах. Речь тогда шла о неудачных действиях сербской армии под руководством генерала М.Г. Черняева против турецкой армии¹⁴. Не без влияния Иловайского и других публицистов славянская идея воистину овладела обществом и стала определяющим фактором реальной политики. Идея непрямого участия России в освобождении христиан от турецкого ига обернулась кровопролитной войной.

С октября 1875 по август 1877 г. Иловайский поместил около 30 писем по данной тематике в петербургской газете «Русский мир». В «Московские ведомости», где он много лет печатался, в связи с позицией Каткова он обращаться не стал. Он писал об ужасах турецкого владычества, осуждал «мнимый британский нейтралитет», лондонских политиков, считавших, что еще рано думать об освобождении славян. Историка возмущала близорукость европейских держав, соперничество которых за влияние на Балканах прекрасно эксплуатировала Турция. Иловайский называл эту «туркофильскую» позицию мнением «торговцев и владельцев турецких заемных бумаг». Он откликнулся письмом на начало сербо-турецкой войны. Иловайский настаивал на деятельной и энергичной политике, тогда как русское правительство тратило время на бесплодные дипломатические переговоры. Он выступал за немедленную помощь Сербии. И считал, что своевременный ультиматум России до разгрома Сербской армии поможет избежать войны с Турцией. С 1876 г. Иловайский стал считать войну с Турцией неизбежной.

«Чтобы избежать уничтожения славян есть только одно средство: образовать из Болгарии особое княжество с собственной во-

оруженной силой... турецкие реформы, использование посредничеств Италии, Германии, Франции дело бесполезное»¹⁵.

Проблему славян может решить образование трех славянских княжеств: Сербско-Боснийского, Черногоро-Герцеговинского и Болгарского. Европейский мир может обеспечить с этой стороны и дальнейшее культурное развитие его до естественных пределов. Вера в соглашение шести великих держав по обеспечению человеческих прав для Балканских христиан не имеет оснований.

По его убеждению, «кровавое истязание» Болгарии вопиет о немедленном вмешательстве, а не переговорах, конференциях. Последнее письмо было написано за 5 дней до разгрома Турцией Сербской армии на высотах Джунгиса. «Войну угнетенных славян с турецкой Ордой понимаю только как войну в высшей степени энергичную, войну беспощадную, без колебаний и без усталости. Иначе и начинать не надо», – такова была позиция Иловайского накануне войны 1877–1878 гг. Историки, в их числе Иловайский, стремились помочь болгарам всеми возможными способами. В Болгарию посылаются целые библиотеки. С.М. Соловьев, Д.И. Иловайский, М.П. Погодин и другие дарят болгарам свои книги. В 1870 г. Д. Манчев перевел с русского языка учебник по всеобщей истории Д.И. Иловайского, переводится на болгарский язык его «История России»¹⁶.

С началом войны его письма отразили самые острые моменты боевых действий: форсирование Дуная, борьбу за балканские перевалы, события на Шипке и под Плевной. Он послал часть своего заработка сербскому митрополиту Михаилу в Белград, а сам отправился на театр военных действий. Наиболее известна его публикация «Поездка под Плевну»¹⁷. Он собственными глазами хотел посмотреть положение на фронте. Поездка была частной. Заручившись рекомендательным письмом временного гражданского управителя в Болгарии князя Черкасского, он направился в дивизию М.Д. Скобелева. Путь его лежал через Кишинев, где он встретился с раненым под Шипкою генералом Драгомиловым. Дальше добирался на тройке, верхом, а то и пешком. По пути встречался и разговаривал с офицерами и солдатами Измайловского полка, с генералом Д.И. Скобелевым (отцом), добровольцами-медиками. В Яссах и румынском городке Зимнице побывал в обширном палаточном госпитальном лагере Красного креста и видел кровавую изнанку войны. Из огромного барака-госпиталя близ станции, набитого ранеными и больными, где производились хирургические операции, «раздавались стоны и вопли, с непривычки наводившие немалую

тоску». Это один из тех барачков, в котором погибла княгиня Вревская, заразившаяся от больных холерой, чей образ запечатлен в бессмертных стихах Я.П. Полонского.

Дивизия М.Д. Скобелева, цель поездки Иловайского, готовилась в это время после ряда неудач к новому штурму Плевны. В ставке Великого князя начальник главного штаба Непокойчицкий предлагал ему поехать в другие места, например, на Шипку, где великолепная горная природа.

«Ах, генерал, до живописных ли видов теперь! Сокрушили вы нас троекратной Плевной, – думал я в эту минуту, но, конечно, не ответил так откровенно». Жил Иловайский в палатке начальника казачьего конвоя, и лошадь его пользовалась обществом конвойных казачьих коней. В конце концов ему дали в провожатые двух казаков, и он верхом отправился в дивизию Скобелева.

Иловайский объехал линии русских войск, был на Гриневском редуте во время перестрелки: «Огоньки резали мглу и рассыпались искорками. И слух, и зрение порвались грандиозным впечатлением, пули свистели над головой». Историк попал «в самый военный нерв нашей Армии». К Скобелеву в этот день приехал Э.И. Тотлебен – начальник осадной армии и князь Имертинский (друг Скобелева). Из их разговора историк понял, что штурм и падение Плевны считалось у русских военных делом времени. Спустя пять лет после поездки под Плевну, когда «подробности уже покрывались туманом забвения, неожиданная потеря национального героя М.Д. Скобелева оживила в памяти то время, когда я видел его в самом разгаре блестящей военной деятельности. Его кончина вызвала мое небольшое воспоминание, которое я его же имени посвящаю».

Иловайский описал встречу с прославленным генералом: «Ко мне вышел молодой, худощавый, стройный генерал с коротко стриженными русыми волосами и длинными бакенбардами. Я не утерпел и заключил его в свои объятия, выразил удовольствие, что вижу героя, на которого обращено внимание целой России». Прозвучало это очень искренне. Скобелев пригласил Иловайского отобедать. В этот день у Скобелева был начальник осадной армии Э.И. Тотлебен, хотя номинальное начальство оставалось за румынским князем (Карлом). Общество и особенно Скобелев с глубоким почтением слушали занимательные речи и умные рассуждения Тотлебена. Это были севастопольские воспоминания, впечатления от встречи в Вене с Осман-пашей. Говорил Тотлебен об Углицком полке, о духе русского солдата и способности генералов поддерживать этот дух. О профессиональных действиях нашей артиллерии,

ее способности сосредоточить огонь в одну точку, которая приводит к страшным разрушениям. «Очутившись случайно в этом обществе, я почувствовал, что попал в самый нерв нашей армии и что тут люди живут и дышат специальностью. Не исполняют повинность, а от души преданы военному искусству: моряки, которые любят море, преподаватели, которые одушевлены своим предметом».

Историк вспомнил заботу Д.М. Скобелева о солдатах, чему сам был свидетель, мужественные отзывы о полководческом достоинстве Осман-паши и желание Скобелева познакомиться с ним после войны. В дивизию прибыл отряд пополнения, и они полтора часа ждали, пока у генерала были гости. Скобелев, сделав выговор тем, кто не осмелился прервать обед, тут же отправился давать распоряжения о размещении солдат.

Есть в воспоминаниях и сослуживцы Скобелева: полковник Ехминев, командир конвойных казаков Иванов и другие офицеры. Узнал Иловайский о скором повышении Скобелева, которому должны были дать под начало корпус, что скоро и случилось. Никогда больше с этими офицерами Иловайский не встречался: «Нигде люди так легко не знакомятся и не сближаются, как на театре военных действий. Но во время мира мы все сидим по своим углам, тут разные специалисты редко сообщаются друг с другом». В очерк попал начальник штаба, служивший со Скобелевым еще в Туркестане капитан А.Н. Куропаткин – «красивый брюнет с живыми черными глазами и несомненными признаками даровитости». От встречи с ним у историка остался неприятный осадок. Тот недоверчиво или даже подозрительно расспрашивал историка, с какой целью он действительно приехал. Вопросы свои он задавал в отсутствие Скобелева. Скобелев об Иловайском слышал, проникся уважением к труду известного историка и принимал его искренне, Куропаткин же отнесся с подозрением. В дальнейшем была еще встреча историка, к сожалению, не со Скобелевым, а с Куропаткиным. Историк дал нелецеприятную оценку уже командующему Дальневосточной армией. Соринка в глаз Иловайского попала тогда, под Плевной. А дальше у Иловайского в воспоминаниях четко обозначен отрицательный образ военного министра, которого судьба направила пожинать плоды собственной деятельности «по укреплению» армии на Дальний Восток.

Когда русская армия заняла Адрианополь, а дипломаты стали обсуждать условия мира, «Московские ведомости» опубликовали девять писем Иловайского о судьбе проливов, контрибуции, русской позиции на Кавказе, христианском губернаторе в Болгарии

и т.д. Но его главная забота – судьба славянских народов на Балканах: «Мы можем уступить в чем угодно, только не относительно Болгарии, Черногории и Сербии». Территориальные приобретения России его не интересовали: «Мы слишком богаты землей и водой, чтобы какие-либо территориальные уступки могли отвлечь нас от священных задач на Балканском полуострове».

Он чутко чувствовал несправедливость и неблагодарность Европы в отношении России. Это то, что мы сегодня называем «двойными стандартами». Иловайский уже тогда отметил «особое» отношение Европы к России. «В западной и средней Европе какие бы не совершались в последнее время перемены, они обходились без конгрессов, а в восточной без них теперь дело не решается; только здесь будто бы и затрагиваются интересы всей Европы! Берлинский конгресс наши условия не утвердит, о чем мы уже предупреждены весьма внушительно».

Письма Иловайского – это дневники войны, ее подготовки и международных противостояний после войны. В изученных материалах Д.И. Иловайский показал себя независимым публицистом с высокими гражданскими и патриотическими мотивами. Он не принадлежал ни к какой партии, нередко высказывал свое мнение, которое расходилось с общепринятым, в его публицистической практике были предвидения, реальные прогностические выводы, правота его не раз обнаруживала дальнейший ход событий. Для Иловайского публицистика была тем «полем, где сталкивались мнения, идеи, набирались аргументы для их торжества»¹⁸ (В.И. Межов). Он писал только о том, что хорошо знал, сам видел и переживал. Эта сопричастность к описываемому придавала особую достоверность повествованию. Был ли он прав или виноват как автор в каждом конкретном случае рассудило время, но он никогда не оставался равнодушным к острым проблемам современности.

Изучение биографии и публицистики Иловайского показывает, что М.Д. Скобелев вовлекал в орбиту своего влияния и деятельности самый широкий круг людей, отличительной чертой которых была забота о России, верность России, глубокое понимание интересов родины и всего славянского мира. Вряд ли они влияли друг на друга, у них не было постоянных контактов, просто это была идентичная реакция двух русских людей на европейские международные реальности, которая расходилась с реакцией на них самого царя и общественного мнения.

Письма по Восточному вопросу у Д.И. Иловайского объединены одним качеством – «строго национальное» направление всего

его творчества. «Каждый шаг дипломатии должен быть зрело обдуман и взвешен, истинно русская печать должна по мере своих сил и средств оказывать самую усердную помощь в этом обдумывании или обсуждении»¹⁹. Он выступал против «денационализации русской интеллигенции». Своих противников он не жаловал, как и они его: «Милюковы не имеют ни единой капли государственного смысла и понимания национальных интересов»²⁰. Написал, как предсказал. Впоследствии нота министра иностранных дел П.Н. Милюкова о верности союзническому долгу вопреки национальным интересам послужила причиной политического кризиса, привела к отставке первого состава Временного правительства, а сам министр вынуждено оказался в эмиграции.

¹ *Шаханов А.Н.* История и политика: Д.И. Иловайский и его программа национального возрождения России // Отечественная культура, историческая мысль XVIII–XX веков. Сборник материалов и статей. Брянск, 1999. С. 125–144; *Егоров А.А.* Из истории русского национального консерватизма. Газета Д.И. Иловайского «Кремль» (1897–1916 гг.). М. 2009; *Алексеева А.Н.* Д.И. Иловайский и его газета «Кремль» // Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского в русской историографии. Рязань, 2012. С. 120–127; *Чекурин Л.В.* Без гнева и пристрастия. Личность и судьба русского историка Д.И. Иловайского. Рязань, 2009.

² *Мохначева Н.П.* Журналистика и историческая литература. В 2-х кн. Кн. 1. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. М., 1998. Кн. 2. Журналистика и историографическая традиция в России 30–70 гг. XIX в. М., 1998–1999.

³ *Чекурин Л.В.* Русский историк Д.И. Иловайский. Опыт библиографического исследования. Рязань, 2012. С. 74–107.

⁴ Кремль. 1897. 8 февраля.

⁵ *Иловайский Д.И.* Мелкие сочинения, статьи, письма. По вопросам преподавания истории Путевые заметки и воспоминания. Публицистика по Восточному вопросу. Публицистика по внутренним делам. Последний фазис Восточного вопроса

⁶ *Иловайский Д.И.* Мелкие сочинения 1856–1895. М., 1896. С. 388.

⁷ *Иловайский Д.И.* Публицистика. М., 2012; *Он же.* Мелкие сочинения, статьи и письма. Вып. 1, 2. М., 1988; *Алексеева А.Н.* Д.И. Иловайский и его газета «Кремль» / Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского в русской историографии. Рязань, 2012. С. 120–127.

⁸ *Соболев А.С.* География путешествий Д.И. Иловайского / Наследие Д.И. Иловайского и М.К. Любавского в русской историографии. Рязань, 2012. С. 127–132.

⁹ Мелкие сочинения, статьи, письма. 1857–1887. М., 1888. С. 208.

¹⁰ *Чекурин Л.В.* Русский историк Д.И. Иловайский. Рязань, 2002. С. 55.

¹¹ *Иловайский Д.И.* Мелкие сочинения, статьи, письма. М., 1888. С. 207–209.

¹² Там же. С. 208.

¹³ Исторический вестник. Т. XV. СПб., 1883. С. 218.

¹⁴ Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 517.

¹⁵ Русский мир. Письмо 9.08.1876 г.

¹⁶ Болгаро-русские общественно-политические связи. Кишинев, 1986. С. 95, 178–179.

¹⁷ *Иловайский Д.И.* Поездка под Плевну в 1877 г. Посвящается памяти Д.М. Скобелева // Русская Старина. 1883. Февраль. С. 351–374.

¹⁸ *Межов В.И.* Краткий статистический и библиографический обзор литературы русского отечествоведения за 1859–1868 гг. СПб., 1870. С. 4.

¹⁹ Кремль. 1897. 8 февраля.

²⁰ Кремль. 1916. № 62–63.

Ю.Н. МОСТЯЕВ
(Рязань)

ИНДИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ М.Д. СКОБЕЛЕВА

Важнейшим этапом в истории Великобритании является последняя треть XIX в. – период ускоренного территориального роста Британской империи и столь же быстрого обращения британского общества в имперскую веру. Именно в этот период империализм стал своеобразным ответом на внутрибританские проблемы и вызовы положению Англии на мировой арене, ответом, который казался современникам наиболее действенным и актуальным. Огромные экономические потенциалы стран Азии и Африки, широкие перспективы политического развития колоний, военная мощь империи и возможность осуществлять цивилизаторскую миссию – все эти аспекты имперской идеи и политики были по-новому осмыслены за два последних десятилетия XIX в., когда империализм занял положение доминирующей идеологии Великобритании.

В 70–80-е годы XIX века на лидирующие позиции в мировой экономике начинают выходить США и Германия. Англия, теряя свои позиции ведущей экономической и политической державы, пытается сохранить свою роль путем усиления своей колониальной политики, в том числе за счет расширения своей экспансии в Средней Азии, что значительно повышало роль близлежащей Индии и приводило к столкновению с интересами России, распространявшей свое влияние в данном регионе.

Следует также отметить, что благодаря сложному составу империи, включавшей общества, стоявшие на различных уровнях социально-экономического и политического развития, различные подходы применялись к решению проблем самоуправляющихся, переселенческих колоний и колоний Короны, полностью зависящих от Великобритании.

Уже в период правления консервативного кабинета 1874–1880-х гг. в истории Англии получили развитие новые тенденции, заставившие пересмотреть основные направления экономической политики в рамках империи и саму доктрину фритреда. Кризисные явления в экономике страны, депрессия, растянувшаяся на два десятилетия, с 1873 по 1896 г., оттеснение Великобритании с позиции экономического лидера и гегемона мировых рынков – все это оказало существенное влияние на развитие имперской идеи¹.

Национальное восстание 1857–1859 гг. оказало большое влияние на английскую колониальную политику. В 1858 г. Индия была объявлена владением британской короны, что положило конец правлению английской Ост-Индской компании. В этом же году прекратила свое существование династия Великих Моголов, так как два сына и внук последнего Могола были расстреляны английскими офицерами. Однако дух и символы самодержавия сохранились. В 1877 г. королева Англии Виктория была провозглашена императрицей Индии. Англичане торжественно обещали свято уважать права, честь и достоинство туземных князей. Индийские феодалы, поддерживавшие англичан в период антиколониального восстания, получили щедрое денежное вознаграждение и земельные владения. Они превратились в надежную социальную опору английского колониального режима. Одновременно Англия реорганизовала свои вооруженные силы в Индии. Теперь они становились королевскими войсками. В них значительно увеличилось количество англичан, которые считали, что 1857 г. не должен повториться².

Во второй половине XIX века в Индии ускорилась ломка традиционного уклада жизни. Англичане, не желая того, способствовали некоторому прогрессу своей колонии, развитию в ней капиталистических, буржуазных отношений. В стране начался новый этап национально-освободительной борьбы, связанный не с классом феодалов, а с нарождавшейся буржуазией.

Экономика Индии еще больше оказалась привязана к английской экономике, став во многом ее сырьевым придатком. И хотя еще в 1854 г. была основана первая хлопчатобумажная фабрика в Бомбее, принадлежавшая индийцам, а английские предприниматели стали строить в Индии текстильные фабрики, что во многом способствовало началу промышленного переворота в стране, в Индии на начало Первой мировой войны существовал только один металлургический завод в Калькутте. Промышленность концентрировалась только в нескольких портовых городах. Так, 3/4 всех хлопчатобумажных фабрик находились в Бомбее и его окрестностях. Протяженность железных дорог возросла с 1860 г. по 1890 г. в 20 раз. Их строительство содействовало распространению английских промышленных товаров по всей территории колонии и вывозу из Индии продукции сельского хозяйства. Бюджет Индии постоянно сводился в это время с дефицитом, 25% всех расходов шло на армию, столько же на содержание железных дорог, которые являлись убыточными.

В сельском хозяйстве наблюдалось увеличение посевных площадей. Однако за последнюю четверть XIX века в результате неурожая из-за действия природных стихий погибло от голода 15 миллионов человек, что показывает крайне низкий, на грани выживания, уровень жизни индийского крестьянства. Большинство крестьян арендовали землю из расчета 50–70% собранного урожая³.

Неуклонно продолжался процесс разорения крестьянства, лишавшегося своих земель и попадавшего во все большую кабалу к торговцам и ростовщикам. Разорялись ремесленники, которые не могли противостоять конкуренции со стороны дешевых английских товаров фабричного производства. Доход на душу населения в результате этих процессов неуклонно сокращался. Таким образом, в стране накапливался горячий материал, усиливалось народное сопротивление английской политике⁴. Накал недовольства был настолько велик, что появление даже незначительной внешней военной силы могло бы вызвать очередное массовое восстание индийцев, которое имело все шансы покончить с английским колониальным владычеством.

Скобелев провел в Англии около трех месяцев, но сумел уловить ряд тенденций, определявших британскую политику на данном этапе. Он довольно точно разглядел взаимосвязь внутривнутриполитической борьбы с внешней политикой Великобритании. Так, ему удалось верно предугадать изменение общественных настроений в стране после окончания русско-турецкой войны, что предопределило падение кабинета Бенджамина Дизраэли, лорда Биконсфильда, что, в свою очередь, не смогли предсказать опытные дипломаты.

Будучи в Средней Азии, Михаил Дмитриевич серьезно интересовался политикой Англии в этом регионе. На основе своих наблюдений он сделал вывод об углублении противоречий между Россией, продвигающейся в Туркестанский край, и Британской империей, с опаской следившей за успехами русских, помня о своей «жемчужине» Индии. Об изменениях британской политики Скобелев писал: «Уже несколько лет, служа на той границе отечества, которой суждено, как думаю, столкнуться в наиболее решительной форме с британской силой, я старался выяснить себе, каким образом в общественном мнении этой великой нации в различные периоды ее народной жизни происходят перевороты, заставляющие англичан в данное время отнестись к тем же вопросам совершенно иначе. Кому не памятен, например, припадок нервной русофобии в 1840-х годах, вызванный талантливою деятельностью нашего посла в Теге-

ране, осадой (персами) Герата и победоносной обороной этого города волонтером, поручиком Потингером, случайно бывшим тогда в Герате и со свойственной этой великой нации инициативой взявшим на себя честь быть предводителем в этот момент всех страстей своего отечества.

Несчастливая экспедиция Перовского на Хиву, как несчастная экспедиция генерала Столетова в Кабул, переполнила чашу... Английская армия вторгается в Афганистан и уже мечтает идти к Самарканду... Это было в 40-х годах. С этого времени наступает перелом...

Наступает период русофильства, которое не нарушается... никакими успехами нашими в средней Азии, но даже фактическим приближением русских сил к границам Индостана. Опасность была мифическая, когда англичане били тревогу в 40-х годах; они ее не били в 1865 году, когда следовало»⁵.

Англия ставила перед собой задачу проникновения в Иран, а вслед за этим – присоединения Афганистана и Средней Азии. Лондон предпочитал действовать не напрямую, а через вице-короля Индии, которому было предоставлено право проведения самостоятельной внешней политики. Для реализации этих задач были установлены тесные связи непосредственно с вождями туркменских племен и начато их снабжение современным оружием. В пропагандистских целях в английской печати снова стали раздувать миф об угрозе присоединения Индии к России⁶. Англия еще в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. пыталась создать против России блок мусульманских государств, засылая своих агентов для организации туркменских племен и разрабатывая планы военной операции в Средней Азии. Россия была вынуждена принимать ответные меры.

В случае бездействия российского правительства существовала реальная угроза того, что Англия постарается совершить какую-нибудь провокацию с целью отвлечь силы русской армии из Европы и уменьшить наше влияние в Средней Азии. Для предупреждения возможных замыслов английского правительства относительно положения России в Средней Азии и создания ответной угрозы Британской Индии было решено предпринять незамедлительные меры со стороны как Туркестанского, так и Кавказского военных округов. Одним из возможных вариантов стало рассмотрение вероятности организации похода на Индию. Существовало несколько различных мнений по поводу осуществления данного замысла.

Предлагались и меры локального угрожающего характера (как силами только Туркестанского военного округа, так и совместно с Кавказским), и решительное движение большой массы войск (до 150 тысяч человек) в сторону Индии⁷. В результате обстоятельного обсуждения различных вариантов было решено отказаться от каких-либо широкомасштабных военных действий из-за необходимости присутствия основных сил на других более важных на этом этапе направлениях, а также и из-за перенапряжения военных и финансовых ресурсов страны. Однако на основе плана Д.А. Милютин на командующего войсками ТуркВО генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана было возложено осуществление похода на юг в сторону Индии, который внезапно был прекращен.

М.Д. Скобелев, являясь не только военным, но и обладая политическими талантами, в этой связи в одном из своих писем писал, что «близкое будущее докажет нам... что Англия предпримет в этом направлении (Туркестан) ряд попыток и усилий, носящих вначале исключительно промышленный и торговый характер, но которые разовьются впоследствии в могущественную, угрожающую нашим границам наступательную силу»⁸.

Еще в 1876 г., будучи военным генерал-губернатором Ферганы, М.Д. Скобелев много времени уделяет индийским планам. Он сам лично проводит изучение местности и возможных путей движения российских войск в Индию. Правда, будучи не только военным, но и дипломатом, он пытается затемнить свои планы, подробно описывая трудности, но при этом отмечая, что, если бы Россия захотела, то ее армия смогла бы достигнуть пределов «жемчужины британской короны», переживавшей подъем национально-освободительного движения. Скобелевым был разработан проект похода русских войск к индийским пределам, который в начале 1878 г., в момент острого российско-британского противостояния, был передан на обсуждение на самый высокий уровень⁹.

На его взгляд, решение вечного для России Восточного вопроса лежало не только и не столько в Европе и Азиатской Турции, сколько в Средней Азии. Именно здесь, по его мнению, Россия могла оказать серьезное воздействие на политику Великобритании через давление на Индию.

В этой связи М.Д. Скобелев отмечал, что Средняя Азия для России не является только колонией и по характеру своего завоевания, и по характеру ее занятия. Этот край может быть назван официальной базой, предмет же действий – Индия – указан самим Провидением. По мнению М.Д. Скобелева, России следовало не

дразнить туземное население Средней Азии пустыми экспедициями, не приручать их к виду русской крови, а организовать против Англии пока не поздно бухарцев, хивинцев, туркмен, Афганистан и, когда наступит время, поднять 100-тысячную кавалерию и двинуть ее в виде авангарда в пределы Англо-Индии.

Во многом план М.Д. Скобелева не предусматривал завоевания собственно Индии. Прорабатывалась возможность расширения российских позиций вплоть до Кабула с участием незначительного количества российских войск (46–48 тыс.)¹⁰, но с широким привлечением военных отрядов местных афганских племен. Поэтому перед началом военных действий Скобелев возлагал большие надежды на успех российской дипломатии, которая должна была добиться превращения правителя Афганистана Шер-Али-Хана в союзника Петербурга, одновременно подтолкнув Персию к захвату Герата. Но главные надежды им возлагались на восстание в самой Индии местного населения против английского колониального господства, что имело под собой вполне реальную основу. Однако данный план был официально отклонен Александром в связи с крайне сложной военно-политической обстановкой на Балканах и Ближнем Востоке и проблемным состоянием российских финансов. При этом задача расширения зоны влияния России в Средней Азии не была снята с позиции первоочередных. Поэтому через несколько лет М.Д. Скобелев смог воплотить в жизнь некоторые идеи своего «Индийского плана».

В результате присоединения к России Туркестанского края от Индии Россию стали отделять всего около «150 верст афганских гор»¹¹. Угроза в глазах английского руководства была настолько сильна, что заставляла против 20 линейных русских батальонов держать в постоянной боевой готовности на северо-западной границе двухсоттысячную англо-индийскую армию.

Считая Англию крайне опасным противником России, Скобелев признавал при необходимости важность дружбы с Великобританией, считая, что последняя сама должна сделать шаги к сближению.

¹ Глеб М. Британская имперская идея во второй половине XIX века: основные направления и динамика развития // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 2 // <http://evolutio.info/content/view/630/54/>

² Кошелев В.С., Оржеховский И.В., Синица В.И. Всемирная история Нового времени XIX – нач. XX в. М., 1998 // <http://knowhistory.ru/411-indiya-vo-vtoroy-polovine-xix-veka.html>

³ Индия в 80–90 гг. XIX века // http://zdos.ru/nauka/view_art.php?id=236&cat=istoriya

⁴ Райков А.В. Национально-освободительные организации Индии в борьбе за свободу. 1905–1930 гг. М.: Наука, 1979. С. 14–15.

⁵ Цит. по Филиппов М.М. Михаил Скобелев. Его жизнь, военная, административная и общественная деятельность. С. Петербург.: Типография Высочайше утвержд. товарищества «Общественная польза», 1894 // <http://www.twirpx.com/file/792686/>

⁶ Паничкин Ю.Н. Российско-британские противоречия и присоединение Мерва к России // М.Д. Скобелев и его время. Рязань, 1994. С. 103.

⁷ Загородникова Т.Н. Забытый поход русской армии // Индия: общество, власть, реформы: Памяти Г.Г. Котовского / отв. ред. Е.Ю. Ванина, В.П. Кашин. М.: Вост. лит., 2003. С. 149.

⁸ Цит. по: Костин Б.А. Скобелев. М.: Патриот, 1990. С. 152.

⁹ Поддубный В.К. М.Д. Скобелев и «проект индийского похода» // М.Д. Скобелев и его время. Рязань, 1994. С. 105.

¹⁰ Там же. С. 106.

¹¹ Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос, 1993. Т. 2. С. 302.

Е.Г. ТАРАБРИН
(Рязань)

М.Д. СКОБЕЛЕВ И ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ В УЧЕБНОЙ И СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В настоящей статье нами предпринята попытка выяснить, как в литературе освещена роль М.Д. Скобелева в контексте более обширной темы присоединения Средней Азии к России. Мы не ставим задачу анализировать основательно написанные сочинения о Скобелеве, начало которым положила монография А.Н. Куропаткина (по известным причинам являющаяся одновременно источником), или такие, как определенно подводящая итог «скобелевианы» в первой половине XX века книга Н.Н. Кнорринга. В силу своей специфики эти труды все же предназначены не для массового читателя. Мы ставим перед собой более скромную задачу проследить, как вышеуказанная тематика отражена в литературе обобщающего и справочного характера, вузовских учебниках и, наконец, в учебниках истории для средней школы.

Обозрение мы начнем с очень известной книги академика М.К. Любавского «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века», где интересующий нас сюжет освещен в главе XXI «Занятие киргизских степей и Туркестана. Русская колонизация в этих краях». Здесь, в частности, отмечено: «Киргизы были беспокойными соседями, которые своими нападениями тревожили окраинное русское население и волновали подвластных России башкир...»; «Русские должны были обороняться от них, проводя целые линии крепостей на пограничье с киргизскими кочевьями». Попутно подчеркнуто, что напряженность усугубляли «враждебные России влияния из среднеазиатских ханств». При этом Любавский ничего не говорит об экономической и внешнеполитической предпосылках развивающегося колониационного процесса. И с сожалением констатируем, что в этом процессе М.Д. Скобелев упоминается весьма фрагментарно, хотя для Любавского всегда было характерно пристрастие к конкретным фактам и персоналиям. Так, нет упоминания Скобелева в изложении обстоятельств Хивинского похода 1873 года. Затем, правда, он буквально на мгновение появляется в сюжете о подчинении Коканда, где «вспыхнуло восстание против русских», усмирение которого, начатое К.П. Кауфманом, было dokonчено Скобелевым. Далее так же сухо отмечается, что

Кокандское ханство было упразднено и в 1876 г. из него образована Ферганская область, опять же без упоминания имени Скобелева, назначенного её первым губернатором. Затем говорится, что в результате экспедиции 1880–81 гг. в ахал-текинский оазис и взятия русским отрядом под начальством Скобелева сильных текинских укреплений туркмены были окончательно покорены. Завершает очерк М.К. Любавского упоминание среди заново созданных русских городов в Туркестане города Скобелев (бывший Новый Маргелан)¹. Так или иначе, присутствует ощущение, что генерал Скобелев явно не принадлежал к числу любимых исторических персонажей академика Любавского.

Теперь обратимся к другому столь же маститому автору – академику С.Ф. Платонову с его очень известным «Учебником русской истории для средней школы». Говоря о противостоянии России и среднеазиатских государств, Платонов подчеркивает то обстоятельство, что будучи осколками империи Чингизхана, эти государства всегда были враждебно настроены по отношению к России. Затем, развивая сюжет об укреплении российских позиций в Средней Азии, автор дважды упоминает М.Д. Скобелева, но в более благожелательном ключе, чем Любавский. В частности, сказано следующее: «Когда же в 70-х годах в Кокане (так у авт. – *Е.Т.*) началось на почве религиозного фанатизма мятежное движение против русских, то русские войска под начальством генерала Скобелева подавили восстание и завладели всем ханством». И далее: «В особенности сильный удар был нанесен Скобелевым туркменскому племени «теке» взятием их крепости Геок-Тепе (1881)». В связи с этим отметим, что ничего не говоря о противостоянии России английской экспансии, как об одной из составляющих нашего наступления, Платонов отмечает, что только после покорения туркменских племен «английская дипломатия проявила некоторое беспокойство».

Вывод, который делает С.Ф. Платонов, говоря об итогах действий России в Средней Азии, не содержит упоминания имени М.Д. Скобелева, но там явственно мелькает отблеск его героической тени. Позволим себе привести полную цитату: «Движение России не могло быть остановлено до тех пор, пока ею не были достигнуты твердые границы и пока не был водворен прочный порядок среди беспокойных и некультурных среднеазиатских племен. Культурная работа русских в Средней Азии составляет одну из славнейших страниц в истории той эпохи»².

С соображением Платонова о культурной работе русских в Средней Азии перекликается высказывание М.Н. Покровско-

го, где подчеркнута, что Скобелев в значительной мере причастен к культурно-хозяйственному развитию этого региона, в частности, первая железная дорога здесь появилась после его записки о делах в Туркестане. Интересно, что помимо прочего в данной записке содержится мысль о переходе России от противостояния с Великобританией к союзу с ней³. В связи с этим представляется довольно странным полное отсутствие даже упоминания этого факта в современных английских учебниках по истории России⁴.

Справочные издания начала XX века, в целом, содержат позитивный материал о М.Д. Скобелеве. Например, статья о Скобелеве в энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «В 1875–76 гг. принял участие в Кокандской экспедиции, где кроме замечательной отваги, соединенной с разумной предусмотрительностью, выказал организаторский талант и основательное знакомство с краем и тактикою азиатцев»⁵. Сходная характеристика Михаила Дмитриевича находится в энциклопедическом словаре института Гранат, где, в частности, подчеркнута, что кокандский поход Скобелева – это вовсе не подавление народного восстания, а борьба с агрессивными бандитскими группировками, поддерживавшими того или иного претендента на ханский престол⁶.

В 60-е гг. XX в. началось издание многотомной истории СССР «с древнейших времен до наших дней». В 1968 г. вышел в свет 5-й том этого издания, охвативший пореформенный период. В нём находится глава «Присоединение Средней Азии», написанная М.К. Рожковой весьма обстоятельно. В ней много говорится об отставании социально-экономического развития региона, где сосуществовали феодализм, пережитки патриархально-родового строя и рабовладения. «Всё это, – отмечает М.К. Рожкова, – ослабляло среднеазиатские ханства как политически, так и экономически, а эта слабость содействовала тому, что территория Средней Азии превращалась в арену соперничества двух великих держав – России и Англии». Обстоятельно написан раздел «Русская буржуазия и рынок Средней Азии». Здесь подчеркнута, что «вопрос о торговле России со Средней Азией приобрел в глазах русских промышленников особенно актуальное значение в первой половине 60-х годов, когда Гражданская война в США вызвала мировой хлопковой кризис». Всё это вместе взятое подвигнуло императора Александра II на принятие решения об активизации военных мероприятий в регионе, начиная с 1864 г. В последующем повествовании о военных экспедициях в Среднюю Азию мы встречаем упоминание Скобелева, о котором автор (в отличие от предшествующего обстоятельно-

го текста) пишет сухо и лапидарно. Например: «После ликвидации восстания Кокандское ханство было упразднено. Из него же была образована под управлением генерала М.Д. Скобелева Ферганская область, вошедшая в состав Туркестанского генерал-губернаторства». Затем рассказывается о завоевании Туркмении, где автор явно стремится не перехвалить Скобелева и не преувеличить его личный вклад в одержанную в итоге победу⁷.

Еще более недоброжелательный тон по отношению к Скобелеву видим в учебнике истории СССР для педагогических вузов, вышедшем в 1972 г. В частности, там можно встретить такой пассаж: «В 1873 г. началось восстание против Худояр-хана и феодалов. Испугавшись размаха антифеодального возмущения, грозившего распространиться и далее, царские генералы оказывают феодалам помощь для подавления народного восстания. Скобелев, Меллер-Закомельский и другие царские генералы стали жестоко расправляться с восставшими дехканами». Автор этого текста (П.И. Кабанов) далее, когда речь заходит о покорении Туркмении, вообще не упоминает о роли Скобелева в этих событиях, ограничившись следующей констатацией: «Только в начале 1881 г. царские войска окончательно победили туркмен, овладев крепостью Теок-Тепе и заняв Ашхабад»⁸. Как говорится, и на том спасибо!

Столь же кратко и негативно написано о Скобелеве в Советской исторической энциклопедии: «С февраля 1876 г. военный губернатор и командующий войсками Ферганской области проводил военно-феодальными методами колониальную политику царизма в Средней Азии»⁹.

Переход к более благожелательному тону и по отношению к среднеазиатской политике России, и по отношению к людям, претворявшим политические замыслы в реальность, в том числе к Скобелеву, происходит уже в постперестроечную пору. Для примера возьмем учебник для вузов, вышедший в 2001 г. под редакцией В.Г. Тюкавкина. Не акцентируя внешнеполитический аспект (противостояние с Великобританией), пособие подчеркивает, что агрессивные действия азиатских феодалов, дискриминационные меры в отношении российских купцов, в совокупности подрывавшие здесь российскую торговлю, вынуждали правительство Александра II искать выход из этой непростой ситуации. При чтении описания последующих военных действий сразу видно, что роль М.Д. Скобелева обрисована здесь гораздо более рельефно, чем в уже упомянутых нами книгах. Возьмем хотя бы рассказ о завоевании Туркмении. Здесь отмечено, что «начальник новой экспеди-

ции генерал Скобелев перед началом наступательной операции на Ахалтекинский оазис создал промежуточные базы снабжения своих войск и начал строительство железной дороги вглубь туркменской территории. Продвижение русских войск было столь четко организовано, что текинцы вынуждены были отойти к своей главной крепости Геок-Тепе»¹⁰. Итогом стала одержанная малой кровью победа. В повествовании о более ранних деяниях Скобелева в Туркестане подчеркнуто, что он проявил себя отличным администратором на посту военного губернатора Ферганской области¹¹.

Наверное, в нашем обзоре невозможно обойти вниманием учебник А.С. Орлова и его соавторов, хотя бы потому, что, поскольку он предназначен для вузов, то активно используется учителями средних школ для подготовки к ЕГЭ. В соответствующей главе данного учебника мы находим краткое обоснование причин присоединения Средней Азии к России, а также весьма обстоятельный вывод об итогах этого присоединения. В описании военных операций встречаем имена без всякого сомнения выдающихся генералов – М.Г. Черняева и К.П. Кауфмана. Но, к сожалению, Михаил Дмитриевич Скобелев в данном пособии не упомянут вообще (!)¹².

Прежде, чем мы приступим к рассмотрению того, как тема «Средняя Азия – Скобелев» дана в учебниках для средней школы, отметим то обстоятельство, что в 2002 г. вышел сборник статей, озаглавленный «Историки читают учебники истории». Он содержит много дискуссионных материалов как российских, так и зарубежных авторов, в том числе и по интересующей нас проблеме. Авторы, подчас одобрительно, подчас с беспокойством, констатируют, что в многообразии школьных учебников присутствуют иногда полярно противоположные концептуальные подходы. В частности, присоединение Средней Азии к России в одних книгах характеризуется как имперская экспансия России, в других всего лишь как активная внешняя политика России, продиктованная её жизненными интересами. Тревогу авторов вызывают такие моменты, как ярко выраженный руссоцентризм большинства учебников, отсутствие альтернативного подхода в определении судеб народов Средней Азии и многое другое¹³. Теперь попробуем рассмотреть данную тему на материале конкретных учебников.

Сразу бросается в глаза, что в определении причин присоединения Средней Азии к России одни учебники делают упор на внутреннюю обстановку в регионе, другие подчеркивают значимость внешнеполитических факторов. Некоторые авторы пытаются сбалансировать оба аспекта. Так, если обратиться к учебнику П.Н. Зы-

рянова, можно выделить следующие тезисы: 1) не прекращаются набеги азиатов (военных отрядов кокандцев, бухарцев и хивинцев), в результате которых происходит захват в плен и продажа в рабство большого количества людей – как казахов, так и русских; 2) с российской стороны предпринимается ряд ответных шагов: создание оборонительных линий, военные рейды и т.п.; 3) в правительственных кругах Петербурга идут ожесточенные споры по поводу азиатских дел. Военное министерство выступает за установление контроля над Туркестаном. Внешнеполитическое ведомство опасается международных осложнений. Беспокойство выражает и министерство финансов, которому известно, каким бременем ложится на казну содержание колоний; 4) в конце концов Александр II склоняется на сторону военных, и в 1865 г. русские войска приступили к ликвидации крепостей, из которых ханские отряды совершали нападения на присоединившиеся к России племена¹⁴.

Напротив, в учебнике Л.М. Ляшенко ничего не говорится об агрессивных действиях среднеазиатских государств по отношению к России. Акцентируются предпосылки, связанные с государственными интересами, обеспокоенность усилением Англии в этом регионе, традиционные интересы России, заключающиеся в необходимости приобретения новых земель, являвшихся выгодным источником сырья и рынком сбыта. Далее говорится, что опасаясь дипломатических осложнений и прямого военного столкновения с Англией, Петербург «решил на время отказаться от наступления на Среднюю Азию и установить на юге надежную государственную границу. Однако все предосторожности Центра сорвали решительные действия местных военных властей. В июне 1865 г. генерал М.Г. Черняев, не дожидаясь инструкций из столицы, взял Ташкент»¹⁵.

А.А. Левандовский причины присоединения Средней Азии к России трактует примерно так же, как Л.М. Ляшенко – в духе разрешения англо-российских споров. Говоря о набегах среднеазиатских военных отрядов, он подчеркивает, что их объектом были новые подданные России – казахи. Отмечено также, что еще в середине 50-х гг. XIX в. было принято правительственное решение поставить Среднюю Азию под контроль России¹⁶.

Этот краткий обзор предпосылок вхождения Средней Азии в состав России дает нам право обратиться теперь к освещению учебниками чисто личного момента – в частности, фигуры М.Д. Скобелева. Наверное, следует сказать сразу: материала о Скобелеве в этих учебниках очень мало. Так, он совсем не упомянут в учебниках следующих авторов: В.И. Буганова и П.Н. Зырянова,

Б.Г. Пашкова, П.Н. Зырянова, Л.М. Ляшенко, А.А. Левандовского, А.М. Боханова¹⁷, хотя там можно найти сведения о М.Г. Черняеве, С.П. Кауфмане и других военных деятелях. Исключением из этого ряда является учебник А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной. Первый раз Скобелев упомянут здесь в сюжете о подчинении Коканда. В частности, сказано: «К «священной» войне против русских призвали религиозные круги Кокандского ханства. В 1875 г. русские отряды под командованием генерала М.Д. Скобелева в ходе стремительных действий разгромили войска хана». И как закономерный итог этой победы констатируется: «В феврале 1876 г. Кокандское ханство было упразднено, а его территория включена в состав Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства»¹⁸. К сожалению, авторы учебника ничего не говорят о назначении Михаила Дмитриевича губернатором Ферганской области, равно, как и о его деятельности на этом посту.

Далее, Скобелев упомянут в сюжете о завоевании Туркмении. Приведем цитату: «Оплотом сопротивления многочисленных племен текинцев стал оазис Геок-Тепе. Неоднократные попытки русских войск овладеть им терпели неудачу. Позже командующим русскими войсками на западе Туркмении был назначен М.Д. Скобелев. Для бесперебойного снабжения русских войск была положена железнодорожная ветка от Красноводска в сторону Геок-Тепе. 12 января 1881 г. после ожесточенного боя русские войска овладели Геок-Тепе, а через неделю – Ашхабадом»¹⁹.

Таким образом, из перечисленного ряда пособий для средней школы учебник Данилова и Косулиной в освещении деятельности Михаила Дмитриевича Скобелева в Средней Азии является наиболее информативным. Безусловно, задачи формирования учебного текста, отбор необходимого и отсева менее значимого заставили авторов о многом умолчать. Тем не менее, жаль, что ученик средней школы не узнает, что успеху Хивинского похода 1873 г. способствовала глубокая, тщательная разведка, произведенная группой Скобелева, что взять крепость Геок-Тепе удалось дополнительно ко всему объему подготовительной работы, также благодаря репетициям штурма, неоднократно (по-суворовски) проделанным Скобелевым и его отрядом, что, наконец, причинами его скорой отставки с поста военного губернатора Ферганской области были честность, неподкупность и беспощадная борьба с коррупцией русского колониального чиновничества.

¹ См.: Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., МГУ. 1996. С. 523–526.

² См.: Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. М., 1994. С. 375–376.

³ См.: Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Изб. Произведения в 4х тт. т 2. М., 1965. С. 533–535.

⁴ См.: Шарифжанов И.И. Изолированная страна. История России на страницах школьных учебников США и Западной Европы. Казань. 2009.

⁵ См.: Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. XXX. Спб., 1900. С. 216.

⁶ См.: Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. Седьмое издание. Т. 39. М., 1939. С.258.

⁷ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. С. 258.

⁸ См.: История СССР. Учебник для педагогических институтов. М., 1972. С. 64–65.

⁹ См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. С. 959.

¹⁰ См.: История России. XIX век. В 2-х частях. Часть II. М., Владос. 2001. С. 205–211.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М., 2007. С. 262–264.

¹³ См.: Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы. М., 2002. С. 133, 140, 142–141, 159.

¹⁴ См.: Зырянов П.Н. История России. XIX век. М., 1999. С. 173–174.

¹⁵ См.: Ляшенко Л.М. История России. XIX век. 4-е изд. М., 2001. С. 168.

¹⁶ См.: Левандовский А.А. История России. XIX век. М., 2003. С. 244–245.

¹⁷ См.: Буганов В.И. и Зырянов П.Н. История России (конец XVII–XIX вв.). М., 1999; Пашков Б.Г. История России XVIII–XIX века. М., 2000; Зырянов П.Н. Указ соч.; Ляшенко Л.М. Указ соч.; Левандовский А.А. Указ соч.; Боханов А.М. История России. XIX в. М., 2006.

¹⁸ См.: Данилов А.А., Косулина Л.Г. История государства и народов России. М., 2008. С. 193.

¹⁹ См.: Там же. С. 194.

М.А. СЕМКИН
(Рязань)

М.Д. СКОБЕЛЕВ В ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЯХ 80–90-Х ГГ. XIX В.

Настоящая статья нацелена на выявление характеристик М.Д. Скобелева через лингвистический анализ зарубежных политических комментариев во французских и английских источниках 80–90-х гг. XIX в. соответствующего исторического периода. Издания, анализируемые ниже, подчеркивают высокий авторитет полководца, показывают его положительные личностные и профессиональные качества, проявленные на военном поприще и в общественно-политической сфере.

Так, в работе «Le Skobeleff français» («Французский Скобелев») генерал получает высокую оценку: «*Skobeleff, un des meilleurs généraux que le Providence ait donné à la Russie, détestait les Prussiens et était redouté de l'Allemagne. Il aimait la France et croyait sincèrement que l'alliance de la vieille Gaule avec la jeune et puissante Russie pouvait tenir en échec les aspirations coupables d'un peuple affamé de conquêtes*»¹. («Скобелев, один из лучших генералов, которых Провидение даровало России, ненавидел пруссов и опасался Германии. Он любил Францию и искренне полагал, что союз старой Галлии с молодой и могущественной Россией мог противодействовать стремлениям немецкого народа к завоеваниям». [Здесь и далее перевод наш – М.С.]). Приведенный отрывок является фрагментом из вступления к книге об известном французском генерале и политическом деятеле Жорже Буланже. В самом заглавии данной работы (т.е. в сильной позиции текста, фокусирующей на себе внимание читателей) имя М.Д. Скобелева употребляется в качестве прецедентного антропонима, то есть выступает в репрезентативно-символической функции как воплощение определенных качеств. Так, одна из параллелей, проводимых между двумя генералами – русским и французским, базируется на убеждении о принадлежности двух исторических персоналий к числу лучших военачальников высокого ранга: «*un des meilleurs généraux*» («один из лучших генералов»), а также их обоюдной враждебности к Германии: «*Skobeleff ... détestait les Prussiens et était redouté de l'Allemagne*» («Скобелев ... ненавидел пруссов и опасался Германии»). При этом лексема «*meilleur*» («лучший») усиливается атрибутивным придаточным «*que le Providence ait donné à la Russie*» («которое Провидение даровало России») с персонифицированной

метафорой, где абстрактная сущность «*le Providence*» («провидение») ассоциируется с образом Бога, даровавшего России великого сына.

Восхищаясь М.Д. Скобелевым, автор книги «*L'alliance Russe. Souvenirs et impressions d'un Français en Russie*» («Русский альянс. Воспоминания и впечатления француза от России») отмечает неординарность, мужество, удачливость генерала, тот факт, что он умер преждевременно: «*La Russie a le culte de ses glories nationales. Chacun, ici, parle ... avec respect de ... cet incomparable officier, mort à la fleur de l'âge, à l'apogée de la force et du talent, Skobéleff*»². («В России есть культ национальной славы. Здесь каждый говорит ... с уважением о ... **неподражаемом офицере, умершем в расцвете лет, в апогее силы и таланта**, – Скобелеве»). При этом описании русского полководца используется эпитет «*incomparable*» («неподражаемый»), подчеркивающий уникальность генерала, а также метафора «*fleur de l'âge*» («расцвет лет») и словосочетание «*l'apogée de la force et du talent*» («апогей силы и таланта»), позволяющие охарактеризовать жизненный путь М.Д. Скобелева как трагически краткий, безвременно оборвавшийся на вершине славы.

Далее автор характеризует генерала как человека, убежденно-го в необходимости союзничества России и Франции: «*Il était ... un chaleureux ami de la France; il portait publiquement, dans les banquets officiels, des toasts à l'alliance franco-russe*»³. («Он был ... **пылким сторонником Франции** и публично произносил на официальных банкетах тосты за франко-русский союз»). Подобная характеристика осуществляется посредством использования эпитета «*chaleureux*» («пылкий»), а также лексем, выражающих понятие общности, таких, как «*ami*» («друг»), «*alliance*» («альянс»). Лексемы общности позволяют автору комментария донести до аудитории мысль о характере взаимоотношений между двумя странами, охарактеризовать стремление военачальника к союзничеству России и Франции как осознанную полководческую стратегию.

Успешные действия М.Д. Скобелева создали ему большую популярность за рубежом. Автор говорит об известности русского полководца во Франции: «*La popularité de Skobéleff! Elle valait mieux qu'une armée de deux cent mille hommes! ... Chacun connaît, même en France, la popularité de Skobéleff, sa bravoure insensée, son audace hereuse. A chaque bataille, il avait deux ou trois chevaux tués sous lui*»⁴. («Популярность Скобелева стоила больше, чем двухсоттысячная армия! ... Даже во Франции все наслышаны о Скобелеве, его **невероятном мужестве, отваге и удачливости**. В каждой

битве у него убивали по две или три лошади»). Тезис об удачливости полководца, вводимый номинацией «*audace hereuse*» («отвага и удачливость»), раскрывается аргументом «*chacun connaît*» («все наслышаны»). Последний основан на стилистическом механизме гиперболизации и усиливается частицей «*même*» («даже»), формирующей субъективную модальность высказывания, которая позволяет автору выразить логико-эмоциональную оценку описываемого.

В анализируемой публикации дается описание М.Д. Скобелева и других офицеров, участвовавших с ним в военных кампаниях: «*Tout officier désigné pour faire partie de sa suite se regardait comme un homme mort, tant Skobéleff aimait à galloper au plus fort de la mitraille*»⁵. («В бою офицеры из свиты генерала выглядели **бледными, как смерть**, настолько Скобелев любил нестись галопом **быстрее пули**»). В приведенной цитате имеет место использование таких стилистических средств, как сравнение – «*comme un homme mort*» («как смерть») и гиперболизация – «*plus fort de la mitraille*» («быстрее пули»), а также синтаксический параллелизм, призванный усилить впечатление о воинской доблести М.Д. Скобелева на фоне других менее достойных представителей генеральского корпуса, что позволяет экспрессивно раскрыть образ генерала, его мужество и харизматичность.

Высокие нравственные качества М.Д. Скобелева отмечают в работе «*Russian Projects Against India. From the Czar Peter to General Skobeleff*» («Российские планы против Индии. От Петра I до генерала Скобелева»): «*Skobeleff gave orders to his own division to spare the women and children, and none were killed before his eye; but the other divisions spare none. The troops used their sabres like a machine, and mowed down all they met*»⁶. («Скобелев приказал своей дивизии **пощадить** женщин и детей, и никто не был убит на его глазах. **Другие же дивизии не щадили** никого. Войска безжалостно пускали в ход свои сабли и уничтожали всех на своем пути»). Риторическая фигура контраста, используемая при описании действий некоторых воинских частей, с одной стороны, и высоконравственных поступков генерала как командующего дивизией, с другой, позволяют дать характеристику М.Д. Скобелеву как человеку милосердному, великодушному по отношению к побежденному врагу, особенно к беззащитным людям.

Умение русского военачальника воодушевить войска, найти с ними контакт и достигнуть взаимопонимания упоминается в следующем отрывке: «*The army can show no other man with such*

wonderful power and influence over his troops as were possessed by Skobelev»⁷. («У армии не может быть человека с такой **невероятной властью и влиянием над своими солдатами**, которыми обладал Скобелев»). Подобная характеристика дается генералу через словосочетание «*wonderful power and influence*» («невероятная власть и влияние»), содержащее в себе эпитет «*wonderful*» («невероятный»), который позволяет придать тезису выразительность, красоту и точность.

Высокие военные качества полководца следуют из описания проводимых им военных операций: «*Radetzky crossed the Balkans on both sides of the Shipka Pass during the first week in January, and, after a brilliant assault by Skobelev at Cenovo on the 9th, he bagged the entire Turkish force of thirty-six thousand men ... It was [Skobelev's – M.C.] beautiful attack ..., the Pasha surrendering to him in person*»⁸. («Радетский пересек Балканы с обеих сторон Шипкинского перевала в первую неделю января и после **блестящего штурма** Скобелевым Ценова 9 числа уничтожил всю тридцатишеститысячную армию ... Это была замечательная атака [Скобелева – М.С.] ..., [в результате которой] паша сдался лично»). Словосочетания «*brilliant assault*» («блестящий штурм»), «*beautiful attack*» («прекрасная атака») являются экспрессивно маркированными лингвистическими единицами и выражают в высшей степени положительную оценку автором действий генерала.

Другие военные успехи М.Д. Скобелева также заслуживают высокой похвалы комментаторов: «*Skobelev stormed the lines at Cenovo, and thereby compelled the surrender of the Shipka army, without the aid of a single cannon*»⁹. («Скобелев взял оборонительные рубежи Ценова и тем самым вынудил сдать армию Шипки **без единой пушки**»). Словосочетание «*without ... cannon*» («без ... пушки») сопровождается лексемой «*single*» («единый»), что усиливает прагматический эффект высказывания.

Говоря о возрасте М.Д. Скобелева, автор отмечает, что несмотря на молодой возраст, полководец был лучшим генералом своего времени: «*Skobelev is the youngest and most brilliant of the Russian generals, his age being not quite thirty-four at the time of the assaults on Plevna*»¹⁰. («Скобелев – **самый молодой и лучший** из русских генералов – во время штурма Плевны ему не было и **тридцати четырех лет**»). Использование суперлативов «*the youngest and the most brilliant*» позволяет выделить М.Д. Скобелева из ряда других генералов. При этом при упоминании возраста полководца автор использует квантитативный аргумент «*thirty-four*» («трид-

цать четыре»), позволяющий более убедительно аргументировать свой тезис о молодом возрасте генерала и его успешной военной карьере.

Автор делает предположение относительно вероятной судьбы М.Д. Скобелева в случае, если бы полководец избежал смерти в молодом возрасте: «*Should [Skobelev – M.C.] live through the next thirty years, he will undoubtedly be the Commander-in-chief of the Russian forces ... and he will then in all probability establish his fame among the great generals of this century*»¹¹. («[Скобелев обладал – М.С.] отвагой ..., бесстрашием, ... глубокими знаниями в военном искусстве и умел применить их на практике в конкретной ситуации. **Если бы он прожил еще тридцать лет, то несомненно стал бы** верховным главнокомандующим российскими войсками ... и со всей вероятностью занял **бы** почетное место среди великих генералов столетия»). Предположение автора строится на сослагательной (условной) модальности, реализуемой через конструкцию «*should he live ... he will ...*» («проживи бы он ..., то бы стал ...»).

Яркая парижская речь М.Д. Скобелева, направленная на объединение славянских народов, также находит отклик в публикациях того времени: «*The Russian Government, while officially disavowing the late remarkable utterances of General Skobelev are taking exceeding good care not to damp the hopes he has raised among the Slavs*»¹². («Российское правительство, официально отрекшись от поздних **выдающихся заявлений** генерала Скобелева, прикладывает все силы, чтобы не лишить славян надежд, которые он у них пробудил»). Оценочный компонент «*remarkable*» («выдающийся»), имеющий положительную коннотацию, приписывается высказываниям М.Д. Скобелева, таким образом характеризуя описываемый субъект через когнитивный механизм метонимии (действия человека – часть, характеризуют его самого – целое).

Таким образом, проанализированные зарубежные источники позволяют рассматривать их как объективные исторические документы, подтверждающие общеевропейское признание военно-стратегического таланта великого русского полководца.

¹ Le Skobelev français / par Russophilos. Paris: Dentu, 1887. P. 6.

² L'alliance Russe. Souvenirs et impressions d'un Français en Russie. Paris: Dupont, 1893. P. 126.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ *Edwards, H. Sutherland*. Russian Projects against India. From the Czar Peter to General Skobeleff. London: Remington, 1885. P. 254.

⁷ The Death of General Skobeleff // The Mercury Supplement. September 16, 1882. P. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://trove.nla.gov.au/ndp/del/article/9021329> (дата обращения: 12.11.2013).

⁸ *Greene, F.V.* Campaign Notes in Turkey: 1877–88 // The North American Review, Cedar Falls: University of Northern Iowa, 1879. Vol. 128, No. 270. P. 466, 478 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/25100751> (дата обращения: 07.10.2013)

⁹ Ibid. P. 471.

¹⁰ Ibid. P. 478.

¹¹ Ibid. P. 478–479.

¹² The Russian Government and Skobeleff's Speech // The Queenslander. March 11, 1882 [Электронный ресурс]. P. 305. URL: <http://trove.nla.gov.au/ndp/del/article/19783098> (дата обращения: 12.11.2013).

А.Б. ШОЛОХОВ
(Москва)

**ПОЧЕМУ ВОСТРЕБОВАН «БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ»?
К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.Д. СКОБЕЛЕВА
(1843–1882)**

17 (29) сентября 1843 года в семье Дмитрия Ивановича Скобелева и его жены Ольги Николаевны (урожденной Полтавцевой) в Петербурге в доме коменданта Петропавловской крепости, которым тогда был его дед, родился сын Михаил, будущий генерал от инфантерии, или полный генерал, военный герой, борец за развитие русского самосознания и возможный военный диктатор России. В характере этого сложного человека тесно переплелись отвага и честолюбие, доходившие до авантюризма, либеральные убеждения и консерватизм, вера в объединение славян и бонапартизм. Он был типичным представителем российского дворянства, с известной долей европейского космополитизма и в то же время истинным патриотом, глубоко любящим и понимающим свой народ с его верой в справедливость, добротой и жертвенностью, терпением и неприхотливостью.

Не раз случалось, что люди, когда-то бывшие у всех на виду, затем не оставляли заметного следа в памяти народной. Но бывало и так, что личности, много сделавшие для своей Родины, намеренно вычеркивались из истории стараниями тех, кто догматически понимал развитие человечества. Пожалуй, к таким личностям можно отнести и генерала Михаила Дмитриевича Скобелева – самого известного русского полководца второй половины XIX века.

События, связанные с ним, всегда подвергались яростным нападкам и фальсификациям тех, кто хотел бы запутать общественное сознание с целью передела мира. Они не хотят видеть внутренней логики развития России, постоянно противопоставляя ее якобы цивилизованному Западу.

Конечно, война – всегда трагедия, но нет народа, который не гордился бы своими героями, не вспоминал бы их подвиги и не стремился им подражать. Слава Скобелева связана как с русско-турецкой войной 1877–1878 годов, освободившей балканских славян от почти пятивекового турецкого ига, так и с присоединением Туркестана (Средней Азии) к России – процессом хотя и прогрессивным, но не лишенным жестокости.

Скобелев не только видный деятель общественно-политической жизни России 70–80-х годов прошлого века, но и игрушка в чьих-то руках, жертва закулисных сил, куда более мощных, чем самодержавие. Гибель 39-летнего генерала в расцвете сил в московской гостинице «Англия» в ночь с 25 на 26 июня 1882 года (по старому стилю) и по сей день таит в себе загадку, как и убийство его матери в Болгарии несколько ранее.

Разобраться во всем этом трудно, порой невозможно. И все же, думается, сложность и противоречивость жизнедеятельности М.Д. Скобелева ни в коей мере не должны служить поводом для замалчивания его недолгой, но яркой роли в отечественной истории.

Еще об одном хотелось бы предупредить читателя. Те, кто стремится внедрить в самосознание народов национализм, действуя по принципу «разделяй и властвуй», спешат обвинить Скобелева в «имперском мышлении», причислить к панславистам. При этом намеренно забывается, что сам термин «панславизм» возник в начале 40-х годов XIX века в кругах немецкой и венгерской националистической буржуазии, опасавшейся национально-освободительного движения славян. Применялся он по отношению ко всякому национально-освободительному движению, направленному против немецкого господства в Австро-Венгрии и турецкого гнета. Изначально он служил жупелом, с помощью которого немецкий шовинизм запугивал собственных обывателей и общественность других стран мнимой славянской и русской угрозой. Между прочим, борьбой с «панславизмом» оправдывал свою агрессию Гитлер. О советском, а теперь о российском «панславизме» неизменно кричат и нынешние поборники «атлантической солидарности» в США и Европе.

Если уж использовать понятие «панславизм», то, как справедливо отмечает историк и публицист Аполлон Кузьмин, нужно помнить, что под него подводилось много идейных течений – от радикальных до консервативных. Разновидностью его было и русское славянофильство, имеющее перед отечественной историей немалые заслуги. Разумеется, и в славянофильстве, и в западничестве были крайности, присущие российской интеллигенции. Реальная же политика чаще всего выбирала золотую середину, тем самым подвергаясь нападкам и слева, и справа, и отнюдь не всегда оправдываясь будущим.

Что касается Михаила Дмитриевича Скобелева, то он мечтал об объединении славян под эгидой России на основе общности крови, веры, языка и культуры, но не противопоставлял их другим

народам. Отечество виделось ему как мощный естественный союз европейских и азиатских народов, давно живущих на сопредельных территориях, образованный с целью защиты своих исконных интересов. С таким идеалом, как минимум, перекликается евразийский союз, задуманный ныне президентом РФ Владимиром Путиным.

В последние годы жизни Михаил Дмитриевич называл главным врагом славянства немецкий национализм. И внешний ход последующих событий вроде бы подтвердил его мысль. Но нельзя не видеть за разразившимися двумя мировыми войнами интересов других стран и этнических образований, желавших поживиться за счет ослабления России и Германии. Стоит задуматься: не оказывается ли в конечном счете всякий национализм лишь орудием в руках мощных космополитических сил, рвущихся к мировому господству? На этот вопрос не так-то просто найти убедительный ответ. Думается, не все здесь понимал и Скобелев.

Сейчас, когда Россия имеет шанс возродиться как самостоятельный центр силы, особенно полезно познать повторяющиеся в истории мотивы геополитики. Изучение жизни и судьбы генерала Скобелева позволяет нащупать стык российских и западных интересов, чтобы использовать его для национально ориентированного, а не компрадорского развития.

До революции М.Д. Скобелеву была посвящена довольно обширная литература, в которой он рассматривался как «полководец, Суворову равный», талантливый военный администратор и крупный общественный деятель. Мемуары о нем оставили друзья и соратники – В.В. Верещагин, В.И. Немирович-Данченко, А.Н. Куропаткин и многие другие известные исторические личности. Собраны и изданы приказы полководца, в какой-то мере изучены его взгляды на политику, войну и военное дело.

Перед Великой Отечественной войной о М.Д. Скобелеве в Париже был издан довольно обстоятельный труд Н.Н. Кнорринга, который имел доступ к архиву родственников Михаила Дмитриевича, оказавшихся за рубежом после революции. Этот исследователь отмечал, что сейчас же после смерти генерала все документы и материалы, находившиеся в его квартире в Минске, «всего по описи 28 июня 1882 года 36 номеров всевозможных пакетов, папок, свертков и т.д., десять записных книжек опечатаны в деревянном сундуке, соломенном ящике и отдельном тюке» и, по словам начальника штаба 4-го корпуса, которым в последний год своей жизни командовал Скобелев, отправлены в Петербург. Туда же были отосланы и документы, затребованные от редактора «Руси» И.С. Аксакова,

редактора «Московских новостей» М.Н. Каткова, графа А.В. Адлерберга и некоторых других лиц.

По всей видимости, далеко не все эти бумаги сохранились. Во всяком случае, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве автору удалось найти лишь немногие из бумаг М.Д. Скобелева. Так, представляют несомненный интерес письма Михаила Дмитриевича к И.С. Аксакову и А.Н. Куропаткину, а также воспоминания последнего о своем боевом товарище. Любопытны также воспоминания о военачальнике деятелей культуры, особенно В.И. Немировича-Данченко, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), а также некоторые документы, имеющиеся в других хранилищах.

В Советском Союзе, а затем в Российской Федерации о М.Д. Скобелеве крупных работ не издавалось, за исключением, пожалуй, популярного очерка Б.А. Костина «Скобелев» (М., 1990). Однако в последнее время появились научно-популярные книги В.Н. Масальского «Скобелев. Исторический портрет» (М., 1998), А.Б. Шолохова «Генерал Скобелев: исторический портрет» (М., 2002) и В.И. Гусарова «Генерал Скобелев. Легендарная слава и несбывшиеся надежды» (М., 2003). Вышли и художественные произведения, посвященные генералу: Б. Акунин «Смерть Ахиллеса» (М., 2002) и Б. Васильев «Генерал Скобелев» (М., 2007). Думается, сейчас, в начале XXI века, самое время продолжить эти публикации. Тем более, что расцвет жизни генерала совпал с переломным для России временем рубежа царствований Александра II и Александра III, когда до предела обострилась борьба либеральных и консервативных сил, централистов и децентралистов, славянофилов и западников, а реформы, в который уже раз сменились контрреформами. Из таких исторических точек обычно протягиваются нити и к прошлому, и к будущему. Здесь есть над чем задуматься любознательному читателю.

Итак, сегодня М.Д. Скобелев снова востребован в российском общественном сознании. Воссоздан Скобелевский комитет, существовавший до Октябрьской революции, который возглавил летчик-космонавт СССР Алексей Архипович Леонов. Его усилиями установлена мемориальная доска на комендантском доме в Петропавловской крепости в Петербурге. В Москве, правда, на окраине, есть Скобелевская улица. Идет затяжная борьба за установку памятника «Белому генералу», как его называли за пристрастие к белым лошадям и кителям, в сквере у площади Ильинские Ворота рядом с мемориалом героям Плевны. Хотя это дело чести Москвы: памятник народному герою, стоявший там, где сейчас конная ста-

туя Юрию Долгорукому, был варварски разрушен троцкистами и их приспешниками.

В Болгарии, например, свято берегут память о генерале Скобелеве, об этом свидетельствуют десятки памятников, ему посвященных. Теперь появилась надежда, что и в России справедливость по отношению к Михаилу Дмитриевичу восторжествует.

В судьбе и взглядах Скобелева отразилось переломное время междоусобицы Александра II и Александра III, во многом коррелирующее с нашим смутным началом XXI века.

Новому самодержцу Александру III импонировали предостережения обер-прокурора синода о том, что вместо укрепления власти некоторые деятели «предлагают устроить нам говорильню... Мы и без того страдаем от говорилен, которые под влиянием негодных, ничего не стоящих журналов разжигают только народные страсти... Мало того, открыты повсюду кабаки, бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить, лениться к работе, а потому стал несчастною жертвой целовальников (торговцев в винной лавке, кабатчиков. – *А.Ш.*), кулаков, жидов и всяких ростовщиков»¹.

К.П. Победоносцев обращал внимание государя на то, что разглагольствуют все больше «люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своими семействами, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все смуту... Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильне, которая во все концы русской земли на тысячи и десятки тысяч верст разносит хулу и порицание на власть, посеивает между людьми мирными, честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям»².

К.П. Победоносцев делал вывод, что для процветания России в ней должна существовать сильная власть, не ограниченная парламентом и конституцией по западному образцу.

На политическом небосклоне России появились новые лица, влияние которых росло. Среди них граф Н.П. Игнатьев, в прошлом посол России в Турции. Сохранилась его записка, излагающая программу правительственной деятельности. Прежде всего, полагал он, нужно освободиться от некоторых явлений общественной жизни, сгубивших «лучшие начинания» Александра II. Игнатьев писал: «В Петербурге существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные

дела. Многими законными и незаконными путями и средствами она имеет громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел. Отдельными своими частями эта группа соприкасается и с развившимся расхищением казны, и с крамолой. Проповедуя слепое подражание Европе, люди этой группы, ловко сохраняя свое нейтральное положение, очень охотно пользуются крайними проявлениями крамолы и казнокрадства, чтобы рекомендовать свой рецепт лечения: самые широкие права полякам и евреям, представительные учреждения на западный образец. Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими критиками, твердящими о том, что нужно слушать только «интеллигентный класс и что русские требования следует отвергнуть как отсталые и непросвещенные»³.

Такая концепция, судя по всему, импонировала не только молодому государю, но и М.Д. Скобелеву, который в письме к И.С. Аксакову отмечал, что «по моему глубокому убеждению, политик у нас один – граф Николай Павлович Игнатов».

Как считал советский историк В.Б. Велинбахов, Скобелев имел собственную программу изменения всех сторон жизни в России⁴. Над ней он много работал, оттачивал мельчайшие детали. В одном из своих писем И.С. Аксакову Скобелев писал: «Для вас, конечно, не осталось незамеченным, что я оставил все, более чем когда-либо проникнутый сознанием необходимости служить активно нашему общему святому делу, которое для меня, как и для вас, тесно связано с возрождением пришибленного ныне русского самосознания. Более, чем прежде, ознакомься с нашей эмиграцией, я убедился, что основанием общественного недуга в значительной мере является отсутствие всякого доверия к положению наших дел. Доверие это мыслимо будет тогда, когда правительство даст серьезные гарантии, что оно бесповоротно ступило на путь народный как внешней, так и внутренней политики, в чем пока и друзья, и недруги имеют полное основание болезненно сомневаться».

В августе 1881 года Скобелев писал М.Н. Каткову: «до сих пор наше отечественное несчастье главным образом, как мне кажется, происходило не от ширины замыслов, а от неопределенности и изменчивости нашего политического идеального предмета действий. Эта неопределенность об руку с денежной недобросовестностью тяжелым бременем легла на всем строе государства...»⁵

12 (24) января 1882 года на банкете в ресторане Бореля в Петербурге М.Д. Скобелев произнес горячую речь, направленную против Австро-Венгрии. Он, в частности, отметил, что «Великие патриоти-

ческие обязанности наше железное время налагает на нынешнее поколение. Скажу, кстати, господа: тем больнее видеть в среде нашей молодежи так много болезненных утопистов, забывающих, что в такое время, как наше, первенствующий долг каждого – жертвовать всем, в том числе и своим духовным я, на развитие сил отечества. ... Господа, всякий раз, когда Державный Хозяин русской земли обращался к своему народу, народ оказывался на высоте своего призвания и исторических потребностей минуты; с интеллигенцией же не всегда бывало то же – и если в трудные минуты кто-либо банкрутился пред царем, то, конечно, та же интеллигенция. Полагаю, что это явление вполне объяснимое: космополитический европеизм не есть источник силы и может быть лишь признаком слабости. Силы не может быть вне народа, и сама интеллигенция есть сила только в неразрывной связи с народом»⁶.

Несколько позднее, 5 (17) февраля 1882 года, выступая в Париже перед сербскими студентами, М.Д. Скобелев говорил: «Я вам скажу, я открою вам, почему Россия не всегда на высоте своих патриотических обязанностей вообще и своей славянской миссии, в частности. Это происходит потому, что как во внутренних, так и во внешних своих делах, она в зависимости от иностранного влияния. У себя мы не у себя. Да! Чужестранец проник всюду! Во всем его рука! Он одурачивает нас своей политикой, мы – жертва его интриг, рабы его могущества. Мы настолько подчинены и парализованы его бесконечным, губительным влиянием, что если когда-нибудь, рано или поздно, мы освободимся от него – на что я надеюсь, – мы сможем это сделать не иначе как с оружием в руках!»⁷.

39-летний генерал М.Д. Скобелев погиб в расцвете сил в ночь с 25 на 26 июня (по старому стилю) при загадочных обстоятельствах в московской гостинице «Англия», что располагалась на углу Столешникова переулка и Петровки. Несколько ранее в Болгарии была убита и его мать. После ужина с кокеткой Элеонорой (Розой) Алтенроз, еврейкой из Австро-Венгрии. Сразу пошли слухи, что популярного генерала, русского «Бонапарта» отравили. Ответственность возлагали то на немецкую агентуру (Скобелев в своих речах называл главным врагом России Германию), то на «священную дружину», охранявшую царский дом от возможного диктатора. Но более правдоподобно звучит версия смерти генерала от рук представителей радикального крыла масонов, с которыми он был связан. Так доказано, что писатель В.И. Немирович-Данченко, друживший с М.Д. Скобелевым и прославлявший его, был масоном. Кстати, и премьер-министр Франции Леон Гамбетта, с которым контакти-

ровал генерал, погиб при аналогичных обстоятельствах спустя несколько месяцев после внезапной кончины Скобелева. Дело в том, что Гамбетта перешел на патриотические позиции, стал выступать за сильную, самостоятельную Францию. После этого при чистке охотничьего ружья в присутствии любовницы произошел якобы случайный выстрел...

Казалось бы, судьба М.Д. Скобелева предостерегает военных от участия в политических баталиях и неразборчивых связях. Военную прямолинейность всегда «перешибет» политическая хитрость. Но и в наше время, похоже, на те же грабли, что и Скобелев, наступил, например, небезызвестный генерал Александр Лебедь.

Интересна оценка, данная Скобелеву в «Отечественных записках», издаваемых М.Е. Салтыковым-Щедриным: «Если у Скобелева не было, как у других полководцев, особенно громких побед и никто не знал его заветных дум и идеалов, то все-таки у него были несомненные, в особенности для нашего времени, достоинства, которые и делали его популярным как среди солдат, так и в обществе; он не гнался за земными благами, не выпрашивал подачек и не захватывал казенных земель, не занимался гешефтами, мог спать и, по-видимому, даже предпочитал спать в траншее, а не на мягком тюфяке, он относился к солдату внимательно, не крал его сухарей и, подставляя его грудь под пули, подставлял рядом и свою. Это несомненные в наши дни достоинства, которым большинство даже не удивляется. Скобелев – это какая-то в высшей степени непосредственная и в то же время что-то таившая в себе натура, натура недовольная и несчастная, при всем видимом счастье, натура отчасти романтическая и склонная к мистицизму, способная уложить более 20 тысяч человек в одну кампанию и плакать перед картиной сражения при Гравелоте (Сражение между французской и германской армиями 18 августа 1870 года. – *А.Ш.*), натура то разочарованная и не ставившая жизнь ни в копейку, то думавшая о будущем счастье, даже собиравшаяся помогать мужику, то тяготевшая к Москве, то говорившая о свободе народов».

Далее автор статьи в «Отечественных записках» предполагает, что Скобелев как политик выступал «не сам собою, а как будто кто-то толкал его сзади: фатум, обстоятельства или чья-то невидимая рука, смотревшая на него, может быть, просто как на прекрасное историческое мясо, могущее послужить для временного воплощения народного духа и национальной идеи»⁸.

Можно согласиться с мнением Н.Н. Кнорринга, считавшего, что Скобелев умер признанным полководцем, но как государствен-

ный деятель он только начал раскрываться⁹. Михаил Дмитриевич едва ступил на политическую арену, но на ней ему места не нашлось – это была трагедия его последних лет.

На следующий день после смерти Скобелева Д.А. Милютин, сожалея о случившемся, писал в своем дневнике: «Он был еще молод, кипел деятельностью и честолюбием, обладал несомненно блистательными боевыми качествами, хотя и нельзя сочувствовать ему как человеку. У него честолюбие преобладало над всеми прочими свойствами ума и сердца – настолько, что для достижения своих честолюбивых целей он считал все средства и пути позволительными и в чем признавался сам с некоторым цинизмом»¹⁰.

В.И. Немирович-Данченко доказывал, что в М.Д. Скобелеве два человека: «Один полководец, вожь, который готов тысячи людей бросить не смерть, когда надо Родине и делу, другой весь в бессонных ночах и покаянных муках, в беспощадном самобичевании за эти самые жертвы. Честолюбие? Да... Но не для себя... Слава, безопасность и мощь России – да. И для этого он пойдет на все»¹¹.

«Его идеалами, – считал В.И. Немирович-Данченко, – была – великая, свободная, демократическая Россия, живущая сама всюю полнотою жизни и дающая возможность жить другим. Россия, свято соблюдающая интересы связанных с нею племен. Россия, для которой нет эллина, нет иудея, где все равны и каждому, как бы он ни назывался, одинаково были бы открыты пути к счастью и вольному труду. Россия как мощное тело, одноплеменное, одноязычное, окруженное автономиями, опирающимися на ее грозную врагам силу, свободно развивающимися племенами. Кто хочет – уходи и живи сам, кто хочет – будь с нами. Соединенные Штаты Восточной Европы и Сибири с самоуправляющимися в общем Союзе Эстонией, Латвией, Литвою, Украиной, Кавказом. Польша – самостоятельная, но связанная с нами отсутствием таможенной границы. Вот к чему шел человек, которого все знали как гениального полководца и немногие как политического вождя с определенной программой и точными масштабами для будущего»¹².

Такова ли в точности была программа М.Д. Скобелева, как излагал В.И. Немирович-Данченко, сказать трудно. Известно, что писателям порой свойственно приписывать своим героям собственные взгляды. Одно несомненно: стремясь к процветанию своей страны, генерал твердо стоял на почве народной.

Наверное, у Немировича-Данченко были какие-то основания утверждать многие годы спустя после смерти «Белого генерала», что живи он и вся история России могла пойти другими путями.

Так это или нет, сейчас трудно сказать. Но одно несомненно, что обращение к жизни и взглядам М.Д. Скобелева поможет нынешним гражданам России лучше понять свою страну, разобраться в структуре и мотивах различных сил, действующих на ее исторической арене и особенно остро схлестнувшихся в наше переломное время.

¹ Цит. по: Дневник Е.А. Перетца (1880–1883) М.; Л., 1927. С. 39.

² Там же.

³ ГАРФ. Ф. Н.П. Игнатъева. Д. 1437. Л. 3.

⁴ Цит. по: *Велинхабов В.Б.* Генерал «от пронунсименто» // Прометей. 1869. № 7. С. 254–255.

⁵ Цит. по: *Кашкаров Д.Д.* Взгляд на политику, войну, военное дело и военных Михаила Дмитриевича Скобелева. СПб. 1883. С. 27.

⁶ Цит. по: *Чанцев И.А.* Скобелев как полководец. 1880–1881. СПб., 1883. С. 136–141.

⁷ Речь генерала Скобелева в Париже. 1882 г. // Красный архив. 1927. Т. 27. С. 219–220.

⁸ По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1882. № 8. С. 336–338.

⁹ См.: *Кнорринг Н.Н.* Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. Париж, 1939–1940. Ч. 1–2. С. 283.

¹⁰ ОРГБЛ. Ф. 169. Оп. 6. Д. 5. Л. 45.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Д. 81. Л. 9.

¹² Там же. Л. 26.

ЧАСТЬ II

РОССИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ

Т. МИТЕВ
(Болгария, София)

**ВКЛАД ГЕНЕРАЛА МИХАИЛА ДМИТРИЕВИЧА
СКОБЕЛЕВА В ПОБЕДУ РУССКОЙ АРМИИ
ПОД ПЛЕВНОЙ В 1877 ГОДУ**

В 70-е гг. XIX века национально-освободительное движение болгарского народа вошло в свою решительную фазу. Его высшей точкой стало Апрельское восстание 1876 г. Во время его подавления армия султана Абдула Хамида уничтожила больше тридцати тысяч болгар; сожжено около двухсот болгарских городов и сел; тысячи людей были угнаны в рабство, брошены в тюрьмы, вынуждены эмигрировать. В Европе поднимается мощная волна протеста в защиту болгарского населения. В ней принимают участие самые выдающиеся личности эпохи: Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Д.И. Менделеев в России, Виктор Гюго во Франции, Джузеппе Гарибальди в Италии...

Мощная реакция мировой демократической общественности создала благоприятные возможности для того, чтобы русская дипломатия в своей балканской политике перешла в наступление. Посредством решительных действий открылись возможности для справедливого разрешения болгарского вопроса. К тому времени Петербург отменил ряд неблагоприятных условий, наложенных на Россию великими западными державами после Крымской войны, согласно Парижскому мирному договору 1856 г.

В ноябре 1876 г. в Константинополе была созвана международная дипломатическая конференция. Благодаря активной политике российского представителя – графа Николая Игнатьева, конференция приняла решение заставить султана провести реформы: в болгарских землях образовать две автономные, самоуправляющиеся области с центрами в городах Велико Тырново и София. Под давлением Великобритании султан отказался от исполнения этого решения. Без результата оставались российские усилия, приложенные к мирному разрешению болгарского вопроса. Турецкое упорство ставило императора Александра II перед необходимостью военного разрешения болгарского вопроса, это давало России возможность значительно улучшить свои позиции в Черноморском регионе, пошатнувшиеся после Крымской войны¹.

План войны против Османской империи был утвержден 11 апреля 1877 г. Вооруженные силы России были разделены на две

армии – Кавазскую, предназначенную для действий против восточных владений Османской империи, и Дунайскую армии. Главная задача последней – посредством успешных боевых действий в нижнем течении Дуная принудить Османскую империю признать существование независимого уже болгарского государства².

Десятая Русско-турецкая война была объявлена 12 апреля 1877 г. Манифестом императора Александра II. После подписания специального договора, который утверждал правила перехода русской армии через территорию Румынии, русская армия вышла на северный берег Дуная. Чтобы отвлечь внимание турецкого командования, 22 июля отряд под командованием генерала А. Цимермана совершил демонстративный переход Дуная при Галаце и продвинулся на рубеж Констанца–Черная вода, где занял позиции. Этот маневр русского главного командования дал важный результат. Восьмидесятитысячная османская армия под командованием Мехмеда-Али-паши вынуждена была сосредоточиться в крепостях Варна–Шумен–Добрич–Силистра в ожидании русского удара с севера.

Переправа основных сил русской армии, однако, началась 27 июня 1877 г. в другом месте – в районе города Свищов. Только за одни сутки на болгарскую территорию перешла сотысячная русская армия, заняв важный плацдарм для начала масштабного наступления. Там русские силы были разделены на три отряда. Восточный под командованием наследника престола Великого князя Александра Александровича получил задание наступать на восток к Варне так, чтобы окружить с запада войска Мехмеда-Али-паши, стоящие перед отрядами генерала Цимермана. Маневр был совершен успешно. Турки с начала до конца военных действий в этом районе вынуждены были принять позиционную тактику.

Вторая часть русской армии в составе 12 тысяч русских и Болгарского ополчения называлась Передовой отряд, ею командовал генерал И.В. Гурко. Он получил задание стремительным наступлением проникнуть глубоко на юг на территорию Османской империи, чтобы нарушить коммуникации между Константинополем и османскими войсками, расположенными в северной Болгарии, внести панику среди мусульманского населения. Гурко выполнил эту задачу блистательно, 17 июля он находился уже в Южной Болгарии – в окрестностях Старой Загоры. Чтобы предотвратить его дальнейшее наступление к Константинополю, английскими кораблями из Албании на Балканы была переброшена 38-тысячная армия Сулеймана-паши. От порта Дедеагач по железной дороге через

Одрин ее направили против передового отряда генерала Гурко. При численном превосходстве противника в этой части Балканского военного театра принято было самое правильное решение: отвести передовой отряд на гребень Балкан и там сохранить свою основную оборонительную позицию в районе вершины Шипка, так чтобы не позволить армии Сулеймана-паши перейти через Балканы и соединиться с турецкими войсками в Северной Болгарии. В результате исключительно жестоких боев на Шипке с 21 по 25 августа 1877 г. эта задача была успешно решена: армия Сулеймана-паши не смогла форсировать Балканы.

Третий, Западный отряд русской армии, имел в своем составе 35 тысяч человек, им командовал генерал Н.Г. Криденер. Он получил приказ наступать по направлению города Никополь–Лом–Видин. В его составе находилась и Первая кавказская бригада под командованием генерал-майора Михаила Дмитриевича Скобелева. В это время ему было только 34 года, но он уже получил богатый боевой опыт во время операций русской армии в Средней Азии.

Против Западного отряда русской армии стояли турецкая дивизия Хасана-Хаири-паши со штабом в Никополе и два турецких корпуса (19 батальонов) в Видине под командованием Османа-паши. Предпринятое наступление Западного русского отряда в начале июля 1877 г. поставило эту часть турецкой армии перед сложной перспективой оказаться между тремя фронтами: на востоке – русским, на западе и севере – сербским и румынским, в случае если Сербия и Румыния решатся включиться в войну. По этой причине Осман-паша получил приказ главнокомандующего турецкими войсками Абдул-Керима-паши оставить Видин, соединиться с дивизией Хасана-Хаири-паши в Никополе и оттуда наступать по направлению на Ловеч–Тырново. Таким образом, в тылу Передового русского отряда, который уже действовал в Южной Болгарии, возникала «Западная турецкая армия». Она могла приблизиться к окруженным войскам Мехмеда-Али-паши в Восточной Болгарии и, объединившись с ней, предпринять наступление против коммуникаций русской армии по направлению к Свищову.

Осман-паша приступил к выполнению этого плана утром 13 июля 1877 г. Во главе 19 батальонов пехоты, 9 польских батарей и 5 эскадронов ускоренным маршем он двинулся к Никополу, но 14 июля получил известие, что Западный отряд русской армии уже завладел Никополем. Осман-паше приказано было изменить план действий. Теперь ему предстояло ускоренным маршем двинуться к Плевне и там укрепиться.

18 июля Осман-паша получил новое важное известие: накануне русская армия овладела и Ловчей. Таким образом, под контролем русских находились все коммуникационные линии турок из Константинополя и от Софии³. Поэтому Осман-паша принял решение превратить Плевен в сильно укрепленный пункт, сковать там русские силы до подхода подкреплений.

19 июля 1877 г. после пятидневного ускоренного марша таборы Османа-паши вошли в Плевну. Командующий расположил свои части на удобных для обороны высотах и приказал пехоте и артиллерии немедленно окапываться. В то время командование Западного русского отряда установило направление движения турецких сил. Чтобы не позволить Осману-паше укрепиться в Плевене, 20 июля 1877 г. была организована первая атака Плевенской позиции.

В ходе первого большого боя пять русских батальонов овладели важной позицией в районе деревни Буково. В рядах турок наступило смятение. Осман-паша издал приказ, если солдаты побегут, «стрелять в них от Главной квартиры, так чтоб они оказались между двумя огнями»⁴. Кроме того, командующий спешно перебрал подкрепления из остальных секторов осады. Так он заполнил прорыв и вернул инициативу. «Борьба ... продолжалась несколько часов, – писал в своих мемуарах Осман-паша. – Местность около города Плевен представляла страшное и в тоже время грандиозное зрелище. Среди грома перестрелки и сильного орудийного огня ... слышались крики “Аллах” со стороны турок, которым русские отвечали с их “Урра”, “Ураа”»⁵. В этом бою русская армия потеряла около тысячи убитыми, а Осман-паша тысячу убитыми и две тысячи ранеными.

Результаты первой атаки на Плевену показали, что новый штурм требует большой подготовки. Причиной тому стало контрнаступление, которое Осман-паша предпринял после боев 20 июля. По его приказу, 15 июля Рифат-паша во главе пяти батальонов и одной батареи выступил к Ловче. После кровопролитного сражения в окрестностях города 27 июля маленький русский гарнизон оставил его⁶. Таким образом, Западная турецкая армия вновь открыла дорогу через Софию к Константинополю, откуда могли прибыть подкрепления. Командование Западного русского отряда решило, что нельзя оставить Османа-пашу в покое на длительное время. 30 июля 1877 г. была организована вторая атака Плевны. В ходе ее впервые действия генерала Скобелева на Балканском военном театре произвели исключительно сильное впечатление на командование и подчиненных.

Бои во время второй атаки Плевны происходили восточнее, юго-восточнее и южнее от города при деревнях Гривица, Радишево и в районе Зеленых холмов. Ожесточенный бой шел за овладение Гривицким редутом, где турецкое командование имело большие силы, но мощный натиск русских создал предпосылки для совершения нового прорыва в обороне. Части обороняющихся начали покидать свои позиции и отступать в беспорядке к Плевне.

В этой ситуации заметная роль принадлежала генералу Скобелеву. По его приказу, Первая кавказская бригада перешла в стремительное наступление и успела с боем достигнуть окрестностей Плевны. Там завязалось тяжелое сражение, в котором русские солдаты во главе со своим командиром проявили замечательное бесстрашие и храбрость. Одетый в белый генеральский мундир, сидя на своем белом коне, несмотря на опасность превратиться в удобную мишень для противника, Скобелев смело руководил ходом боя. Успех возглавляемых им частей расширился к деревне Радишево. Возникла возможность русского прорыва, который мог нарушить единство турецкой обороны. Лично главнокомандующий Осман-паша с револьвером в руке вынужден был останавливать отступающих солдат, чтобы перегруппировать их на новом рубеже обороны. По этому поводу паша писал в своих воспоминаниях: «В этот, в высшей степени важный момент, Осман-паша лично появился среди беглецов. Поднял их смелость и с неустрашимой своей энергией успел построить снова и повести против неприятеля»⁷. В этот решительный момент для судьбы Плевенского укрепленного пункта командование русских сил не оценило по достоинству успех, достигнутый генералом Скобелевым. Он не получил необходимых подкреплений для развития успеха. Поэтому с наступлением вечера Скобелев вынужден был приказать своим частям отступить снова к своим исходным позициям при деревне Бохот.

Несмотря на это, действия Первой кавказской бригады 30 июля показали ясно, что Плевенский бастион, построенный Осман-пашой, не является неприступным. Генерал Скобелев практически доказал, что совершить прорыв возможно и он принудит Османа-пашу капитулировать. Действия русских частей в районе прорыва надо было быстро и хорошо поддержать живой силой и артиллерией. Только так прорыв мог перерасти в необратимый успех, который привел бы к завладению городом.

В первую очередь, предстояло лишить Османа-пашу возможности получать подкрепления и снабжение от Константинополя через Софию, для этого необходимо было возвратить Ловчу. На этой

мысли перед командованием настаивал Скобелев. В первой половине августа он лично совершил несколько рискованных разведок, получивших в литературе название «самоубийственных», чтобы выяснить реальное состояние дорог и численность турецких войск в Ловче. Во время этих вылазок он и его солдаты несколько раз преодолевали сопротивление передовой турецкой обороны. Несмотря на риск, генерал Скобелев собрал необходимую ему информацию и в середине августа предложил свой план командованию. Начальник Второй пехотной дивизии генерал князь Александр Имеретинский, которому была подчинена и Первая кавказская бригада генерала Скобелева, без изменений утвердил его план.

Согласно плану Скобелева, был сформирован «Специальный отряд». В его состав были включены 25 батальонов, 15 казачих сотен при 98 орудиях, всего 22 тысячи солдат и офицеров. Операция координировалась генералом Имеретинским. Эти силы были разделены на две колонны. Левой командовал генерал Михаил Скобелев, а Правой – генерал Владимир Добровольский.

В конце августа Левая колонна в составе четырех батальонов, 12 конных сотен при 14 орудиях совершила обходной марш южнее Плевны и восточнее Ловчи. Она успела достигнуть шоссе Севлиево–Ловча и таким образом лишила командующего турецкими силами в Ловче Рифата-пашу возможности отхода на восток – в направлении Тырново. В этом случае он мог оказаться в тылу у защитников Шипки, которые уже сражались с армией Сулеймана-паши. Кроме того, маневр Левой колонны отвлекал внимание Рифата-паши от направления основного удара, который совершала Правая русская колонна⁸.

Второй штурм Ловчи произошел с 1 по 3 сентября 1877 г. Правая колонна генерала Добровольского привлекла внимание турок к дороге на Софию. 2 сентября Левая колонна генерала Скобелева с боем подошла к городу с востока и успешно овладела турецкими укреплениями «Синан тепе» и «Рижской высотой», форсировала реку Осм и переправилась на ее западный берег. Объединившись, Левая и Правая колонны атаковали главную позицию Рифата-паши в местности «Красный берег». После ожесточенного боя главная турецкая позиция перед Ловчей была взята и город снова оказался в руках русских⁹.

2 сентября в Плевне была получена телеграмма от Рифата-паши о тяжелых боях с русскими. Сознавая, что означает для него потеря Ловчи, Осман-паша решил лично идти на помощь. Его отряд в составе 20 батальонов пехоты, 3 батарей и 2 эскадронов кавалерии

ускоренным маршем двинулся к Ловче и 4 сентября около 3-х часов дня занял высоты, с которых мог наблюдать город.

Действия турецкого отряда Осман-паша описывал в мемуарах: «Осман-паша насчитал возле города более 18-ти русских батальонов, готовых к бою. Тогда он собрал высших офицеров и советовался с ними относительно своевременности атаки... Большинство из них думали, что неудача плохо отразится на положении Плевны. Осман-паша заметил, что, даже если опять завладеть Ловчей, турки не могли бы в ней закрепиться до подхода подкреплений из Константинополя. Решено было выждать лучшего случая, на другой день – 5 сентября, турецкая колонна начала отступление к Плевне»¹⁰. Осман-паша вновь и теперь окончательно занял оборону крепости.

Так план генерала Скобелева был блестяще исполнен. В результате его реализации в первый и единственный раз за время осады Плевны Осман-паша вынужден был покинуть крепость, чтобы освободить дорогу к Константинополю через Ловчу и Софию¹¹. С победой русских на этом участке Осман-паша в Плевне окончательно лишился возможности получать подкрепления из столицы. Сложившись более выгодные условия для продолжения осады. Скобелев не только разработал удачный план, но и лично участвовал в его реализации. Тогда среди русских солдат родилась поговорка: «Где Скобелев – там победа!».

Победа под Ловчей добавила уверенности командованию Западного русского отряда. В начале сентября 1877 г. оно разработало план третьей атаки Плевны. Однако в течение более сорока минувших дней армия Османа-паши провела большую работу по укреплению города. Были построены 32 редута, окруженные глубокими рвами, с высокими оборонительными стенами. Каждый редут был вооружен артиллерией и превращен в отдельную маленькую крепость. В пределах каждого редута могли поместиться до двух батальонов. Их штурм становился исключительно трудным делом. Осман-паша позже писал в своих воспоминаниях: «Высоты возле Плевны были уже укреплены настолько, что могли оказать самое серьезное сопротивление»¹².

Третья атака Плевны происходила с 7 по 12 сентября. В ходе ее генерал Скобелев одержал одну из самых ярких своих побед за время Русско-турецкой войны 1877 г. Его бригада действовала перед одними из самых сильных турецких редутов – № 18 («Исса ага») и № 19 («Кованлык»). «Оба эти укрепления, – писал Осман-паша в своих мемуарах, – были связаны между собой стрелковыми траншеями и траншеями, выкопанными перпендикулярно оборонительной ли-

нии, которые достигали города. В каждом из них были поставлены по четыре роты и одному орудию»¹³. Перед бригадой генерала Скобелева стояла особенно трудная задача – атаковать и сломить турецкие силы на одной из самых лучших оборонительных позиций.

В течение четырех дней Скобелев осторожно наблюдал за результатами артиллерийского обстрела и попытками частей приблизиться к передовым позициям противника. 11 сентября 1877 г. Скобелев на своем белом коне в белом генеральском мундире с саблей наголо повел свои части в новую решительную атаку. В этот момент он, как всегда, представлял отличную мишень для турецких стрелков, но его это не пугало. Воодушевленные подвигом своего начальника, части Первой кавказской бригады выбили турок из укреплений «Исса ага» и «Кованлык» с большими потерями. Благодаря победе Скобелева 11 сентября, оборонительная позиция вокруг Плевны была разорвана и теперь армия Османа-паши стояла перед лицом катастрофы. О ходе событий наилучшим образом свидетельствует в своих мемуарах сам турецкий военачальник, который вынужден был признать значение успехов, достигнутых генералом Скобелевым и его войсками.

К 11 сентября 1877 года, пишет турецкий генерал, оборону Плевны вели три турецкие дивизии по 12 батальонов в каждой, один полк кавалерии и резерв командующего – из 9 батальонов. Турки имели 70 полевых орудий. Передовыми турецкими частями командовали генералы: Атуф-паша – северо-восточным участком фронта, Рифат-паша – восточной позицией, Тахир-паша – южным участком, Эмин-паша – юго-восточной позицией.

Действия турок против позиций, занятых частями генерала Скобелева 11 сентября, Осман-паша описал в следующей последовательности. 7 сентября русская артиллерия целый день обстреливала турецкие укрепления, по словам паши, чтобы нанести наибольшие потери на сильно укрепленных турецких позициях. Обстрел продолжался и ночью, что не позволяло туркам отдохнуть. С утра 8 сентября русская артиллерия усилила обстрел Плевны. После полудня русское командование начало маневрировать силами, чтобы прощупать направления для предстоящей атаки. До вечера, однако, действия сторон ограничивались артиллерийской дуэлью. В результате двухдневного обстрела русской артиллерией, по признанию Османа-паши, его укреплениям были нанесены серьезные поражения: «Как и предшествующей ночью русские продолжали стрелять ... чтобы изнурить турецкие войска и не дать им

возможности ремонтировать повреждения, причиненные дневной бомбардировкой»¹⁴.

Утром 9 сентября один русский снаряд попал в хранилище боеприпасов на укреплении № 23, которое находилась справа от редута «Кованлык». Взрывом были нанесены серьезные повреждения и большие потери, а командир укрепления Юнуз бей был тяжело ранен. Воспользовавшись паникой среди турок, восемь русских батальонов предприняли первую попытку атаки укрепления № 23. Осман-паша немедленно послал туда три батальона под командованием Эмина-паши. В жестоком бою турки отстояли свои позиции. Передовые части бригады Скобелева, однако, задержались на «Каялы дере» (впоследствии болгары называли это место «Мертвая долина») и начинали там окапываться. Турецкие позиции находились от нее на расстоянии прямого пушечного выстрела. Осман-паша направил еще пять батальонов на подкрепление Эмина-паши и приказал ему атаковать части генерала Скобелева на хребте «Мертвой долиной».

Умело маневрируя силами, Скобелев отбил атаку турок. Эмин-паша вынужден был отступить в укрепление № 23. Там он устроил свой командный пункт, откуда осуществлял общее командование действиями по обороне укреплений № 18 и 19 «Исса ага» и «Кованлык». В предстоящих судьбоносных сражениях генералу Скобелеву противостоял генерал Эмин-паша.

Утро вторника 11 сентября 1877 г. было холодным и туманным. Русская артиллерия снова открыла огонь по оборонительной линии, по оценке Османа-паши, с «чрезвычайным ожесточением». Внимание турок было рассеяно по всем направлениям. Это позволило генералу Скобелеву организовать свою смелую атаку против укреплений «Исса ага» и «Кованлык». Рано утром Осман-паша получил следующее донесение: «Русские направили свою пехоту к укреплению № 18 («Исса ага»), не обращая никакого внимания на огонь орудий Юнуз бея, которые стреляли с соседнего укрепления № 23»¹⁵. Следом Осман-паша получил новое сообщение: «Неприятель приближается к укреплениям с 13 или 14 батальонами и одним полком». Из этого Осман-паша заключил: «Неприятель имеет намерение прорваться в Плевну... расколоть на две части турецкую армию и завладеть оборонительной линией посредством одной сильной атаки»¹⁶.

Создавшуюся ситуацию Осман-паша обсудил по телеграфу с Эмин-пашой. Ему предлагалось сделать вылазку из укрепления № 23, чтобы охватить генерала Скобелева, части которого уже дей-

ствовали по направлению к укреплениям № 18 и 19. Однако напор русского наступления был столь силен, что турецкие генералы в конце концов решили не рисковать и остаться на оборонительной позиции, откуда отражать атакующего противника.

Между тем, при отражении русской атаки Эмин-паша был ранен и Осман-паша назначил на смену ему Рифата-пашу. Осман-паша вспоминал: «А неприятель продолжал наступать. Одна группа из двадцати русских солдат пробралась между укреплениями № 19 и 20 и успела войти в укрепление № 19». Это вызвало панику среди турок. Успешно овладев фортом «Кованлык», Скобелев продолжал энергичное наступление. Штыковой атакой русские заняли и соседнее укрепление № 18 – «Исса ага». Осман-паша писал: «Пока Рифат-паша занимался переустройством своих батальонов, новая русская колонна вышла из долины «Каялы дере» и внезапно напала на укрепление № 18. Командир батальона «Исса ага» был ранен, солдаты не могли оказать сопротивление, и укрепление было занято неприятелем»¹⁷.

Так была достигнута наибольшая до этого момента победа в битве за Плевну. Драматизм ситуации в рядах турецкой армии описывал сам Осман-паша: «Взятие этих двух укреплений русскими вызвало панический страх в рядах турецких войск. Некоторые беглецы достигли города, других редутов и даже и Главной квартиры». Чтобы не допустить развития паники от прорыва обороны, Осман-паша приказал Рифат-паше немедленно предпринять контратаку. Тот немедленно отдал приказ своему помощнику Риза бею: «Идти за ними и застрелить немилостиво каждого своего солдата, который проявил бы колебание или отступил во время контратаки». С высоты брустверов русские солдаты осыпали атакующих турок градом пуль. Рифат-паша тоже был ранен в ногу и утратил возможность командовать. Атака турок была отбита. «В эту минуту, – пишет Осман-паша, – не было смысла думать о взятии укреплений под номерами 18 и 19 обратно»¹⁸. Поэтому он приказал: «во что бы то ни стало не дать русским организовать в этих двух укреплениях и подвести подкрепления». С этой целью артиллерия на редутах 21 и 22 всю ночь не прекращала стрелять гранатами и шрапнелями по двум укреплениям, которые находились в руках русских. Несмотря на обстрел, ночью 12 сентября генерал Скобелев сумел подвести свежие подкрепления и даже три орудия, на занятые редуты были назначены русские команданты, велись восстановительные работы. Из камня были сооружены насыпи, за которыми заняли позиции русские стрелки. Так форты снова стали трудными для занятия

с турецкой стороны. По приказу Скобелева, всю ночь на 12 сентября его орудия непрерывно обстреливали турок в соседних фортах № 23 и 25, чтобы пресечь возможную ночную атаку. Впервые генерал Скобелев приказал, чтобы его орудия открыли огонь по турецкой Главной квартире, чтобы нарушить нормальную работу в штабе Османа-паши.

Ночью 12 сентября болгары из Плевны оказали помощь скобелевцам. Они подожгли запасы сена, складированные в окрестностях города, и таким образом освещали окрестности занятых русскими фортов «Исса ага» и «Кованлык», не давая туркам сосредоточиться для контратаки. В результате успехов генерала Скобелева 12 сентября Осман-паша впервые признал возможность неблагоприятного исхода для своей армии: «Потеря двух основных укреплений – № 18 и 19 – разделила турецкую армию на две части, которые не имели между собой ни связи, ни средства сообщения. Ворота Плевны были открыты для русских».

Чтобы найти выход из создавшегося критического положения, ночью 12 сентября Осман-паша созывал в Главной квартире военный совет. Было решено удерживать оборону на всех участках, резервы сосредоточить против фортов № 18 и 19, создав там численное преимущество. Возглавить атаку на эти укрепления было поручено генералу Тахир-паше.

На рассвете, пользуясь темнотой, турецкие части выступили по направлению укреплений «Исса ага» и «Кованлык». Они были разделены на три колонны. Первая получила задачу атаковать оба укрепления справа; вторая – слева, в центре наступали два самостоятельных батальона. Их поддерживала артиллерия с соседних турецких редутов № 23 и 25.

Атака против позиций, занятых генералом Скобелевым, началась в 9 часов утра. Сначала удар был направлен против форта «Кованлык». Численное превосходство позволило турецким батальонам на краткое время овладеть им. Форт «Исса ага», однако, остался неприступным. Русская артиллерия с него продолжала вести огонь по «Кованлыку». Тахир-паша вынужден был прекратить атаку. Этим воспользовался генерал Скобелев, приказав атаковать своим частям, и после часового сражения его солдаты снова заняли «Кованлык». Тахир-паша телеграммой докладывал Осману-паше: «Если возобновим атаку, подвергнем турецкую армию большой опасности, при этом без больших шансов на успех»¹⁹. В ответ Осман-паша отстранил Тахир-пашу от командования, назначив на его место полковника Генерального штаба Тефик-пашу. В течение двух

часов он получил еще несколько свежих батальонов и приказ: «Непременно взять оба укрепления»²⁰.

К несчастью, незадолго до третьей атаки турецкий снаряд попал в повозку со снарядами на форте «Кованлык». Сильный взрыв нанес большой ущерб укреплению, большие потери в живой силе и боеприпасах. Неслучайно Осман-паша отметил, что этот взрыв нанес «очень чувствительные потери русским». На этот раз атакующие силы турок были построены в две цепи, наступавшие одна за другой при поддержке артиллерии²¹.

Третий штурм начался около 15 часов. Первая турецкая цепь частой стрельбой привлекла к себе внимание обороняющихся. Генерал Скобелев попытался доставить новые боевые боеприпасы на укрепления, но стрельба турецкой артиллерии с соседних фортов № 23 и 25 не позволила этого. С приближением к укреплениям две турецкие цепи слились воедино, охватив у подножия «Исса ага» и «Кованлык».

На этот раз позади наступающих турецких батальонов Осман-паша вывел все турецкое население из Плевны с задачей непрерывно кричать «Аллах». Так оно внушало решимость атакующим и создавало впечатление большей их численности. В то же время турецкая артиллерия с соседних фортов снова засыпала «Исса ага» и «Кованлык» снарядами. В этот критический момент русское командование не могло сосредоточить в зоне прорыва достаточное количество артиллерии и живой силы. При созданном противником численном превосходстве генерал Скобелев был вынужден приказать организованно оставить оба форта. На форте «Кованлык» русские под командованием коменданта укрепления, майора Федора Горталова до последнего прикрывали отступление основных сил. Около 18 часов 12 сентября турецкие батальоны, не взирая на потери, с криками «Аллах», «Аллах» ворвались на форты «Исса ага» и «Кованлык». Последний из защитников, майор Горталов, заколотый турецкими штыками, стал в Болгарии национальным героем.

Свое описание событий 7–12 сентября Осман-паша заканчивает словами: «Уныние, которое мы наблюдали в прошедшие два дня среди турок, сменилось большой радостью. Поздравления друг друга и благодарности провидению не имели конца»²². Одержанный успех высоко оценил султан Абдул Хамид, присвоив Осману-паше титул «Гаазы» – «Победоносный». Это было отличие, которое в военной истории Ислама давалось полководцам, совершившим самые блестящие подвиги.

Третья русская атака Плевенской крепости в конечном итоге не достигла своей цели. Несмотря на это, в ходе ее генералу Скобелеву удалось проявить себя одним из ведущих представителей русской военной школы, военачальником самого высокого класса. Его смелое и дальновидное командование в этот раз поставило Осман-пашу на грань поражения. 11 и 12 сентября генерал Скобелев рассек на две нежизнеспособные части 20-километровый оборонительный пояс и на деле опроверг миф о «неприступной Плевенской крепости» и саму концепцию турецкого главного командования о возможности ее долговременной обороны.

В ходе боев за форты «Исса ага» и «Кованлык» турки понесли очень тяжелые потери в материальной части и живой силе. Взрывами было уничтожено большое количество боеприпасов и снаряжения. Только убитыми у форта «Кованлык» турки потеряли более 3 тысяч человек. Погибло более двадцати офицеров. Были тяжело ранены и оставили строй дивизионный генерал Хасан-Сабри-паша; бригадные генералы – Эмин- и Рифат-паша; полковник Генерального штаба – Риза бей и четверо офицеров связи из штаба Осман-паши. Эти потери негативно повлияли на настроение осажденной в Плевне турецкой армии. Невозможны стали наступательные действия со стороны Плевенского турецкого гарнизина по направлению к Шипке. Западная турецкая армия была окончательно изолирована в кольце блокады.

Осада Плевны под руководством генерала Тотлебена затянулась еще на два месяца, при этом турки остались без запасов провизии. 9 и 10 декабря 1877 г. Осман-паша сделал безуспешную попытку вырваться из города, но был разбит и капитулировал²³. В ходе Русско-турецкой войны произошел окончательный перелом. 3 марта 1878 г. был подписан мирный договор в Сан-Стефано, согласно ему болгарский национальный вопрос получил справедливое решение и были заложены основы будущей свободной Болгарии.

За заслуги в битве под Плевной в 1877 г. генерал Скобелев получил чин генерал-лейтенанта, а по окончании войны, в 1878 г., был зачислен генерал-адъютантом Свиты.

После освобождения Плевны 11 декабря 1877 г. генерал-лейтенант Михаил Скобелев был назначен первым военным комендантом города. На этом посту он заложил основы мирной и свободной жизни для населения. Были проведены выборы совета общины; организовано устранение самых тяжелых последствий осады, чтобы люди могли встретить зиму; приведены в порядок и установлены правила для восстановления хозяйственной жизни. Зимой 1878 г.

бригада под командованием Скобелева перешла Балканы и приняла участие в битве при Шейново.

После окончания войны в 1879 г. генерал Скобелев стал основателем так называемых «Гимнастических дружеств» в Болгарии, которые послужили основой подготовки резерва молодой болгарской армии. После смерти его отца в 1879 г. мать генерала Скобелева Ольга Николаевна тоже приехала в освобожденную Болгарию. На свои личные средства она открыла в Пловдиве приют для двухсот болгарских детей, лишившихся родителей во время войны, передавала средства лазаретам, где лечились раненые русские и болгарские воины. Вместе с супругой графа Н. Игнатьева она приступила к сбору средств на строительство храма-памятника в селе Шипка в память русских воинов, павших за освобождение Болгарии. Ольга Николаевна планировала открытие и земледельческой школы, но трагическая смерть прервала ее благотворительную миссию.

В знак благодарности болгарской народ многое сделал для увековечения памяти о заслугах генерала Скобелева. После Освобождения улицы в Софии, Плевене, Ловече, Варне, Шумене и многих других болгарских городах были названы в честь Скобелева. В 1903–1907 гг. в Болгарии действовал комитет «Царь Освободитель – Александр II». В Плевене комитетом был построен один из самых красивых мемориальных парков в Болгарии. Там в усыпальнице собраны останки русских воинов, погибших в памятной битве. С этого времени парк называется «Скобелев парк». Все турецкие редуты около Плевена были разрушены болгарскими – кроме редута «Кованлык», который называли «Скобелевский редут» в память о боях, которые велись там за освобождение нашего народа. В Плевене, там где была резиденция российского императора Александра II, сооружены памятники русским военачальникам, среди них установлен бюст генерала Скобелева.

В 1978 году, в год 100-летия освобождения Болгарии, в Плевене на «Скобелевском редуте» была построена знаменитая «Плевенская панорама». Там, по образу «Бородинской панорамы» в Москве, воссоздана битва за Плевну 1877 г. Центральное место в ней занимает «Белый генерал» Скобелев. Тогда же в «Скобелевском парке» был установлен памятник генералу Скобелеву на коне. Так болгарский народ вновь увековечил память о «Белом генерале» – генерале от инфантерии Михаиле Дмитриевиче Скобелеве и его вкладе в дело освобождения болгар и создания свободного Болгарского государства.

¹ История на България. Т. VI. С. 434–435.

² Там же.

³ *Гази Осман-Нури паша*. Отбраната на Плевен. София, 2011. С. 18–25.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же.

⁶ *Георгиев Г.* Освободителната война 1877–1878 г. Енциклопедичен справочник. София, 1986. С. 49.

⁷ История на България. С. 441.

⁸ *Бръняков Б.* Действията около град Ловеч през Освободителната война 1877–1878 г. Ловеч, 1928. С. 12.

⁹ *Гази Осман-Нури паша*. Указ. соч. С. 65.

¹⁰ Там же. С. 66.

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Там же. С. 71–72.

¹³ Там же. С. 72.

¹⁴ Там же. С. 76.

¹⁵ Там же. С. 79.

¹⁶ Там же. С. 81.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 82.

¹⁹ Там же. С. 87.

²⁰ Там же. С. 90.

²¹ Там же. С. 93.

²² Там же. С. 95.

²³ Там же. С. 109.

М.М. ФРОЛОВА
(Москва)

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ БОЛГАР В РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙНАХ XIX В.

Участию болгарских патриотов в русско-турецких войнах XIX в. посвящено не одно исследование таких видных российских и болгарских историков, как В.Д. Конобеева, А.А. Улуняна, А. Анчева, Й. Митева, Г. Вылкова и других. В них проанализирован массив архивных документов, воспоминаний участников походов и представлена яркая картина участия в боевых действиях болгарских вооруженных отрядов. Работа, сделанная учеными по каждой из четырех русско-турецких войн XIX столетия, позволяет рассмотреть динамику участия в них болгарских добровольцев и проследить изменение роли и места болгарских вооруженных отрядов в событиях того времени.

Начало Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. связано с военными действиями русской армии против Наполеона в Восточной Пруссии. Постоянная угроза с запада, сковавшая главные силы России, не позволила ей держать многочисленную армию на дунайском театре. Небольшая 35-тысячная Молдавская армия в середине ноября 1806 г. заняла Бессарабию, Молдавию, Валахию, не овладев с ходу только крепостями Измаил и Браилов. Главнокомандующий генерал И.И. Михельсон, желая упрочить положение своей армии, в течение зимы 1806–1807 гг. стал приглашать на службу запорожцев, некрасовцев, ранее принявших подданство Османской империи, обещая по окончании войны поселить их в России и предоставить им различные «выгоды». Михельсон также посчитал целесообразным по примеру прежних походов в Турцию «набирать арнаутов из христиан Османской империи». Во главе их он предложил поставить «начальника одного с ними происхождения, назначив пешему воину 100 руб. и конному 200 руб. платы» за вооружение. С мнением Михельсона вполне согласился Александр I. К тому же некоторые выходцы из балканских владений Турции, перешедшие на русскую службу, просили у русского командования разрешение на формирование особых отрядов из наемников (волонтеров) из числа болгар, греков, сербов и др., переселившихся в Россию и Дунайские княжества. А.И. Михайловский-Данилевский сообщал, что в двух первых походах из волонтеров составили 3 конных и 3 пеших полка

по 600 человек в каждом. Господарь князь Ипсиланти образовал батальон в 1000 человек.

Советские историки выявили имена многих выходцев из Болгарии, участвовавших в сражениях русской армии. Из вооруженных отрядов, сформированных в начале 1807 г., достойны упоминания отряд ротмистра Никитича в 975 всадников, арнаутская команда ротмистра Шейновича и прапорщика Галацана до 300 всадников и 100 пеших, сражавшихся вместе с русскими войсками на территории княжеств¹. Их мужество и отвага бесспорны, но также было известно, что «все сии войска были ненадежны, предавались грабежу, худо подчинялись. Желая извлечь из них возможную пользу, приказано употреблять их не иначе, как с половинным числом казаков»². Ярким примером, подтверждающим такую жесткую оценку волонтеров, служит отряд под командованием грека Н. Пангалоса, который обязался было набрать до 3-х тыс. человек. В историографии отмечалось, что его отряд, пестрый по своему национальному составу, но ядро которого составляли болгары из Македонии, насчитывал 567 человек. Он участвовал в осаде Браилова и затем был направлен в Сербию³. Однако действительность была несколько иная. Так, 22 июня 1807 г. Михельсон писал: «Чтоб у Пангала было 2500 человек, я весьма сомневаюсь и в половине сего числа, ибо оных нигде не видать было. В недавнем времени человек до 700 сблизилась к генерал-майору Мичурину. Много, – пишет генерал-лейтенант Милорадович, – грабят по деревням, многие не вооружены, хотя и отпущено от меня, исключая двукратного отпуска сабель, более 600 ружей. Призвать его людей в Букорест для дальнейшей отправки»⁴. В конце 1807 г. «греческий корпус», наспех набранный из случайных людей, распался. Н. Пангалосу, признанному виновным в развале отряда и грабежах, запретили в дальнейшем организовывать волонтерские формирования. После подписания между Россией и Турцией Словобудзейского перемирия новый главнокомандующий князь А.А. Прозоровский распустил иррегулярные вооруженные отряды. Некоторые из них были отправлены в Сербию, в частности, с этой целью болгарину Пиналову было позволено в начале 1808 г. набрать в Валахии до 500 вооруженных болгар и сербов.

В 1809 г. при возобновлении военных действий русская армия овладела Измаилом и, переправившись на правый берег Дуная, где проживали болгары, осадила Силистрию. Главнокомандующий Дунайской армией П.И. Багратион, назначенный после смерти генерала-фельдмаршала Прозоровского, обратил особое внимание на установление мирных отношений с болгарями, о чем свидетельству-

ют его приказы по армии. Из-за недостатка боеприпасов и распространения болезней в личном составе осада Силистрии была снята⁵. На зимнее время в связи с трудностями снабжения русская армия была выведена с правого берега Дуная, за ней последовали около 13 тысяч болгар, в переселении которых огромную помощь оказала русская армия.

В разрабатываемом Багратионом плане летней кампании турецкая армия должна была быть разбита на территории Болгарии, поэтому вопросы взаимоотношений русской армии с болгарским населением рассматривались им с особым тщанием. Багратион предупреждал, что обиды и всякое разорение заставят болгар стать непримиримыми врагами русской армии, что лишит ее «способов к продовольствию» и «причинит нам более вреда, нежели вдвое сильнейшая армия турецкая». Главнокомандующий не исключал возможности того, что Болгария, будучи «весьма населена», «без всякого затруднения может поставить 35 тыс. человек весьма хорошо вооруженных и к войне приобвыкших войск». Но зимой 1810 г. он строго запретил возбуждать болгар к «поднятию оружия противу турок», а через посредничество старейшин и особенно через священников «увещевать их оставаться спокойными в их жилищах, обрабатывать их поля, пещись об их хозяйстве и доставлять войскам российским те пособия, в которых они могут иметь надобность»⁶. Тогда же начались были переговоры с представителями болгарской эмиграции и видным деятелем болгарского возрождения Софронием Врачанским о целесообразности привлечения болгарского населения к борьбе с турками⁷. В распространяемых в следующую кампанию воззваниях к болгарскому народу нет призывов к восстанию против турок, только содержится совет принимать русских как братьев, не отказывать им в поставке продовольствия и фуража, за которые будет заплачено сполна.

П.И. Багратион вскоре был отозван из Молдавской армии, на его место заступил генерал граф Н.М. Каменский. Русская армия насчитывала до 80 тысяч солдат. Она форсировала Дунай и овладела Туртукаем, Базарджиком и Силистрией, однако взять крепости Шумлу и Русчук не смогла, не хватило сил. Появление русских войск в Болгарии привело в движение ее жителей, объединявшихся в небольшие отряды и действовавших, как правило, в районе своих сел. Отдельные небольшие отряды вооруженных болгар сражались вместе с русскими частями под Силистрой, Тутраканом, Базарджиком, Русчуком. В зимний период боевые действия вновь прекратились. Вместе с русской армией отошли и болгары, которым предло-

жили переселяться в Россию и в Валахию. Поскольку по условиям Тильзитского и Эрфуртского соглашений Россия обязывалась не расширять своих владений далее левого берега Дуная, то и не ставился вопрос о возможном освобождении Болгарии, речь шла только об условиях переселения в южные области России. Кампания 1810 г., несмотря на достигнутые значительные успехи, не сделала Высокую Порту более стоворчивой.

А, между тем, международная обстановка требовала незамедлительного подписания мира с Турцией. Новый главнокомандующий Дунайской армией генерал М.И. Голенищев-Кутузов, назначенный вместо умершего Каменского, имел в своем распоряжении только 4 дивизии (46 тыс. человек), остальная часть армии была отведена за Днестр. Изменила тактику ведения войны и Порта: от 5-летних оборонительных действий она решила перейти в наступление и непременно отвоевать Бессарабию, Молдавию и Валахию. Кутузов отказался от растянутой, кордонной системы построения армии и собрал последнюю в кулак, чтобы действовать в решающем направлении⁸. Перенесение театра военных действий на левый берег Дуная влекло за собой массовые переселения болгар. Рост числа беженцев, меры, предпринятые Кутузовым для облегчения их положения (освобождение на 3 года от всех податей и повинностей), предопределили и успех создания отрядов из болгарских добровольцев. 6 мая 1811 г. главнокомандующий доносил: «Зная качества сего народа, твердого к опасностям и лишениям приобвыкшего, ожидаю от них лучшей пользы, как от пандур, составленных большею частью из бродяг. Посему поручил я генерал-майору Турчанинову, командующему в Турно войсками, таковых болгар ... всех переписать и разделить на сотни под названием болгарской команды, учредить порядок сообразной жизни и обыкновениям их и позволить им между собой назначить чиновников со званием по их желанию, а вооружить из турецкого оружия, хранящегося в ведомстве генерал-майора Турчанинова, в том числе боевые патроны выдать. Во время нахождения болгар сих на службе назначено производить им жалование и сверх того имеющим быть в нижних званиях и простым булгарам – порционные деньги на крупу, мясо и соль и им же солдатскую дачу провианта»⁹.

19 мая Кутузову было предложено представить сведения о стоимости содержания болгарской команды: «может ли ожидаемая от услуг их польза соответствовать издержкам, кои на них употребить должно будет». Вопрос был задан неспроста. «В 1806 г. князь Ипсиланти обещал выставить до 20 тыс. пеших и конных, издержал боль-

шие суммы и не выставил более 5 тыс. человек, а в сражении мы никогда не видали 2 тыс. человек»¹⁰, – вспоминал князь И.Ф. Паскевич. Тем временем болгары, переселившиеся на левый берег Дуная, нуждались в защите своего имущества и в обеспечении покоя своих селений от внезапных набегов турок. Они сами решили организовать свое земское войско. Каждые 5 семейств выделяли в него по одному человеку и обязывались его содержать. Составление такового Земского войска Кутузов возложил на генерал-лейтенанта П.К. Эссена. Предполагалось, что численность его должна будет возрасти до тысячи человек. Вооружить его бойцов приказано турецкими ружьями, найденными в крепостях, снабдить и патронами. Если войско это будет удалено от жилищ своих, то тогда следовало отпустить ему провиант, – докладывал Кутузов М.Б. Барклаю-де-Толли 31 июля 1811 г.¹¹.

В Дунайскую армию после излечения ран, полученных в Сербии, возвратился ротмистр Никитич, за предыдущие кампании представленный к ордену Св. Владимира 4 ст. с бантом и награжденный золотой саблей. В 1810 г. сформированный им казачий полк, названный Сербским, с отличием действовал в Сербии. Главнокомандующий поручил именно Никитичу сформировать болгарскую кавалерию, т.к. «по знанию им языка, характера болгары охотнее окажут ему доверенность». В отношении от 11 июня 1811 г. Кутузов спрашивал чин поручика некому Д. Ватикиоти за неоднократно оказываемые подвиги храбрости и за взятие в плен 2 турок. Его команде в 30 отважных болгар главнокомандующий велел выдать в поощрение по 2 червонца каждому. В сентябре за участие в поиске и захвате 30 турок поручику Ватикиоти, части вверенной ему болгарской команды и казакам Уральского полка была объявлена благодарность¹².

Идея о болгарском земском войске была столь распространена и популярна, что в июне 1811 г. Ватикиоти со своей стороны также обратился к Кутузову чрез посредничество генерал-майора Инзова сформировать Болгарское земское войско. В.Д. Конобеев по архивным документам воссоздал организацию Болгарского земского войска. Оно строилось на строго добровольной основе и объединило как отряды, действовавшие в Болгарии 1810 г. и отошедшие вместе с русской армией, так и отряды, вновь создаваемые болгарской эмиграцией в Дунайских княжествах. Впрочем, не все болгарские отряды пожелали войти в состав Болгарского земского войска и подчиниться Ватикиоти. В войско вступило 500 человек, затем численность его возросла до 2 тысяч. Вначале болгарским ополчен-

цам пропитание обеспечивали болгарские селяне, впоследствии они были поставлены на довольствие и постой, получали жалование. Болгарское земское войско подчинялось русскому командованию, непосредственно генерал-майору Гамперу, но командиров десятков и сотен, на которые оно подразделялось, избирали сами ополченцы. Русское командование весьма бережно отнеслось к национальному чувству воинов-добровольцев, сохранив, как совершенно верно отмечали исследователи, определенный колорит и традиции гайдучьих чет. С момента своего создания Болгарское земское войско планировалось как иррегулярное, и на зимнее время предусматривалось отпускать добровольцев по домам и соответственно снимать с довольствия. Им была поручена охрана левого берега Дуная от вторжения турок. Болгарским волонтерам довелось участвовать в различных совместных с русской армией операциях: в разведке, обеспечении переправы через Дунай, в боях под Тутраканом, Никоподем, Силистрией, Видином. Кутузов высоко оценил боевые качества Болгарского земского войска. Его командир поручик Ватикиоти был награжден за храбрость золотой саблей¹³.

Затягивание Портой, которую поддерживала Франция, подписания мирного договора и приток в Дунайскую армию новых добровольцев предопределили решение Кутузова вооружить еще тысячу болгар. После Бухарестского мира новый главнокомандующий адмирал Чичагов в конце мая 1812 г. распустил Болгарское земское войско, воины которого вместе со своими семьями переселились почти все в Бессарабию, отошедшую к России. Россия стояла на пороге новых испытаний и блестящих побед.

Вероятно, нужно с большой осторожностью говорить о болгарских вооруженных отрядах в первые годы русско-турецкой войны 1806–1812 гг., поскольку «арнаутские» отряды были многонациональны, составлены зачастую из бродяг, плохо обучены и не дисциплинированы. Только массовые переселения болгар создали базу для появления действительно болгарских вооруженных отрядов, частью вошедших в Болгарское земское войско.

События в Греции 1821 г. всколыхнули всю общественность России. С этого времени в русском Главном штабе стали разрабатываться планы новой войны с Османской империей, в которых много внимания уделялось непосредственному участию болгарских добровольцев. Но в окончательном варианте операционного плана И.И. Дибича привлечение болгар решительно отклонялось. Николай I в специальном рескрипте подчеркивал, что необходимо «сохранять спокойствие» на занимаемых русской армией территориях,

что было продиктовано опасением коалиционной войны. С одной стороны, Австрия стягивала свои войска к границам России, с другой, Англия грозила вмешаться в конфликт на стороне Турции, если Россия вызовет «общее восстание всех турецких христиан». Это также предопределило и выбор операционного направления движения русской армии, которое лежало в стороне от Сербии и Черногории и почти исключало возможность вовлечения в борьбу болгар. Наступление шло через пустынную Добруджу, Малые Балканы, к Адрианополю в районе четырехугольника крепостей, который турки считали неприступным¹⁴. Порта предприняла ряд мер к предотвращению любой помощи болгар русской армии.

Появление русских войск в Дунайских княжествах привело в движение болгарскую эмиграцию, которая стала решительно настаивать на восстановлении Болгарского земского войска, что в тех условиях расценивалось как нежелательное деяние. И тем не менее, русское командование разрешило отдельным болгарским добровольцам вступать в 4-ю Уланскую дивизию при условии, что с окончанием войны они вернутся к прежним занятиям. Капитан русской армии Г. Мамарчев и капитан П. Фокиано организовали отряд, очень пестрый по своему национальному составу: болгары, вlahи, молдаване, греки, сербы, албанцы. Всего около 275 человек. Помощь отряда в нескольких разведывательных операциях, при переправе через Дунай русских войск в районе Силистры и самое участие в сражении с турецким гарнизоном были столь существенны, что первоначальное недоумение и даже возмущение главнокомандующего русской армией фельдмаршала графа П.Х. Витгенштейна от донесений генерала Л. Рота о болгарском отряде сменилось вопреки инструкциям на позволение остаться болгарам при русском войске. Витгенштейн просил генерала Рота представить свои соображения на предмет создания болгарского ополчения. Впоследствии отряд разделился на два: под командованием Фокиано состояли, главным образом, конные воины и вместе с казаками охраняли левый берег Дуная от вторжений турок. Отряд Мамарчева действовал на Дунае. За храбрость Фокиано был награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с лентой, Мамарчев – орденом Св. Анны 3 ст. Стали создаваться и другие отряды. Всего в 1828 г. участвовало приблизительно 550 добровольцев¹⁵.

Неудачи и трудности кампании 1828 г., болезни, которые сокращали численность русской армии действенной, чем сражения с турками, заставили русское командование составить новый операционный план и частично пересмотреть отношение к болгарским

волонтерам. Полковник И.И. Липранди, стремясь использовать опыт Отечественной войны 1812 г., ратовал за создание из болгар партизанского корпуса. Ему удалось объединить под своим командованием часть уже возникших добровольческих отрядов. В дислокации 2-й армии в октябре 1829 г. отмечены при Силистрии и Туртукае «партии сербов и волонтеров полковника Липранди», но не указана их численность. Более других отрядов волонтеров при русской армии на правом берегу Дуная не обозначено, хотя по Малой Валахии четко даны расположение и количество батальонов пандуров, пеших волонтеров капитана Алекса, конных волонтеров, составивших 7 батальонов численностью в 2750 человек¹⁶.

Значительный размах национально-освободительное движение приобрело в районе Созополя после его захвата в феврале 1829 г. русским десантом. Адмирал А.С. Грейг перевел главные силы из Варны к Созополю. В городе возник вооруженный отряд – Созопольская болгарская дружина, к маю насчитывавший более 100 человек. Русское командование попыталось было координировать действия дружины, назначив ее командиром русского офицера подпоручика Екатерининского пехотного полка Ревельоти. Но уже в июне 1829 г. пришлось отозвать русского офицера, который, по словам болгар, сковывал их инициативу. Небольшие отряды появились в Месемврии, Анхиало. В стране в это время действовали десятки вооруженных отрядов, которые возникали по ходу движения русских войск по территории Болгарии и выполняли всевозможные функции: совместные с русской армией военные действия, охрана ее тыла и флангов, разведка, самооборона населения, доставка продовольствия для Дунайской армии, ремонт дорог, земляные работы и др.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. велась в сложной международной обстановке. Военные демарши Австрии и угрозы Англии заставили русское командование отказаться от заранее создаваемых формирований болгарских добровольцев, но обстоятельства войны внесли свои коррективы. В боях с турецкой армией на различных участках обширного театра военных действий сражались вместе с русскими войсками и болгарские добровольцы, и вооруженные болгарские отряды. Надежда получить для Болгарии автономию была выражена в «Меморандуме русскому царю от имени болгарского народа», который вручил А. Некович русскому командованию для пересылки в Петербург. Но этот вопрос не был включен в Адрианопольский мирный договор 1829 г. С уходом русской армии из Болгарии несколько десятков тысяч болгар Северо-восточной Бол-

гории (в первую очередь, из Добруджи) поспешили эмигрировать в Россию и Дунайские княжества, что определенно свидетельствовало о размахе активного сочувствия русской армии.

Накануне Крымской войны в правительственных кругах России изучался вопрос о привлечении балканских народов к военным действиям. На основе записок фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича выработался план ведения войны, состоявший из трех этапов. На первом этапе предполагалась внушительная демонстрация, завершаемая занятием Дунайских княжеств, затем блокада Босфора. Третий этап состоял в признании независимости княжеств Сербия и Болгария и организации национальных восстаний в европейских владениях Турции: «И тогда вряд ли Турецкая империя устоит, и, вероятно, будут везде бунты христиан, и настанет последний час Оттоманской империи»¹⁷.

Летом 1853 г. дунайская армия в 87 тыс. человек, войдя в Дунайские княжества, выдвинулась к Дунаю и была расположена тонкой цепью по кордонному принципу. Фельдмаршал кн. И.Ф. Паскевич был твердо уверен, что у России «есть более страшное для Турецкой империи оружие, успеху которого ни одно государство в Европе воспрепятствовать не может: это влияние наше на христианские племена». В записке от 11 сентября 1853 г., рассматривая опыт «арнаутских» формирований предыдущих русско-турецких войн, фельдмаршал отмечал, что им не доставало учителей, которые бы дали прочное и правильное основание отчаянной, но не стройной толпе, также не доставало и умения употребить их в дело. Паскевич считал, что «зерном христианских ополчений» должны послужить войска Дунайских княжеств, число которых «по слухам, простирается до 10 тыс. человек». Увеличив количество до 20 тыс. из старых служивых и из охотников и выбрав из них болгар, сербов и греков, следовало составить из них отдельные роты или команды и распустить за Дунаем прокламации, приглашая всех христиан присоединиться к созданным уже ополчениям, объявив при этом, что каждому явившемуся даны будут оружие, порох, провиант и деньги, выплачиваемые помесечно. Если не жалеть денег, то новая армия составит в 30–40 тыс. человек, тогда как русские войска будут уменьшаться из-за болезней¹⁸.

4 (16) октября Турция объявила России войну. 21 октября в России был опубликован манифест о войне с Турцией. Придерживаясь оборонительной тактики, в начале ноября 1853 г. Николай I полагал: «Мы не иначе должны двигаться вперед, как ежели народные восстания за независимость примут самый обширный и общий

размер; без сего общего содействия нам не следует трогаться вперед; борьба должна быть между христианами и турками; мы же как бы оставаться в резерве». Хотя императора не покидали сомнения: «Признаюсь, не велика мне надежда на них, разве на сербов»¹⁹.

Русское командование постоянно получало сведения от болгар и их уверения о широкомасштабной подготовке восстания, которое, вспыхнув, облегчит проход русских войск по самой Болгарии. Но главнокомандующий генерал-адъютант кн. М.Д. Горчаков не разделял твердую убежденность Петербурга в общем восстании христиан при оборонительном положении русских войск без перехода через Дунай, ибо «невозможно оказать какую-либо помощь нашим единоверцам», а они «возможно, не поднимут восстания, исключая, может быть, население Эпира и Фессалии, но там не может быть ничего серьезного»²⁰. Н.Х. Палаузов, один из организаторов Одесского настоятельства и его руководитель, в «Записке о Болгарии» от 20 января 1854 г. также увязывал подготовку и планирование народного восстания, в котором «сотни тысяч» поднимутся на борьбу с турками, с ходом военных действий русской армии. «До перехода русских войск за Дунай невозможно и даже пагубно возбудить болгар к народному восстанию»²¹.

В декабре 1853 г. в Главной квартире русских войск было разработано «Положение для формирования батальона волонтеров в Придунайских княжествах». Батальон из 4 рот предусматривалось набрать из болгарских переселенцев и поручить им несение караульной и гарнизонной службы в освобождаемых русской армией населенных пунктах Болгарии. К делу его формирования активно подключились представители болгарской эмиграции: Болгарский Центральный комитет в Бухаресте (Епитропия) и Одесское болгарское настоятельство. 1 января 1854 г. была начата официальная запись добровольцев. Палаузов с воодушевлением писал: «Наши волонтеры молодцы, и их собирается довольно количество. Многие бросают свои занятия, торговлю, многие отцы с детьми записываются в волонтеры. Энтузиазм велик»²².

В связи с возросшей вероятностью войны с Англией и Францией были разработаны новые планы, согласно которым в марте 1854 г. русская армия успешно форсировала Дунай, овладела почти без потерь крепостями в нижней части Дуная – Исакчей, Тульчей, Мачином, вступила в Гирсово и оставалось ей завладеть Силистрией. Однако фельдмаршал Паскевич из-за угрозы выступления Австрии медлил с осадой Силистрии, пытаясь убедить царя в нецелесообразности наступления. 22 апреля 1854 г. он писал Николаю I: «На

болгар надежды немного. Между Балканами и Дунаем болгары угнетены и невооружены; они, как негры, привыкли к рабству. В Балканах и далее, как говорят, они самодеятельнее, но между ними нет единства и мало оружия. Чтобы соединить и вооружить их, надобно время и наше там присутствие... в Турции ждали бунта вследствие нововведения, но до сих пор это не подтверждается... Чего мы требовали от Турции для христиан, подвластных ей, то, и даже более, она дала им уже. Стояли мы в Княжествах только, чтобы принудить Турцию к тому, что ею ныне уже сделано. Правда, она сделала это не для нас, но для Франции и Англии». Фельдмаршал предлагал «в настоящую минуту сообщить Австрии и Пруссии, что мы выходим из княжеств, предоставляя западным державам охранение обещанных им Османской Турцией прав для подвластных ей христиан»²³.

Русских тепло встречали в Болгарии, многие ее жители изъявили желание вступить в батальон волонтеров, в котором к началу июня было сформировано уже две болгарские и три сербские роты, создавалась румынская милиция²⁴. Эти подразделения находились, в основном, вместе с русскими частями под Силистрией, причем признавалось «употреблять волонтеров не целыми ротами, а по полувзводно каждый раз, когда полк тот, к которому они прикомандированы, выходит на работы или в прикрытие траншеям и батареям».

Еще в январе 1854 г. рассматривались предложения о развертывании партизанской «малой войны» силами болгарских отрядов, посылаемых в тыл неприятеля. Члены Одесского настоятельства со своей стороны в записке «О формировании болгарских волонтеров», поданной русскому командованию, ратовали о создании отдельной военной единицы из отрядов болгарских волонтеров, которые самостоятельно действовали бы за Дунаем. Эти отряды должны были соединиться с восставшим народом и обеспечить продвижение русской армии в глубь Болгарии²⁵. Н.Х. Палаузов писал: «Постараемся составить свободных волонтеров... чтобы не зависели ни от кого, а поднялись бы сами и увлекли бы с собою и других...»²⁶. Поэтому, чтобы ускорить восстание христиан Османской империи, весной нескольким отдельным болгарским отрядам было поручено организовать партизанскую войну внутри Болгарии. В мае С.Н. Палаузов в письме к профессору Московского университета С.П. Шевыреву сообщал, что «в Габрово готовы 3000 и имеют оружие, в Тырново готовы 9000 (частью имеют оружие), в Елене – 6000, в Мелешеве гайдуки также готовы, и скоро начнет-

ся «малая война»²⁷. Мнение же русского командования было иное. Горчаков в донесении военному министру от 1 июня 1854 г. констатировал, что «христианские племена вовсе не показывают готовности взяться серьезно за оружие, они молят Бога за Русского Царя, но жертвовать собой для успеха святого дела бояться и не хотят»²⁸. Действительно, сил нескольких болгарских отрядов, отправленных в глубь Болгарии, явно не хватило, чтобы они стали ядром будущего восстания, да и времени им было отпущено мало²⁹. Омер-паша в противовес объявил о формировании польского легиона и «султанского казачьего полка»³⁰.

Концентрация сил Австрии (150 тыс.) на границе Дунайских княжеств, высадка союзных войск Англии и Франции в Варне, а также явная задержка «бурного выступления славян» заставили Дунайскую армию отойти за Прут. Вместе с ней ушли болгарские и сербские дружины, несколько тысяч болгарских семей переселились в Россию. Батальон волонтеров был распущен, но часть болгарских добровольцев приняла участие в боевых действиях в Крыму и в несении караульной службы в низовьях Дуная и крепости Измаил.

При подготовке Русско-турецкой войны 1853–1856 гг. впервые в политических планах России был поставлен вопрос о предоставлении независимости Болгарии. В связи с этим существенно возросла роль болгарских добровольческих формирований, которые создавались русским командованием согласно специально разработанным положениям. Им стали поручать выполнение самостоятельных боевых операций. На содержание и вооружение волонтеров были выделены значительные денежные средства. Но изменение хода войны приостановило процесс перерастания болгарского батальона добровольцев в регулярное воинское подразделение.

Последним этапом развития болгарских вооруженных отрядов стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. В начале октября 1876 г. при обсуждении плана будущей войны, составленного генералом Н.Н. Обручевым, был решен вопрос о создании Болгарского ополчения. Согласно «Основаниям для организации болгарского войска», оно должно было стать основой для будущей армии независимой Болгарии. Но в предстоящей войне ему отводилась вспомогательная роль: содействовать русской армии в «сохранении спокойствия и порядка в Задунайских странах», поскольку считалось, что болгары не приобрели привычки к регулярной военной службе. Это выразилось в отсутствии артиллерии и в формировании только пехотных и кавалерийских подразделений. Начальником

ополчения был назначен генерал Н.Г. Столетов. В Кишиневе была укомплектована полностью одна дружина и положено начало второй и третьей. Ее ядро составили болгарские добровольцы, которые сражались в составе сербской армии (1876) и после ее поражения перебрались в Кишинев, «совсем бесприютные», лишённые «всяких средств к жизни»³¹. До официального объявления войны с Турцией создаваемое болгарское ополчение под видом Почетного конвоя главнокомандующего русской армией получало обмундирование и оружие от имени Славянского комитета. 12 апреля 1877 г. был подписан манифест о войне с Турцией. В этот день состоялся высочайший смотр в Кишиневе и болгарские добровольцы удостоились получить царское «спасибо». 29 апреля был дан приказ о формировании Болгарского ополчения. Его центром стал румынский город Плоешти, где размещался штаб русской армии. Численность 6 болгарских дружин возросла до 4300 человек. Однако попытки сформировать в Плоешти конные сотни не увенчались успехом; только с переходом болгарского ополчения за Балканы в г. Эски-Загре (Стара-Загора) в его конные сотни стали вступать добровольцы со своими лошадьми, снаряжением и обмундированием. Однако после отхода Передового отряда и болгарского ополчения к Шипкинскому перевалу болгарские конники вышли из ополчения. До конца войны в ополчении были только конные ординарцы.

За довольно короткий срок русские офицеры и унтер-офицеры сумели обучить болгарских волонтеров, что позволило начальнику ополчения Н.Г. Столетову добиться включения Болгарского ополчения в Передовой отряд Дунайской армии, воины которого героически сражались при Эски-Загре, участвовали в обороне Шипки, в походах за Балканы в отряде Радецкого, в атаках Шейновского укрепления лагеря турок. Первое боевое крещение у Эски-Загре добровольцы выдержали с честью, и генерал И.В. Гурко записал в приказе от 12 июля 1877 г.: «... в этом деле вы сразу показали себя такими героями, что вся русская армия может гордиться вами... Вы ядро будущей болгарской армии. Пройдут годы, и эта будущая болгарская армия с гордостью скажет: “Мы потомки славных защитников Эски-Загры”»³². После знаменитых боев на Шипке Болгарское ополчение стало получать винтовки системы Крнка.

Согласно планам генерала Столетова, с переходом русской армии через Дунай предполагалось сформировать еще 6 болгарских дружин. Для этого от каждой дружины отделялось по роте, которая должна была стать основой новой дружины, провести обучение новых добровольцев. Свиштов, первый освобожденный город Болга-

рии, стал местом формирования второй группы ополчения. Но оно росло медленно. С одной стороны, его формирование было пущено на самотек, а с другой, чорбаджийские круги Болгарии проводили широкую агитацию против вооруженной борьбы и формирования ополчения. Неуспехи русской армии под Плевной и отступление Передового отряда из-за Балкан также не способствовали притоку добровольцев. Комплектование значительно ускорилося после перевода дружин в Тырново и Габрово. Впрочем, по настоянию князя В.А. Черкасского, заведующего гражданскими делами при главнокомандующем, эти дружины использовались, в основном, для карательной службы, что привело к сокращению их рядов.

Подъем национально-освободительного движения болгарского народа выражался также в создании народной милиции и вооруженных болгарских отрядов при частях русской армии в основном из жителей освобождаемых населенных пунктов. Они получали от русской армии оружие и обычно действовали в районе своего села или города. Как правило, вооруженными болгарскими отрядами командовали русские офицеры, и они выполняли боевые задачи тех частей русской армии, при которых они возникали. Народная милиция несла патрульную службу, охраняла подступы к городам, вела бои с мелкими отрядами турецкой армии³³.

Русское командование, изучив записки полковника Г.И. Бобринкова, полковника Н.Д. Артамонова и М.А. Хитрово о возможности использования болгарских чет в военных действиях, поручило дело формирования и руководства ими на левом фланге русской армии Н.Д. Артамонову, помощником которого был П. Хитов. В районе Ловеча, на правом фланге, действовал Хитрово, также получивший деньги и ружья для чет. Численность каждой четы колебалась от 30 до 60 человек, поскольку присоединялись охотники из местных сел, которые возвращались домой при продвижении отряда далее вперед. Постоянны были воеводы и некоторое число македонцев. По окончании войны четы, ставшие в тягость местным жителям, были распущены, а их командиры-воеводы были награждены знаками отличия военного ордена³⁴.

Таким образом, в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вооруженная борьба болгарского народа против турецких завоевателей приобрела новые черты и формы. Наряду с заранее созданными и обученными дружинами Болгарского ополчения успешно боролись четы, народная милиция и отдельные вооруженные отряды при частях русской армии. Победа России принесла Болгарии свободу и независимость.

Каждая русско-турецкая война XIX в. становилась качественно новой ступенью в развитии национально-освободительной борьбы болгарского народа, зрелости его политических устремлений. Росла и видоизменялась также роль болгарских вооруженных отрядов. От участия отдельных болгарских патриотов до формирования Болгарского ополчения – ядра армии свободной Болгарии – таков славный путь нескольких поколений борцов болгарского народа за свою независимость.

¹ *Кутузов М.И.* Сборник документов. Т. 3. 1808–1812. М., 1952. С. 389.

² *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание турецкой войны с 1806–1812 гг. СПб., 1843. Ч. 1. С. 31.

³ *Конобеев В.Д.* Българското национално-освободително движение. София, 1972. С. 110; *Дойнов Ст.* Българското национално-освободително движение. 1800–1812. София, 1979. С. 123; *Тодоров Н.* Освободителните движения на Балканите и ролята на българите в тях // В памет на академик Михаил Димитров. София, 1974. С. 121.

⁴ Первое сербское восстание. Т. 1. М., С. 380–381.

⁵ Багратион в Дунайских княжествах. Кишинев, 1949. С. 37.

⁶ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. С. 102, 104.

⁷ *Конобеев В.Д.* Указ. соч. С. 126–129.

⁸ М.И. Кутузов. К 200-летней годовщине со дня рождения. М., 1947. С. 15.

⁹ *Кутузов М.И.* Сборник документов. Т. 3. С. 366.

¹⁰ *Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. СПб., 1913. С. 109.

¹¹ *Кутузов М.И.* Сборник документов. С. 525.

¹² Там же. С. 444–445; С. 625.

¹³ *Конобеев В.Д.* Указ. соч. С. 152–155.

¹⁴ *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 181–182.

¹⁵ *Конобеев В.Д.* Указ. соч. С. 204, 210–211, 217.

¹⁶ *Лукьянович Н.* Описание русско-турецкой войны 1828 и 1829 гг. Ч. 4. СПб., 1847. С. 249–254.

¹⁷ *Зайончковский А.М.* Восточная война... Т. 1. СПб., 1908. С. 745.

¹⁸ Там же. Т. 2. С. 103, 109–110.

¹⁹ Там же. С. 275, 281.

²⁰ *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 126.

²¹ *Забунов И.Д.* Болгары юга России и национальное болгарское возрождение в 50–70-е гг. XIX в. Кишинев, 1981. С. 16.

²² *Забунов И.Д.* Болгарские волонтеры в Крымской войне, 1853–1856 // Исследования по истории стран Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Кишинев, 1983. С. 56.

²³ *Зайончковский А.М.* Восточная война... Т. 2. С. 402–407.

²⁴ *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 244.

²⁵ Болгаро-российские общественно-политические связи. 50–70-е гг. XIX в. Кишинев, 1986. С. 27.

²⁶ *Забунов И.Д.* Болгарские волонтеры... С. 55.

²⁷ *Забунов И.Д.* Болгары юга России... С. 19.

²⁸ *Зайончковский А.М.* Восточная война... Т. 2. С. 410.

²⁹ *Забунов И.Д.* Болгары юга России... С. 18.

³⁰ *Бескровный Л.Г.* Указ. соч. С. 245.

³¹ *Овсянный Н.* Болгарское ополчение и Земское войско. СПб., 1904. С. 6.

³² *Фортулатов П.К.* Война 1877–1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 94.

³³ Болгаро-российские общественно-политические связи... С. 213.

³⁴ *Овсянный Н.* Указ. соч. С. 59; *Улунян Ак.А.* Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878. М., 1971. С. 56–63.

Д. МИНЧЕВ
(Болгария, София)

БОЛГАРСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.

У нас нет сомнения, что одно из самых важных событий болгарской военной истории – это Русско-Турецкая война 1877–1878 г., которая в Болгарии зовется Освободительной, потому что с нее началось существование болгарской державы в Новое время.

В 1998 г. в Болгарии состоялась первая международная конференция по военной истории, посвященная 120-летию освобождения Болгарии и Руско-Турецкой Освободительной войне. В августе 2012 г. в Софии под эгидой Международной комиссии по военной истории – организации ЮНЕСКО проходил ежегодный 38-й международный конгресс по военной истории. Церемония открытия проходила в Храме-памятнике «Св. Александр Невский» – символе Освобождения Болгарии. Участники, среди которых был и представитель России, оценили это по достоинству.

Сегодня в Болгарии существует тенденция к пересмотру некоторых исторических событий. В частности, высказывается мнение, что болгарский народ не боролся за свое освобождение, а только ожидал его. Нам необходимо помнить, что без неравной борьбы нашего маленького народа этого Освобождения трудно было бы достичь. В данном случае Апрельское восстание 1876 г. вынудило Европу и Россию перейти к активным действиям для Освобождения Болгарии.

Конечно, Апрельское восстание было лишь одним из многих деяний для Освобождения болгарского народа. Болгары добровольно участвовали в национально-освободительной борьбе балканских народов, славян, православных и, считая их своими братьями, сознательно рисковали своими жизнями за общее освобождение. Вот почему Болгарское Ополчение не являлось изолированным событием, но может считаться важнейшим событием, отразившим стремление болгарского народа к созданию самостоятельного государства и своей армии. Подвиги ополченцев вдохновили будущие поколения. В Балканской войне 1912–1913 гг. в Болгарской армии неслучайно было создано так называемое Македоно-Одринское ополчение, которое призвано было наследовать Освободительные традиции Болгарского ополчения,

а его начальником стал генерал-майор Никола Генов – бывший ополченец.

Известный русский панславист, генерал Ростислав Фадеев, еще во время Апрельского восстания предложил идею создания болгарских добровольческих частей. Он категорически заявил, что со «своим народным знаменем» и крылатым лозунгом за свободу болгарский народ поднимется на борьбу против турецких поработителей. Российский военный министр генерал Д.А. Милютин поддержал это предложение, учитывая, что война России против Османской империи неизбежна. Генерал Фадеев справедливо полагал, что возникнет необходимость в вооруженной силе, способной противостоять вооруженному турецкому населению. Как известно, в Османской империи мусульмане имели право носить оружие, тогда как христиане его не имели. Ясно, что оружие дается только людям, которым можно вполне доверять. Это доверие болгары заслужили у России, став частью русской армии.

13 ноября 1876 г. в Ливадии, в Крыму, после совещания Александра II с Д.А. Милютиным и Великим князем Николаем Николаевичем окончательно было утверждено решение о создании болгарской войсковой части. В указе «Основания для организации болгарского войска» и в «Правилах о создании Болгарского ополчения» эта войсковая часть называлась «Болгарское ополчение». В этих документах ставились следующие задачи:

- болгарские войсковые части должны разведывать в населенные пункты для расположения противника и связывать русские войска с местным населением;
- выполнять задачи как местная вооруженная стража и не допускать разбоя башибузуков и черкесов;
- выполнять военно-полицейскую службу: конвойную, этапную и другие.

Командирами болгарских дружин назначаются не только русские офицеры, но и болгары, служившие в это время в российской армии. Видная роль в создании военной организации для борьбы с турками принадлежала офицеру русской службы, болгарину по происхождению И.К. Кишельскому, известному своими связями с русскими славянофилами и военным министром Милютиным. Формирование болгарских добровольческих отрядов предполагало и стратегический план войны с Турцией, подготовленный видным специалистом русского Генерального штаба, генералом Н.Н. Обручевым («Красным генералом», как его называли в правительственных кругах за либеральные взгляды).

В октябре 1876 г. прибывшая в Петербург болгарская делегация во главе с председателем Болгарского центрального благотворительного общества (БЦБО) К. Цанковым и членом комитета П. Наботковым предложила, чтобы болгарские патриоты участвовали в войне России против Османской империи. С этой целью в октябре 1876 г. готовится окружное письмо БЦБО, в котором рекомендуется в течение семи дней подготовить секретные списки добровольцев для болгарских отрядов.

Революционная болгарская эмиграция в Румынии и в России с нетерпением ожидала начала войны. Поощряла болгарских эмигрантов к борьбе против поработителей и румынская общественность.

БЦБО во главе с заместителем председателя Олимпием Пановым развернуло активную деятельность среди эмигрантов по формированию добровольческих дружин, в первую очередь, по военному обучению, обеспечению вооружением, снаряжением, обмундированием. Значительные суммы для материального обеспечения добровольцев выделили славянские комитеты в Петербурге, Москве, Одессе. Московский славянский комитет во главе с И.С. Аксаковым до декабря 1876 г. доставил 20 тысяч ружей, 6 миллионов патронов и другое вооружение. Подготовка России к войне с Османской империей и предложение создать болгарские войсковые части получили отклик среди болгар. Под руководством БЦБО и его отделений в румынских городах принимались меры, чтобы не допустить роспуска болгарских частей, участвовавших в Сербско-Турецкой войне 1876 г. В это время в Кишиневе, где находилась Главная квартира штаба действующей российской армии, собралось около 700 добровольцев самого разнообразного вида и обличия. 29 апреля 1877 г. Главнокомандующий русской Дунайской армией издал приказ № 207 о формировании Болгарского ополчения составом в шесть пехотных дружин и шесть сотен. Дружины были сведены в три бригады. По своей штатной структуре Болгарское ополчение было близко к штатам русской пехотной дивизии.

Командование ополчением должен был осуществлять начальник дивизионного уровня. Штаб Болгарского ополчения возглавлялся начальником, имевшим в подчинении двух адъютантов. В ополчении принималась бригадная организация, а не полковая, как в русской армии. Были сформированы три пехотные бригады, в каждой по две дружины из пяти рот, всего 6 дружин – 30 рот.

Ополченская рота была сходна по составу с ротой русской армии и состояла из командира роты, двух младших офицеров – ко-

мандиров взводов, четырех старших и двенадцати младших унтер-офицеров, старшины, двух барабанщиков, командиров отделений, ключаря, писаря, фельдшера, двухсот солдат.

Конные сотни не формировались, только одна штабная кавалерийская сотня – сто солдат. Артиллерийские подразделения не формировались, так как для них не было специалистов. В целом, Болгарское ополчение включало 1 генерала, 136 офицеров, нижних чинов по штатам 9008 (реально в строю 7444) человек. Позже, летом 1877 г., были сформированы еще шесть дружин под названием Второго ополчения. Формирование Второго ополчения было связано с трудностями и слабостями в организации. Командирами Болгарского ополчения были назначены:

- 1-й дружины – подпоручики Делов и Стоянов;
- 2-й дружины – поручик Шиваров и юнкера Бласков, Попов, Паница и Узунов;
- 3-й дружины – поручик Филов, подпоручики Кисов и Гуджев;
- 4-й дружины – капитан Райчо Николов;
- 5-й дружины – подпоручик Данаил Николаев.

Позже в ополчение были включены и штабс-ротмистр Любомский, подпоручики Муткуров и Тепавский.

Согласно утвержденным Императором 5 апреля 1877 г. Правилам создания Болгарского ополчения, командирами могли быть только лица, служившие ранее в русской армии. При подборе офицерского состава предпочтение отдавалось болгарам, получившим военное образование в России. Все же болгар было недостаточно, поэтому назначения получали и русские офицеры. Вся организация войсковой жизни и обучения осуществлялась по русским уставам и наставлениям, а все команды должны были отдаваться на русском языке. Служба болгарских офицеров и подофицеров, как и других должностных лиц в Болгарском ополчении, засчитывалась как служба в действующей русской армии, они получали такое же жалование и другие виды довольствия.

Командующим Болгарским ополчением был назначен генерал-майор Николай Григорьевич Столетов, хорошо образованный военачальник, имевший боевой опыт Крымской кампании 1853–1856 гг. и, главное, питавший самые теплые чувства к болгарскому народу. 30 марта в Кишиневе его торжественно встретили 900 болгар – Почетный конвой Главнокомандующего.

18 мая 1877 г. в лагере в Плоешти Болгарскому ополчению торжественно вручили Самарское знамя – дар жителей города Самары, что имело большое значение для повышения боевого духа

добровольцев, которые уже чувствовали себя воинской частью. Этот день был одним из самых торжественных для ополченцев. 24 июля 1877 г. генерал-майор Николай Григорьевич Столетов принял командование главными силами Габровского отряда – комбинированного русско-болгарского Шипкинского отряда. В его состав вошли: 36-й пехотный Орловский полк, пять ополченских дружин – всего 6000 человек с 27 орудиями. Соотношение сил составляло 1:4,5 в живой силе и 1:1,6 в артиллерии в пользу турок. Столетов хорошо понимал, что от удержания Шипкинского перевала в большой степени зависит исход войны и судьба освобождения Болгарии. Он обратился к солдатам и ополченцам со следующими словами: «Вся Россия надеется, что вы сумеете удержать Шипкинские позиции, а Болгария ожидает от вас свою свободу!». План генерала Столетова предполагал упорную оборону с целью удержания Шипкинской позиции до прихода подкреплений. Пять болгарских ополченских дружин составляли почти половину сил отряда и к ним относились как к настоящим солдатам. Они уже имели боевой опыт, высокий дух.

Имея целью окружить позицию, Сулейман-паша подготовил новую атаку 11 августа. С востока и с юго-востока отряд Реджеп-паши – 11 000 чел., с запада – Расим-паша – 2000 чел., с юга – Салих-паша – 5000 чел. В отряды Расима и Вейсела входили черкесы. В резерве остались обозы, 19 орудий и почти вся кавалерия – около 7500 чел. Генерал Столетов принял решение перейти к круговой обороне. Общая численность его отряда не превышала 7300 чел. Около 1800 чел. с 15 орудиями на передовой позиции и 4100 чел. с 12 орудиями на главной позиции. В резерве оставалось 1400 чел.

11 августа 1877 г. – самый тяжелый день в пятимесячной обороне Шипкинского перевала – начался обстрелом передовой позиции турецкой артиллерией. Отряды Реджеб-паши с востока и Расим-паши с запада почти одновременно атаковали фланги Главной позиции. Они достигли позиций ополченцев, но были отбиты штыковым ударом. В самый критический момент неожиданно появился отряд Вейсел-паши с северо-востока, но был отбит смелой контратакой под командованием капитана Кончалова. С юга главные силы отряда Салих-паши вели огонь, нанося русским и болгарам чувствительные потери. В этот трудный момент ополченец Леон Курдов с неразорвавшейся турецкой гранатой бросился на противника: «Братцы, если надо умереть, лучше умереть славно», – и взорвал гранату. Ополченцы контратаковали и в рукопашной борьбе отбили противника. Пока защитники Шипкинского пере-

вала из последних сил отбивали яростные атаки турок, подошли резервы во главе с генералом Радецким. Весть об этом вызывала большую радость и энергию.

Трехдневными боями с 9 до 11 августа окончился один из самых тяжелых периодов в пятимесячной обороне Шипкинского перевала. Задача, поставленная объединенному русско-болгарскому отряду, была выполнена. Он не допустил войска Сулейман-паши через Шипкинский перевал в Северную Болгарию на соединение с турецкими войсками в Плевне или в крепостном четырехугольнике Русе-Шумен-Варна-Силистра. В совместной борьбе на Шипке укрепились дружба русского и болгарского народов.

Литература

1. Освобождението на България. Материали от юбилейна международна научна сесия в София. София, 1982.
2. Руско-Турската освободителна война 1877–1878. София, 1977.
3. Улунян Ак.А. Болгарский народ и Русско-Турецкая война 1877–1878 гг. М., 1971.
4. 100 години от освобождението, Сборник от материали, изнесени пред националната научна сесия – секция «Военна история» 28 февруари – 1 март 1978. София, 1979.
5. Българското опълчение. Сборник документи под редакцията на М. Михов. Т. 1. София, 1956. С. 20.
6. Иванов Ив.С. Болгарское ополчение и его формирование. СПб., 1889.
7. Бендерев Ат. История на Българското опълчение и освобождението на България 1877–1878 г. София, 1930.

Я. ЛЕГЕЧ
(Польша, Кельце)

СОЛДАТЫ ИЗ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО В РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 ГГ.

Очень сложно на нескольких страницах рассказать о таком сложном и совершенно неизвестном вопросе, как участие солдат из Царства Польского в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Польские историки уделяют мало внимания этому вопросу. Намного больше было написано о нескольких поляках, в основном иммигрантах, которые воевали на турецкой стороне, чем о десятках тысяч бойцов в русских мундирах¹.

Если так мало писали о них поляки, то русским исследователям еще труднее освещать этот вопрос. В основном, они, как, например, Николай Игнатьев, везде видели польских шпионов², но не замечали храбрости сотен поляков – солдат и офицеров царской армии. Кроме того, как для русских, так и для иностранных историков в русской армии на Балканах и на Кавказе воевали только русские воины без различия национальности и вероисповедания³.

Почему я, польский историк, не пишу просто о поляках – солдатах русской армии? Дело в том, что на основе доступных историческим источникам гораздо легче узнать, откуда солдат происходил, чем, какой он был национальности. Во-первых, чиновники, ведавшие воинским призывом, делали все возможное, чтобы официально среди новобранцев (прежде всего, в губерниях Западного и Юго-Западного Края) было как можно меньше поляков. Таким образом, из дел мы можем, например, узнать, что в Вильно на более чем 1000 новобранцев совсем не было поляков⁴. Русские ученые сами признавали, что в Минском уезде Минской губернии жило до 40% поляков, а среди новобранцев официально их было только 1%⁵. Наконец, сам новобранец нередко не мог сказать, какой он национальности.

Очевидно, что и среди солдат из Царства Польского не все были поляками. В западных губерниях Царства их было почти 90%, но в восточных (Люблинская, Седлецкая) – уже только 50–60%. В этих губерниях было несколько десятков процентов жителей православного вероисповедания, прежде всего, бывших униатов, которых правительство причисляло к русским⁶. В Сувальской губернии большинство составляли литовцы, во всех губерниях среди новобранцев было почти 10% евреев⁷.

Конечно, война 1877–1878 гг. не была первой, в которой воевали под русскими знаменами солдаты из Царства Польского. От подавления Ноябрьского восстания (и упразднения армии Царства Польского) до Крымской войны в ряды русской армии попало более 200 000 рекрутов из Царства Польского, которые воевали с киргизами на Оренбургской линии, с горцами на Кавказе, с венграми (а также и поляками) в 1849 году, с англичанами и французами на полях сражений Крымской войны. Во время Январского восстания 1863 г. солдаты из Царства Польского и не только действительной службы, но и отставные почти все остались верными правительству⁸.

После окончания Крымской войны в течение нескольких лет в Царстве Польском не было рекрутских наборов. В 1865–1873 гг. в ряды русской армии вступило 118 000 новобранцев⁹, а в первые три года после введения всеобщей воинской повинности – еще почти 40 000.

Сколько из них участвовало в Русско-турецкой войне? На этот вопрос нет простого ответа. В конце XIX века польский публицист и мемуарист Ян Гржегоржевский писал, что «почти половину русской армии великого князя Николая Николаевича составляли поляки, как в нижних чинах, так и в офицерах»¹⁰. Эта оценка не может быть верной, потому что такого числа поляков (200 000) не было во всей русской армии.

Польские историки Мечислав Танты и Януш Войтасик оценивают число солдат-поляков в 35–50 тысяч, что следует признать более достоверным. Проблема лишь в том, что ни один из них не указывает, на каких источниках эти оценки основаны¹¹.

По официальным данным, на 1 января 1876 года на действительной военной службе осталось 64 883 уроженцев Царства Польского. Это было 9,36% от общего числа нижних чинов русской армии. Однако, поскольку большинство из них было отправлено в полевые войска, и только немногие – в крепостные и местные, в действующей армии этот процент был намного выше. Например, в пехоте это было 10,58%, а в кавалерии – 12,02%¹².

Во время мобилизации в ноябре 1876 года в Царстве Польском было мобилизовано около 17 000 запасных (см. Таблица 1). Во второй частичной мобилизации в апреле 1877 года было мобилизовано всего 460 запасных. В целом, в Царстве Польском мобилизовано менее 18 000 при более чем 340 000 мобилизованных во всей Империи (приблизительно 5,5%).

Если предположить, что в войне участвовала половина солдат действительной службы и все мобилизованные запасные, то это

будет 50 000 солдат из Царства Польского. И это, вероятно, ближе к истине.

В каких войсковых соединениях воевали солдаты из Царства Польского? В русской армии новобранцев распределяли так, чтобы в каждой воинской части не было больше четверти «инородцев» – уроженцев окраин Империи.

Но во многих дивизиях уроженцы Царства Польского составляли почти четверть всего состава нижних чинов. Так как уроженцы одних и тех же губерний в течение многих лет пополняли одну и ту же дивизию, с польской точки зрения, мы можем назвать, например, 9-ю Пехотную дивизию «Варшавской», 13-ю – «Седлецкой», 15-ю – «Люблинской», 31-ю – «Келецкой» и т.д. Много солдат из Царства Польского было в частях войск Варшавского военного округа, которые приняли участие в этой войне, в том числе в 3-й Гвардейской, во 2-й и 3-й Гренадерских дивизиях¹³.

Внимания заслуживает ход мобилизации в Царстве Польском с ноября 1876 г., так как он хорошо характеризует отношение общества и самих запасных к этой войне. Как в России, так и в Царстве Польском основное бремя мобилизации пришлось, в основном, на южные губернии. В ноябре 1876 г. мобилизация проходила в Келецкой, Люблинской, Петрковской, Радомской, Седлецкой и южной части Варшавской губернии (в том числе, и в самой Варшаве). Четыре северные губернии мобилизация вообще не затронула. Запасные из Царства Польского пошли на укомплектование войск Одесского (Люблинской, Петрковской и Седлецкой губернии), Московского (Варшавской и Радомской) и Харьковского (Варшавской и Келецкой) военных округов¹⁴.

Как и во всей Империи, в Царстве Польском были мобилизованы более молодые запасные, прежде всего сроком службы 1867–1870 гг. Некоторые вернулись в свои дома всего несколько месяцев назад, но многие из них были вынуждены вновь покинуть беременных жен и маленьких детей. Неудивительно, что сообщение о мобилизации они приняли без энтузиазма. Российские военные власти опасались, что многие из них могут попытаться бежать за границу или скрыться.

Однако, к удивлению властей, мобилизация прошла очень гладко. В Петрковской и Радомской губерниях ее завершили всего за четыре дня после объявления, а в других – в течение пяти¹⁵.

Очевидец мобилизации в Варшаве, писавший под псевдонимом «Пяст» корреспондент газеты «Познанский Дневник», сообщал, что была она как «несчастный набор перед восстанием ... как облава на

Таблица 1

Результаты мобилизации с ноября 1876 года в Царстве Польском¹⁶

Губерния	Число запасных	Подлежало мобилизации	Мобилизовано	Недобор
Келецкая	4800	2024	2024	0
Люблинская	6872	3380	3380	0
Петрковская	6966	4367	4367	0
Радомская	4831	1999	1999	0
Седлецкая	4721	2294	2294	0
Варшавская	9716	3283	3028	255
Царство Польское	37906	17347	17092	255

диких зверей»¹⁷. Неужели, такой гладкий ход мобилизации был результатом лишь только грубой силы полиции? Кажется, что представление «Пястом» хода мобилизации было явно преувеличенным и драматизированным. Кстати, тот же «Познанский Дневник» за несколько дней написал, что в Келецкой губернии почти все запасные быстро явились на мобилизационные пункты и никто никого из дома не выволакивал¹⁸.

Почему же мобилизация прошла столь гладко? Следует помнить, что более 80% призывников были крестьянского происхождения. А крестьяне уже во время Январского восстания 1863 г. в большинстве относились к нему с безразличием, а нередко и помогали русской армии¹⁹. Кроме того, среди них жила искренняя благодарность за освобождение от крепостной зависимости с 1864 года и гминное самоуправление. Российские жандармы считали даже, что они могут стать одним из столпов русской власти в Царстве Польском²⁰.

Один из польских крестьян-солдат русской армии спустя многие годы писал так: «Мы Царя Александра II обожали за дарованные крестьянам свободы, за что и дворяне его убили ... Я молился ему почти как второму воплощению Христа, с той лишь разницей, что Христос умер за весь мир, а Царь умер за крестьян своей огромной страны»²¹.

Необходимость идти на войну они полагали «Божьей волей». Запасные считали, что не только царь, а сам Бог ведет их на войну и только он может спасти их жизнь²². Но я думаю, что большинство

солдат из Царства Польского послушно шли воевать против турок на Балканах, прежде всего потому, что таков был приказ. Военную службу они рассматривали как рабский долг. Царь – это сила, это власть, и обязанность крестьянина – подчиняться власти²³.

Я далек от мнения, что солдаты из Царства Польского понимали необходимость помощи братьям-славянам в Болгарии или Сербии, тем более, что те были, в конце концов, православными²⁴. Думаю, что в мирное время они не меньше, чем турок, с которыми в жизни не сталкивались, ненавидели русских – «кацапов» и «москалей», которые нередко смеялись над поляками, называя их «картошками» и «мятежниками». Но все это изменилось во время войны, когда турок мог убить, а «кацап» – спасти жизнь.

Большой, возможно, самой большой проблемой был вопрос заботы о семьях запасных нижних чинов, а потом о раненых и больных, потерявших здоровье на войне, а также о семьях убитых нижних чинов.

Необходимость денежных сборов на пайки для семей мобилизованных вызвала среди жителей Царства Польского едва ли не большее недовольство, чем сама мобилизация. Они полагали, что это дело правительства и, решая вопрос о войне, оно должно было подумать и обо всех ее последствиях. Кроме того, им было трудно понять, почему расходы несут только жители уездов, в которых была мобилизация. Ведь войну ведет вся страна. Не удивительно, что денежные сборы на пайки для семей запасных шли с большим трудом²⁵.

В результате, некоторые семьи запасных не получили поддержки вообще, а многие – только через много месяцев после окончания войны. Более того, в некоторых уездах выдачу пайков остановили сразу после перемирия, хотя некоторые запасные возвращались домой и через год²⁶.

Авторитет правительства также подрывала судьба увечных ветеранов и семей убитых на войне. Сами инвалиды не могли понять, почему для получения пособия они вынуждены ездить за свой счет в уездный город, почему инвалидам без руки или ноги дают пособие только временно – на один год (как будто была надежда, что рука или нога вновь вырастет), почему, наконец, за свою кровь и здоровье они получают всего только три рубля в месяц. Эти деньги, которых хватало только на скудное пропитание, не позволяли им умереть, но не позволяли и достойно жить. Инвалиды иногда становились объектом насмешек других жителей своих деревень, наблюдавших, как государство «заботится» о своих героях²⁷.

О поведении солдат из Царства Польского на полях сражений Русско-турецкой войны мы знаем очень мало. Как я уже сказал, очевидцы событий на Балканах, а позже историки видели только русских (или царских) воинов, а не одетых в мундиры русской армии русских, поляков, немцев, литовцев или евреев. Но если в отчетах нет информации о том, что поляки показывали себя плохо, мы можем предположить, что они сражались не хуже других. Даже с неприязнью относившийся к полякам Николай Игнатьев заметил во время осады Плевны следующий эпизод. Один из солдат-поляков ранил в упор турецкого полковника и крикнул товарищу, чтобы тот помог захватить его в плен. Офицер крикнул на солдата по-польски: «Мерзавец, слышу по твоему выговору, что ты, как и я, поляк, как тебе не стыдно стрелять в меня за москалей?». В ответ солдат заколол турецкого полковника, которого он не считал своим земляком, а просто врагом²⁸.

Даже в трудные времена, например, после неудачных штурмов Плевны среди солдат Царства Польского не было дезертиров. Поэтому не исполнились надежды тех, кто ожидал, что возможным будет организовать из них польские войска, сражавшиеся на стороне турок.

Итак, необходимо помнить, что на русской стороне в этой войне сражалось много польских воинов, а не только один известный денщик генерала М.Д. Скобелева Круковский – «архиплут великий, лентяй, грубиян и каналья» и «трус»²⁹. Думаю, что, как среди русских, так и среди поляков и воинов других наций, были и трусы, и герои.

Много солдат из Царства Польского получило за эту войну Георгиевские кресты, но значительно больше – только деревянный крест над безымянной могилой... Сколько из них погибло? Здесь мы снова не имеем точных сведений, а только данные с некоторых гмин. Например, на 18 солдат с одной из гмин Келецкой губернии, которые принимали участие в этой войне, погибло четверо, а один скончался в лазарете уже после окончания войны. На основе этих данных не могут быть оценены потери среди солдат из Царства Польского, хотя бы потому, что все солдаты с вышеупомянутой гмины сражались в рядах 31-й Пехотной дивизии, которая понесла тяжелые потери во время «второй Плевны»³⁰.

Жители Царства Польского устроили возвращающимся с войны солдатам торжественную встречу. Начальник Варшавского Жандармского Округа, генерал Петр Василевич Оржевский писал: «25-августа (1878 г. – Я.Л.) вступал в Варшаву первый эшелон воз-

вращавшегося с войны Лейб-Гвардии Волынского полка. Встреча сделанная варшавскими жителями этому, квартировавшему в Царстве 15 лет полку, во всяком случае превзошла ожидания. Огромная толпа непроницаемой массой теснилась по всем улицам, ведущим от дебаркадера железной дороги к казармам полка, и 3 часа терпеливо ожидала прибытия первой колонны, следование которой было почти невозможным. Крики «ура» не умолкали, толпа двигалась вместе с колонной, офицеры и солдаты были буквально забросаны венками»³¹. Так Варшава встретила дивизию, которая несколько лет назад приняла участие в подавлении восстания в Варшавской губернии. Удивительно? Не совсем.

Такие встречи были и в других городах Царства Польского. Оржевский объяснял, что «эту толпу составляли исключительно низшие сословия, видевшие в прибытии Гвардии материальную выгоду», но надо также помнить, что эта «толпа» встречала не только русские войска, но и своих родственников³². Русская армия по причине службы в ней многих нижних чинов из Царства Польского была для общества Царства в известной степени – своей.

¹ J. Grzegorzewski, Za Dunajem. Bułgaria, Serbia, Czarnogóra, Lwów 1904, С. 150–151; A. Lewak, Dzieje emigracji polskiej w Turcji (1831–1878), Warszawa 1935, С. 247–250. B. Brodecki, Szyпка i Plewna, Warszawa 1986, С. 218–219.

² Игнатъев Н.П. Походные письма 1877 года, Письма Е.Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. Москва, 1999. С. 55, 108, 175, 228, 236.

³ В этом месте мы должны сказать, что это относится также и к польским воинам в рядах армий других захватчиков Польши – Пруссии и Австрии. Эти солдаты сражались, а иногда и стреляли друг в друга просто как прусаки или австрийцы.

⁴ Всеобщая воинская повинность в Империи за первое десятилетие 1874–1883. С-Петербург, 1886. С. 79, 83, 87.

⁵ Племенной состав контингентов Русской армии и мужского населения европейской России, сост. А. Риттих. С-Петербург, 1875. С. 9–10; Всеобщая воинская повинность ... С. 242.

⁶ Они сами часто не считали себя ни поляками, ни русскими.

⁷ J. Legieć, Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii rosyjskiej w latach 1874–1913. Kielce, 2013. С. 77–79.

⁸ Поэтому командиры некоторых повстанческих отрядов всех отставных солдат считали русскими шпионами. W. Caban, Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1832–1873. Warszawa, 2001. С. 198–203.

⁹ W. Caban, Указ.соч. С. 90.

¹⁰ J. Grzegorzewski, Rok przewrotów (Bułgaria 1885–86), Lwów 1900, s. 44.

¹¹ M. Tanty, Wojna rosyjsko-turecka 1877/1878 (geneza – przebieg – rezultaty), w: Wojna wyzwolenicza 1877–1878, red. A. Koseski, Warszawa 1978, s.20; J. Wojtasik, Idea walki zbrojnej o niepodległość Polski 1864–1907. Warszawa, 1987. С. 41.

¹² Ежегодник Русской армии за 1878 г., ч. II. С-Петербург, 1878. С. 256.

¹³ До 1881 года почти 30% призывных из Царства Польского направлено на военную службу в войска Варшавского военного округа. Как видно, правительство имело к ним доверие. (См. Я. Легец, Новобранцы из Царства Польского в войсках Варшавского военного округа в 1874–1914 гг. // Военная История России XIX–XX веков. Материалы III Международной военно-исторической конференции. СПб., 2010. С. 53–60).

¹⁴ РГИА. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 1347. Л. 3–10.

¹⁵ Там же. Д. 1351. Л. 55–66.

¹⁶ Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском Полуострове. Вып. 11. С-Петербург, 1898. С. 123–124.

¹⁷ «Dziennik Poznański» (Познанский Дневник). Год XVIII (1876). № 264. С. 1.

¹⁸ Там же. № 270. С. 2.

¹⁹ H. Brodowska, Chłopi o sobie i Polsce. Rozwój świadomości społeczno-narodowej, Łódź, 2001. С. 67–68.

²⁰ S. Wiech, Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce, 2002. С. 257–265.

²¹ Pamiętniki chłopów. Serja II. Warszawa, 1936. С. 140.

²² Это была одна из особенностей польской, а точнее – крестьянской религиозности в XIX веке. Все в жизни человека зависело от «воли Божьей». (См. D. Olszewski, Polska kultura religijna na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1996. С. 139–142).

²³ «Русские были для того, чтобы управлять, а люди (т.е. крестьяне – Я.Л.), чтобы пахать и сеять», – писал потом один из бывших солдат. Pamiętniki chłopów. Warszawa, 1935. С. 65.

²⁴ Но я уверен в том, что большинство русских воинов даже этого не понимало и шло на войну просто потому, что таков был приказ.

²⁵ Так было и в великорусских губерниях. (См. Пушкикарёва Н.Л., Шербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы первой мировой войны // Журнал Исследований Социальной Политики. Т. III. № 2. С. 148).

²⁶ J. Legieć, Указ. соч. С. 237–242.

²⁷ Там же. С. 232–234.

²⁸ Игнатъев Н.П. Походные письма 1877 года. С. 236.

²⁹ Куприн А.И. Однорукий комендант // Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 томах, т. 7. М., 1973. С. 277, 293.

³⁰ Государственный Архив в Кельцах, Акта гмины Бодзентын. Д. 762. Л. 17–31; Д. 766. Л. 22.

³¹ Обзор губерний Царства Польского в политическом отношении за 1878 год, w: Sytuacja polityczna Królestwa Polskiego w świetle tajnych raportów naczelników Warszawskiego Okręgu Żandarmerii, oprac. W. Caban i S. Wiech, Kielce 1999, s. 61.

³² В первые месяцы Первой Мировой Войны население Царства Польского тоже говорило о российских войсках «наши» (nasi). А как было говорить о войсках, в которых было так много их земляков, полках, укомплектованных новобранцами и запасными – поляками? (См. *M. Przeniosło, Postawy społeczeństwa Królestwa Polskiego wobec zaborcy rosyjskiego w latach 1915*, w: *Między irredentą a kolaboracją*, red: S. Kalembka i N. Kasperek, Olsztyn 2001, s. 187–200; *U. Oettingen, Wieś w czasie działań wojennych Legionów Polskich w 1914 roku w Królestwie Polskim*, w: *Wieś polska wobec wyzwań, przełomów i zagrożeń (XIX i XX wiek)*, t. II, red. M. Przeniosło i S. Wiech, Kielce 2005).

А.С. СОКОЛОВ
(Рязань)

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ. И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ РОССИИ

Экономический рост, улучшение состояния платежного баланса и относительно сбалансированный бюджет, достигнутый к середине 1870-х гг., обеспечили предпосылки укрепления денежной системы России. Специальные меры по пополнению золотого запаса Государственного банка, главным образом, покупка золота и серебра за счет выпуска кредитных билетов позволили значительно увеличить разменный фонд. В 1875 г. величина разменного фонда выросла в 2,8 раза, по сравнению с 1865 г., и составила 28,8% от общей суммы обращавшихся кредитных билетов¹. С 1862 г. пост министра финансов занимал М.Х. Рейтерн (1820–1890), который фактически руководил почти всей экономической политикой страны. Он провел несколько важных реформ. Н.Х. Бунге писал о нем: «Он был одним из тех, кто стал деятельным сторонником новой внутренней политики в царствование императора Александра II, которая ожидала всего от частной инициативы»². Профессор П.П. Мигулин характеризовал М.Х. Рейтерна как чуткого и талантливое финансиста³.

«Последнее десятилетие, – писал императору в начале 1877 г. М.Х. Рейтерн, – ознаменовано сильным и небывалым у нас развитием частной предприимчивости... Возникло множество частных банков, строительных и других акционерных обществ и огромное число предприятий, основанных на товариществе или устраиваемых усилиями частных лиц. Все это принесло обильные финансовые и экономические плоды: огромное возвышение доходов, возрастание торговли, увеличение цен на недвижимую собственность и проч.». Эти изменения оживили надежды правительства на возврат к металлической основе денежного обращения в стране. Однако этим планам не суждено было осуществиться. В середине 1870-х гг. Европу потряс очередной финансовый кризис, который немедленно сказался на состоянии деловой активности в России. Другим фактором кризиса стал неурожай, сопровождавшийся падением объемов внутренней торговли и экспортных поступлений. Началось замедление темпов развития основных отраслей промышленности и сокращение торговых оборотов. В октябре 1875 г. потерпел банкротство Московский коммерческий ссудный банк. Это поставило под сомнение плате-

жеспособность других крупнейших банков. Востребование вкладов резко возросло. Но главной причиной расстройств государственных финансов Российской империи стал так называемый «Восточный вопрос». «Восточный вопрос, – констатировал М.Х. Рейтерн в записке, представленной Александру II, – причина, действующая пагубно на наши финансы, торговлю и промышленность»⁴. С 1876 г. в связи с надвигающейся войной постройка новых железных дорог с участием средств казны была прекращена. Был произведен новый выпуск билетов Государственного банка. Приступив осенью 1876 г. к эмиссии неразменных кредитных билетов, правительство, как и в годы Крымской войны, твердо заявило о своем намерении изъять их после подписания мирного договора. В обществе девальвация приравнивалась к частичному государственному банкротству. Надежды на восстановление номинальной стоимости рубля еще не были утрачены⁵.

В сложившихся условиях М.Х. Рейтерну пришлось срочно изыскивать дополнительные источники доходов накануне надвигающейся войны с Турцией. Указом от 25 октября 1876 г. министру финансов разрешено было выпускать кредитные билеты и производить заимствования из фондов Государственного банка. В ноябре того же года последовал указ о взимании с 1 января 1877 г. таможенных сборов в виде золотой пошлины, что в соответствии с тогдашним курсом бумажного рубля означало повышение пошлин на 30%. Это позволило министру финансов обеспечить платежи по внешним займам и несколько улучшить торговый баланс⁶. В течение зимы 1876–1877 гг. М.Х. Рейтерн направлял Александру II записки, где вновь повторял свои доводы против вступления в войну. М.Х. Рейтерн обращал внимание императора на возможность политических катаклизмов в стране. «Я глубоко убежден, – писал он, – что война остановит правильное развитие гражданских и экономических начинаний, составляющих славу царствования Его Величества; она причинит России неисправимое разорение и приведет ее в положение финансового и экономического расстройства, представляющее приготовленную почву для революционной и социалистической пропаганды, к которой наш век и без того уже слишком склонен»⁷. Но Александр II не внял этим предостережениям. Политические соображения возобладали над экономическими. В апреле 1877 г. был обнародован манифест о войне с Турцией и русская армия пересекла границу.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала экономическим бедствием для страны. Она поставила Россию на грань финансо-

вой катастрофы. Как вспоминал управляющий Государственным банком России Е.И. Ламанский, «такие жертвы если и не уничтожили всех тех плодов, которые доставили благотельные реформы шестидесятых годов, то значительно ослабили их и наложили на страну новое бремя расходов и долгов, и по сию пору тяготеющих на нашем финансовом положении»⁸. Вследствие войны количество кредитных билетов в обращении увеличилось на 417 млн рублей⁹. По Сан-Стефанскому мирному договору 1878 г. убытки России были определены в 1,4 млрд рублей. За 1877–1881 гг. бюджетные ассигнования на военные нужды составили 1113,5 млн рублей. В 1876–1881 гг. разменный фонд сократился с 231,2 млн до 171,5 млн рублей, металлическое обеспечение бумажных денег – с 28,8 до 15,1%¹⁰. Ситуация еще более осложнялась дипломатической изоляцией империи и разгулом спекуляций на курсе рубля на европейских биржах. В западной прессе распространялись слухи о приближающемся финансовом крахе России. Курс рубля испытывал сильные колебания, имел явную тенденцию к понижению. Финансовое расстройство сопровождалось кризисными явлениями в промышленности и сельском хозяйстве. Вначале под влиянием военной конъюнктуры экономика вступила в фазу подъема. Казенные заказы вызвали оживление в ряде отраслей, связанных со снабжением армии. Богатый урожай 1877 г. совпал с большим спросом на хлеб за границей. Экономический «всплеск» происходил в обстановке инфляции и роста товарных цен. По словам В.П. Безобразова, наступило «неслыханное изобилие» в наличных деньгах. «В некоторой части нашей печати, – писал он, – раздавались даже громкие голоса, еще более подстрекавшие это возбуждение; говорили, что война обогатила Россию, произвела могучий подъем всех ее производительных сил и создала новую эру для промышленности и торговли»¹¹.

Однако уже в 1881 г. появились первые признаки приближающегося спада. Кризис перепроизводства сковал все ведущие отрасли промышленности. Резко сократилось железнодорожное строительство, усилилось банкротство предприятий и банков, затормозилось акционерное учредительство. На Россию, не успевшую оправиться от войны, обрушился мировой аграрный кризис, который привел к падению закупочных цен на зерно, огромному скоплению нереализованных запасов хлеба, сокращению посевных площадей, разорению многих помещичьих и крестьянских хозяйств. Снижение платежеспособности сельского населения и рост недоимок наносили серьезный ущерб казне. Без урегулирования денежного об-

ращения были невозможны как общее оздоровление экономики, так и укрепление абсолютистского режима. На смену ушедшему в 1878 г. в отставку М.Х. Рейтерну пришли либеральные бюрократы в лице А.А. Абазы и Н.Х. Бунге, которые взяли курс на санирование денежного обращения страны.

¹ Коломиец А.Г. Финансовые реформы русских царей. От Ивана Грозного до Александра Освободителя. М., 2001. С. 382.

² Цит. по: Федоров Б.Г. Все министры финансов России и СССР 1802–2004. М., 2004. С. 91.

³ Мигулин П.П. Реформа денежного обращения и промышленный кризис в России (1893–1902). М., 2006. С. 23.

⁴ Коломиец А.Г. Указ. соч. С. 386.

⁵ Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998. С. 97.

⁶ История денежного обращения России Т. 1. Деньги России с древнейших времен до наших дней. М., 2011. С. 205.

⁷ Боханов А.Н. От крушения системы Канкрин к новой реформе // Русский рубль. Два века истории XIX–XX вв. М., 1994. С. 83.

⁸ Ламанский Е.И. Избранные сочинения. М., 2005. С. 179.

⁹ Кауфман И.И. История денег в России М., 2012. С. 256.

¹⁰ История денежного обращения России Т. 1. М., 2011. С. 206.

¹¹ Боханов А.Н. Указ. соч. С. 86.

М.И. ЛАВИЦКАЯ
(Орел)

ГЕНЕРАЛ СКОБЕЛЕВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РОССИЙСКО-БОЛГАРСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Зачем толпой стоит народ?
Чего в безмолвии он ждет?
В чем горе, в чем недоуменье?
Не крепость пала, не сраженье
Проиграно – пал Скобелев! не стало
Той силы, что была страшней
Той силы, что была крепостей...
Той силы, что богатырей
Нам сказочных напоминала.

Яков Полонский

История России в ее имперской или же советской ипостаси всегда была богата на примечательных, с исторической точки зрения, военачальников, чье значение выходило за пределы их основной сферы деятельности, а деяния приобретали историческое значение.

Становление российского государства и его превращение в Империю постоянно сопровождалось массой войн, справедливых и несправедливых, оборонительных и захватнических. Процесс имперской экспансии, в результате которого русский народ распространил свое влияние на огромные территории Евразии, ковался, в том числе, и на поле боя, где русское оружие было острием копья, которым цари, а затем императоры чертили новые границы и раздвигали пространство цивилизованной Ойкумены. История этой экспансии неизбежно затрагивала историческую судьбу больших и малых народов, которые попадали в орбиту русской цивилизации, либо вливаясь в нее, либо соглашаясь на различные формы политической, экономической и культурной зависимости.

Эти формы зависимости, с одной стороны, являлись отражением взаимоотношений в рамках имперской политики Нового времени, с другой стороны, особенная форма устройства России как «империи наоборот»¹ создавала уникальный формат взаимоотношений между циклопическим зданием Российской Империи и малыми народами, чья судьба на определенных исторических этапах была связана с Россией.

Люди, которые являлись живым олицетворением концепции о роли личности в истории², выступали своего рода цивилизационными посредниками между Россией и малыми народами, ее окружавшими. Из сонма дипломатов, военных, религиозных деятелей, купцов и знати лишь немногие смогли достичь подлинного исторического бессмертия, оставшись не только в памяти русского народа, но и в памяти тех народов, которым эти люди помогали творить свою историческую судьбу. Одним из таких людей был выдающийся русский генерал Михаил Дмитриевич Скобелев.

Историческое значение Скобелева обусловлено не только тем, что он выигрывал те или иные сражения или же расширял сферу влияния Российской Империи. Он оставил свой след в истории тех народов, с которыми соприкасался его воинский путь³.

В контексте отношений России и Болгарии вопрос о получении Болгарией независимости всегда был краеугольным в плане определения исторического бэкграунда взаимоотношений русских и болгар. Получение независимости большим или малым народом в историческом контексте является своего рода экзаменом на цивилизационную зрелость⁴, когда нация самостоятельно или же с чужой помощью, но получает возможность творить свою судьбу.

Для Болгарии ратные подвиги Скобелева были больше, чем просто победа: они открывали для нее путь к самостоятельному развитию. Две последующие мировые войны, где Болгария в силу различных объективных и субъективных факторов оказалась на стороне врагов России⁵, хорошо говорят о том, что Болгария такое право получила, пусть с точки зрения истории этот выбор дважды оказался ошибочным и принес этой стране немало бедствий. Но сама возможность этого самостоятельного выбора была обусловлена процессом освобождения и становления нации.

И вполне резонно, рассматривая контекст российско-болгарских отношений, обратиться к фигуре человека, который немало сделал для того, чтобы Болгария могла свободно выбирать свой путь развития и свою историческую судьбу – будь то с Россией или против нее.

Рассмотрим ключевые моменты роли Скобелева в истории российско-болгарских отношений, дабы диагностировать их значение как для прошлого, так и для будущего русского и болгарского народов и их общей исторической судьбы.

С точки зрения своей официальной парадной биографии, Скобелев был классическим представителем русского генералитета второй половины XIX века. Он формировался как личность под влия-

нием военных авторитетов прошлого, где центральными фигурами были фельдмаршалы второй половины XVIII – начала XIX века, которые принесли России ее наиболее значимые победы над европейскими державами в многочисленных войнах донаполеоновского и наполеоновского периодов.

Переход к раннеиндустриальной фазе войны и к эпохе массовых армий, естественно, вел к изменениям в военном искусстве, но все еще позволял отдельным выдающимся военачальникам проявлять искорку личной гениальности.

Скобелев в этом отношении был классическим продуктом военной системы Российской Империи того времени. Будучи выходцем из правящих классов, он, тем не менее, прошел свой путь в армии с самых низов, начав карьеру с портупей-юнкера и закончив ее генералом от инфантерии. При этом его карьера не была чередой повышений на административно-территориальных должностях.

Будучи далеко не самым блестящим в учебе, хотя и находясь в числе лучших, Скобелев, получив возможность реализовать свои таланты на практике, в полной мере ими воспользовался во время своего многолетнего пребывания в Средней Азии.

Имея, как правило, меньшие силы, нежели у неприятеля, Скобелев на разных должностях неизменно доказывал свои воинские дарования, откуда собственно и пошли его последующие сравнения с Суворовым. Эти сравнения лежали не только в сфере стремительности действий и побед «не числом, а умением», но и в хорошем отношении Скобелева с подчиненными ему офицерами и солдатами, выстроенными по принципу «слуга царю, отец солдатам»⁶. Как и Суворов, Скобелев не обладал должной гибкостью в придворных делах⁷, чем нажил себе немало врагов как в Средней Азии, где боролся с казнокрадством и пытался выстраивать имперскую политику по своему разумению, так и при императорском дворе, где молодой амбициозный генерал рассматривался как выскочка, добившийся легких побед над «халатниками»⁸. Это приводило к обвинениям в нечистоплотности в финансовых делах и различных злоупотреблениях властью.

Его политические взгляды хорошо описаны в биографической книге В.И. Немировича-Данченко: «Он не был славянофилом в узком смысле – это несомненно. Он выходил далеко из рамок этого направления, ему они казались слишком тесны. Ему было дорого наше народное и славянское дело. Взгляды на государственное устройство, на права отдельных племен, на многие внутренние вопросы у него были совершенно иные. Славянофильство понимал по-

койный не как возвращение к старым идеалам допетровской Руси, а лишь как служение исключительно своему народу. Россия – для русских, славянство – для славян... Взять у Запада все, что может дать Запад, воспользоваться уроками его истории, его наукою – но затем вытеснить у себя всякое главенство чуждых элементов, развязаться с холопством перед Европой, с несколько смешным благоговением перед ее дипломатами и деятелями»⁹.

В этом отношении перед нами предстает довольно типичный образ поборника неославизма, который как идеологическое течение переживал свой ренессанс в последней трети XIX века перед своим угасанием в начале XX века.

Такие взгляды вполне вписываются и в среднеазиатские походы Скобелева, где он расширял границы русского мира, распространяя не только имперскую администрацию, но и русскую культуру, русский язык. И тем более, они вписываются в военно-политическую деятельность Скобелева на Балканах, где он выступал не только как полководец, но и как проводник идей панславизма, одной из главных задач которого было освобождение балканских народов от турецкого гнета.

Для Болгарии наличие сильного панславистского движения в России всегда было залогом будущего освобождения, и к нему постоянно апеллировали как представители русофильских кругов в Болгарии, так и российская общественность, которой освобождение братьев-славян воспринималось исторической задачей в социокультурном и религиозном плане, не говоря уже о геополитических последствиях ослабления Османской империи. Поэтому человек с такими взглядами, как у Скобелева, легко нашел общий язык с передовыми представителями болгарского общества, которые понимали, что без помощи России добиться независимости будет невероятно сложно. И наличие видных поборников неославизма на важных военных, политических и дипломатических постах создавало определенные предпосылки для позитивного решения балканского вопроса в контексте традиционных болгарских устремлений к независимости.

Разумеется, на европейском театре военных действий Скобелев был сильнее скован военно-политической иерархией, но на своем месте он добился таких успехов, что по итогам Русско-турецкой войны затмил всех своих начальников. Зенитом его военной славы стало взятие Плевны, которая прославила его на всю Россию.

Примечательно, что именно тактические успехи обеспечили Скобелеву посмертную славу, в то время как более значимые для

России достижения в Средней Азии воспринимаются как довесок. Этот момент отмечается как в досоветской, так и в советской историографии, где проблемы, связанные с русско-турецкими войнами и балканским вопросом, освещались более тщательно, нежели борьба Российской и Британской империй в рамках «Большой игры» в Средней Азии. Хотя, с точки зрения интересов Российской Империи, именно деяния Скобелева в Средней Азии более значительны и фундаментальны.

Было бы наивностью утверждать, что Скобелев был проводником сугубо альтруистической политики, направленной на привнесение цвета цивилизации в Среднюю Азию и освобождение балканских народов. Эти задачи действительно решались, но это только одна сторона медали. Выступая в роли освободителя, Российская Империя попутно решала свои собственные узкоэгоистичные задачи, поступая так же, как поступали в борьбе за сферы влияния ее основные идеологические конкуренты. И если для простых болгар и азиатских народов Скобелев нес освобождение от старого гнета, то для турок и феодальных элит той же Хивы он был разрушителем их мира, когда силой оружия ломал привычный порядок вещей.

В рамках цивилизационного подхода Скобелев, конечно, выступил на стороне проигравшей партии, так как освобожденная Болгария со временем переметнулась в лагерь противников России, а местное население Средней Азии еще долго пребывало в мятежном состоянии. Это давало повод революционерам начала XX века говорить о том, что Российская Империя является «тюрьмой народов», а Скобелев в этой конструкции выступал ее строителем и одновременно тюремщиком.

По этой конфликтной логике Скобелев оказался заложником самодержавной системы, которая была центральным элементом критики революционеров. При этом сохранились различные свидетельства того, что Скобелев понимал несовершенство государственной конструкции Российской Империи и всерьез задумывался о Конституции, как и передовые люди его времени. Более чем за четверть века до Первой русской революции он уже обдумывал идею отхода Российской Империи от самодержавия. Это была идея государственной реформы сверху, а не революции снизу. Здесь Скобелев был реформатором, стоящим на позициях эволюции системы, а не революционером, который хочет низвергнуть строй, или реакционером, стремившимся к консервации существующего положения дел. В этом вопросе он резко разошелся с новым императором Александром III, который во многом отошел от курса Александра II, уби-

того революционерами. Скобелев вполне красноречиво выступал в поддержку уже произошедших реформ и негативно высказывался о феодальных пережитках, которые не вписывались в его видение, где солдат был гражданином. «Я считаю эту перемену большим благом для Отечества и гарантией успеха в будущих боевых столкновениях. Реформы минувшего царствования в нравственном отношении могут быть названы слишком бесповоротными. Поэтому так страшно слышать заявления о необходимости возвратиться к старому, былому, как учит нас отечественная история, далеко не привлекательному. Учреждения, как бы их ни видоизменять, не могут отрешиться от своих исторических корней, и я твердо верю, что всякое колебание в армии коренных нравственных оснований великих реформ императора Александра II, олицетворяемых окружной системой, и может найти сочувствие лишь в тех слоях армии, которым тяжело отвыкать от прежних помещичьих привычек»¹⁰.

Скобелев был чужим для новых веяний эпохи Александра III, когда даже умеренные реформы трактовались с позиций ослабления самодержавия и империи. Время показало, что Скобелев мыслил в правильном направлении и отход от концепции самодержавия исторически оказался неизбежным, но произошел он отнюдь не так, как это виделось сторонникам реформ конца XIX века, а вынужденно и через революционные потрясения. Этот поворот от реформ к реакции негативно сказался и на судьбе неославизма, который лежал в основе российско-болгарских отношений. По мере внутреннего ослабления неославизма и общего охлаждения российско-болгарских отношений прорастали зерна будущего конфликта, который в ходе 2-й Балканской войны выявил серьезные противоречия между Россией и Болгарией перед лицом разгорающегося европейского пожара.

Кризис неославизма как концепции, сторонником которой являлся Скобелев, был обусловлен именно внутренней слабостью России, которую видел Скобелев и против которой он робко пытался выступать. Он не был политиком и, тем более, он не был глашатаем реформ, но в его предложениях по реформированию государства мы видим широкий государственный ум, к сожалению, не получивший должного применения на благо России.

Так случилось, что смерть Скобелева породила целую волну слухов и предположений, что зачастую сопутствует смерти подлинно выдающихся людей¹¹. Помимо естественной смерти фигурировали и версии его убийства агентами Германии, личными врагами Скобелева в высших кругах имперской знати и даже охранителями

режима, против которого Скобелев якобы замыслил конституционный переворот. На деле сохранились лишь косвенные свидетельства, связанные с различными опасениями генерала и спорными обстоятельствами самой смерти.

В целом, споры вокруг обстоятельств смерти Скобелева лишь дополняют, но не меняют его исторического портрета. Его значение определяется именно тем, что он сделал, а не тем, что он мог бы сделать, если бы не естественная или насильственная смерть. В рамках сослагательного наклонения или же альтернативной истории, конечно, можно выстраивать проекции политического видения Скобелева на имперскую политику России, но это будут всего лишь наши предположения.

Русско-турецкая война 1877–1878 годов была последней крупной войной, которую Российская Империя смогла выиграть. Поражение в Русско-японской войне и катастрофа Первой мировой войны, в результате которой империя была уничтожена, наложили свой отпечаток на восприятие выдающихся военачальников прошлого.

Скобелев, будучи символом триумфальной победы в войне, которая считалась абсолютно справедливой, на долгие годы оставался одним из национальных героев, превращаясь в посмертный миф, за которым терялся человек со своими достоинствами и недостатками. Его возвеличивание в названиях улиц и городов, картинах и памятниках рисовало образ «нового Суворова», принявшего эстафету военного величия у легендарных полководцев XVIII–XIX веков. В этом плане для истории России он остался одним из последних полководцев, чьи самостоятельные решения на поле боя определяли исход кампаний. На смену таким генералам шла эпоха Генеральных штабов, порожденная сумрачным немецким гением, где царил план и где стрелки на картах решали судьбы целых стран и народов.

Для судьбы же Болгарии Скобелев оказался не просто еще одним великим полководцем, он оказался человеком, руководившим теми войсками и в тех сражениях, которые решали, быть ли Болгарии независимой и самой вершить свою историческую судьбу. И как бы ни складывались отношения России и Болгарии в дальнейшем, личность Скобелева всегда будет лежать в основе наших исторических взаимосвязей, где Россия помогла болгарскому народу обрести независимость от турецкого владычества. Конечно, это заслуга не только Скобелева, но зачастую именно таланты одного человека могут серьезно помочь тому делу, за которое бьются целые народы в течение длительного исторического времени.

Разумеется, половинчатость Сан-Стефанского мира, который продлил вопрос освобождения Балкан от турецкого владычества и обусловил будущие Балканские войны, лежала за пределами компетенции и возможностей Скобелева. Он смог силой оружия приблизить освобождение Болгарии, но не мог обеспечить такое устройство послевоенного мира, которое бы в полной мере отражало интересы России и Болгарии. Российская Империя продолжала пожинать последствия поражения в Крымской войне, и у побед Скобелева остался легкий привкус недосказанности, когда военные успехи оказались нивелированы общей военно-политической слабостью России, что было выявлено на Берлинском конгрессе. Мог ли Скобелев изменить общую геополитическую обстановку в Европе конца 70-х годов XIX века? Нет, не мог. Клубок противоречий между крупнейшими империями того времени не мог быть разрешен путем военных побед на локальных театрах военных действий. В рамках противостояния крупнейших империалистических держав той эпохи даже такие исторически значимые события, как освобождение целых народов от иноземного гнета, оставались локальными событиями в рамках «Большой игры»¹², которая могла разрешиться только мировым пожаром. Скобелев не случайно так рвался к Константинополю, ибо вопрос демонтажа Османской империи был для России более важен, нежели освобождение Болгарии и других балканских народов.

Взятие столицы Османской империи несло не только личную славу и историческое бессмертие Скобелеву, но и отражало решение вековой задачи по установлению контроля над Проливами, и этот геополитический подтекст очередной войны России с Турцией всегда оставался в центре устремлений Российской Империи. Но обстановка в Европе в данный период и не могла привести к решению этой задачи даже при полном военном поражении Турции, ибо Россия вновь вступала на почву противостояния с ведущими странами Запада, не желавшими усиления России. Поэтому, выполнив свою историческую миссию перед Болгарией и выступив в роли одного из освободителей болгарского народа, главную задачу балканской политики Российской Империи Скобелев по совершенно не зависящим от него причинам решить не мог. Но умаляет ли военно-политическая слабость России реальное значение побед Скобелева? Империи приходят и уходят, меняются их интересы и приоритеты, но такие события, как освобождение целых народов, всегда носили и будут носить вневременной характер, и в этом состоит главная победа Скобелева, которая дала ему пропуск в вечность.

Каково же сегодня наследие Скобелева? После всех потрясений XX века и Россия, и Болгария стоят перед немаловажным вопросом оценки собственной истории и особенно моментов общих взаимоотношений, где освобождение Болгарии и фигура Скобелева занимают одно из центральных мест.

На болгарское восприятие России в целом и фигуры Скобелева в частности наложили свой отпечаток две мировые войны, где Болгария выступала противником России, а также последующая Холодная война, где она была в числе союзников СССР. Сейчас Болгария находится в недружественном России военном блоке. Но исторический контекст этих отношений не может отменить значения освобождения. Спустя почти полтора века после войны 1877–1878 годов в болгарском обществе сохраняется память о том, кто помог болгарам обрести независимость.

Во многом именно эта память и позволяет сохраняться хорошим отношениям между Россией и Болгарией, несмотря на все сложные моменты взаимной истории. И на все обиды, связанные с участием Болгарии в мировых войнах на стороне Германии, связанные с советским влиянием после Второй мировой войны, люди, ищущие конструктив, всегда вспоминают именно ту далекую войну, где «Белый генерал» прославил свое имя в освободительной войне.

С нашей точки зрения, именно такие объединяющие моменты совместных отношений и следует всячески популяризировать, дабы сглаживать груз ошибок и противоречий прошлого и укреплять отношения русского и болгарского народов.

Для России вопрос о Скобелеве – это часть сложнейшей проблемы оценки собственной дореволюционной и постреволюционной истории. Бывший национальный герой после 1917 года выпал из общественного сознания, памятники ему постепенно были утрачены, улицы переименованы, а сам он практически сгинул в неизвестности. Как проводник империалистической политики Российской Империи он, разумеется, не мог вписаться в исторические и идеологические воззрения советской историографии. И тем не менее, масштаб его свершений был таков, что уже в советское время память о Скобелеве смогла пробиться через историческое забвение¹³.

Низвержение Скобелева происходило в рамках мер по снятию памятников царям и их слугам Декретом от 1 мая 1918 года, когда в Москве был снесен самый известный памятник Скобелеву. Вслед за этим волна гонений затронула и другие материальные символы, связанные со Скобелевым¹⁴.

В 60-х годах XX века была приведена в порядок его могила, которая в период продолжающихся революционных потрясений была осквернена, он начал упоминаться в связи с победами русских войск под Шипкой и Плевной. Да и вообще, по мере отхода советской историографии от сугубо классовых позиций Скобелев перестал быть фигурой полного умолчания.

После распада СССР в 1991 году волна интереса к дореволюционной истории достигла своего пика и, разумеется, Скобелев вновь появился в общественном сознании, пусть уже и не в роли национального кумира, как это было до 1917 года.

В современной России он, конечно же, не может соперничать с Жуковым, Высоцким или Гагариным в части народных симпатий, но это и к лучшему, так как освобождение от статуса «забронзовевшего кумира миллионов» вызвало интерес к Скобелеву реальному – человеку и государственному деятелю со своими достоинствами и недостатками. В этом плане произошла определенная демифологизация и десакрализация Скобелева, что вообще является отличительной чертой российской постсоветской историографии, когда отсутствие внятной государственной идеологии приводит к отказу от централизованного продвижения в общественное сознание пула «идеологически правильных лиц», хотя попытки в этом направлении конечно предпринимаются.

С нашей точки зрения, ключевыми моментами оценки исторической фигуры Скобелева должны быть объективность и деидеологизация, когда комплексный анализ деятельности человека сопряжен с очисткой его от излишнего пафоса и идеологических наносов.

В контексте российско-болгарских отношений Скобелев должен быть одновременно и живым человеком, и объединяющим моментом общей истории, ведь именно здесь находится самое большее его наследие, которое пережило и его самого, и то государство, которое он представлял на исторической арене. Поэтому задача современной историографии состоит в том, чтобы не допустить утраты этого исторического наследия и передать его потомкам, которые должны помнить, что, несмотря на все сложные моменты, Россия и Болгария имеют много общего, о чем не стоит забывать.

¹ Лукьянов Ф.А. Империя наоборот // Россия в глобальной политике. 2011. № 1.

² Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения. Т. 2. М., 1956.

³ Костин Б.А. Скобелев. М., 1990.

⁴ Рубанов А.В. К вопросу о формационном и цивилизационном подходах к развитию общества. Цивилизационная идентичность в эпоху глобализации. Минск, 2011.

⁵ Дворянский род Рогге. Книги, документы, статьи. Болгария от освобождения до середины XX века // [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://genrogge.ru/bulgaria/bulg2-2.htm>

⁶ Суворовский завет // Красная Звезда. 2003. № 2.

⁷ Костин Б.А. Указ соч.

⁸ Немирович-Данченко В.И. Скобелев. Издание 1886 года // [Электронный ресурс] // Режим доступа http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_0040.shtml

⁹ Там же.

¹⁰ Шолохов. А.Б. Герои и антигерои Отечества. Генерал от инфантерии Скобелев. М., 1992.

¹¹ Он же. Загадка смерти генерала Скобелева. М., 1992.

¹² Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром. М., 2004.

¹³ Кирилин А.В. Белый генерал Скобелев. Федеральный информационно-аналитический журнал «Сенатор» // [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://senat.org/Russia-Bulgaria/General-Skobelev.html>

¹⁴ Костин Б.А. Указ соч.

ГАБОР ДЕМЕТЕР
(Венгрия, Будапешт)

ГРАФ АНДРАШИ И ПОЗИЦИЯ АВСТРО-ВЕНГРИИ ПО ВОПРОСУ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА (1875–1879 гг.). ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР*

Данное исследование посвящено внешней политике графа Дьюлы Андраши, министра иностранных дел Австро-Венгрии в период Восточного кризиса, и австро-венгерской интерпретации событий, основанной на венгерских источниках и современной литературе. Проблема политики Андраши в ходе Восточного кризиса исследовалась в венгерской историографии до Первой мировой войны Балани и Вертгеймером (Balanyi, Wertheimer), а также другими участниками событий¹. Однако они не могли оставаться беспристрастными и, относясь негативно к России, переоценивая роль графа Андраши, Балани (Balanyi) обвинил Англию в провале движения за консервативные реформы, начатое Андраши в 1875–1876 гг.², а также упрекал Горчакова в углублении разногласий между повстанцами и Османской империей³. Россия обвинялась в поощрении славянских народов к сопротивлению и в неприятии умеренных реформ, изображалась коварной нарушительницей достигнутых соглашений.

Эти авторы были вынуждены признать, что Австро-Венгрия не была заинтересована в реальном осуществлении реформ. Многие (от Меттерниха до Бисмарка и Дизраэли) полагали, что проведение реформ в Турции могло создать прецедент для славянского населения в Австро-Венгрии⁴.

Их односторонние точки зрения и выводы были пересмотрены в 1960–1970-е гг. Diószegi и Palotás⁵, но политическая ситуация той эпохи требовала сугубо отрицательной трактовки австро-венгерской политики как реакционной попытки помешать закономерному процессу национального «пробуждения» народов и образованию национальных государств. Подобные оценки до сих пор преобладают в трудах историков Болгарии и соседних государств⁶.

В венгерской историографии Diószegi пересмотрел свои взгляды на проблему в 1990-е гг. в работе «Бисмарк и Андраши»⁷, ко-

торая, кажется, является самым объективным и подробным исследованием на эту тему в Венгрии, но оно не затрагивает вопросы, связанные с проблемами славянских народов Балканского полуострова, в связи с чем в нем можно обнаружить ряд противоречивых оценок, в частности, касающихся западной историографии⁸. Прежние труды этого автора отличались концептуальной стройностью, присущей диалектическому и историческому материализму, однако содержали одностороннюю точку зрения и были лишены историографического контекста. После опубликования последней работы новых обобщающих исследований не появилось. Это может создать впечатление, что рассмотрение данной проблемы завершено. Однако трактовка политики Андраши, исключительно исходя из внутренних проблем Венгрии, является ограниченной. Это заставляет обратиться к интерпретации современных суждений относительно Восточного вопроса, что должно способствовать более глубокому пониманию отношений между Австро-Венгрией и Россией в Восточном вопросе.

В венгерской историографии существует консенсус в понимании того, что основной целью политики Австро-Венгрии на Балканах являлось предотвращение создания крупного славянского государства, которое представляло само по себе угрозу для существования дуалистической монархии.

Австро-Венгрия возникла как конгломерат территорий с различными этническими особенностями. Внутри ее границ тенденция к развитию национальных государств развивалась на протяжении всего XIX в., что оказывало серьезное давление на многонациональный дуализм государства. Вначале этот процесс был более или менее активен на ее западных границах, а к 1871 г., после объединения Италии и Германии, Австро-Венгрия потеряла ведущие позиции в Центральной Европе. Поэтому безопасность ее восточных границ стала более важной задачей, так как возникла ситуация возможного территориального расширения. Но вскоре возникли новые проблемы, вызванные ослаблением Османской империи. Славянские народы империи смогли создать собственные государственные образования, и австрийские государственные деятели осознавали, что сохранить свое влияние на регионы они смогут, только задерживая процесс объединения славян. В противном случае развитие событий могло идти по итальянскому или германскому сценарию, по которому ослабление австрийского влияния шло одновременно с объединением небольших и слабых итальянских и немецких областей. Поэтому ослабленная, но не распавшаяся на национальные терри-

* Настоящее исследование было поддержано János Bolyai Research Scholarship Венгерской Академии наук.

тории Турция была выгодна для Австро-Венгрии. Каждый помнил знаменитое предсказание Фридриха фон Генца, сделанное в 1815 г., о том, что Австрия не переживет краха Османской империи, потому что она станет не нужна в качестве ее противовеса⁹.

Австро-Венгрия в лице Российской империи имела опасного соседа, само существование которого пробуждало национальные чувства не только у славянских народов Османской империи, но и у их собратьев на территории Австро-Венгрии, составляющих почти половину ее населения. Россия угрожала не только политическому и экономическому проникновению Австро-Венгрии на Балканы, но и дуалистическому устройству монархии и даже самому ее существованию¹⁰.

Эти обстоятельства являются ключевыми для понимания целей внешней политики Австро-Венгрии после 1871 г. Это признавалось политическими деятелями того времени, эту точку зрения разделяют и современные исследователи¹¹. Предотвращение образования крупного славянского государства содержалось в условиях Рейхштадского соглашения 1876 г. и в Будапештском соглашении 1877 г. Эти опасения Австро-Венгрии оказались близки к практическому воплощению в связи с созданием по Сан-Стефанскому мирному договору независимого Болгарского княжества, которое могло не только помешать австрийской экспансии на юге, но также могло повлиять на рост притязаний славянского населения в дуалистическом государстве¹².

Для России поддержка славянских народов Балканского полуострова была только частью имперской и династической внешней политики, которая дополнялась готовностью совместно с Австрией противодействовать революционной угрозе. Но опыт показывал, что при определенных условиях достижение имперских целей возможно и путем поддержки национальных движений. Для Андраши главной целью в 1870-е годы являлось противодействие, как российским внешнеполитическим планам, так и национальным претензиям славянских народов¹³.

Это стало очевидным в 1870 г., когда граф Андраши втянул Сербию в антирусский альянс, пообещав ей Боснию и Герцеговину. В письме своему доверенному лицу Бенъямину фон Каллаи, посланному в Белград, он четко обозначил свою позицию по данному вопросу: «Если все будут убеждены, что турецкие права не соблюдаются Россией, то ни Австро-Венгрия, ни другие державы не будут вмешиваться или препятствовать естественному развитию событий на Балканах»¹⁴.

Это намерение обнаруживается в его согласии на заключение Союза трех императоров в 1873 г., который смягчил русско-австрийские противоречия в Восточном вопросе, сохраняя статус-кво и отказывая в поддержке претензиям южных славян¹⁵. Политика Андраши в период Восточного кризиса 1870-х гг. была направлена на предотвращение сотрудничества России и славянских народов. Посредством некоторых уступок он пытался привлечь на свою сторону восставших боснийцев, препятствуя таким образом росту влияния России. Но после неудачи его дипломатической ноты от 31 декабря 1875 г. ему пришлось привлечь к переговорам Россию для того, чтобы предотвратить самостоятельную поддержку ею претензий славян. На это было направлено Будапештское соглашение, не допускавшее образования единого славянского государства. Когда поражение Сербии и болгарские «погромы» сделали российское вмешательство неизбежным, графу Андраши удалось добиться подтверждения австрийских требований на территориальные приращения в письменном договоре, также признанном другими державами, в частности, Германией. Но эта последовательно разработанная политика потерпела крах 3 марта 1878 г. в результате подписания Сан-Стефанского мирного договора.

В данном исследовании объясняются и аргументируются детали внешней политики, проводимой Австро-Венгрией (иногда мотивированной лишь страхами графа Андраши) в период между 1872–1877 гг. предшествующий объявлению войны Россией. Также предложен анализ различных толкований основных событий, таких, как Будапештское и Рейхштадское соглашения, показано, как Андраши нашел выход из ситуации, которая угрожала Австро-Венгрии из-за господства России на Балканском полуострове – решение, которое помогло отсрочить крах империи Габсбургов на 30 лет.

* * *

Личное мнение государственного деятеля и официальная государственная политика – это две разные вещи, которые не всегда совпадают. Хотя Андраши и стал министром иностранных дел в 1871 г., это не означало, что его мнение не оспаривалось другими влиятельными группами в правительственных сферах (возглавляемыми князем Альбрехтом или генералами Моллиари и Родичем). Ему приходилось постоянно подстраиваться к стремительно меняющимся внешне- и внутривосточным условиям, что можно оценивать и как гибкость, и как нерешительность. За это недоброжелатели прозвали его «дилетантом», который, не имея четких позиций, гоняется за сиюминутной политической выгодой.

До прихода к власти Андраши в «эпоху» Меттерниха внешняя политика Австрии на Балканском полуострове базировалась на политике невмешательства и соблюдения статус-кво¹⁶. Андраши первоначально даже отрицал господствующее представление о том, что Австро-Венгрия должна заполнить вакуум власти в случае распада Османской империи. До 1871 г. он стремился получить поддержку малых балканских государств в случае русско-австрийской войны, предлагая им участвовать в оккупации османской Боснии. Но вскоре он отказался от этой идеи и даже стал склоняться к идее русско-австрийского сотрудничества на Балканах. Встреча Горчакова и Андраши в 1872 г. в Берлине была посвящена идее взаимного невмешательства в дела полуострова¹⁷. Россия даже поддержала ноту Андраши от 16 октября 1875, в которой он обещал реформы для Боснии. Но это соглашение не повлияло ни на Сербию, ни на Черногорию, ни на боснийских повстанцев. Сербские правящие круги опасались, что их отказ от поддержки повстанцев может привести к тому, что черногорская династия Негошей, выступив на стороне повстанцев, сможет захватить власть в Сербии. Обе группировки среди руководства повстанцев были готовы присоединить подконтрольные территории к Сербии (Любратич) и Черногории (Павлович)¹⁸. «Для Австро-Венгрии необходимо существование Османской Турции, поскольку она не только привлекает внимание малых государств (отвлекая его от Австрии), но в то же время препятствует их националистическим устремлениям ... Если бы не было Османской Турции, то мы бы стали целью для многих государств. Если бы Босния объединилась с Сербией или Черногорией или было бы создано новое государство, то игра для нас была бы закончена и именно мы стали бы очередным нежизнеспособным государством Европы»¹⁹, – писал Андраши, осознавая эту угрозу непосредственно перед началом восстания в Герцеговине (29 января 1875 г.). Тем не менее, это еще не означало требования австрийской оккупации Боснии.

Бисмарк, который жаждал разрастания Восточного конфликта²⁰, обеспечил твердую поддержку Андраши. Он надеялся, что Андраши представит венгерские интересы, противоречащие ревизионизму католических австрийцев, которые могли быть более опасными для Германии. Бисмарк был против реформ в Османской Турции. Он был убежден, что любая уступка славянам на Балканах будет способствовать возрастанию их активности в Венгрии, а также усугублению позиции Андраши и венгров и, как следствие, – распространению в Австро-Венгрии реваншист-

ских настроений²¹. Бисмарк решил выступить посредником между Англией и Австрией и поддержать Андраши вопреки давлению со стороны губернатора Далмации генерала Родича, который выступал за оккупацию Боснии. В 1875 г. состоялся неудачный визит Франца Иосифа в Далмацию, где он был представлен как защитник западных славян от австрийских военных кругов²². Это стало причиной сознательной инсценировки событий в Герцеговине, что вскоре привело к обострению конфликта. Их оппоненты из партии Кальмана Тиссы и Андраши пустили слух о том, что вышеупомянутые военные круги занимались контрабандой оружия в Герцеговину²³.

Первоначально Бисмарк советовал Австро-Венгрии в январе 1876 г. усмирить мятежные провинции, Россия возвращает Бессарабию, в то время как Англия могла получить Египет. В апреле 1876 г. Бисмарк осознал, что все упомянутые державы настолько не доверяют друг к другу, что односторонняя австрийская интервенция будет встречена Россией враждебно. Как следствие, одностороннее вмешательство России поднимет волну недовольства в Австрии, в то время как любые совместные меры будут негативно восприняты Англией, которая вообще не желала совместных австро-русских соглашений на Балканах. К 1878 г., когда Россия была близка к установлению контроля над черноморскими проливами, Англия и Австро-Венгрия не пришли к согласованному решению о способах противостояния России на Балканском полуострове.

Эта ситуация привела к стремлению германской дипломатии укрепить Союз трех императоров. В ходе встречи в Берлине 10 мая 1876 г. Андраши и Бисмарк не поддержали идею Горчакова предоставить автономию восставшей Боснии. До этого Андраши был готов передать Боснию своему союзнику – Сербии, чтобы не допустить ее сотрудничества с Россией. Но вспыхнувший Великий Восточный кризис заставил его изменить планы, так как любое изменение статус-кво ослабило бы позиции Австро-Венгрии на Балканах. Любое расширение российской сферы влияния, по мнению Будапешта, должно было быть чем-то уравновешено, что и привело к изменениям первоначальных планов в отношении Боснии²⁴. С этого момента Андраши уже не возражал против аннексии этой области, считая предоставление ей автономии, аналогичной болгарской, недопустимой мерой. «Следующим шагом Восточного вопроса будет сотрудничество Сербии и Болгарии против Османской империи на основе нерешенной боснийской проблемы»²⁵. Это предсказание Андраши сбылось в будущем в виде македонского вопроса.

Берлинский Меморандум включал в себя двухмесячное перемирие для противоборствующих сторон и необходимость внутренней реформы империи. В 1875 г. внешняя политика правительства Дизраэли была очень спорной. Сам Дизраэли стремился к увеличению британского политического и экономического влияния на Османскую империю. Солсбери возлагал надежды на англо-русское соглашение, тем самым разрушая Союз трех императоров, поэтому он не принимал никаких инициатив, поступающих от этих держав. Лорд Дарби не доверял этим державам и был сторонником «гордого одиночества» Великобритании. Андраши быстро понял, что британские колебания и внутренние политические изменения в Османской империи делают все усилия тщетными. России и Австро-Венгрии в очередной раз пришлось начать переговоры по решению Балканского вопроса. Это привело к устному Рейхштадтскому соглашению. По этому соглашению, в случае победы Турции основным принципом становилось сохранение статус-кво. В случае победы малых государств обе стороны были согласны на аннексию центральных областей. К сожалению, два варианта соглашения, опубликованные в первом томе «Красного архива» (1922) и австрийских документах, отличались в соотношении масштабов занимаемых областей. В русской версии упоминается только часть Боснии и Герцеговины, а австрийский документ упоминает всю область.

Эти события совсем не означали, что политика Андраши была агрессивной и с первых шагов направлена на приобретение Боснии, а затем и Македонии. Утверждая это, П. Каменов ссылается на работы Фалька (Falk) и Hegedüs, которые были не историками, а политиками и публицистами, а их работа носила ретроспективный характер. Это стремление представить Андраши как решительного и последовательного антирусского политика, который всегда знал, что делать, является преувеличением. Каменов подгоняет события под концепцию путем отбора источниковой базы. События апреля 1876 г. заставили венгерского политика отказаться от планов автономии для славянских провинций Порты. Ссылаясь на биографию Андраши, Каменов утверждает, что тот оставил надежду на поддержание территориальной целостности Османской Империи, но это была реакция на сложившуюся обстановку, а не целенаправленная политика. Предложенные Андраши планы реформ нельзя считать неэффективными с самого начала, так как мюрцштегский план 1903 г., за исключением создания международного контрольного комитета, ничем от них не отличался. В мае 1876 г. после встречи в Берлине Андраши еще отрицал реальность аннексии Боснии²⁶.

Когда Каллаи напомнил, что приобретение Македонии невозможно, так как сербы требовали за это компенсации, Андраши ответил, что для Австро-Венгрии самым важным являются не территориальные приращения, а противодействие расширению влияния России на Балканах. Если это окажется невозможным, то необходимо получение компенсации за увеличение российской сферы влияния на Балканах²⁷.

Опасение усиления роли Австро-Венгрии в регионе заставило правительство Ристича в Сербии активизировать свою политику, что вызвало сочувствие со стороны таких общественных деятелей России, как Р.А. Фадеев, М.Н. Катков и Н.Я. Данилевский. В правительственных кругах России это усилило противостояние между консервативно настроенными П.А. Шуваловым, А.М. Горчаковым и радикально настроенным Н.П. Игнатьевым. Быстрые военные успехи Турции в Сербии были неожиданностью для европейских держав. Горчаков еще раз предложил введение автономии в Боснии, что вызвало возражение Андраши. В конечном счете, обе стороны договорились придерживаться нейтралитета и прекратить военные действия на несколько недель, в то время как Абдулхамид, отказавшийся идти на какие-либо уступки, стал новым правителем Турции при скрытой поддержке англичан. Русско-австрийские действия оказались безрезультатны.

Это вызвало миссию Ф.Н. Сумарокова-Эльстона 27 сентября 1876 года и предложение совместных военных действий в Болгарии и Боснии. Андраши заявил, что Россия должна выступить одна, а Австрия сохранит нейтральную позицию, ценой которой будет ее оккупация Боснии. Это соглашение было очень выгодным для Австро-Венгрии, поскольку давало возможность не только присоединить Боснию без военных действий, но и успокоить венгерскую общественность, которая выступала против любого сотрудничества с Россией²⁸. Соглашением не допускалось присоединение к России занятых в ходе войны территорий, что ограничивало ее возможные военные успехи. Лайош Дьози, глава отделения Министерства иностранных дел, даже предполагал, что Андраши смог защитить интересы Австро-Венгрии, положение которой не зависело от того, выполнит ли Россия свое обещание относительно Болгарии или нет. Современный историк Эд Вертхаймер полагает, что Андраши ждал исхода дел, не желая особо вмешиваться в эту очень непонятную ситуацию. Эренталь (будущий министр иностранных дел) считал, что Андраши совершил ошибку, пытаясь договориться с Россией. В недавно опубликованной работе Р. Шмидт (1992) высказал точ-

ку зрения, что Андраши таким образом смог парализовать Россию. И. Дьосзеги, анализируя договор, пришел к выводу, что это была самая обыкновенная сделка без каких-либо уловок. Он отметил, что совместные действия противоречили интересам монархии, потому что в данном случае, даже если бы Австрия получила Боснию, то Россия могла оккупировать Румынию (наряду с приобретением Болгарии), которая имела общие границы с Австро-Венгрией. Война Австрии с Турцией была невозможна из-за настроений венгерской общественности. Война против России на стороне Турции также противоречила настоящим планам Андраши, потому что он воспринимал Османскую империю как политический труп и боялся, что интервенция в малые государства может вынудить Австро-Венгрию вести войну на два фронта, к чему она готова не была. По мнению Гувера Раппа, Андраши надеялся, что Россия не сможет одержать неоспоримую победу и будет не в состоянии вести войну против Австро-Венгрии в последующие десятилетия. Но австрийские источники не подтверждают это предположение²⁹, напротив, они сообщают, что австрийцы боялись, что война обернется революционной борьбой славян, дипломатические условия будут аннулированы и пункты соглашения Рейхштата будут нарушены из-за давления мнения российской общественности и окружения Игнатьева. Это бы означало бесполезность войны с Россией. Это подтолкнуло Андраши к подписанию с Россией Будапештского соглашения в январе 1877 г.

Бисмарк отрицательно ответил на запрос Вены о позиции Германии, которая получила поддержку России в 1866 и 1870 гг., в случае русско-австрийской войны. Он опасался, что война, закончившаяся бесспорной победой России, уничтожит Австро-Венгрию. Австрийские территории могли бы войти в состав его империи, но Венгрия в одиночку никогда не смогла бы препятствовать дальнейшему проникновению России к проливам. Бисмарк не хотел участвовать в новой компании на Балканах, которые по своей важности занимали второе место среди интересов Германии. Таким образом, Союз трех императоров в конечном итоге не смог выработать единой позиции, что отвечало интересам Великобритании. Конференция в Константинополе, начавшаяся в декабре 1876 г., ознаменовалась сотрудничеством Солсбери и Игнатьева³⁰. Ее итогом стало признание необходимости создания болгарских автономных государств с центрами в Тырново и Софии, статус-кво в Сербии, а также незначительные территориальные уступки для Черногории и ликвидацию автономии Боснии. Андраши справедливо писал, что

это был первый случай, начиная с декабря 1875 г., когда европейские государства проявили единодушие в отношении Восточного вопроса. Но он скептически оценивал возможность подписания этого соглашения турками и оказался прав. Ссылаясь на только что принятую конституцию, османское правительство отказалось это делать. Итоговый протокол, подписанный 31 марта 1877 г., предусматривающий демобилизацию русских и османских войск, оказался невыполненным обеими сторонами. Австро-Венгрия все больше сомневалась в целесообразности совместных действий против России с Великобританией, без активной поддержки которой она отказалась от действий в Сербии и Румынии параллельно с русским выступлением. Она была поражена поведением Англии в связи с тем, что Шувалов был проинформирован об англо-австрийских переговорах леди Дарби, жены британского министра иностранных дел. Таким образом, австро-британские планы по противодействию России оказались неосуществимы.

Стоит рассмотреть концепции двух основных австро-русских соглашений и планы России до начала войны. Согласно взглядам Ристо Поплазарова, планы России относительно Великой Болгарии были только выдумкой, уловкой российской дипломатии, отдававшей отчет в том, что европейские державы не пойдут на образование такого государства, но желавшей пробудить пророссийские настроения у болгар. Согласно Димитру Благоеву, воплощение планов создания Великой Болгарии в жизнь стало главной целью политической элиты Болгарии на протяжении последующих 70 лет. Даже Горчаков отрицательно относился к усилиям посла в Константинополе Игнатьева, действия которого создавали проблемы для официального Петербурга. Посол в Лондоне Шувалов также оценивал планы панславянистов как нереальные и противоречащие заключенным в Будапеште и Рейхштате соглашениям. При этом текст Рейхштадтского соглашения, заключенного в июле 1876 г., имел две версии. Варианты русского и австро-венгерского переводов различались в самых существенных вопросах, как и тексты сербо-болгарского договора 1912 г. Согласно русскому варианту Рейхштадтского договора, если балканские народы одерживали окончательную победу в войне против Османской Турции, Сербия приобретала Боснию и Косово, в то время как Черногория получала порты на побережье Адриатического моря и Герцеговину. Болгария и Румыния становились независимыми княжествами в своих исторических границах, в то время как Греция приобретет Фессалию и Эпир. По

австрийской версии, Босния, Румелия и Албания должны были стать независимыми государствами, Фессалия и Крит должны были принадлежать Греции, а Константинополь стать нейтральным городом³¹. «Территория Болгарии» в австрийском понимании, в отличие от русской трактовки, соответствовала дунайскому вилайету Турции, расположенному севернее Балканских гор, и не включала как Македонию (Западную Румелию), так и Восточную Румелию.

Параграф седьмой Будапештского соглашения, заключенного в январе 1877 г., говорил об оккупации Австрией Боснии и Россией Болгарии. Но третий параграф этого секретного приложения гласил, что в случае крушения Османской империи образования Великого Славянского государства не следует допускать, в то же время Румелия, Болгария и Албания могли стать независимыми. Петр Стоянов трактовал Рейхштадское соглашение 1876 г. как раздел сфер влияния между двумя европейскими державами³²: Сербия, Македония и Салоники входили в сферу влияния Австро-Венгрии, а Болгария и Фракия – России. Горчаков в секретной части договора признавал, что Россия воздержится от ведения военных действий в Македонии, что было выполнено в ходе войны с Турцией. Эти соглашения во многом совпадали с договорами Иосифа II и Екатерины II в 1772 г. Стремления Австрии к экспансии в Македонии вновь отразились в планах Бэка 1897 г., но и в 1895 и 1886 годах в планах Гогенлоэ и Кэлиса (посла в Константинополе). К сожалению, с позиции России эти соглашения не допускали австро-английского сотрудничества. Одновременно Австро-Венгрия не обещала оказать поддержку России в случае английской интервенции. Последнее было крайне затруднительно в случае выхода России к проливам. И с изменением зон влияния российская позиция могла оказаться на грани срыва, особенно с улучшением позиции Австрии. Следовательно, было очевидно, что политика, направленная на образование Великой Болгарии, получила шанс на реализацию, начиная с того, что договоры не содержали санкций против России, если она попытается проникнуть в зону австрийского влияния. В таком случае Австрии пришлось бы сотрудничать с Англией, а их интересы совпадали лишь частично, у российской внешней политики все еще был шанс достичь обоюдного соглашения с Англией и оставить Австрию одну. Противодействуя российской дипломатии, Андраши проявил все свои выдающиеся способности, пытаясь получить поддержку со стороны Лондона и Берлина, несмотря на то, что их интересы совпадали только в одном пункте: не допустить получения одним государством единоличного преобладания на Балканах.

Ситуация на Балканах осложнилась притязаниями малых государств, которые противоречили интересам великих держав. Сербия подписала в 1868 г. договор с Грецией, по которому они претендовали на Македонию севернее линии Охрид – Горна Джумая (совр. Благоевград). Милослав Протич от имени Сербии выступал с претензиями на Салоники, Катарджиев расширял ее границы до Видина и реки Дрины. План «Великой Сербии» предполагал даже включение в ее состав Ломполанки, Софии и расширение территории вниз по реке Струма вплоть до побережья Эгейского моря. Сербия и Греция попытались осуществить свои планы в 1876 г., объявив войну Турции. На первый взгляд, это не противоречило условиям Рейхштадского соглашения. К тому же у Сербии в тот момент были дружественные отношения с Австро-Венгрией. Но увеличение ее территории насторожило Андраши, который опасался образования большого славянского государства. Россия тоже проигнорировала обширные требования Сербии. Сербию и Грецию, в свою очередь, не удовлетворяли планы Андраши о предоставлении автономии Македонии и Игнатьева о создании «Великой Болгарии».

* * *

Положение Австро-Венгрии на Балканах ухудшилось после подписания Сан-Стефанского договора. До этого она стремилась не допустить союза России и южных славян, теперь было необходимо сорвать уже заключенное соглашение. Для этого были необходимы новые тактические приемы³³. В своем письме от 14 апреля 1878 г. к послу в Лондоне Ф. фон Бойсту Андраши отметил, что должны быть достигнуты две цели: 1) как можно скорее ликвидировать русскую оккупацию Болгарии; 2) расчленение Великой Болгарии. Военное присутствие России в Болгарии – неважно, на короткий или длительный период – может сделать влияние России в регионе стабильным и сделает Болгарию российским вассалом. В этом случае, – продолжал Андраши, – Румыния будет потеряна для нас, так как российские войска уже вошли в Румынию и Россия сделает все, чтобы обезопасить себе путь в Болгарию. Австрия не может позволить создание пророссийских правительств вдоль своих границ, что может не только блокировать ее проникновение на полуостров, но и создать ее полное окружение³⁴. Завоевывая симпатии болгарского народа, Россия не выведет свои войска через два года даже по решению международного соглашения. Поэтому в жизненных интересах Австро-Венгрии и Англии (благодаря близости болгарского государства к проливу) добиться вывода российских войск после заключения мира как можно скорее, – аргументировал Андраши,

пытаясь убедить англичан сотрудничать³⁵. Казалось, что наконец-то австрийские и английские интересы, по крайней мере частично, совпадали. Вторая цель – расчленение Великой Болгарии – была бы в интересах греков и турок, а также румын и создала бы «баланс сил» на полуострове. Андраши в своем докладе предлагал Англии «изувечить новорожденную» Болгарию для того, чтобы обеспечить Константинополю надежный и глубокий тыл.

Но как эти цели могли быть реализованы? Это был важный вопрос, так как итоги миссии графа Игнатьева в Вене в марте 1878 г. показали, что предложение России неприемлемо для Андраши³⁶. Единственная держава, которая, казалось, была озабочена продвижением русских, была Англия. Поэтому Андраши решил завоевать благосклонность последней. Впоследствии все министры иностранных дел Австро-Венгрии стремились заручиться сотрудничеством Англии на Балканах, правда, все эти попытки были безуспешны. В своем письме Андраши изложил три способа реализации своих целей: 1) война; 2) международный конгресс; 3) изменение отдельных положений Сан-Стефанского договора, которые сделают его бесполезным (*Versumpfung*). Конгресс являлся наиболее подходящим инструментом для защиты интересов Австро-Венгрии и уничтожения результатов сотрудничества России и южных славян, такой конгресс был также и в интересах Англии, но не России. Кроме того, неудачно проведенный конгресс не исключал войну в качестве решения, но объявление войны исключало возможность проведения конгресса.

Андраши также пришлось столкнуться с непониманием его политики внутри Австро-Венгрии. Не только левые (Партия Независимости) и правые оппозиционные партии, но даже сторонники дуалистической системы в лице Либеральной партии, возглавляемые Кальманом Тисой, не понимали шагов министра иностранных дел³⁷. Граф Альберт Аппони, член оппозиции, даже пытался убедить англичан изменить свою политику³⁸. Многие венгры хотели более наступательной политики в отношении России как мести за 1849 г. Они же боялись, что присоединение Боснии укрепит славянский элемент в монархии. Даже австрийские партии критиковали деятельность Андраши. Придворная партия хотела территориального расширения, чтобы восстановить уважение к государству, в военных кругах настаивали на необходимости аннексии Боснии для обеспечения обороны «беззащитной» Далмации. Эта партия, которая концентрировала свое внимание до 1870 г. в качестве главной угрозы исключительно на Пруссии, быстро стала антироссийской.

Современное венгерское общественное мнение и историография считают Будапештское соглашение доказательством пророссийских настроений Андраши, который на самом деле являлся русофобом. Болгарский автор И. Панайотов в 1960 г. относится к этому как к проявлению австро-венгерского империализма³⁹. Диозеги утверждает, что возможность оккупации Боснии появляется только потому, что с русскими не могли быть заключены никакие другие сделки и только это могло помешать росту российского влияния на Балканах⁴⁰.

На позицию современников влияли и экономические интересы. Аристократия и буржуазия опасались, что после распада Османской империи индустрия Австро-Венгрии потеряет рынки сбыта из-за конкуренции российских товаров. Конституционная партия (*Verfassungs Partei*) полагала царский деспотизм слишком опасным для демократии и либерализма. При этом стоит отметить, что Россия, чтобы обеспечить свое влияние в Болгарии, ввела там либеральную конституцию. В 1877 г. самой популярной политикой в Австро-Венгрии была бы война против России. Но почему Андраши стремился направить события по мирному пути?

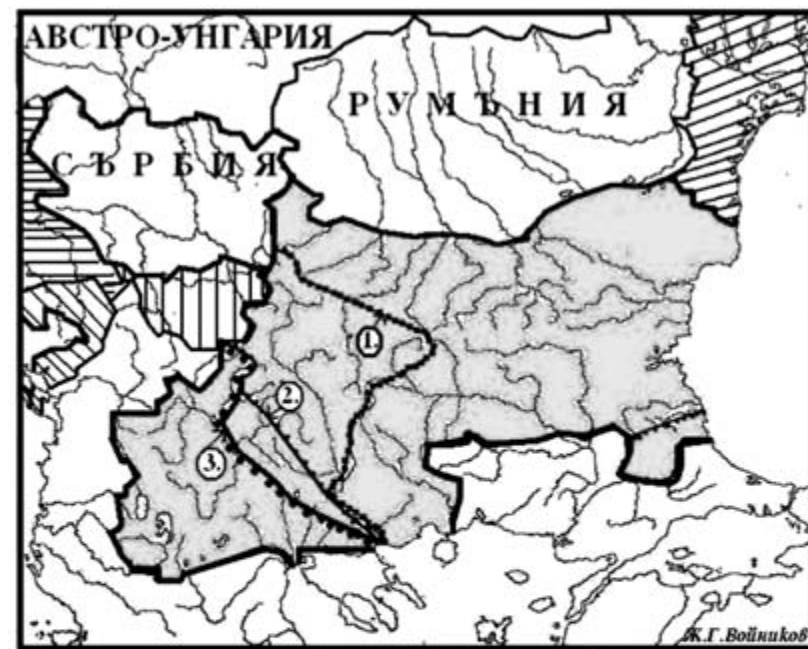
Один из аргументов был уже приведен выше – война исключала возможность любых других решений. Сам Андраши не всегда был противником войны против России. Заочно приговоренный к смертной казни за свою деятельность в 1848 г. он в своих трудах периода эмиграции рассчитывал на конфронтацию между Россией и Австро-Венгрией. В 1870 г. только быстрый крах Франции спас Австро-Венгрию от войны против России. Первым шагом Андраши в качестве министра иностранных дел была попытка заключить с Великобританией военный союз против России. Но Англия, проводя политику «блестящей изоляции», отказалась от сделки. Германия в тот момент также не хотела идти на конфликт с Россией. Это заставило Андраши принять идею Союза трех императоров в 1873 г. В 1878 г. он безусловно был убежден, что Англия все еще не была готова бороться с Россией, а радикализм Дизраэли может быть сменен выступлением Гладстона против турецкого владычества.

Конечно, Англия была встревожена готовностью Австро-Венгрии вступить в сделку с Россией. В этом смысле Будапештское соглашение содействовало одной из главных целей Андраши: достижению сотрудничества с Англией. Получив сведения об австрийско-российских переговорах, Дизраэли немедленно обратился к Австро-Венгрии и России, пытаясь достичь отдельного соглашения с каждым из государств и тем самым нарушить достигнутую

договоренность. Андраши ответил на британские предложения в записке от 20 мая 1878 г. семью пунктами, в том числе: запрет русского протектората над любой частью Балканского полуострова; вывод российских войск с правого берега Дуная; запрет на создание Великого Славянского государства, русской оккупации Константинополя и закрытие проливов. Цель Андраши состояла в том, чтобы обеспечить интересы Австро-Венгрии без применения оружия, не становясь при этом инструментом английской политики на Балканах. Проницательный Солсбери одновременно провел переговоры с Шуваловым, устраивая ловушку для Австро-Венгрии: русско-английское отдельное соглашение могло удовлетворить британские требования без реализации австрийских требований. Русская сторона приняла почти все английские требования, за исключением границ Болгарии, поэтому Англия хотела использовать Австро-Венгрию в качестве «тарана» в этом вопросе⁴¹. На английский запрос, предполагала ли Австрия расчленение Болгарии, Андраши ответил вопросом «Готова ли Англия дать повод для объявления войны?». Андраши надеялся на совместную австрийско-английско-турецкую войну против России, стремясь избежать ведения военных действий в одиночку. Но вскоре англичане и русские заключили сделку: Англия согласилась на расширение российских границ на Кавказе, в обмен Россия воздержалась от создания Великой Болгарии. Но для Англии главная проблема заключалась в том, что российские войска уже были де-факто в Болгарии и не могли покинуть регион без давления, для организации которого требовалась поддержка Австрии.

Сан-Стефанский договор, безусловно, нарушал русско-британские соглашения, и в конце концов России пришлось заплатить тяжелую цену за инициативу, проявленную Игнатьевым. Ей пришлось согласиться на вывод войск из Болгарии в течение 9 месяцев после пересмотра Сан-Стефанского договора в Берлине, в то время как длительность оккупации Боснии Австрией была неограничена. Если бы русская дипломатия была более снисходительна к австрийской точке зрения, они бы сохранили Болгарию, подобно тому как Австрия сохранила за собой Боснию. Это позволило России приобрести устойчивую базу для будущих политических действий. А сделка с Австро-Венгрией сузила сферу для политических маневров малых государств. В этом отношении дипломатические усилия Андраши продлили существование дуалистической державы более, чем на 35 лет, поскольку задержали объединение южных славян и ограничили влияние России на полуострове.

Австро-Венгрия могла рассчитывать на поддержку Германии, хотя та не была бескорыстной. Германская внешняя политика также претерпела значительные изменения между 1876–1877 гг. В Киссингенском меморандуме 1877 г. Бисмарк отмечал, что Германия является посредником между Австро-Венгрией и Россией не для того, чтобы их примирить, а для того, чтобы увеличить их разногласия. Как и в его более ранней концепции (Varzin-меморандум 1876 г.), он считал целесообразным отделить европейскую часть Османской империи. Если бы Англия получила Египет, Россия – Черное море, они бы достигли статус-кво, которое ввергло их в такое соперничество, которое сделало невозможным их сотрудничество против

- ① Граница предложена от граф Игнатьев на Андраши за разделение на България на Източна и Западна автономни зони.
- ② Предложение на Андраши за България до линията Враня-Орфаню и Автономна Македония (с надеждата за австро-унгарско влияние над тази територия).
- ③ Оферта на Андраши към Русия (resp. България) до р. Вардар, под натиска на Бисмарк.

Германии. Бисмарк хотел использовать Восточный вопрос, чтобы отвлечь внимание от Германии и Центральной Европы, и его деятельность на Берлинском конгрессе была направлена на скорейшее заключение соглашения, для чего он содействовал австрийским и английским интересам⁴².

Во время Берлинского конгресса Андраши, как в случае с Боснией, выступал против автономии Восточной Румелии. Он считал, что предоставление такой автономии по типу Ливана или Крита – это просто отсрочка объединения Болгарии и, таким образом, лишь прелюдия к рождению большого славянского государства⁴³. Другим ключевым элементом его программы было то, что образование Восточной Румелии должно происходить под эгидой не России, а международной комиссии. Он стремился дать этой территории Организационный устав как можно скорее, не считаясь с тем, насколько он был бы либеральным, служил интересам Османской Турции или устраивал местное население. Причиной такой спешки было то, что Андраши хотел скорейшего вывода русских войск. В связи с этим даже возник конфликт между Андраши и австрийским делегатом в Восточной Румелии и Б. Каллаи, бывшим послом в Белграде. Последний считал, что «конституция» должна удовлетворять местных жителей и английского союзника, полагая, что это единственный способ помешать росту русского влияния. Британская сторона также стремилась к более либеральному варианту, надеясь предотвратить как османские злоупотребления, так и объединительные тенденции в Болгарии. Но Андраши считал, что сотрудничество с Англией было ограничено по продолжительности – до тех пор, пока существовало российское влияние на Балканском полуострове. Андраши стремился к восстановлению прав султана на территории Восточной Румелии.

Но стремление Андраши к восстановлению могущества Османской Империи в Восточной Румелии и быстрому ограничению российского присутствия противоречили друг другу. Если Андраши хотел добиться результата быстро, он должен был пойти на уступки России, которая пыталась подчеркнуть болгарский характер области в уставных документах и была против укрепления Османской власти. Это означало, что возможности Андраши были весьма ограничены⁴⁴.

⁴¹ Многие из них служили в качестве официальных дипломатов, близких к Андраши, или были журналистами, ответственными за репутацию первых лиц государства. См.: *Kállay, B.*: Emlékek. Budapest, 1898; *Sosnosky,*

Th. von: Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866. Bd. 1–2. Stuttgart-Berlin, 1913–1914; *Halász, I.*: Bismarck és Andrássy. Budapest, 1913; *Falk, M.*: Kor- és jellemrajzok. Budapest, 1903. *Hegedüs, L.*: Két Andrássy és két Tisza. Budapest, 1941; *Balanyi, Gy.*: A Balkán-probléma fejlődése (a Párisi kongresszustól a világháború kitöréséig, 1856–1914). Budapest, 1920; *Balanyi, Gy.*: Gr. Andrássy Gyula szerepe a Monarchia történetében. Budapest, 1924; *Wertheimer, E.*: Andrássy Gróf élete és kora. Budapest, I–II. 1934.

² *Balanyi, Gy.*: A Balkán-probléma fejlődése... p. 95

³ *Balanyi, Gy.*: A Balkán-probléma fejlődése... p. 81.

⁴ *Taylor, A.J.P.*: Struggle for Mastery in Europe. (Была использована венгерская публикация: Будапешт, 2000). p. 291.

⁵ *Diószegi, I.*: Ausztria-Magyarország és Bulgária a San Stefanó-i béke után (1878–1879). Budapest, 1961; *Palotás, E.*: Az Osztrák-Magyar Monarchia Balkán politikája a Berliini Kongresszus után (1878–1881). Budapest, 1982.

⁶ Бывший ученик Diószegi Петар Каменов использует те же аргументы и ту же манеру критики в 1990-е гг., как и Diószegi 30 лет назад. *Каменов, П.* Граф Андраши и Балканы, 1867–1890. София, 2001.

⁷ *Diószegi, I.*: Bismarck és Andrássy. Magyarország a német hatalmi politikában a XIX. század második felében. Budapest, 1998. Данная работа повторяет наименование монографии Hegedüs, однако приемы изложения различны.

⁸ *Schmidt, R.F.*: Die gescheiterte Allianz. Österreich-Ungarn, England und das Deutsche Reich in der Ära Andrássy (1867 bis 1878/79). Frankfurt am Main, 1992; *Schmidt, R.F.*: Graf Julius Andrássy. Vom Revolutionär bis Aussenminister. Göttingen-Zürich, 1995; *Rupp, G.H.*: A Wavering Friendship. Russia and Austria 1876–1878. Cambridge (Mass.). 1941; *Rupp, G.H.*: The Reichstadt Agreement. American Historical Review, 30. 1925.

⁹ *Taylor, A.J.P.*: Struggle for Mastery in Europe. (Hungarian edition). p. 288.

¹⁰ Аналогично утверждению Генца, можно предположить, что Австро-Венгрия не пережила бы краха Царской России, так как Австрия была выгодна другим державам только в качестве противовеса России.

¹¹ *Diószegi, I.*: Ausztria-Magyarország és Bulgária. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1961. p. 5.

¹² Позже, когда Сербия выступила против союза с дуалистической монархией, возможность создания Великого княжества Болгарского не была полностью исключена из средств достижения политических целей – особенно в 1912 г. – для сохранения австрийского влияния на Балканах в противовес российскому, сербскому и, вероятно, румынскому сотрудничеству. Так как Австрия утратила влияние на Румынию и Сербию к 1912 г., границы ее оказались уязвимыми, поэтому Австрия определенно нуждалась в помощи Болгарии. Однако австрийским государственным деятелям было

достаточно обострить сербско-болгарский антагонизм, чтобы не исполнять своего обещания создать Великое княжество Болгарское, поэтому они в 1881 г. предложили Македонии Сербию в качестве компенсации за захват Боснии, что ранее в 1870-е гг. было также обещано Сербии. Это же было предложено в 1913 г. как компенсация за потерю выхода к Адриатическому морю. Со времен контроля над осью Вардар-Морава экономическое превосходство после отделения Сербии стало невозможным, создание Албании стало ключевым фактором, который гарантировал Австрии рынок сбыта на Адриатике и давал возможность оказывать влияние на весь полуостров; поэтому Сербия лишилась выхода к морю.

¹³ *Diószegi, I.* Ausztria-Magyarország és Bulgária p. 7.

¹⁴ Országos Széchényi Könyvtár, Kézirattár. Fol. Hung. 1733. Andrassy to Kállay, 24. 10. 1870

¹⁵ *Diószegi, I.* Ausztria-Magyarország és Bulgária p. 8.

¹⁶ *Diószegi, I.*: Bismarck és Andrassy. p. 202.

¹⁷ *Diószegi, I.*: Bismarck és Andrassy. p. 204.

¹⁸ *Balanyi Gy.*: A Balkán-probléma fejlődése... p. 79.

¹⁹ *Rupp, G.H.*: A Wavering Friendship... p. 39.; *Taylor, A.J.P.*: The Struggle for Mastery in Europe (Венгерское издание) p. 288.

²⁰ Объясняется ниже.

²¹ *Diószegi, I.*: Bismarck és Andrassy. p. 207.

²² *Taylor, A.J.P.*: The Struggle for Mastery in Europe (Венгерское издание) p. 290.

²³ Szilágyi Dezső beszédei.. 1906. c. 137–138.

²⁴ *Taylor, A.J.P.*: The Struggle for Mastery in Europe (Венгерское издание) p. 289.

²⁵ HHStA Wien, Polit. Arch. VIII. England, Fasc. 170. 21.04. 1878.

²⁶ Szilágyi Dezső beszédei. Bp. 1906. p. 138–139. Отмена налогов сельского хозяйства, местное использование налоговых доходов вместо центрального перераспределения, свобода религии.

²⁷ *Каменов, П.*: Граф Андраши и Балканы. С. 109, 114.

²⁸ *Diószegi, I.*: Bismarck és Andrassy. p. 223.

²⁹ *Diószegi, I.*: Bismarck és Andrassy. p. 231.

³⁰ *Diószegi, I.*: Bismarck and Andrassy. p. 242.

³¹ *Poplazarov, R.*: A San Stefano-i fikció. In: *Létünk* (8), 1978/3. p. 157.

³² *Stojanov, Petar.* Macedónia helye az osztrák-magyar, orosz és szerb kormány – a Balkán érdekszférákra való felosztásával és meghódításával kapcsolatos – terveiben 1876–1878 között. In: *Létünk* (8), 1978/3. p. 161.

³³ *Diószegi, I.* Ausztria-Magyarország és Bulgária p. 9.

³⁴ Эта ситуация развивалась вплоть до 1913 г., когда Австро-Венгрия утратила Сербию и Румынию как союзников.

³⁵ HHStA, Wien. Min. des Aeussern. Polit. Archiv VIII. England Fasc. 170. (MOL, microfilm, W 38.).

³⁶ *Wertheimer, Ede.* Gróf Andrassy Gyula élete és kora. III. Bp. 1913. pp. 111–113.

³⁷ *Diószegi, I.* Ausztria-Magyarország és Bulgária. p. 13.

³⁸ Эта традиция противостояния может считаться устойчивой, ее можно сопоставить с критикой современной политики Венгрии Евросоюзом.

³⁹ *Панайотов, И.*: Камдиبلوماسيةката история на цариградската конференция (Декември 1876 – Януари 1877 г.). Известия на Института на Българска история 6. София, 1956. pp. 47–113.

⁴⁰ *Diószegi, I.* Ausztria-Magyarország és Bulgária. p. 18.

⁴¹ HHStA, Wien VIII. England. Fasc. 170. 23.04. 1878. Andrassy to Beust.

⁴² *Riga Cs.* A balkániállamok és a Berliini Kongresszus a bismarckipolitikában. In: Bodnár E. – *Demeter G.* (eds.): Államésnemzet a XIX–XX. században. Debrecen, 2006. pp. 21–37. pp. 24–25.

⁴³ HHStA, Wien VIII. England. Fasc. 170. 29.04. 1878. Andrassy to Beust.

⁴⁴ *Diószegi, I.* Ausztria-Magyarország és Bulgária. pp. 43–46.

М.В. ЖОЛУДОВ
(Рязань)

БРИТАНСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И БАЛКАНСКИЙ КРИЗИС ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

В середине 70-х годов XIX века вновь обострился так называемый Восточный вопрос, то есть борьба великих европейских держав, главным образом России и Англии, за преобладание на Ближнем Востоке и Балканах. Поводом для обострения Восточного вопроса стало тяжелое экономическое положение Османской империи. Чтобы избежать дефолта, Турция увеличила налогообложение немусульманского населения, что спровоцировало плохо подготовленные национально-освободительные восстания балканских народов, поработанных и угнетенных турками. В июле 1875 г. вспыхнуло народное восстание в Боснии и Герцеговине; в 1876 г. к восставшим присоединились Сербия и Черногория, объявившие Турции войну; сильное движение в пользу независимости началось в Болгарии. Турецкие власти начали серию жестоких расправ с восставшими. Для подавления восстаний турецкое правительство направило регулярные войска и отряды башибузуков. Башибузуки (*тур.* «поврежденные головы») – нерегулярные и недисциплинированные вооруженные формирования, которые не только грабили мирных жителей, но и вели себя крайне бесчеловечно, насилюя, пытая и убивая христиан всех возрастов и полов. Причем турецкое правительство не наказывало, а, наоборот, поощряло насильников и награждало руководителей башибузуков за совершенные бесчинства.

События на Балканах сразу же привлекли внимание официального Лондона. Англичане к этому времени имели явное преобладание в Турции. Эта страна стала фактической полуколонией Англии. Ее внешняя торговля находилась в руках англичан. Английский посол распоряжался в Константинополе как у себя дома. Исходя из желания сохранить свои позиции в Турции, английская дипломатия выступала за сохранение Оттоманской империи в неизменном виде (так называемая политика *status quo*); в повстанцах против турецкого ига английские правящие круги традиционно видели лишь «бунтовщиков» против законных властей. Восстание 1875–1876 гг. многие английские публицисты связывали с «происками России».

В Великобритании Восточный вопрос во многом ассоциировался с русско-британскими противоречиями и русско-индийской

пограничной проблемой. Так, на заседании Восточной Индийской ассоциации в 1877 г. подчеркивалось: «Восточный вопрос для Англии – это русско-индийский вопрос, т.е. гарантия любой ценой добиться нейтралитета Константинополя и Суэцкого перешейка, так как они затрагивают наши интересы относительно пути в Индию, наши отношения с Россией касательно ее позиций в Малой Азии, индийскую границу, где Россия теперь стала нашим соседом»¹. Поэтому британские политики и дипломаты с подозрением наблюдали за постепенным укреплением русских позиций на Ближнем Востоке, опасаясь дальнейшего проникновения России на Средний Восток и особенно в Индию. Главной целью своей восточной политики Великобритания считала вытеснение России из ближневосточного региона. Выполнить такую задачу она могла лишь в случае осуществления контроля над черноморскими проливами, то есть, заперев русский флот в Чёрном море и не выпуская его в Средиземное море. От этого, по мнению британских дипломатов, во многом зависела безопасность торговых путей из Великобритании на Восток, в Индию, богатейшую британскую колонию, эксплуатация которой приносила английской буржуазии огромные прибыли. Англо-русское противостояние на Ближнем Востоке объяснялось также и торговыми противоречиями двух держав. На середину XIX в. приходится начало проникновения России на рынки Османской империи. Хотя русские купцы еще явно не могли на равных соперничать с британскими (например, английский экспорт хлопчатобумажных изделий в Турцию превышал русский в 43 раза), но между двумя странами началась напряженная торговая война. Россия еще не могла вытеснить Великобританию с турецких рынков, но пыталась как-то противостоять британской торговой монополии².

В этот период у власти в Великобритании находилось правительство консерваторов во главе с Бенджамином Дизраэли. Консерваторы проводили довольно последовательную политику по защите интересов Великобритании во время набиравшего силу Восточного кризиса. Дизраэли был твердо убежден, что Константинополь – это ключ к Востоку и именно там, а не в Египте «находится подлинная гарантия пути в Индию». Официально придерживаясь политики «нейтралитета», Дизраэли не раз прибегал к угрозам военного вмешательства Британии в конфликт между Россией и Турцией на стороне последней.

Однако в начале эскалации балканского кризиса с консервативной дипломатией случился показательный казус. Следуя в русле

симпатий Дизраэли к Турции, британский консул в Турции Элиот в своем отчете смягчил драматизм болгарских событий. Впоследствии он мотивировал свою оплошность тем, что к нему вовремя не попал первый официальный доклад вице-консула в Адрианополе. Однако затерявшийся доклад оказался опубликованным в либеральной лондонской «Дэйли Ньюс» и опровергал уверения Дизраэли, что масштабы трагедии в Болгарии были преувеличены³. К сентябрю 1876 г. подчиненные Элиота свели воедино все свидетельства о турецких злодеяниях и перед британской общественностью предстала ужасающая картина гибели 12 тыс. болгар. В стране поднялась волна недовольства позицией «невмешательства» в болгарские дела, занятой консервативным правительством.

Но, несмотря на это, в октябре 1876 г. консервативный кабинет принял решение по Восточному вопросу, одним из пунктов которого был «ввод британского флота в Босфор с мощной высадкой десанта, который частично был взят из ее частей в Индии. Целью этого проявления силы являлась защита Константинополя от русской агрессии, овладение им в случае надобности и его удержание ...»⁴.

Восточный вопрос находился в центре внимания английской общественности. Непосредственное участие в обсуждении внешнеполитических вопросов приняли и находившиеся в оппозиции либералы. Основная роль в оценке действий консерваторов летом-осенью 1876 г. принадлежала тогдашнему лидеру Либеральной партии Уильяму Гладстону. С начала кризиса Гладстон крайне отрицательно отнесся к внешнеполитическим действиям торийского кабинета. Он отзывался о них, как о «наиболее глупых и наименее достойных». В начале сентября 1876 г. Гладстон написал и опубликовал свой известный памфлет «Болгарские ужасы и Восточный вопрос». В этой брошюре Гладстон осудил политику турок на Балканах, приведя вопиющие факты турецких бесчинств на территориях, населенных славянами. В частности, он приводил бесспорные факты турецких зверств в Болгарии; эти факты были собраны беспристрастными наблюдателями и очевидцами. Однако Гладстон не останавливался на этом и предлагал пересмотреть всю политику Англии в отношении Турции: он ставил под сомнение правильность традиционного английского курса, направленного на поддержку Турции. Гладстон заявил, что, по его мнению, Турция должна «уйти из Европы», предоставив независимость своим славянским подданным. Гладстон также высказывался против запугивания англичан призраком «русской угрозы». Брошюра Гладстона получила широкий отклик, а вы-

ступления его с публичными речами в этом духе имели огромный успех. Десять тысяч экземпляров разошлись в течение трех или четырех дней⁵.

Однако среди руководства Либеральной партии не было полного единства по отношению к событиям на Балканах. Лидеры либеральной партии довольно сдержанно отнеслись к факту опубликования Gladstonовского памфлета. Категорически против тезиса о роли морального фактора во внешней политике высказался влиятельный член партии Чарльз Дилк. Памфлет Gladstone ему не понравился. Он, правда, не пошел в своих заявлениях так далеко, как Дизраэли, утверждавший, что Gladstone был хуже, чем любой болгарский ужас, хотя и заявил: «Если Gladstone пойдет еще дальше, я стану турком»⁶.

Последовавшие в сентябре 1876 г. выступления У. Gladstone перед избирателями и публикация его писем в «Таймс», посвященных данной проблеме, дали толчок мощному движению английской общественности, так называемой «Болгарской агитации». В движении «Болгарской агитации» активное участие приняли представители радикального крыла либеральной партии. Лидеры партии в целом заняли выжидательные позиции в отношении движения «Болгарской агитации». В ряде случаев они критически относились к выступлениям самого Gladstone в этот период.

Один из официальных лидеров либеральной партии маркиз Хартингтон не приветствовал, но и не осуждал правительственную политику. Но, признавая, что консерваторы допустили ряд ошибок в своих действиях, он в целом придерживался мнения, что цели, которые преследовало правительство, будут поддержаны нацией. Хартингтон желал, чтобы агитационное движение приостановилось, находя его «неподобающим» и «неуравновешенным», и стремился перенести обсуждение вопроса в стены парламента⁷.

Начавшаяся в апреле 1877 г. Русско-турецкая война усилила поляризацию общественного мнения в Англии. Преимущественно все газеты высказывали свои симпатии Турции и требовали, чтобы Англия выступила в защиту последней. Консервативный кабинет Б. Дизраэли чувствовал широкую поддержку своему политическому курсу. Несмотря на это, либералы по-прежнему критиковали внешнеполитический курс консерваторов. Дебаты в парламенте развернулись вокруг вопроса об определении «британских интересов» в Восточном вопросе. В начале мая 1877 г. Gladstone разработал и опубликовал пять резолюций, содержащих критическую оценку деятельности английского правительства в период развития бал-

канского кризиса. В своем выступлении 7 мая 1877 г. он отмечал, что понятие «британские интересы» использовалось для прикрытия расточительной имперской агрессии, которая ведет исключительно к ослаблению империи и к войне. По его мнению, все разговоры о «русской угрозе» этим интересам преувеличены⁸.

Точку зрения Гладстона на преувеличенное со стороны консерваторов манипулирование тезиса о «защите британских интересов» разделял и маркиз Хартингтон. Он допускал защиту Индии в случае необходимости «даже с помощью меча», но выражал сомнение, что Россия в действительности представляла собой угрозу «британским интересам». В целом, всю суть выступлений либералов можно было свести к следующему: в эпицентре интересов Британии находится Индия; в случае опасности эти интересы необходимо защищать; но на данный момент правительство своими манипуляциями с тезисом о «русской угрозе» прикрывало свою экспансионистскую политику⁹.

Парламентские дебаты закончились в пользу правящей партии. Большинство депутатов выразило доверие проводимой консерваторами восточной политике. Причины поражения либералов Гладстон относил на счет того, что они вели «неравную борьбу», так как в противоположном лагере «хозяином и главной движущей силой являлся лорд Биконсфилд (Дизраэли. – М.В.)», поддерживаемый королевой Викторией. Но главная причина поражения либералов заключалась не только в том, что в правительственном лагере были сильные фигуры в лице премьера и королевы, но и в том, что значительная часть английского населения уже на данном этапе занимала антирусские позиции. Британия была в значительной степени поражена вирусами джингоизма и русофобии¹⁰. Прикрываясь патриотическими лозунгами, джингоизм представлял собой разновидность крайне реакционной имперской идеологии, культивировавшей расистские и шовинистические идеи. «Шовинизм процветает и может одержать победу», – констатировал с сожалением в одном из своих писем У. Гладстон¹¹.

В результате побед российских войск в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. симпатии общественного мнения в Соединенном Королевстве диаметрально изменились в пользу слабой стороны – в данном случае Турции. Однако теперь к воинственному патриотизму и антирусским настроениям времен Крымской войны 1853–1856 гг. добавилась «джингоистская лихорадка», а именно волнующее ощущение слабого соперника, легкой победы и хорошей наживы. Парламент без дебатов отпустил правительству 6 млн фун-

тов стерлингов на военные нужды, и британский флот направился к побережью Турции.

Необходимо отметить, что в годы кризиса общественное мнение страны претерпело определенную эволюцию от осуждения летом – осенью 1876 г. правительственной политики «невмешательства» до занятия протурецких позиций в годы Русско-турецкой войны и Берлинского конгресса, проявившихся в сильных русофобских настроениях и зарождении движения «джингоизма». Именно в обстановке нараставшего шовинистического угара и приходилось либералам отстаивать свои взгляды на цели и задачи Англии в осуществлении ее внешней и имперской политики.

В основе критики У. Гладстона политического курса консерваторов лежали опасения, что своими недалекими действиями они могли привести к усилению влияния России на Балканах, что противоречило Британским интересам в этом регионе. Относительно судьбы самой Турецкой империи автор памфлета высказывался за сохранение принципа статус-кво или, как он сам выразился, «как было прежде». Но за этот же принцип, но только в другой интерпретации выступали и лидеры консервативной партии. Таким образом, анализируя позиции торийского руководства и У. Гладстона, можно отметить, что речь в целом шла о защите британских интересов в Османской империи, но расхождения между ними заключались в вопросах о методах и средствах осуществления этой задачи. Отличительной чертой выраженного Гладстоном отношения к Восточному вопросу было акцентирование им внимания на моральной стороне внешней политики Великобритании.

Истощенная войной Российская империя столкнулась с перспективой возникновения враждебного ей австро-британского блока, и, чтобы предотвратить надвигающуюся заведомо проигранный войну, 30 мая 1878 г. было подписано секретное соглашение с Соединенным Королевством, по которому Россия отказывалась от плана создания «Великой Болгарии» и от некоторых своих завоеваний в Закавказье. В июне 1878 г. прошло подписание британо-турецкой конвенции, согласно которой Соединенное Королевство обещало поддерживать Турцию против России и послать военного атташе в Армению, а взамен Османская империя передавала Британской империи о. Кипр. Кроме этого, султан обещал защищать проживавших на его территории христиан. Вскоре Дизраэли заключил секретное соглашение с Францией, в котором она признавала переход о. Кипр под юрисдикцию Соединенного Королевства, а взамен претендовала на Тунис. Представители Со-

единенного Королевства подписали секретную конвенцию с Австро-Венгрией о передаче под контроль последней Боснии и Герцеговины. На знаменитом Берлинском конгрессе (13 июня – 13 июля 1878 г.) лорд Биконсфилд (этот титул с разрешения королевы Виктории Дизраэли унаследовал от своей скончавшейся жены) намеревался сломить упорство русских и 22 июня заказал поезд, на котором хотел уехать из Берлина и таким образом провалить переговоры. После заверений канцлера Германии Отто фон Бисмарка в том, что Дизраэли собирался покинуть Берлинский конгресс, русские уступили. В результате этого турецкая контрибуция России по сравнению с суммой, указанной в Сан-Стефанском договоре, была уменьшена более чем в 4 раза; Турции возвращались в Закавказье Баязет, а на Балканах Македония. Вместо «Великой Болгарии» создавалось вассальное от Турции, но фактически независимое болгарское государство, причем горная южная Болгария (Восточная Румелия) становилась автономной частью Османской империи. Австро-Венгрия получила право оккупировать Боснию и Герцеговину, а также территорию между Сербией и Черногорией. Берлинский конгресс подтвердил независимость Румынии, Сербии и Черногории. Несмотря на то, что Россия как победительница в войне получила территориальные приращения в Закавказье (Ардаган, Батум и Карс) и Южную Бессарабию (часть Молдавии), Берлинский конгресс стал триумфом дипломатии Дизраэли. По возвращении он заявил, что «принес мир с честью», и Соединенное Королевство встретило его как героя, сумевшего без единого выстрела ослабить соперника, взять трофеи и укрепить международный престиж страны.

¹ Цит. по: Гелла Т.Н. У. Гладстон, либералы и британская империя в последней трети XIX века. Орел, 2008. С. 69; Hoskins H.L. British Routesto India. L., 1966. P. 437.

² См.: Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 – начале 40-х годов XIX в. М., 1975. С. 14–15.

³ См.: Ленъко А.В. Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии. Эпоха выбора между империализмом и либерализмом. 1868–1918. СПб., 2012. С. 116–117.

⁴ См.: Гелла Т.Н. Указ. соч. С. 70.

⁵ Gladstone W. Bulgarian Horrors and the Eastern Question // Bulgarian Horrors and Russia in Turkistan. Leipzig, 1876. P. 47–50.

⁶ Гелла Т.Н. Указ. соч. С. 73.

⁷ Там же. С. 75.

⁸ См.: Там же. С. 76–77.

⁹ Там же. С. 77.

¹⁰ Подробнее о происхождении и сути джингоизма см.: Давидсон А.Б. Сесиль Родс и его время. М., 1984. С. 54–55; Дронова Н.В. Джингоистские митинги 1877–1878 гг.: к оценке политических технологий викторианской Англии // Британия: история, культура, образование. Вып. 2. Ярославль, 2012. С. 129–132.

¹¹ Гелла Т.Н. Указ. соч. С. 79.

В.В. АБОЛМАСОВ
(Рязань)

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Восточный вопрос в течение нескольких столетий являлся одной из важнейших проблем развития международных отношений. Он был порожден упадком Османской империи, активизацией национально-освободительных движений на ее территориях и обострением соперничества великих держав за «наследство султана». Дезинтеграционные процессы разворачивались как в европейских, так и в азиатских провинциях Турции. В условиях, когда на карту была поставлена судьба Османской империи, в политике великих держав проблемы Балкан и Ближнего Востока составляли единый комплекс противоречий.

Однако после Берлинского конгресса 1878 г. балканский аспект Восточного вопроса начал приобретать самостоятельную значимость. Румыния, Сербия и Черногория получили независимость. Но в результате решений великих держав ряд проблем так и остался неурегулированным. Македония и Фракия стараниями британского премьер-министра Б. Дизраэли были возвращены под власть турецкого султана. Австро-Венгрия, в состав которой входила часть северо-западных балканских земель, по статье 25 Берлинского трактата, оккупировала Боснию и Герцеговину. Рост национально-освободительных движений, соперничество независимых балканских государств за спорные земли, а также попытки правительств Турции и Австро-Венгрии остановить центробежные тенденции внутри империй являлись источником нестабильности на полуострове. Таким образом, сочетание внешнего (борьба великих держав) и регионального (территориальное размежевание и вражда между собой балканских государств) факторов превращало Балканы в «пороховой погреб Европы». Для развития Восточного вопроса в последней четверти XIX века было характерно наличие двух основных источников противоречий – Австро-Германское соперничество и развитие конфликта между Россией и Великобританией. Британская дипломатия стремилась всеми силами не допустить установления контроля России над проливами Босфор и Дарданеллы, а также ослабить ее влияние среди балканских народов, очень возросшее после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Историки изучали международные отношения в Юго-Восточной Европе через призму австро-русской дуэли и германской экономической экспансии¹. Что касается балканской политики Великобритании, то Лондон традиционно декларировал свою «незаинтересованность» в делах полуострова. В связи с этим английские исследователи писали о стремлении руководителей Форин-офис «держаться на расстоянии» от балканских коллизий и совместно с другими великими державами вырабатывать общие принципы урегулирования региональных проблем². Однако, анализируя основные направления внешней политики и дипломатии Великобритании во второй половине XIX столетия, необходимо отметить совершенно исключительное значение, которое приобретает Восточный вопрос. Британские правящие круги проявляют все большую активность в политических процессах, проходивших в данном регионе, и к концу столетия в условиях нарастания противоречий между ведущими европейскими державами роль этого направления становится определяющей³.

При этом в политике Британской империи явственно прослеживаются две основные тенденции: первая связана с активным вмешательством в развитие Османской империи, а вторая тесно переплетается с нарастанием противоречий с Россией. Тенденции к дезинтеграции Турции начали проявляться в английской политике еще в период Ближневосточного кризиса 1895–1897 гг. (резня армянского населения 1894–1896 гг., восстание на Крите и греко-турецкая война 1897 г.). Тогда Англия, единственная из великих держав, настойчиво требовала проведения радикальных преобразований в беспокойных провинциях. Форин-офис, избегая ставить на повестку дня вопрос о целостности Турции, фактически выступал за ее децентрализацию, выражавшуюся в предоставлении автономии национальным окраинам империи.

В условиях ослабления влияния Англии на Ближнем Востоке Лондон стал проявлять живой интерес к европейским провинциям Османской империи, где в начале XX в. происходило усиление национально-освободительных движений. Британские агенты намеренно дестабилизировали ситуацию в балканских вилайетах Турции⁴. Линия, проводимая министром иностранных дел Великобритании лордом Г. Лэнсдауном, во многом являлась продолжением курса, избранного правительством Р. Солсбери в отношении периферийных провинций Порты в 90-е гг. XIX в. Так, Лондон принимал деятельное участие в осуществлении реформ в Македонии, где в августе 1903 г. вспыхнуло мощное восстание⁵.

В 1880-е гг. происходило усиление противоречий между Англией и Россией на территории Балканского полуострова. Снова велись споры по поводу черноморских проливов. Весной 1885 г. разразился острейший англо-русский конфликт в связи с противоречиями двух держав в Средней Азии. Кризис быстро развивался и грозил перерасти в войну. От того, какую позицию займет Турция, в значительной степени зависел его исход.

В войне с Россией для английского правительства первостепенное значение имела возможность прорыва его флота через проливы в Черное море. В этой связи можно привести высказывание ответственного лица Форин-офис А. Розбери в беседе с сыном германского канцлера Г. Бисмарком в марте 1885 г., во время приезда последнего в Лондон для улаживания англо-германских колониальных противоречий. Война с Россией, сказал Розбери, не ограничится территорией Афганистана, а распространится на все доступные англичанам части Российской империи. «Я полагаю, – утверждал он, – что султан с радостью воспользуется возможностью присоединиться к нам против России: лучшего шанса, чтобы вернуть потерянные территории, он не найдет, а турецкие войска на русской границе, которые привлекут значительную часть русской армии, были бы для Англии весьма желательным вытяжным пластырем».

Создание англо-турецкого союза в этот момент представляло для России большую опасность. Она не могла закрыть доступ английской эскадре в Черное море. В Петербурге понимали, что Порта не может гарантировать закрытие проливов, так как была слаба. В ходе кризиса Нелидов доносил, что Дарданеллы укреплены очень слабо и, по существу, беззащитны.

Известие о столкновении при Пенде между русскими и афганскими войсками, которыми руководили английские офицеры, вызвало сильную тревогу Порты. Позиция стамбульских газет была неоднозначна. В то время как официальные органы высказывались за то, чтобы Турция сохраняла нейтралитет, пробритански настроенная пресса утверждала, что британский флот должен быть пропущен в Черное море.

План прорыва через проливы в случае войны с Россией действительно вынашивался в Лондоне, английское военное руководство намечало нанести главный удар со стороны Черного моря, предусматривалось организовать диверсию в Одессе и Севастополе, развернуть военные действия на Кавказе, в которых помимо незначительного числа английских солдат должны были принять участие 200 тыс. турецких солдат и офицеров⁶. Некоторые турец-

кие дипломаты допускали мысль о выступлении на стороне Англии в случае ее войны с Россией. Определенный зондаж относительно союза с Англией имел место со стороны турецкого посла в Берлине Саид-паши в разговоре с английским резидентом в Германии полковником Л. Свейном 14 апреля 1885 г. Посол начал с того, что выразил сожаление по поводу осложнившихся отношений с Англией из-за Египта, он напомнил Свейну, что Турция не получила помощи от Англии в 1877–1878 гг., а затем перешел к вопросу о заключении англо-турецкого союза. «Если мы придем к соглашению, – сказал Саид-паша, – мы выставим в Европе 150 тыс. человек, которые будут охранять нашу группу и обеспечат положение на Балканах, а вы сможете с армией в 350 тыс. человек действовать на русской границе в Малой Азии. С вашей помощью мы вернем Карс, Ардаган и Батум, а на Кавказе будет сделано нечто вроде Восточной Румелии под сюзеренитетом султана»⁷.

Переговоры не имели официального характера и остались без практических последствий, но они характерны для той ситуации, которая сложилась на Ближнем Востоке в период англо-русского кризиса. По времени он совпал с переговорами по египетскому вопросу – их вел Хасан Фехми-паша. Он и постоянный посол в британской столице Мусурус-паша считали войну между Россией и Англией неизбежной и стояли за соглашение с последней. Гладстон и глава Форин-офис Д. Гренвилл придерживались выжидательной тактики. Не делая Порте официального предложения о союзе, лондонский кабинет советовал ей при всех обстоятельствах сохранять полную свободу действий. Это означало практически, что Турция не должна ни объявлять нейтралитет, ни делать заявления о своем намерении придерживаться договоров о проливах.

Неопределенная позиция, которую предлагали в Лондоне занять султанскому правительству, была выгодна для английской дипломатии, так как могла быть ею использована для своих целей в решающий момент. Для России же было важно, чтобы Турция провозгласила нейтралитет и охраняла проливы от вторжения. Испытывая давление с двух сторон, Абдул Хамид не спешил определять свою позицию. Однако Нелидов настаивал на том, чтобы Турция сохраняла нейтралитет. Австро-Венгрия, Германия и Франция поддерживали Россию. Под нажимом четырех держав султан решил удовлетворить требование России. Его доверенное лицо сообщил Нелидову, что Абдул Хамид будет соблюдать строгий нейтралитет и пошлет германских офицеров для инспектирования укреплений Дарданелл. В идентичной ноте Порты заявила об этом правительствам

России, Германии, Австро-Венгрии и Франции, добавив, что она рассчитывает на их помощь в поддержке своего решения. 20 апреля в Стамбуле был опубликован ираде султана, утверждающий решение совета министров сохранять нейтралитет в случае военного столкновения Англии с Россией. Переговоры, которые турки вели в Лондоне, были прерваны. Это способствовало мирному исходу англо-русского конфликта.

В целом, анализируя Восточный вопрос как одно из направлений внешней политики Великобритании в конце XIX века, необходимо отметить, что его значение в дипломатии Форин-офис существенно возросло. Это напрямую связано с расширением влияния Британии в Черноморском регионе и, собственно, на Балканах, а также с нарастанием противоречий с Россией, которая традиционно считала данный регион сферой своих интересов, а также другими ведущими государствами Европы.

¹ Шмелева О.И. Позиция великих держав в решении боснийско-герцеговинской проблемы в 70-х гг. XIX в. // Новая и новейшая история Запада и Востока: новые подходы в исследовании и преподавании: межвузовский сборник научных трудов. Рязань: РГУ им. С.А. Есенина, 2008. С. 218.

² Туполев Б.М. Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX – начале XX в. М., 1970. С. 111.

³ Там же. С. 112.

⁴ Ball S. The Conservative party and the British politics 1902–1951. New York, 1995. P. 61.

⁵ Crampton R.J. The Balkans, 1909–1914. British Foreign Policy under Sir Edward Grey. New York, 1977. P. 154.

⁶ Ibidem.

⁷ Egerton H.E. British foreign policy in Europe to the end of the 19th century. London, 2011. P. 82.

ЧАСТЬ III

РОССИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ И МОДЕРНИЗАЦИИ

А.В. РЕПНИКОВ
(Москва)

**ПАНСЛАВИЗМ, КОНСЕРВАТИЗМ И ПРОГРЕСС
В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Панславизм, как гласит современная энциклопедия, представляет собой «направление общественной мысли, общественно-политическое движение, один из аспектов правительств политики»¹. Начиная с XIX века, когда этот термин впервые был введен в оборот, и до наших дней не смолкают политические споры вокруг «славянской угрозы» и «миссии славянских народов».

В данной публикации мы даем краткий очерк вопроса и не претендуем на то, чтобы объять необъятное². Поэтому отсылаем пытливого читателя к специальным работам³, а также к сочинениям Н.Я. Данилевского, Р.А. Фадеева, А.Н. Пыпина, С.Ф. Шарапова, И.С. Аксакова, Н.П. Аксакова, В.И. Ламанского, О.Ф. Миллера и другим первоисточникам⁴.

Противники и недоброжелатели нашего Отечества использовали термин «панславизм» для того, чтобы пугать свои народы гегемонистскими устремлениями сначала Российской империи, а потом и СССР. С начала 1840-х в немецкой печати, а затем и в других европейских странах панславизм трактовался как политическая идеология экспансии России. О. Бисмарк, Б. Дизраэли, К. Тиса и другие говорили о панславистской опасности для Запада. В обзорной работе «Панславизм в прошлом и настоящем», вышедшей в 1913 году, А.Н. Пыпин писал: «Все чаще говорят о панславизме как об опасном и зловредном политическом движении: английский первый министр, по словам газет, заботился об уничтожении «панславистского заговора» на Балканском полуострове; рассказывают, что Бисмарк «ненавидит» панславизм; венгерские депутаты, а также, конечно, первый министр считают необходимым положить конец «панславистским проискам»; даже французские газеты ... находят, что против панславизма должно принять меры»⁵. При этом, как верно отмечает мыслитель, редко кто из критиков панславизма может дать ему точное определение, используя это название как некий жупел.

Существующая и поныне широкая трактовка панславизма позволяет отнести к представителям этого течения общественно-политической мысли России не только М.П. Погодина, В.И. Ламанского,

Н.Я. Данилевского, Ф.И. Тютчева, И.С. Аксакова, С.Ф. Шарапова, Н.П. Аксакова, О.Ф. Миллера, но и П.И. Пестеля, А.С. Пушкина, А.И. Герцена и М.А. Бакунина (мы видим, что далеко не всегда русские панслависты были консерваторами и монархистами). Некоторые исследователи относили к представителям этого течения М.Д. Скобелева и Р.А. Фадеева.

А.Н. Пыпин выделял течения политического панславизма, проповедующие следующие идеи:

1) идея объединения под предводительством России славянского мира при сохранении самодержавной формы и с доминанцией православия;

2) идея сплочения под руководством Польши, которая бы вместе с западным славянством составила оплот Европы от русского нашествия;

3) идея создания свободной славянской федерации.

Сторонником идеи панславистского объединения под властью православного самодержца выступал известный историк М.П. Погодин. Это был «активный панславист, убежденный сторонник создания союза славянских государств под покровительством России»⁶. Такой геополитический союз был нужен России, чтобы, отделившись от Европы «целою стеною союзных с ней государств славянских», «делать у себя дома что угодно, пользуясь силами своего союза». В период Крымской войны панславистская направленность взглядов Погодина усилилась. В качестве основной цели он предлагал: «призвать к умственной и духовной жизни... многочисленные племена славянские... изгнать турок из европейского стана, восстановить патриарший константинопольский престол во всем его величии, возратить восточной церкви вселенское ее значение; обновить обветшалую Западную Европу, которая... утратила веру, погасила поэзию, лишилась человеческого чувства и, отрекшись от Бога, слила золотого тельца себе для поклонения».

Панславистские надежды выразил в своих стихах Ф.И. Тютчев, строки которого с явным одобрением цитирует в своем труде «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский, взявший их в качестве эпиграфа к главе «Царьград» своей книги:

И своды древние Софии
В возобновленной Византии
Вновь осенят Христов алтарь!
Пади пред ним, о Царь России,
И встань, как Всеславянский Царь!

По его мнению, Империя должна включить в себя (ненасильственным путем) не только славянские и православные народы, Царьград и Иерусалим, но и Австрию, Германию и Италию и раскинуться на колоссальной территории:

От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная
Вот Царство русское...

А столицы этого Царства – «Москва, и град Петров, и Константинов град».

В среде славянофилов программу создания на основе России панславистской государственности отстаивал К.С. Аксаков. С критикой славянофильского проекта панславизма выступил И.С. Аксаков. В связи с балканским кризисом 1870-х гг. в российском обществе произошел заметный подъем панславистского движения, выразившийся в создании и деятельности славянских комитетов.

Видный историк В.И. Ламанский, пропагандист панславистских идей, бывший к тому же одним из первых русских геополитиков, сегодня мало известен неспециалистам. Вместе с тем, он умело сочетал научную деятельность (защитил в 1860 г. диссертацию «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании», удостоенную впоследствии Демидовской премии Академии Наук, а в 1871 – докторскую диссертацию «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе») с общественными трудами. В 1867 году он был одним из организаторов Славянского съезда в Москве. Участвовал в организации петербургского отделения Московского Славянского комитета, преобразованного в 1876 г. в Славянское благотворительное общество. В 1862–1864 гг. он предпринял путешествие по славянским землям, после которого написал ряд очерков, где развивал идею славянского объединения. Современный исследователь А.А. Ширинянец верно обращает внимание на то, что «в целом смысл и направление научных поисков Ламанского сводились к обоснованию “миродержавной роли нашего славянского племени”, которая должна завоевываться не столько внешнеполитическими действиями, сколько внутри России, причем не в Петербурге и в Москве, а в провинции – освоением огромных пространств, подъемом экономической жизни и упорядочением бытовых условий, улучшением хозяйства, культуры земледелия и промышленности, а главное, успехами самобытной, неподражательной русской образованности»⁷.

Взгляды генерала Р.А. Фадеева, во многом сходные с идеями панславизма, нашли свое отражение в книге «Вооруженные силы

России» (главы из книги вошли в сборник работ Фадеева, выпущенный в Москве в 2003 г.) и в серии статей «Мнение о Восточном вопросе», в которых он выступил с панславистской проповедью объединения вокруг России «великой восточной семьи» славянских народов, необходимости завоевания Константинополя и неизбежности силового решения славянского вопроса. Деятельная натура этого человека, у которого слова не расходились с делом, привела к тому, что он координировал сбор и расходование средств для болгарского ополчения, а осенью 1877 г. в качестве частного лица находился в Сербии и Черногории, сражаясь за панславистские идеи. «Если Россия восстановит рано или поздно славянский мир, значит, она призвана на это дело Провидением, ей надо быть исполнителем судеб, начертанных для человечества», – писал он. Хотя труды Фадеева были, наконец, недавно переизданы⁸, о нем самом выпущена только одна содержательная монография историка О.В. Кузнецова, вышедшая девять лет назад тиражом 150 (!) экземпляров⁹. В этом отношении гораздо больше повезло другому генералу, также симпатизирующему панславистским идеям¹⁰, – Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, чье имя хорошо известно в современной России¹¹.

Н.Я. Данилевский полагал главным условием осуществления панславистской программы политическую независимость славянских народов, обеспечиваемую образованием их федерации во главе с Россией и со столицей в Константинополе. Непременным условием к тому он полагал ликвидацию Австро-Венгрии и Турции как государственных образований.

К.Н. Леонтьев отстаивал имперский принцип. Славяне, на которых возлагал огромные надежды Данилевский, для Леонтьева были слишком «проевропейскими» – проникнутыми либеральным духом Европы. Было бы более полезно тесное сотрудничество с азиатскими народами, сохранившими почитание иерархии, верность жестокой власти и самобытные религиозные традиции. Даже такой критик русского консерватизма, как Уолтер Лакер, признал, что Леонтьев не был националистом и никогда не идеализировал славян. Государство должно строиться на принципах самодержавия и православия, а не по этническому признаку. «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь? Но кровь ведь... ни у кого не чиста... И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное! ... Любить племя за племя – натяжка и ложь. Другое дело, если племя родственное хоть в чем-нибудь согласно с нашими особыми идеями, с нашими коренными чувства-

ми». Критика национализма (в том числе и русского национализма) присутствует в целом ряде работ Леонтьева. В наиболее концентрированной форме она содержится в статье «Национальная политика как орудие всемирной революции» (1888), вызвавшей полемику с Петром Евгеньевичем Астафьевым¹².

Для Леонтьева «движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации»¹³. Леонтьевский антинационализм вызывал и вызывает до сих пор самые противоречивые отзывы. В то время как одни вслед за А.А. Киреевым отлучали мыслителя от славянофильства, другие вслед за соратником П.Б. Струве Г. Мейером считали, что «... только один К. Леонтьев постигал у нас до глубины сущность имперской идеи, создавшей Россию». Леонтьев несомненно был более империалист, чем националист, и мыслил имперскими категориями, считая, что порой можно поступиться интересами нации во имя интересов государства. Отбросив славянофильский национализм, он дал имперской идее религиозно-философское обоснование¹⁴. К сожалению, как отмечает историк М.А. Емельянов-Лукьянчиков, сегодня «рефлексия славянского вопроса в работах Леонтьева со стороны самих славян развивается по самому худшему сценарию. Так, Милан Суботич (Институт философии и социальной теории Сербии) в своей работе «К.Н. Леонтьев и русская идея» на основании анализа той части взглядов ранних славянофилов и Н.Я. Данилевского, которая противоречит представлениям Леонтьева, приходит к выводу, что наследие Константина Николаевича есть пример «саморазрушения "русской идеи"». Речь идет о критике леонтьевской идеи «византизма», а «вырождение» русской идеи автор связывает ни больше ни меньше, как с отказом России от панславизма»¹⁵.

В начале XX века, особенно накануне и в ходе Первой мировой войны, панславистские идеи получили новое развитие. Не оформившись в четкую доктрину, они тем не менее будоражили умы русских мыслителей.

В этой связи нельзя не упомянуть ныне незаслуженно забытого историка и богослова Николая Петровича Аксакова (1848–1909). Тем, кто сегодня активно подвизается на модной ниве изучения русского консерватизма, его имя мало что скажет. В издании О.А. Платонова «Русский патриотизм» (М., 2003) ему посвящены всего 6 строчек (при этом перепутан год рождения), а в «Энциклопедии имперской традиции русской мысли» М.Б. Смолина (М., 2005) этот мыслитель отсутствует вовсе.

Книга Аксакова «Всеславянство» (1910 г.) была переиздана отнюдь не русскими сторонниками консервативной идеи, а украинскими националистами в 2004 г. в Киеве. Аксаков с сарказмом пишет, что «не нами и вообще не в России изобретенное, не русское, иностранное слово “панславизм” звучит «страшнее, чем “жупел”, “металл” и вся совокупность тому подобных ужасных слов»¹⁶. Аксаков одинаково отвергал союз и с Германией, и с Британией, считая, что «жизненные усилия» славян должны быть устремлены совсем к иному. А именно – «к выработке общеславянского политического идеала наряду с частными идеалами каждого из племен – общеславянского идеала, который давал бы возможность достигать искомой “гармонии в разнообразии”, примирял бы различные идеалы и вождения племен...»¹⁷. Следуя в русле славянофильской традиции, Н.П. Аксаков отмечал, что «славянский вопрос открыто признается всеми одним из самых существенных и жгучих вопросов нашего времени»¹⁸. Обращая внимание на необходимость «общеславянской программы», Аксаков писал о том, что усилиями одной лишь России славян не объединить, «это может совершиться только общественною, совокупною деятельностью всех славянских племен. Каждое племя, повторим это снова, должно внести свою лепту в общую всеславянскую сокровищницу, в дело разрешения всеславянской задачи, непременно политической и федерально-политической в самом заключении»¹⁹.

Характерно, что некоторые западные советологи заимствовали жупел панславизма и активно проводили в своих работах идею о реанимации панславистской программы во внешней политике И.В. Сталина. Так, американский исследователь Ханс Кон писал, что Данилевского и Сталина объединяла ненависть к «плутократическому духу Запада» и вера в особую миссию России в отношении остального мира. Учитывая, что книга Х. Кона вышла в США в 1955 г., можно объяснить проводимые в ней параллели между Н.Я. Данилевским и И.В. Сталиным духом времени. Впрочем, советские авторы, приписавшие Данилевскому «великодержавный шовинизм», были не менее субъективны.

Отзвуки панславистских идей можно обнаружить и на рубеже XX–XXI вв. В первую очередь, это связано с реакцией, которую вызвала в патриотически настроенных кругах югославская трагедия. С другой стороны, известный церковный деятель, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) полагал, что «панславизм стал для России “соблазном крови”, попыткой сделать национальный фактор опорой русского бытия... Их лозунг выглядел

как “Народность, Самодержавие, Православие”»²⁰. В нынешнем глобализирующемся мире идеи славянского единства носят в большей степени культурный, чем политический характер. И списывать эту идею со счетов еще рано.

В далеком прошлом и в стремительном настоящем консерваторов часто упрекали и продолжают упрекать в утопичности их мышления (есть даже определение – «консервативная утопия»²¹) и в том, что их концепции обращены в день вчерашний. На них навешиваются ярлыки: «ретроград», «мракобес», «противник прогресса», «ортодокс», «охранитель» и т.д. Отчасти приверженность традиции действительно заставляла настороженно относиться к всевозможным переменам, реформам и модернизациям²². Так же осторожно и внимательно пробует человек незнакомую пищу, а вдруг отравится. Кому-то это покажется непонятным и даже смешным в эпоху, когда прогресс стал «священной коровой». В то же время критики забывают, что никакие технические достижения, рост количества автомобилей на душу населения и т.п. не могут оправдать нравственных потерь.

Еще в конце XIX в. русские консерваторы одними из первых стали задумываться о цене прогресса и побочных последствиях модернизации. Наиболее яркого и страстного противника буржуазный прогресс нашел в лице философа К.Н. Леонтьева, не только отвергавшего его в теории, но и стремившегося отгородиться от него в повседневной жизни. «Образ вечно спешащего человека, горожанина, буржуа, стремящегося успеть сделать сто дел в один день – образ, столь характерный для культуры “пара и электричества”, был глубоко противен идеалам Леонтьева, всегда искавшего спокойной гармонии, стройного плана и единства целого. В сутолоке же большого города, который является подлинным символом культуры XIX века²³, нельзя найти никакого единства, ибо его жизнь есть точное воплощение идеалов личной свободы и независимости всех составляющих его частиц; то есть, говоря по существу, организованная анархия»²⁴.

Капитализм менял Россию. Обер-прокурор К.П. Победоносцев отмечал, что «с водворением свободы для труда и для всякой деятельности, с умножением и усовершенствованием всех способов ее и орудий открываются новые бесчисленные пути приобретения для безграничного умножения богатств, новые бесчисленные виды собственности с крепкими ее ограждениями, но вместе с тем открывается страшная непроходимая бездна между богатством, довольством, пресыщением немногих – и отчаянною нищетою массы

страдающих и погибающих от бессилия, бедности и невежества. Создаются общественные учреждения на помощь страждущим, во имя гражданского долга, во имя любви и жалости, но они бессильны наполнить эту бездну, которая растет и становится все грознее и грознее, отвечая на любовь раздражением и злобою отчаяния и похоти. Разрушены вековые узы исторически создавшегося рабства и уничтожено владычество человека над бесправными, подобными вещи, рабами; и вместе с тем создаются новые виды тяжкого экономического рабства, порождаемого самой свободой экономической деятельности, рабства безысходного, коему подвергаются массы из-за хлеба насущного. Создаются во имя свободы и равноправности новые усовершенствованные в конструкции виды правления, основанные на участии всех и каждого в выражении народной воли; но приводят к новому виду безответственной деспотической воли большинства, причем мерилom правды и самого права становится принадлежность к той или иной партии. И посреди всех этих усовершенствований порядка и бытия человеческого слышится вековой вопль бедного человека: «Боже милостивый! Где же Твоя правда!»²⁵. Модернизационные изменения грозили Империи потрясениями. Консерваторы в числе первых уловили подземные толчки грядущих революционных бурь. В 1903 г., встретившись с Д.С. Мережковским по поводу закрытия Религиозно-философских собраний, Победоносцев произнес фразу, отразившую ход его мыслей: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек»²⁶. В.В. Розанов передает это высказывание, которое слышал лично, давая ему свою оценку: «Россия – это бесконечный мир разнообразий, мир бесприютный и терпеливый, совершенно темный: а в темноте этой блуждают волки... дикое темное поле и среди него гуляет *лихой человек*...»²⁷.

– А когда так, – кончил он, – то ничего в России так не нужно, как *власть*; власть против этого лихого человека, который может сделать бед в нашей темноте и голодье пустынной.

И пальцы его огромно сжались, как бы хватая чего-то... эти... две кисти рук его, точно второе его лицо, столь же характерное, как и женственное белое, умное лицо!

– Хватай! Хватайте все! Иначе – все разбежится и, разбежавшись, убьется, разобьется!»²⁸.

Так ли уж ошибался Константин Петрович? Консервативным мыслителям вообще нет равных в плане критики негативных последствий модернизационных изменений. Их скептический ум точно выявляет не только политические или экономические болевые

точки, но даже экологические последствия и негативные стороны урбанизации²⁹.

Но видеть в консервативном наследии только «якорь» и «тормоз» было бы ошибочно и вредно. Нельзя человеку все время спать или бодрствовать. Государству и обществу тоже необходимо разумное сочетание движения вперед и приостановки (но не застоя), традиции и модернизации, охранения и развития. Неслучайно в политическом лексиконе появилось и даже стало популярным словосочетание «консервативная модернизация». Причина понятна: попытки моделирования будущих сценариев развития России в рамках противопоставления понятий «традиция – модернизация» и «либерализм – консерватизм» оказались не очень эффективными.

Возникает ряд вопросов. Какую же именно традицию (традиции) мы сохраняем (охраняем)? Каковы пределы уступок, которые традиция может делать всевозможным веяниям времени? С точки зрения крайних консерваторов, эти уступки должны быть минимальными. Есть, например, люди, которые даже в личной жизни продолжают использовать дореволюционную орфографию, отмечать Новый год «по старому стилю», не принимают ИНН и т.д. Для них характерно эсхатологическое восприятие реальности, трактовка политических событий через религиозную призму, идеализированная оценка прошлого и противопоставление его «порочному» настоящему и прочее. Но о крайностях мы писать не будем, ибо это тема специального исследования.

Многие консервативные мыслители отмечали двойственность прогресса и технических достижений, но это не означало, что они мечтают о допетровских нравах. На необходимость заимствования с Запада технических достижений для укрепления обороны России обращал внимание Н.Я. Данилевский, который на основании этого оправдывал проведенную Петром I техническую модернизацию, не отрицая вместе с тем и негативный (по его мнению) антирелигиозный и антитрадиционалистский характер петровских преобразований. Консерваторы и в своей критике были реалистами. «Капитализм – самое страшное, что выдвинуло последнее полувековье... На капитал мечут громы, и он действительно похож на колесницу Джагернаута. Под колесницей его, под миллионом фабричных колес, выжимаются действительно соки народные», – рассуждал М.О. Меншиков, признавая, что «капитализм пока единственное средство спасти человечество от анархии»³⁰.

Речь не о том, чтобы отгородиться от Европы, вернуться в до-реформенное состояние или бегать «с топором» за паровозом. Пре-

словутый паровоз, о котором речь пойдет ниже, скорее был олицетворением эпохи³¹, когда, по мнению Леонтьева, «все низшее поднималось, все высшее – принижалось. Цензура была слишком снисходительна... Железные дороги усилили по всей России движение и быстрый обмен на западный лад. *Капитализм* впервые дал почувствовать свою всепожирающую силу»³². Специалистам хорошо известна работа Леонтьева «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения», написанная в 1885 году. Приводя сокращенный текст статьи епископа, Леонтьев восклицал: «Я мечтал лишь о сухости, о холодности отношения иерарха к триумфам механики – и встретил неожиданно карающие громы! Для *понимающего*, для человека хоть сколько-нибудь дальновидного это поучение страшно... в своей ученой и ораторской силе. Это луч божественного света в сатанинском хаосе индустриального космополитизма и современного вавилонского *всесмешения*»³³. Епископ Никанор начинает статью с того, что «явный вред и ясно предвидимая опасность быстрых путей сообщения заключаются в том, что мы скоро живем и торопимся жить. Быстрые современные сообщения развивают до неимоверности ту быстроту, с какою мы несемся неведомо куда, опасно, как бы не в бездну. Излишняя быстрота всегда и везде опасна»³⁴. Далее пишется об уничтожении лесов, истощении природных запасов и том вреде, который наносится природе и человеку развитием техники («истощение благотворных для человека сил вещественных увеличением быстроты передвижений очевидно»³⁵). Л.А. Зандер, трактуя позицию Леонтьева, приходит к выводу, что «экспресс, бешено несущийся в погоне за какими-то неизвестными благами, является здесь только символом всей нашей “культурной” жизни, которая как будто поставила себе единственной целью преодоление пространства, обрекла ему в жертву и “непроходимые лесные чащи с их тысячеголосой восхитительной песнью хвалы Богу”, и наивную простоту сельского населения, с прокладкой железных дорог неизбежно становящегося городскими рабочими и теряющего всю поэзию национального быта и дедовского уклада жизни... Однако скорое и легкое передвижение не является только символом современной жизни. Воплощаясь в социальные, экономические и политические формы, оно создает новый строй, новый быт, неизменно разлагающий старые организмы. Особенно ярко проявляется это перерождение быта в сфере экономической, где новый порядок явился причиной того строя, который называют капитализмом... В результате же всех этих изменений мы стоим перед картиной ве-

личайшего однообразия, серости, скуки и пошлости»³⁶. Есть и иная точка зрения: «По сути дела Леонтьев предложил альтернативный путь развития капитализма в России... Это был путь быстрого индустриально-милитаристического роста страны, сохранявший и даже укреплявший в то же время неограниченную авторитарную монархию»³⁷.

Масштабное железнодорожное строительство, но уже по другим причинам, критиковал и генерал А.Д. Нечволодов. По его мнению, сильное развитие капиталистической промышленности в середине XIX в. явилось результатом накопления в руках банкиров после войн Российской империи огромных запасов денег, а также результатом развития техники и признания всеми, «согласно новейших экономических учений», могучим орудием прогресса принципа разделения труда. Это развитие вызвало всеобщий переход от натурального хозяйства к денежному. Поэтому из-за состоявшегося повсеместного «проложения железных дорог и телеграфов» появилась возможность значительно умножить обороты, что послужило обогащению владельцев капиталов, так как займы денег государствами и частными лицами все учащались и увеличивались в своем размере. Нечволодов полагал, что развернувшееся в России железнодорожное строительство служит интересам иностранцев³⁸, поскольку «достраиваются лишь прежде начатые линии; новые же дороги, даже самые необходимые в экономическом отношении, вовсе не строятся или предположены к отдаче в постройку и эксплуатацию иностранному капиталу»³⁹.

Леонтьев неоднократно затрагивал и тему неоднозначности прогресса в науке: «Однородное буржуазное человечество... дошедшее путем всеобщей, всемирной однородной цивилизации до такого же однообразия, в котором находятся дикие племена, – такое человечество или задохнется от рациональной тоски и начнет принимать искусственные меры к вымиранию (например, могут только приучить всех женщин перед совокуплением впрыскивать известные жидкости, и они все перестанут рожать...) ... или от неосторожного и смелого обращения с химией и физикой люди, увлеченные оргией изобретений и открытий, сделают наконец такую исполнинскую физическую ошибку, что и “воздух как свиток советов”, и “сами они начнут гибнуть тысячами”⁴⁰». При жизни мыслителя эти прогнозы казались преувеличением, но в голове современного читателя они вызывают мысли о различных экспериментах с химическим, бактериологическим и ядерным оружием. И здесь консерваторы оказались правы!

За два года до начала Первой мировой войны правый публицист Виктор Строганов предупреждал, что новые технические достижения («новейшие способы истребления») коренным образом изменят сам характер войны и «новые войны будут лишены всякой декоративности, смерть утратит свою героическую красоту, наоборот, по своей внезапности и громадному количеству жертв она будет казаться стихийным бедствием, против которого бессильны все человеческие усилия. И что ужаснее всего – эта смерть будет угрожать армии непрерывно, каждую секунду, не только со стороны видимого, хотя бы при помощи дальних разведок, врага, но и невидимого с небесной выси»⁴¹. Поразительно, до чего это схоже с мыслями из работы Георга Фридриха Юнгера «Совершенство техники», написанной в 1939 году: «Войну стали вести посредством машин ... 1914 год знаменует собой прощание с прошлым, а тяжесть и глубина происшедшего разрыва будет ощущаться еще долгое время. Военные траншеи поставили горькую цезуру, отметившую смену эпох. Испытанная от этого боль подсказывала человеку, что он потерпел субстанциальный ущерб. Субстанциальных же приобретений он еще не успел почувствовать. Отличительная особенность этой войны, делающая ее непохожей на все предшествующие, состоит в том, что она имеет характер рабочего процесса. Мало того что в нее вложено огромное количество тяжелого, черного, самоотверженного труда, но сама война становится работой, и этот военный труд составляет ее определяющее качество. Солдаты превращаются в рабочих; это превращение было неизбежно, когда войну начали вести механическими средствами. Поля сражений становятся похожи на индустриальные ландшафты после мощного взрыва, они похожи на фабричные цеха, заваленные беспорядочными грудями разбитой техники. Исчезла со сцены блестящая красота роскошных мундиров, как исчезли сверкающие металлическими украшениями кавалерийские полки вместе с барабанами, литаврами и трубами, под аккомпанемент которых велись сражения. Знамя перестало быть символом сражающихся частей, и была отменена шпага как символическое оружие офицера. Хотя поначалу ее еще полагалось иметь, но как неудобный предмет она все чаще оставалась в багаже. Военное дело вообще избавляется от символики, а вместе с символикой и от украшений, которые придавали войне и военным видимость переизбытка жизненных сил. Военное обмундирование и оружие, изготавливаемые на конвейере, уже не могут служить украшением. Нынешний солдат носит неказистую форму, похожую на рабочую робу, и амуницию, напоминающую рабочее снаряжение»⁴².

В критике прогресса правые, как оказалось, заглянули на годы вперед, выявив оборотную, негативную сторону научно-технической модернизации и поставив вопрос об ответственности человека перед природой и другими людьми. «Материальный прогресс неминуемо оборачивался потерей духовности»⁴³. М.О. Меньшиков, обращаясь к новым изобретениям (в частности, беспроводной связи), приходил к неожиданным выводам: «Стремясь все к большему и большему сближению, не подвергаем ли мы самое существо жизни опасности уничтожения, слияния в безразличном “все”? ... Поразительно, что чем больше строится железных дорог, чем гуще сеть почтовых путей, телеграфов, телефонов, тем чувство душевной близости среди людей исчезает. В каком-то важном отношении все становится далеким; какая-то тонкая отчужденность – как в разговоре людей, вдруг почувствовавших, что они неприятны друг другу, – устанавливается в том обществе, которое особенно сближено и особенно интеллектуально»⁴⁴. Впоследствии, анализируя причины крушения Российской империи, публицист особо отметил, что «мы не достаточно оцениваем появление в нашей жизни ... железных и медных демонов-машин ... великие изобретения создали безграничный мир глухонемых и мертвых рабов – машин, которые в состоянии весь род людской сделать олимпийцами»⁴⁵. Меньшиков писал: «Мне иногда кажется, что мир на земле при некотором разъединении был обеспечен больше, чем при теперешнем чрезмерном сближении... Все стало всем доступно. Все потянулись искать лучшего, все стали своим недовольны»⁴⁶. О том, что сближение народов и людей, как и новые научные достижения, имеет негативную сторону, писал незадолго до Первой мировой войны Строганов: «Та же наука, обогатившая человечество изумительными открытиями и изобретениями, работает и над усовершенствованными средствами массового уничтожения людей. Те же экономические интересы, способствующие сближению народов, создают с другой стороны и новые поводы для столкновений. Международная политическая арена все более расширяется, перекинувшись из маленькой Европы в Азию и Африку»⁴⁷.

Консервативно-религиозный взгляд на мир связывает экологические проблемы, которые появляются в процессе развития науки и техники, с нравственными вопросами, и слова епископа Никанора об оборотной стороне прогресса и технической модернизации начинают звучать актуально для нашего времени: «Опасно, как бы земля не стала скоро походить на всемирный паутинник»⁴⁸, который опутывает весь земной шар, в котором плавает только отошлалый все-

ядный человек, как голодный паук, не имый кого и что поглотити, так как сам же он пожрал, побил, истерзал все живое на поверхности всей земли»⁴⁹.

При всем скепсисе русские консерваторы все же пытались найти компромисс с происходившими в стране переменами и предложить систему мер для перехода к новым социально-экономическим отношениям; создать на прочном «фундаменте» охранительной традиции новую идеологию, которая должна была противостоять радикальным и экстремистским взглядам. Но сам «фундамент» монархической государственности уже стремительно покрывался трещинами, что в полной мере проявилось после начала Первой мировой войны.

¹ Багдасарян В.Э. Панславизм // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия* / Отв. ред. В.В. Журавлев, отв. секретарь А.В. Репников. М., 2005. С. 381.

² См.: *Славянский вопрос: вехи истории: Светлой памяти В.А. Дьякова посвящается*. М., 1997.

³ Грот К. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе (из 40-х годов XIX столетия). СПб., 1904; Максимович Г.А. Учение первых славянофилов. Киев, 1907; Зайончковский П.А. Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1959; Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // *Славяно-германские культурные связи и отношения*. М., 1969; *Славянские съезды, XIX–XX вв.* М., 1994; *Славянское движение XIX–XX веков: съезды, конгрессы*. М., 1998; Майорова О. Славянский съезд 1867 года: метафизика торжества // *Новое литературное обозрение*. 2001. № 51 и др.

⁴ См.: *Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года*. М., 1867; Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / Составители, авторы вступительной статьи и комментариев А.В. Репников, М.А. Емельянов-Лукьянчиков. М., 2010; Ламанский В.И. Об изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871; *Он же*. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. СПб., 1859; *Он же*. Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб., 1865; *Историко-политические письма и записки М. Погодина*. М., 1874 и др.

⁵ Пытин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. М., 2002. С. 1.

⁶ См.: Бутаков Я.А. М.П. Погодин // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия*. С. 413–414.

⁷ Шириняни А.А. В.И. Ламанский // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия*. С. 248–249. См. также: Лан-

тева Л.П. В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX–XX веков // *Славянский вопрос: вехи истории*. С. 118–129.

⁸ Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003; *Он же*. 60 лет Кавказской войны; *Письма с Кавказа; Записки о кавказских делах*. М., 2007.

⁹ Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.

¹⁰ На полях сражений Скобелев боролся не только за Россию, но и за идею «вольного союза славянских племен». В этом союзе славянских племен должна была быть полная автономия при общем войске, денежной и таможенной системе. В остальном – «живи, как хочешь, и управляйся внутри у себя, как можешь». Заглядывая в будущее, М.Д. Скобелев предполагал, что если Россия не сможет объединить славян, то при первом же «спорном вопросе славяне южные пойдут против северных и будет эта братоубийственная война торжеством всякой немецкой челяди». Он был против национального изоляционизма, утверждая, что «заклучившись в узкие пределы только русского племени, мы потеряем все свое значение» // *Заветы Скобелева* (Из книги В.А. Апушкина Скобелев о немцах. Его заветы славянству. Пг., 1914) // *Московский журнал*. 1993. № 9. С. 4–5.

¹¹ К 150-летию со дня рождения М.Д. Скобелева «Московский журнал» опубликовал подборку материалов (*Московский журнал*. 1993. № 9. С. 3–17). См. также: Костин Б.А. Скобелев. М., 1990 (впоследствии вышло переиздание этой книги в серии «Жизнь замечательных людей»); Генерал Скобелев / Составитель Р.Г. Гагкуев. 2-е издание, исправленное и дополненное. М., 2013.

¹² См. современную критику позиции К.Н. Леонтьева: Ильин Н.П. Воспоминание о будущем // *Философская культура*. СПб., № 2. Июль–декабрь 2005. С. 137–144.

¹³ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / Общая редакция, составление и комментарии Г.Б. Кремнева; вступительная статья и комментарии В.И. Косика. М., 1996. С. 513.

¹⁴ Проблема принадлежности К.Н. Леонтьева к славянофильству затрагивалась в советской и российской историографии. См.: Дьяков В.А. Славянофильский вопрос в пореформенной России (1861–1895 гг.) // *Вопросы истории*. 1986. № 1; Косик В.И. К.Н. Леонтьев: реакционер, пророк? // *Советское славяноведение*. 1991. № 3; Дамье Н.В. К.Н. Леонтьев и классическое славянофильство // *Кентавр*. 1994. № 1; Емельянов-Лукьянчиков М.А. Концепция «племенизма» К.Н. Леонтьева в цивилизационной историософии XIX–XX веков // *Вопросы истории*. 2004. № 9; Усманов С.М. Как нам подморозить Россию, или Об антикризисном потенциале наследия Константина Леонтьева // *Бесконечная равни-*

на: антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры (сборник научных трудов). Шуя, 2010.

¹⁵ *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Концепция исторического развития в наследии русских и европейских основателей цивилизационного подхода. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2006. С. 43.

¹⁶ *Аксаков Н.П.* Всеславянство. Киев, 2004.

¹⁷ Там же. С. 160–161.

¹⁸ Там же. С. 23–24.

¹⁹ Там же. С. 166.

²⁰ *Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн.* Русская симфония. СПб., 2002. С. 250; 251.

²¹ Характерно, что о консервативной и революционной утопии в современной России пишут, а вот про либеральную утопию читать не приходилось.

²² Это было свойственно не только консерваторам. См.: *Энгельгардт М.А.* Прогресс как эволюция жестокости. Новосибирск, 2006.

²³ Добавлю от себя: а также века XX и XXI.

²⁴ *Зандер Л.[А.]* К. Леонтьев о прогрессе // Отдельный оттиск из № 5–7 журнала «Русское обозрение» за 1921 г. Пекин, 1921. С. 27. Сравните: «Консерватор, в представлении которого старый, веками существовавший порядок есть нечто, освященное свыше, поддерживающее само бытие мира, не может не относиться к индустриализации как к явлению подозрительному, прежде всего, с позиции онтологии. Он ощущает некое зло, скрытое в сущности индустриального развития, символически выражающего греховное стремление “вернуться” к первозданному хаосу. Разумеется, фиксация подобного символизма происходит, в большей степени, бессознательно и далеко не всегда носит категоричный характер. “Абсолютных” противников прогресса немного и они составляют особую прослойку даже в правом движении» // *Елисеев А.В.* Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1997. С. 68.

²⁵ *Победоносцев К.П.* Избранное / Составитель, автор вступительной статьи и комментариев А.В. Репников. М., 2010. С. 473–474.

²⁶ *Гиттиус З.Н.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 230–231.

²⁷ Здесь и далее в цитатах курсив оригинала.

²⁸ *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 529. 530.

²⁹ О негативном влиянии мегаполиса на религиозность и нравственность неоднократно писал М.О. Меньшиков. Близость этих взглядов к народническим концепциям раскрыта в работе: *Зверев Н.В.* Общественно-политические взгляды М.О. Меньшикова (1885–1900 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2013. Автореферат диссертации размещен в Интернете, URL: http://vk.com/doc-603929_228525860?hash=58b1635224fdf9340b&dl=b7f94c95f93370d026. Сравните это с наблюдением Н.Я. Данилевского, отмечавшего, что в жителях больших городов, «где общественные отношения так многосложны, где человек всегда и везде окружен делами рук своих, где само небо является ему не в виде всеобъемлющего, сверкающего лазурью или живописно-разбросанными облаками купола, а в виде каких-то сферических треугольников и четверугольников», развивается препятствующее глубокому общению с природой «резкое чувство индивидуальной исключительности» // Цит. по: *Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997. С. 24. Подробно эта тема рассматривается в нашей монографии: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

³⁰ *Меньшиков М.О.* Национальная империя. М., 2004. С. 211.

³¹ Перекинем мостик в современность, вспомнив известный фильм «Поезд – беглец». Режиссер фильма Андрей Кончаловский, написавший сценарий вместе с Акирой Курасавой, поясняет, что поезд – «это символ того, что вы хотите видеть за этим символом... Он может быть символом нашей цивилизации, вышедшей из-под контроля человека, потому что никто не в силах остановить этот бег. Нам хотелось показать поезд в образе некоего доисторического существа...» // *Кроун Р.* Поезд – беглец. М., 1993. С. 429.

³² *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство... С. 611.

³³ *Леонтьев К.Н.* Избранное. С. 491.

³⁴ Там же. С. 491.

³⁵ Там же. С. 495.

³⁶ *Зандер Л.[А.]* К. Леонтьев о прогрессе. С. 28.

³⁷ *Янов А.Л.* Славянофилы и Константин Леонтьев (Буржуазный миф о «пророчестве Константина Леонтьева» и русская консервативная мысль XIX столетия). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1970. С. 17.

³⁸ О том, что массовое строительство железных дорог и их эксплуатация во избежание злоупотреблений должны находиться под строжайшим контролем со стороны государства, писал и неославянофил А.В. Васильев.

³⁹ *Нечволодов А.Д.* Русские деньги. Из журнала «Море». СПб., 1907. С. 21–22.

⁴⁰ Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854–1891) / Публикация, предисловие и комментарии Д.В. Соловьева. Вступительная статья С. Носова. СПб., 1993. С. 438.

⁴¹ Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи / Вступ. ст. Е.С. Троицкого М., 1997. С. 76. См. рассуждения современного исследователя: Казаринов О.И. Неизвестные лики войны. Между жизнью и смертью. М., 2005. С. 3–33.

⁴² Юнгер Ф.–Г. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб., 2002. С. 250–251. См. также: Ильин В.Н. Под знаком диалектики. Прогресс техники, кризис марксизма и проблемы децентрализации материальной культуры // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. 7. [Париж], 1931. С. 135–145.

⁴³ Степанов С.А. Черная сотня. М., 2005. С. 16.

⁴⁴ Меньшиков М.О. Письма к близким // Страницы минувшего. Сборник: Очерки. М., 1991. С. 58, 59. Схожие мысли высказывал И.И. Дусинский: «Чем дальше идет культурное развитие человечества, чем выше и совершеннее становится техника, тем менее океаны разъединяют разбросанные по их поверхности части суши и тем более связывают их тысячью незримых, но прочных и неразрывных нитей» // Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003. С. 143–144.

⁴⁵ Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX века). Вып. IV. М.О. Меньшиков. Материалы к биографии / Публикация М.Б. Поспелова. М., 1993. С. 22.

⁴⁶ Меньшиков М.О. Письма к близким // Страницы минувшего. С. 62.

⁴⁷ Строганов В. Русский национализм, его сущность, история и задачи. С. 30–31.

⁴⁸ Это было написано задолго до появления Интернета, за которым прочно закрепилось название «всемирной паутины».

⁴⁹ Зандер Л.А. К. Леонтьев о прогрессе. С. 399.

И.Н. ГРЕБЕНКИН
(Рязань)

РУССКИЙ ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС В ЭПОХУ РЕФОРМ

Офицерский корпус российской армии относился к тем социальным группам, которые в результате реформ второй половины XIX века должны были претерпеть наибольшие изменения. Одна из центральных реформ – военная – ставила в числе важнейших своих целей превращение офицерского корпуса в профессиональную группу, в основе отбора которой лежали бы исключительно профессиональная подготовка и профессиональные качества.

По мысли главного идеолога реформы, военного министра, генерала Д.А. Милютина, путь к офицерской карьере лежал через получение специального образования, которое было бы доступным для молодых людей, имеющих общее среднее образование и сознательно избравших военную службу как будущую профессию. В записке, посвященной состоянию и перспективам развития военно-учебных заведений, Милютин писал: «Первоначальный материал для формирования офицеров должны составлять юнкера, принимаемые на службу по окончании домашнего воспитания или в каком-либо гражданском заведении и выдержавшие экзамен из общих наук не ниже гимназического курса. Затем само подготовление к офицерскому званию должно состоять в практическом ознакомлении юнкеров со всеми требованиями и условиями военной службы при самих войсках и вместе с тем в приобретении необходимых для офицера научных военных сведений в особых юнкерских училищах»¹.

Предложенная министром схема подготовки офицеров была в основном реализована в пореформенные десятилетия и к началу XX в. выглядела следующим образом: молодые люди, получившие общее среднее образование в гимназии, реальном училище или кадетском корпусе, поступали в военное училище, дававшее специальное военное образование. В дальнейшем офицер при наличии необходимых данных мог пройти курс специальной офицерской школы либо получить высшее военное образование, окончив одну из военных академий. До 1911 г. продолжали существовать юнкерские училища, контингент которых составляли лица с неполным средним образованием, преимущественно недворянского происхождения. Постепенным переводом на военно-училищные курсы они были реформированы в военные училища, однако их вклад

в подготовку офицеров для российской армии в предшествующие десятилетия был весьма велик. Особое место в системе военных учебных заведений занимал Пажеский корпус, критерием отбора учащихся для которого являлось служебное и, соответственно, сословное положение предков. Его выпускники имели право выбора места службы и в подавляющем большинстве направлялись в гвардию.

Мероприятия властей и военной администрации, направленные на формирование системы подготовки офицерских кадров, постепенно давали положительные результаты. К началу XX в., в среднем, по российской армии до 90% офицеров имели за плечами курс военного или юнкерского училища. Доля специалистов с высшим военным образованием в среде офицерства оставалась незначительной и достигала лишь 6–7%, а среди генералитета едва превышала половину². Объективно, на фоне 75% малограмотного и неграмотного населения дореволюционной России офицерство относилось к наиболее образованной и культурной его категории. Именно это обстоятельство явилось основой бытующего в общественном сознании и по настоящее время представления об офицере царской армии как о непременно высококультурном и высокообразованном типе. Представление такое, без сомнения, обосновано в отношении небольшой части столичной военной интеллигенции и гвардейской элиты. Для основной массы армейского офицерства задачи и характер службы, условия жизни, проходившей в провинциальных городках и периферийных гарнизонах, далеко не всегда оставляли возможности для культурного роста и способствовали формированию офицера-интеллигента.

Тем не менее, хотя образовательный уровень офицеров младшего и среднего звена приближался к оптимальному, комплектование командного состава неизменно сталкивалось с рядом проблем. Первая целиком была связана с положением в области образования широких масс населения России. В течение пореформенных десятилетий военному министерству не удавалось обеспечивать набор в военные учебные заведения лиц с законченным средним образованием даже с учетом того, что треть принимаемых составляли выпускники кадетских корпусов. Одновременно трудности с отбором будущих офицеров говорили о далеко неоднозначном отношении к армии и военной службе среди различных слоев общества. Эти обстоятельства отмечал во всеподданнейшем докладе за 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин: «С течением времени комплектование офицерского корпуса все более затрудняется. С открытием

большого числа новых путей для деятельности лиц энергичных, образованных и знающих в армию идут наряду с людьми, имеющими призвание к военной службе, также неудачники, которым не повезло на других дорогах»³. Тревога, звучащая в словах министра, имела все основания, так как за ней стояли общественные представления о престижности профессии офицера. Участник Первой мировой войны, офицер Генерального штаба Б.Н. Сергеевский вспоминал: «В 1901 г. я кончал гимназию в Петербурге, кончал хорошо, с медалью. Заявил о желании поступить в военное училище. Все преподаватели меня отговаривали; дважды вызывался я на квартиру директора для убеждения отказаться от моего “некультурного” желания... Воинская повинность рассматривалась как что-то дикое, неприемлемое для культурного человека. Это была не почетная обязанность, а тяжелая кара, почти каторга. Так уверяли наши либералы, так часто думал простолюдин, и, что всего удивительнее, – соответственно поступало и правительство»⁴.

Этими обстоятельствами, в частности, была обусловлена и проблема создания офицерского резерва. Анализируя ситуацию в этой сфере, известный военный специалист и социолог русского зарубежья генерал Н.Н. Головин отмечал, что соответствующие российские законы не обеспечили выполнения этой задачи ни в военном, ни в общественном смысле, так как устраняли образованную часть населения от участия в провозглашаемом священным долгом каждого гражданина деле защиты Отечества. «Вопрос о подготовке запасного офицерства был в России поставлен хуже, чем где бы то ни было, – можно еще раз убедиться, что наше военное ведомство готовило скорее профессиональную армию, а не профессиональные кадры для вооруженного народа»⁵. Система подготовки офицерского резерва в России фактически отсутствовала и подменялась лишь *возможностью* получения чина офицера запаса для ограниченных групп военнообязанного населения.

Закономерным последствием военной реформы 1860–70-х гг. должна была стать демократизация офицерского корпуса, под которой понимался отказ от сословных ограничений при его комплектовании. Однако именно эта цель оказалась наиболее труднореализуемой. Существующие статистические сведения позволяют судить, что доля выходцев из потомственных дворян среди обозначенных категорий офицеров почти за 50 пореформенных лет (с 1864 по 1912 г.) фактически оставалась неизменной: среди генералов – 85–90%; среди штаб-офицеров – около 70%; среди обер-офицеров – 45–50%; в целом же по офицерскому корпусу – 50–55%⁶. Такая стабиль-

ная доля одного сословия внутри относительно немногочисленной профессиональной категории никак не отражала места дворянства в сословной структуре российского общества: на начало XX века оно не превышало 1,5% от населения страны. Не менее контрастировал сословный облик офицерства и с социальной структурой нижних чинов армии, которые более чем на 90% были представлены крестьянами, рабочими и ремесленниками. Столь разительные различия, естественно, разобщали офицерский корпус с солдатской массой, противопоставляли их в плане психологическом, культурном, ценностном.

Расширению доступа в офицерскую среду представителей широких слоев населения препятствовало положение в области образования, доступ к которому в значительной мере определялся достатком и положением в социальной иерархии. Сужали социальную базу офицерства сословные предрассудки и стереотипы, свойственные российскому обществу того времени. Наконец, кадровая политика в армии не была свободна от сословных представлений высших военных и правящих кругов.

Офицерский корпус как сообщество отличался высокой степенью фрагментированности, отражавшей неоднородность, характерную для российского общества в целом. Существенно различалась сословная картина для офицерского состава различных родов войск. В самом массовом из них – армейской пехоте – потомственных дворян было только 39,6%, в кавалерии – 66,7%, в артиллерии – 74,4%, в инженерных войсках – 66,1%. Таким образом, доля офицеров-дворян заметно выше была в тех родах войск и частях, где служба отличалась большей престижностью и обещала более быструю карьеру. На вершине офицерской иерархии находились элитные группы – офицеры гвардии и Генерального штаба, отличавшиеся от массы армейского офицерства характером и перспективами службы. В гвардии доля офицеров-дворян была еще выше, чем в среднем по армии: в кавалерии – 96,3%, в пехоте – 90,5%, в артиллерии – 88,7%. Именно в полках лейб-гвардии традиционно несли службу представители наиболее знатных и богатых дворянских фамилий.

Наиболее верным средством к успешной карьере для офицеров со скромным происхождением являлось прохождение курса военной академии, главным образом Академии Генерального штаба. Основным критерием отбора для новой военной элиты – службы Генерального штаба – являлись профессиональные качества и способности, проявленные в период обучения в академии, что закономерно отодвигало на второй план вопросы происхождения

и состоятельности. По этой причине среди офицеров службы Генерального штаба численность дворян к началу XX в. была даже несколько ниже общеармейского уровня – в среднем в пределах 40%⁷. Однако даже высшее военное образование не было безоговорочным условием успешной военной карьеры. Современник вспоминал: «Ни одна из военных академий не давала своим питомцам прав на головокружительную карьеру. Пожалуй, даже и пресловутая академия Генерального штаба. Если же из числа питомцев последней и попадались лица, вознесенные судьбою с течением лет на высокие ступени военной или военно-административной лестницы, то исключительно только из числа офицеров гвардии... Кто станет отрицать, что заведомо неспособный, абсолютно не успевший в науках гвардейский гусар граф С. был выпущен в Генеральный штаб только благодаря его графскому титулу и пестрому мундиру Гродненского полка?»⁸. К сожалению, не были исключением и противоположные случаи, когда офицеры, показавшие выдающиеся профессиональные данные и успехи в учебе, не получали соответствующей оценки и продвижения по службе. Примерами тому можно считать судьбы выпускников Академии Генерального штаба К.Л. Гильчевского, В.И. Селивачева, А.И. Деникина и многих других. В силу этих обстоятельств типичными внутри офицерского корпуса являлись отношения розни между армией и гвардией, представителями разных родов войск, дворянскими «верхами» и демократичными «низами», соперничество среди выходцев из гвардии и Генерального штаба в кругах генералитета.

В течение пореформенного периода не сложился порядок, при котором уровень подготовки офицера и его профессиональные качества являлись бы ведущими критериями для выдвижения на высокие командные посты. Определяющим в системе чинопроизводства оставался принцип старшинства, который, по мнению современников, негативно влиял на отбор командных кадров вплоть до начала Первой мировой войны. Генерал А.С. Лукомский, возглавлявший в предвоенные годы мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба, отмечал: «*Выдвижение достойнейших* – было при нашей системе почти невозможно. Принцип старшинства ... убил выдвижение вперед талантливых. За время войны это мы сильно ощущали, и много талантливых людей осталось в тени и не получило возможности выдвинуться на первые места, в то время когда *старшие*, командовавшие корпусами, а иногда и выше, были по своим качествам ниже среднего»⁹. В случаях, когда в силу тех или иных причин офицеру удавалось быстрее продвигаться по служеб-

ной лестнице, его достижения вызывали недоверие и раздражение менее удачливых сослуживцев и старших начальников.

Для дореволюционной России достаточно характерной была ситуация, когда различные общественные группы и слои по тем или иным причинам оказывались изолированными в особом этическом и даже правовом поле. Обособленности офицерской корпорации от остальной части общества наряду со спецификой профессиональной деятельности способствовала определенная система этических норм и ценностей, тщательно культивируемая в среде офицерства и сохранявшаяся как в виде традиций, так и в форме кодифицированных дисциплинарных требований.

Центральное место в системе этих норм принадлежало категории офицерской чести, понимаемой как особый нравственный статус, отличающий офицера от прочих, в первую очередь, гражданских лиц. Данный неписанный кодекс устанавливал отношения высокой взаимной ответственности каждого офицера перед обществом и, наоборот, – всей корпорации за каждого своего члена. Он требовал от офицеров соблюдения отношений товарищества, взаимовыручки, солидарности в отстаивании чести мундира, в свою очередь, недопустимыми считались злословие, сплетни, доноительство, а также разглашение фактов, имевших место и касавшихся жизни офицерской среды¹⁰. Ощущение собственной исключительности начинало прививаться будущим офицерам с первых дней обучения в военно-учебных заведениях – кадетских корпусах, юнкерских и военных училищах. Совершенно логичным обоснованием общественной исключительности офицерства служило их высокое предназначение – защита Отечества с оружием в руках, предводительство войска. Офицер – вооруженный защитник Отечества – должен был являться носителем высоких нравственных качеств. Уже среди кадет и юнкеров особенно нетерпимыми считались любые проявления нечестности, угодничество перед начальством, предательство.

Реальная жизнь вносила поправки в понимание кодекса чести будущими офицерами. А.И. Деникин, в 1890–1892 гг. обучавшийся Киевском юнкерском училище, так пояснял их: «Обман, вообще и в частности наносящий кому-либо вред, считался нечестным. Но обманывать учителя на репетиции или экзамене разрешалось. Самовольная отлучка или рукопашный бой с «вольными» ... вообще действия, где проявлены были удаль и отсутствие страха ответственности, встречали полное одобрение в юнкерской среде... Особенно крепко держалась традиция товарищества, в особенности в одном

ее проявлении – «не выдавать». Когда один из моих товарищей побил сильно доносчика и был за это переведен в «третий разряд», не только товарищи, но некоторые начальники старались выручить его из беды, а побитого преследовали»¹¹. Доблесть недоноительства фактически могла входить в противоречие с требованиями подчинения старшим и соблюдением воинской дисциплины, однако существуют многочисленные свидетельства о его более или менее явном поощрении начальниками, что, по их мнению, должно было служить воспитанию у будущих офицеров корпоративной спайки¹². Таким образом, уже на этапе формирования будущих офицеров закладывалась иерархия ценностей, в которой над формальными со всей очевидностью превалировали групповые, неписанные, зачастую плохо сочетавшиеся с официально прокламируемыми.

Личность и достоинство офицера, являвшегося служителем государства и в известной мере символом государственности, пользовались полной неприкосновенностью. Даже подсудность по гражданским и уголовным делам наступала в отношении офицера только после лишения его чина. В противном случае он не мог подвергнуться задержанию или преследованию на общих основаниях. Недопустимым являлось любое физическое воздействие в отношении офицера, свою безопасность и достоинство он имел право отстаивать силой оружия. Нанесение офицеру оскорбления действием, побоев и т.п. считалось непоправимым ущербом офицерской чести, несовместимым с офицерским званием. Офицер, не сумевший ответить на оскорбление, будь то ссора в своей среде или нападение уголовников, вынужден был подать в отставку и покинуть службу. В случае, если впоследствии офицеру удавалось восстановиться на службе, подобный факт в его прошлом мог препятствовать успешной карьере¹³.

Подобное особое положение офицерства получало и соответствующее правовое подкрепление. В качестве средства разрешения конфликтов, возникавших между офицерами, специальным законом от 20 мая 1894 г. были узаконены дуэли (с 1897 г. были разрешены дуэли офицеров с гражданскими лицами). Особый приказ по военному ведомству давал право офицерским судам удалять из полка офицера, который при поединке «обнаружил старание соблюсти лишь форму». Закон о дуэлях был негативно встречен общественностью и далеко неоднозначно воспринят в военной среде. Известный военачальник и военный теоретик генерал М.И. Драгомиров неоднократно осуждал его, указывая на неприемлемость двойного стандарта в законодательстве¹⁴.

Жизнь и служба офицера регламентировались не только требованиями уставов, но в значительной степени и традициями его полка, которые наряду с командованием олицетворяло и культивировало полковое офицерское собрание. Молодой офицер вступал в полк с одобрением его кандидатуры офицерским собранием, и если в армейских полках оно могло иметь достаточно формальный характер, то в гвардии изучение и отбор кандидата были особенно взыскательными. В дальнейшем как служебная деятельность офицера, так и времяпрепровождение вне службы оказывались тесно связанными с жизнью полкового сообщества. Обычаи офицерского собрания, его официальные и неофициальные мероприятия объективно были направлены на то, чтобы максимум времени и общения офицера ограничивались полковой средой. Непосредственное влияние командование и офицерское собрание оказывали и на личную жизнь офицера. С 1901 г. действовал порядок, по которому разрешение на брак офицеру давало начальство, только с его одобрения невеста, обладавшая благовоспитанностью и подобающим происхождением, могла быть принята офицерским собранием. Офицер, вступавший в брак вопреки запрету командования, мог быть изгнан из полка, а впоследствии и со службы.

Характеризуя отношения кадрового офицерского корпуса и остальной части российского общества, мемуаристы и исследователи неизменно указывали на определенное отчуждение, существовавшее между ними и находившее выражение в демонстративно пренебрежительном, снобистском отношении офицеров к штатским лицам. Значение данного явления, на наш взгляд, не следует преувеличивать, так как оно не может считаться уникальным и свойственным лишь дореволюционной России. Причины подобных настроений среди офицерства следует искать в корпоративной психологии, нуждающейся в обосновании и подкреплении чувства собственной исключительности. Обстоятельства же последних предвоенных десятилетий фактически расшатывали престиж офицера в глазах общества. С 1878 г. по 1904 г. Россия не вела масштабных военных действий и служба офицеров в мирное время начинала восприниматься как разновидность гражданской, лишенной жертвенности и героизма, наполненной повседневной рутинной. Поражение России в войне с Японией и участие армии в подавлении массовых выступлений в ходе Первой русской революции также не добавляли популярности офицерству в глазах общественности. Многие устои и традиции офицерской жизни, направленные по логике властей и высшего командования на фор-

мирование идеального со служебной и нравственной точек зрения типа офицера, выглядели в общественной обстановке рубежа XIX–XX вв. архаичными и иррациональными. Их критика с либеральных позиций, звучавшая, в том числе, и в гражданской печати, вызывала раздражение и болезненную реакцию в военных кругах. Тем не менее, представлять отношения офицерства с остальной частью общества как противостояние было бы неверно. Его связи особенно в родственных социальных слоях чиновничества и интеллигенции были самыми тесными, и в этом смысле офицерство являлось частью российского общества, по-своему разделявшей все его потребности, проблемы и пороки.

Некоторые сословно-корпоративные традиции и представления накладывали отпечаток на характер и стиль исполнения офицерами своих служебных обязанностей. Воспоминания многих очевидцев позволяют сделать вывод о том, что военная служба воспринимается офицерами как образ жизни и поведения, но не как профессиональный труд. Неукоснительное исполнение дисциплинарных норм и безусловное подчинение приказам начальства являлись уделом нижних чинов. Принадлежность военному служащему к офицерскому собранию предполагала иной стандарт требовательности, который всецело зависел от отношения командования, заведенных в части порядков, места ее расквартирования. В течение длительного мирного периода в частях и учреждениях складывался весьма необременительный для офицерского состава служебный распорядок. А.С. Лукомский, начинавший службу в 1888 г. в саперной бригаде, расквартированной в Одессе, вспоминал: «Службой нас на первых порах не утруждали... Свободного времени оставалось много, и мы им широко пользовались». Подводя итог всему шестилетнему периоду службы в бригаде, Лукомский отметил: «Воспитанием и подготовкой офицеров никто свыше не занимался»¹⁵. Свидетельства более молодых офицеров позволяют судить, что с годами по существу ничего не менялось. Генерал А.Г. Шкуро в удивительно схожих выражениях пишет о своей офицерской молодости (1908 г.) в 1-м Екатеринодарском конном полку, стоявшем в Екатеринодаре: «Служебными обязанностями нас не обременяли. Мы, офицерская молодежь, играли в гвардию, плясали до упаду на балах, ухаживали за барышнями и порядочно пьянствовали»¹⁶. Этот порядок вещей с горечью описывает безымянный корреспондент «Разведчика» в публикации под названием «Наши молодые офицеры»: «В настоящее время в офицерских собраниях большею частью процветают карты, би-

льярд и буфет, на которые накидывается наше офицерство с жадностью и в особенности, к прискорбию, “зеленая молодежь”¹⁷. Неслучайно годы учебы в Академии Генерального штаба запомнились ее бывшим слушателям едва ли не как самые трудные и ответственные в их жизни. Жестокая, вызывавшая трепет требовательность времен императоров Павла I и Николая I ушла в прошлое. Бескомпромиссность и принципиальность старших начальников в отношении офицерского состава получала различные все более частые изъятия. Генерал М.И. Драгомиров, много лет командовавший войсками Киевского военного округа, уделявший большое внимание обучению войск и при этом отличавшийся требовательностью к командирам всех уровней, постоянно получал упреки в «самодурстве», «вынесении сора из избы», «шельмовании и подрыве престижа начальников»¹⁸. А.И. Деникин указывал и на то, что в предвоенные годы аттестация офицерского состава являлась аренной начальственного произвола: любой добросовестный офицер мог стать жертвой самодурства¹⁹. Очевидно, однако, что случаи незаслуженного выдвижения посредственных кандидатур по протекции тоже не являлись исключением.

В связи с этим офицерская этика наряду со своей фасадной, «официальной» стороной, известной свертрепетным отношением к понятию о чести, достоинстве и соблюдением традиций, имела и оборотную сторону, предназначенную для «внутреннего применения», в которой недостатки и достоинства, грехи и доблести выстраивались в причудливом порядке. Воспоминания о своих сослуживцах по штабу Киевского военного округа и некоторых известных командирах Лукомский нередко сопровождал весьма живыми характеристиками: «прекрасный офицер... но горький пьяница (страдал запоем)»; «были блестящими офицерами, но горькими кутилами»; «будучи хорошим строевым командиром полка, слишком кутил и вел слишком разгульный и кутящий характер жизни в среде офицеров»²⁰ и т.п. Застольный разгул и карточная игра, конечно, являлись вполне обычным способом времяпрепровождения в офицерском кругу, однако вряд ли могли естественно сочетаться с выдающимися строевыми качествами. Деникин вспоминал, что только упоминание о «питии» могло бесповоротно испортить аттестацию любого офицера. Сам же Лукомский довольно старательно опровергал расхожее представление о пьянстве командующего войсками округа и Киевского генерал-губернатора, своего тестя генерала М.И. Драгомирова²¹. Длительная служба мирного времени по-своему расставила приоритеты взаимной оценки и са-

мооценки в офицерском сообществе, на первый план выходили критерии соответствия групповым обычаям и групповому стилю поведения, заслоняя порой подлинные военные профессиональные качества офицеров.

Результатом осуществления мероприятий Военной реформы в отношении офицерского корпуса армии могут считаться определенные положительные тенденции. Они выразились в наметившихся на рубеже XIX–XX вв. постепенной демократизации состава и улучшении специально-образовательного уровня офицерства. Вместе с тем социальная обстановка дореволюционной России не позволяла реализовать вполне замыслы Д.А. Милютин и его сподвижников. Даже к началу Первой мировой войны процесс становления российского офицерства как профессиональной группы далеко не завершился и оно во многом продолжало сохранять черты сословно-профессиональной корпорации. Комплектование, кадровый отбор, прохождение службы офицерами и даже их частная жизнь продолжали испытывать влияние архаичных традиций и принципов, которые негативно сказывались на качествах командного состава в масштабах всей армии.

¹ Столетие военного министерства 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк. Ч. III. СПб., 1914. С. 194.

² Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 356.

³ Цит. по: Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 175.

⁴ Сергеевский Е. Пережитое. 1914. М., 2009. С. 4.

⁵ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М. Жуковский, 2001. С. 46.

⁶ См.: Волков С.В. Указ. соч. С. 270.

⁷ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 23.

⁸ Барт А. На фронте артиллерийского снабжения // Былое. 1925. № 5 (33). С. 198–199.

⁹ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 104.

¹⁰ Морихин В.Е. «Офицера, не умеющего держать себя, полк не потеряет в своей среде». Забытые традиции русского офицерского корпуса // Военно-исторический журнал. 2004. № 1. С. 44–52.

¹¹ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 45.

¹² Подобное свидетельство принадлежит и П.А. Зайончковскому, в юности обучавшемуся в Первом московском кадетском корпусе. (Зайонч-

ковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 5. С. 24).

¹³ Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус на рубеже двух столетий (1881–1903 гг.) // Военно-исторический журнал. 1972. № 3. С. 45–46.

¹⁴ Драгомиров М.И. Дуэли. Киев, 1900. С. 12, 15.

¹⁵ Лукомский А.С. Указ. соч. № 2. С. 107, 114.

¹⁶ Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Белое дело. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 79.

¹⁷ Разведчик. 1908. № 938. С. 677.

¹⁸ Лукомский А.С. Указ. соч. № 4. С. 48–50.

¹⁹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 201–202.

²⁰ Лукомский А.С. Указ. соч. № 3. С. 94–95; № 4. С. 55.

²¹ Там же. № 4. С. 67.

А.Л. ЗАХАРОВ

(Орел)

ОРЛОВСКИЙ ДВОРЯНСКИЙ РОД ЦУРИКОВЫХ И ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

«Обыкла Россия истари видеть службы верность, усердие и труды всякого рода, от престола предков наших во всякое время изобильно награждаемые, почестями украшаемые и отличиями предпочитаемые. Сему свидетельства подлинные находятся в древнейших поколениях родов нашего верноподданного российского дворянства, которое ежечасно, быв готово подвизаться за веру и отечество и нести всякое бремя наиважнейшего империи и монарху служения, потом, кровию и жизнью приобретало поместья, с оных имело свое содержание, а умножая заслуги, получало в награждение от самодержавной власти поместья в вотчины себе потомственно»¹.

Дворянская честь – понятие многоплановое, включающее в себя несколько составляющих: служение, верность присяге, царю и Отечеству, представление о принадлежности к сословию, имеющему особые привилегии, полученные за традиционную военную службу и поддержку престола, сословная честь, понимание самоценности собственной личности и охранение ее и близких от посягательств извне.

Эту многоплановость понятие «дворянская честь» в России приобрело не сразу. Первоначально понятие «честь» (почет, уважение, доблесть) было связано со службой государю. Традиция военной службы для дворянина закреплялась не только обычаем, но и законом. Табель о рангах 1722 г. сделала дворянство открытым сословием, предоставив право выслужить потомственное дворянство. Было проведено выделение трех видов службы (военной, гражданской, придворной), и теперь стать дворянином можно было в любом из них, достигнув чина, установленного законом. Потомственное дворянство предпочитало военную службу любой другой².

Военная служба в пореформенное время традиционно продолжала считаться наиболее почетной для дворянства. Позиции дворянства были особенно сильны в армии и на флоте, в государственных органах управления. Но процент дворян в общем контингенте государственных служащих и офицеров неуклонно уменьшался³.

Основным путем получения офицерского чина было окончание военного или юнкерского училища. С 1865 г. открылись юнкерские училища, принимавшие всех, кто имел права вольноопределяющегося. В военные училища принимались выпускники военных гимназий (с 1882 г. вновь преобразованные в кадетские корпуса) или – по экзамену – выпускники общеобразовательных средних учебных заведений. В кадетские корпуса принимались дети генералов, штаб- и обер-офицеров, военных врачей и священников, которые прослужили в военном ведомстве не менее 10 лет, а своекоштными – дети дворян и чиновников различных государственных учреждений. Поступление в военные училища осуществлялось на тех же условиях, но в артиллерийские и инженерные училища принимались лица всех сословий при наличии среднего образования. В 1866 г. были учреждены специальные военные училища, в которые могли поступать все лица, не принадлежавшие к податным сословиям. Из военных училищ выпускали в чине подпоручика (корнета).

Сущность русского дворянства четко выражена девизом одного из дворянских родов: трудами, заслугами, храбростью и кровью.

Сформировавшееся на протяжении XVI – первой половины XVIII вв. ядро дворянства Орловской губернии можно с полным основанием определить как «коренную» его часть, как «коренное» дворянство губернии. Принадлежавшие к нему фамилии, изначально располагая поместьями в пределах губернии, либо приобретали поместья в иных регионах во второй половине XVIII в. и позже, либо оставались вплоть до начала XX в. дворянами и помещиками исключительно Орловской губернии.

Род Цуриковых вел свое происхождение от орлян – детей боярских с конца XVI в., записан в 6 часть родословной книги Орловской, Курской и Воронежской губерний. Герб внесён во вторую часть Гербовника. Есть ещё несколько родов Цуриковых позднейшего происхождения⁴.

В переписной книге города Орла 1646 г. есть запись: «В остроге и за острогом дворы дворян и орлян детей боярских, дворы осадные», среди которых значатся «двор орлянина сына боярского Василия Цурикова» и «двор орлянина сына боярского Микиты Цурикова». Представленные доказательства свидетельствуют, что первоначальных их предков Ивана, Бориса и Лукьяна Цуриковых «за детьми и внучаты» по приправочным и дозорным лета мира 7103 г., а по Рождеству Христову 1595 году, книгам писаны в орлов-

ском уезде деревни, люди и крестьяне, а равно и все произошедшие от них потомки служили разными службами⁵.

Павел Галактоинович, Сафон Павлович и Алексей Сафонович верстаны были поместьями и денежными окладами, и Алексей Сафонович служил жильцом⁶.

«Павел Васильевич служил по городу Орлу дворянскую службу, по оной верстан окладом в 1632 г. – 250; в 1643 г. – 300; в 1660 – 350 четвертьми, имел поместья и вотчины, данные ему в оклад; и сын его Сафон верстан окладом в 450 четвертей, денег 10 рублей. Сафонов же сын Алексей в тех же доказательствах значится служилым жильцом. И по переписной 1710 г. и 1719 г. книгам писаны⁷.

Многие представители дворянского рода Цуриковых проходили службу в лейб-гвардейских полках, в частности, в Преображенском полку⁸. Нет указаний о службе в лейб-гвардии Семеновском полку⁹. Служили в армии и на флоте. Награждались медалями в память Отечественной войны 1812 г., подавления польского восстания 1830 г., за участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., за поход в Китай в 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг., Первой Мировой войне¹⁰.

Капитан Александр Сергеевич Цуриков, кавалер ордена Св. Анны 3 степени с бантом, поступил в Институт Корпуса путей сообщения воспитанником на собственное содержание 27 февраля 1826 г. По экзамену в науках произведен прапорщиком 1 июля 1827 г., подпоручиком – 4 июля 1828 г. Назначен в действительную службу в 1-й округ путей сообщения 19 июля 1829 г., переведен в 7-й округ с прикомандированием к работам в молдавское водное сообщение (17 мая 1830 г.). За отличия по службе произведен поручиком 19 июля 1830 г. В походах был в 1831 г. с мая по август. В воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в сражениях, Всемилоштивейшее пожалован Св. Анны 3 степени с бантом (24 октября 1831 г.). Высочайшим Его Императорского величества повелением по прошению его за болезнью уволен капитаном 20 июля 1832 г. Определен в число чиновников, при Московском Военном Генерал-Губернаторе состоящих, 16 октября 1834 г. По прошению уволен от службы 11 декабря 1840 г.¹¹

Жена Сергея Александровича Цурикова – Варвара Михайловна – во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. поступила сестрой милосердия в Ясский военный госпиталь, была близкой знакомой И.С. Тургенева Ю.П. Вревской¹².

Афанасий Андреевич Цуриков в качестве командира 51-го Черниговского полка, расквартированного в Орле, 18 мая 1899 г. прини-

мал визит Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, августейшего шефа полка, и Великого князя Сергея Александровича. Во время смотра полка Елизавета Фёдоровна приняла рапорт командира полка Цурикова¹³.

Афанасий Андреевич был кавалером орденов: Св. Владимира 2, 3 и 4 степеней, Св. Анны 1 степени с мечами, 2, 3 и 4 степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 1 степени с мечами, 2 и 3 степени с мечами и бантом; имеет Золотое оружие с надписью «За храбрость», светло-бронзовую медаль в память Русско-турецкой войны 1877–78 гг.¹⁴, серебряную медаль в память царствования императора Александра III, Болгарский орден св. Александра – большой офицерский крест и Румынский железный крест в память перехода через Дунай в Русско-турецкую войну 1877–78 г., медаль в память Русско-японской войны, медаль в память Полтавской победы, медали в память Отечественной войны 1812 г. и в память 300-летия Дома Романовых¹⁵. В офицеры произведен в 1876 г. в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1883 г. окончил Николаевскую академию Генерального Штаба по 1-му разряду. Состоял при штабе Харьковского военного округа. Старший адъютант штаба 36-й и 8-й пехотных дивизий, состоял для поручений при штабе Варшавского Военного округа. С 17 апреля 1887 г. по 17 апреля 1888 г. командовал эскадроном лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. С марта по сентябрь 1891 г. состоял в прикомандировании к лейб-гвардии Уланскому Его Величества полку. Старший адъютант штаба Варшавского Военного округа. С 28 января 1893 г. – начальник штаба 5-й кавалерийской дивизии, с 16 сентября 1896 г. – командир 51-го драгунского Черниговского полка, с 26 марта 1901 г. – командир 2-й бригады 11-й кавалерийской дивизии. С 1 января 1902 г. – начальник штаба 10-го армейского корпуса. По объявлению 24 апреля 1904 г. мобилизации 10-го армейского корпуса 19 мая 1904 г. со штабом корпуса выступил в поход против японцев. С 14 июня 1905 г. состоял при Главном штабе, с 20 февраля 1906 г. – генерал для особых поручений при генерал-инспекторе кавалерии великом князе Николае Николаевиче. С 18 января 1907 г. – командир 15-й, а с 8 марта 1907 г. – 2-й кавалерийской дивизией. С 2 января 1914 г. – командир 24-го армейского корпуса. 6 апреля 1914 г. произведен в генералы от кавалерии.

Во главе корпуса вступил в I Мировую войну в составе 8-й армии. 20 августа (2 сентября) взял Галич. В 1916 г. Цуриков Афанасий уже генерал от кавалерии, командир 24-го армейского корпуса¹⁶. 12 декабря 1916 г. Цуриков назначен командиром 6-й армии,

переброшенной на Румынский фронт и получившей в свое подчинение части расформированной Дунайской армии. Приняв на себя командование 6-й армией, Цуриков завершил эвакуацию Добруджи.

После февральской революции А.А. Цуриков был одним из немногих командиров, кто сохранил за собой пост командующего армией.

Во время выступления генерала Л.Г. Корнилова занял позицию поддержки Временного Правительства и на совещании 28 августа 1917 г. вместе с представителями комитетов подписал резолюцию, объявлявшую Корнилова изменником и требовавшую предать его суду.

В 1920 г. Цуриков А.А. вступил в Красную Армию, состоял членом Особого совещания при Главкоме¹⁷.

Сыновья Андрея Афанасьевича Цурикова – Афанасий и Владимир – как и многие другие представители рода, окончили Орловский Бахтина Кадетский Корпус¹⁸. По военной стезе пошел и третий сын Андрея Афанасьевича Сергей: к 1895 г. полковник армейской кавалерии состоял в запасе.

«Типичным» можно считать послужной список числящегося по армейской кавалерии начальника 3 бригады кавалерийского запаса генерал-лейтенанта Владимира Андреевича Цурикова (1851–1910). Кавалер орденов: Св. Станислава 1 степени, Св. Анны 2 степени, Св. Станислава 2 степени с мечами, Св. Анны 3 степени с мечами и бантом и Св. равноапостольного князя Владимира 3 и 4 степеней. Имеет медали: светло-бронзовую медаль за войну с Турцией 1877–78 гг., серебряную медаль в память царствования Императора Александра III на ленте ордена Св. Александра Невского, румынский крест и темно-бронзовую медаль за труды по первой переписи населения в 1897 г. Воспитывался в Николаевском кавалерийском училище по 1-му разряду.

Высочайшим приказом награжден орденом Св. Равноапостольного князя Владимира 30 августа 1888 г. Временно командовал 2 кавалерийской дивизией с 15 по 21 ноября 1902 г. Высочайшим приказом за отличие по службе произведен в генерал-майоры с назначением командиром 2 бригады 11 кавалерийской дивизии и с зачислением по армейской кавалерии 19 декабря 1902 г. Прибыл к месту служения 10 февраля 1903 г. Временно командовал 11 кавалерийской дивизией в 1903–1905 гг. Высочайше пожалован орденом Св. Станислава 1 степени 15 февраля 1906 г. Временно командовал 11 кавалерийской дивизией с небольшими перерывами

с апреля 1906 г. по 15 января 1907 г. Высочайшим приказом 3 апреля назначен начальником 3 бригады кавалерийского запаса. Отправился 25, прибыл 28 апреля 1907 г., произведен за отличия по службе в генерал-лейтенанты, со старшинством с 31 мая 1907 г. 30 июля 1907 г. Находясь на излечении у себя на квартире, скончался от саркомы 25 сентября 1910 г. Высочайшим приказом 22 октября 1910 г. исключен из списков умершим. Находился в составе отрядов: плевнеского обложения князя Румынского с 3 по 19 октября 1877 г., западного генерал-адъютанта Гурко с 19 октября 1877 г. по 12 февраля 1878 г. Находился в боевых позициях на Балканах в составе отряда генерал-адъютанта Гурко с 9 по 19 декабря 1878 г.

Участвовал в сражениях: при горном Дубняке под начальством генерал-адъютанта Гурко и взятии в плен всего неприятельского отряда 12 октября 1878 г. При взятии генерал-адъютантом Гурко Телишской укрепленной позиции со всем гарнизоном 16 октября. В стычках с неприятелем при д. Петровен 19–20 октября. При взятии укрепленного города Врацы кавалерийским отрядом генерал-майора Леоного 1-го 28 октября. В рекогносцировке города Берновца и стычке при д. Хаджиляр-Магала 29 октября. В переходе через Балканы войск западного отряда под общим начальством генерал-адъютанта Гурко с 13 декабря 1877 г. по 19 декабря 1877 г. Балканы перешел через Арбо-Конакский переход 19 декабря. При занятии горы Софии 23 декабря. При рекогносцировке города Самакова и дел при д. Колково 24 декабря. При занятии города Ихтимана 26 декабря. В деле при д. Демиркой и Чумарли близ Сумакова 27 декабря. В деле при д. Злокучан и д. Новосело 28 декабря. При занятии города Сумакова и д. Бани 30 декабря. В авангардных делах и перестрелках при наступлении отряда генерал-адъютанта Гурко к Филиппополю с 31 декабря 1877 г. по 3 января 1878 г. И так же при занятии города Татар-Базарджика 2 января.

В трехдневном бою войск западного отряда под начальством Гурко под Филиппополем, взятии этого города и окончательном поражении и рассеянии всей армии Сулеймана-паши и взятии почти всей его артиллерии с 3 по 5 января 1878 г. В форсированном движении отряда Гурко к Адрианополю и дел по берегам Мраморного моря с 10 по 20 января 1878 г. Пребывал на Балканском полуострове со дня заключения перемирия по день выступления в Россию 13 августа 1878 г.¹⁹

Другой представитель рода – старший врач 25-го саперного батальона, статский советник Сергей Петрович Цуриков (родился

7 февраля 1870 г.) окончил полный курс наук в Императорском московском университете. Кавалер ордена Св. Станислава 3 степени. Имел медали: серебряную в память походов в Китай в 1900–1901 гг. и темно-бронзовую в память войны в Японии в 1904–1905 гг. Ранен и контужен не был²⁰.

Еще один представитель рода – Алексей Сергеевич Цуриков – родился 11 марта 1891 г. Окончил курс в частном реальном училище Томашевой в Орле. Военное образование получил во 2-м Киевском военном училище по 1 разряду²¹. В службу вступил на правах вольноопределяющегося 4-го разряда во 2-е Киевское военное училище 1 сентября 1914 г. Произведен в войсковые унтер-офицеры 25 ноября 1914 г. По окончании ускоренного 4-х месячного курса по 1-му разряду Высочайшим приказом, состоявшимся 1 января 1915 г., произведен в прапорщики по армейской пехоте. Прибыл на службу в 213 пехотный запасной батальон, зачислен в списки и назначен младшим офицером в 7 роту 14 января 1915 г. Согласно телеграмме штаба 8 пехотной запасной бригады от 20 февраля 1915 г. за № 1308, отправлен в город Брест-Литовск в распоряжение Дежурного Генерала Юго-Западного фронта в качестве ротного командира 17 маршевой роты. Ранен в бою с австрийцами 8-го марта 1915 г. Приказом VIII армии от 27 июля 1915 г. за № 435 за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Станислава 3 степени с мечами и бантом. Приказом VIII армии от 12 ноября 1915 г. за № 858 за отличия в делах против неприятеля награжден орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость», св. Станислава 3 степени с мечами и бантом 12 июня 1916 г.²²

Революционный 1917 г. разметал дворянский род Цуриковых. Судьба рода Цуриковых в двадцатых годах XX вв. весьма драматична: кто-то остался уже на советской территории²³, а кто-то уехал в эмигрантские дали²⁴.

¹ Дворянская империя XVIII века. (Основные законодательные акты). Сборник документов. Сост. М.Т. Белявский. М., 1960. С.151.

² Тихонова А.В. Дворянская честь в первой половине XIXв.: Представления и поступки // NOBLESSE OBLIGE: Праздничная и повседневная жизнь господствующих слоев Европы XVI–XX столетий: Материалы научной конференции 15–17 мая 2002 г. Выпуск I. Орёл, 2003. С. 23.

³ Подробнее см.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. С. 77–93.

⁴ Савелов Л.М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. Изд-е 2-е, Острожск, Ти-

пография М.Ф. Азаровой, 1897–8. С. 264; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 75. С. 302.

⁵ ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Е.х. 55. Л. 77. Е.х. 3. Л. 199; *Ткачева Н.* История моего города. Орловские старожилы // Орловская правда. 15 октября 1993. С. 4.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Е.х. 329. Л. 59 об.; Е.х. 330; ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Е.х. 1. Л. 81.

⁷ ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Е.х. 1. л. 82. Ф. 6. Е.х. 788. Л. 2.

⁸ РГВИА. Ф. 2583. Лейб-гвардии Преображенский полк. Оп. 1. Е.х. 569. Лл. 7 об., 69 об., 603, 604, 633, 648, 649, 655, 678; Оп. 2. Е.х. 1859, 1860; Ф. 400. Главный штаб. Оп. 9. Е.х. 20877. Лл. 4–7. Оп. 10. Е.х. 711. Л. 39. Оп. 12. Е.х. 27391. Лл. 49, 50, 64. Е.х. 18206. Лл. 2, 4. Оп. 17. Е.х. 10104. Лл. 30–40. Ф. 409. Формулярные (послужные) списки. Оп. 1. Е.х. 132968. Послужной список 81551/24. Ф. 3551. Лейб-гвардии Гродненский полк. Оп. 1. Е.х. 31. Лл. 99–100. ГАОО. Ф. 6. Орловская палата гражданского суда. Оп. 1. Е.х. 1952.

⁹ РГВИА. Ф. 2584. Лейб-гвардии Семеновский полк. Оп. 1–2.

¹⁰ Орловское дворянство в Отечественную войну. Очерк и материалы. С. 49–51; РГВИА. Ф. 409. Послужные списки.

¹¹ ГАОО. Ф. 580 е.х. 633 ст. 2. Лл. 323–326.

¹² ГАОО. Ф. 689. Оп. 1. Е.х. 4. Л. 10.

¹³ Истории русской провинции. Историко-просветительский журнал, № 10. С. 92–95.

¹⁴ Представители рода оставили свои воспоминания о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Помимо этого, Афанасий Андреевич автор ряда докладных записок по реорганизации конницы в русской армии: *Цуриков С.А.* Воспоминания о войне 1877–1878 гг. СПб., 1901. 47 с. (оттиск из журнала «Исторический вестник». 1901. Т. 83. № 1–2); *Цуриков А.* Заметка о равнении кавалерии. Варшава: Типография Окружного штаба, 1892. 34 с.; *Цуриков А.А.* Что нужно нашей коннице? (Ответ г. Баженову). Варшава, типография Окружного штаба, 1891. 27 с.; *Цуриков А.А.* Что нужно нашей коннице? Баженов Петр Николаевич (по поводу не подлежащей оглашению статьи «Что нужно нашей коннице»). Варшава, типография Окружного штаба, 1891. 72 с.; *Цуриков А.* Заметка о равнении кавалерии. Варшава, типография Окружного штаба, 1892. 34 с.

¹⁵ РГВИА. Ф. 409, е.х. 143391. л. 1–13.

¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 12. Е.х. 27391, лл. 49–49, 50, 64.

¹⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Е.х. 143391 (послужной список).

¹⁸ Краткий исторический очерк Орловского Бахтина Кадетского Корпуса с приложением списка бывших воспитанников корпуса, окончивших

корпус за время первого пятидесятилетия со дня его открытия (1843–1893 гг.). Орёл, 1893 г.

¹⁹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. е.х. 6066.

²⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. е.х. 176767. Лл. 45–45 об.

²¹ РГВИА. Ф. 409, е.х. 155275. л. 1.

²² РГВИА. Ф. 409, е.х. 155275. л. 2.–2 об., л. 3.

²³ ГАОО. Ф. 1716. Оп. 1. Е.х. 55. Л. 339.

²⁴ *Цуриков Н.А.* День русской культуры. Отчет о праздновании «Дня русской культуры» зарубежом в 1925 г. По поручению Педагогического бюро сост. Н.А. Цуриков. Прага, 1926. 102 с.; *Цуриков Н.А.* Основа нашей непримиримости: (Речь, произнесенная на собрании в «День непримиримости», 7 ноября 1947 г. в русском эмигрантском лагере Шлейсгейм близ Мюнхена). Мюнхен, 1948. 8 с.

А.Д. ГРОНСКИЙ
(Беларусь, Минск)

ПОВСТАНЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА КОНСТАНТИНА КАЛИНОВСКОГО НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863–1864 гг.

Накануне и во время польского восстания 1863–1864 гг. повстанцы пытались охватить пропагандой все слои населения, в том числе и крестьян. Причём, условия для пропаганды на разных территориях, на которых протекало восстание, были различными. В частности, в Литве и Белоруссии повстанцы столкнулись с гораздо большими трудностями, чем в Царстве Польском, а в Малороссии восстание вообще не нашло почвы для распространения. Пожалуй, самым активным сторонником восстания в Северо-Западном крае, т.е. на территории Литвы и Белоруссии, был Викентий Константин Калиновский¹, известный больше по своему второму имени. Он оказался одним из активных сторонников распространения среди низов печатной пропаганды, призывающей не подчиняться центральным властям и поддержать восстание, стремившееся возродить Польшу в качестве независимого государства. Для этого в 1862 г. начался выпуск листовки «Мужицкая правда» (в оригинале «Mużyskaja prauada»). Её называли газетой, листовкой, воззванием, брошюрой и даже журналом, но по своей сути «Мужицкая правда» является именно листовкой. Её авторами считается Константин Калиновский с группой своих приверженцев (некоторые исследователи, например, Я.И. Трещенок, считают Калиновского всего лишь возможным и не основным автором листовки²). «Мужицкая правда» начала издаваться летом 1862 г. и просуществовала всего год, при этом вышло семь выпусков, шесть из которых – до конца 1862 г., а последний – лишь летом 1863 г., когда восстание в Северо-Западном крае уже было практически подавлено. Она была рассчитана только на крестьян. Печаталась латинским шрифтом на гродненском диалекте белорусского языка с большим количеством полонизмов и призывала к борьбе против русских. Причём не только против русской администрации, а против всех русских. Листовка обращалась к крестьянам не с этнических позиций, в ней не было упоминания, что местные крестьяне – белорусы или литвины. Подобных этнонимов в газете вообще нет. Единственное упоминание прилагательного «литовский» появляется в фразе «Король Польский и Литовский» («Мужицкая правда» № 2)³, что, несомненно, обозначает короля

Речи Посполитой, упоминаемого в других случаях как «Король наш польский». Это доказывает только то, что газета обращалась к социальному слою – крестьянству, а не к этнической общности – белорусам. Именно поэтому нельзя заявлять, что «Мужицкая правда» была первой белорусской газетой. Тот факт, что она выходила на белорусском языке, не говорит о её белорусской направленности. В подтверждение этому можно привести пример из истории XX в., а точнее – из Великой Отечественной войны. Фашистские оккупационные власти тоже выпускали различные листовки и обращения к населению на белорусском языке, но делалось это по одной простой причине – немецкого языка население не понимало. Кроме того, на русском языке польские повстанцы обращаться к местному населению не стали бы из принципа, а по-польски понимали далеко не все крестьяне. Таким образом, белорусскоязычная газета была единственным выходом для распространения радикальных антиправительственных идей среди белорусского крестьянства. Причём идей польских, но никак не белорусских. «Мужицкая правда» затрагивала наиболее злободневные проблемы и указывала на русских как на силу, которая эти проблемы создавала.

Современные исследователи считают, что «Мужицкая правда» выпускалась на территории Гродненской губернии, некоторые настаивают, что типография была в Вильне, поскольку именно там был центр оппозиционного русскому правительству движения в Северо-Западном крае. Однако, по донесениям секретных жандармских агентов, «Мужицкая правда» печаталась на территории этнической Польши, скорее всего, в Варшаве⁴. Ещё одним возможным местом указывался Белосток, но местная жандармерия, опираясь на сведения секретных сотрудников, утверждала, что листовки доставляются в Белосток из Варшавы⁵. На то, что «Мужицкая правда» печаталась в Варшаве, указывают ещё и такие факты, что в некоторых местностях она появлялась после приезда местных дворян из польской столицы и распространялась именно ими. Кроме того, если проследить распространение листовок, то оказывается, что их находили на обширной территории: в Белоруссии, Польше, Литве, Латвии и даже на северо-западе этнической России, но больше всего листовок найдено в пограничной с Польшей Гродненской губернии⁶. Причём, первые экземпляры появились именно в тех населённых пунктах, которые располагались вдоль польской границы. По сведениям политической полиции, листовки доставлялись из Варшавы в Гродно по железной дороге, а дальше могли расходиться по всей территории Гродненской губернии и за её пределами.

О постоянной перевозке по железной дороге агитационной литературы и даже оружия было известно властям, но по причине того, что практически вся железнодорожная администрация состояла из поляков, русское правительство не могло пресекать подобные перевозки⁷. Таким образом, на основе вышеприведённых фактов можно выдвинуть тезис, что «Мужицкая правда» была инспирирована из Варшавы, а участие в этом проекте Калиновского и других представителей Северо-Западного края было необходимо, поскольку они лучше знали местные особенности. Реально ли это предположение или нет, сказать сложно. Я.И. Трещенок выдвинул предположение, что «Мужицкая правда» сначала была написана по-польски, а потом переведена на белорусский⁸. Это можно подтвердить и тем, что листовка печаталась в Варшаве, а для того, чтобы она прошла цензуру у кого-то из руководителей варшавской повстанческой организации, текст должен был быть написан по-польски. Кроме того, было доказано, что написанные по-белорусски подобные «Мужицкой правде» листовки, например, «Гутарка старога дзеда», именно так и появились⁹.

Также крестьян должно было насторожить то, что автор якобы сам был из-под Вильно, но использовал в своей пропаганде диалект соседнего, гродненского, региона. И к тому же текст печатался латинским шрифтом, что затрудняло его понимание православными крестьянами, привыкшими, если они были грамотными, к кириллическому шрифту. Также некоторые шляхтичи-пропагандисты объясняли крестьянам Восточной Белоруссии, что газету написал поляк Ясько и печатается она в Польше¹⁰. Это ещё одно доказательство того, что никакой белорусской идеи листовка не несла, иначе повстанцам сложно было бы сказать, что она из Польши.

Кроме того, автор или авторы газеты всё же являлись шляхтичами, именно поэтому попытка писать крестьянским языком оказалась провальной, провозглашавшиеся там притеснения порой были надуманы¹¹. Шляхтичи, как бы во время пропаганды ни старались скрыть своё происхождение, всё равно выдавали его, поскольку не знали хорошо ни крестьянского быта, ни крестьянского разговорного языка и некоторых элементов крестьянского поведения. В результате чего агитация в поддержку польского восстания не производила на крестьян впечатления, а, наоборот, настораживала их¹². Крестьяне, даже если и читали газету, то не очень понимали её смысл, так как говорили они немного по-другому, а язык, использовавшийся в газете, заставлял их думать, что писал не крестьянин, а человек образованный, не вышедший из крестьянской среды и не

очень хорошо знавший крестьянский быт. Язык «Мужицкой правды» был попыткой интеллигенции подстроиться под крестьянское произношение. Поэтому призывы «Мужицкой правды» так и остались призывами.

Примечательно, что ни в одном выпуске «Мужицкой правды» не поднимался вопрос этнической принадлежности крестьян, к которым была обращена листовка. Этот вопрос обходил стороной. Возможно потому, что сами крестьяне не определяли себя по этническому признаку. Если они маркировали себя по вероисповедному принципу, то делились на поляков и русских. Но польские повстанцы не могли обращаться к православным крестьянам как к русским, поскольку это выглядело бы как неудачная попытка втянуть русских в борьбу против своих же и сразу же показывало, что белорусские крестьяне стоят намного ближе к великорусам, чем к полякам. Если же этничность заявлялась как польская, тогда возникал вопрос веры. В понимании крестьян, все поляки – католики, а переходить католикам из православия в униатство попросту глупо. Поэтому вопрос этнической принадлежности на страницах «Мужицкой правды» не поднимался. Только лишь в «Письме Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской» Калиновский открыто объявил белорусских крестьян поляками¹³, но это уже был жест отчаяния, поскольку летом 1863 г. было окончательно ясно, что восстание потерпело поражение.

С другой стороны, «Мужицкая правда» декларировала свои социально-политические предпочтения в неприязни к помещикам и российскому императору. Хотя единение крестьян с помещиками допускалось при условии, если помещики будут учитывать интересы крестьян. По отношению же к императору высказывались однозначно негативные суждения. Однако идеологические воззрения белорусских крестьян того времени были направлены против помещиков, а «Мужицкая правда» предлагала варианты сотрудничества с ними. Что же касается отношения крестьян к верховной власти и, в частности, к императору, то оно продолжало оставаться сакральным, крестьянству того периода был свойственен наивный монархизм¹⁴. Император являлся для крестьян символом закона, правильного устройства миропорядка, полностью позитивным явлением, а «Мужицкая правда» проповедовала совершенно обратное отношение к российскому императору. Кроме того, в течение 1863 г. реальное облегчение участи крестьян пришло не от повстанцев, а именно от императорских властей (закон от 1 марта 1863 г. уничтожение выкупных платежей 1 мая 1863 г., вооружение крестьян

для противодействия грабежам деревень повстанческими отрядами, денежные выплаты за поимку повстанцев и находки тайников с оружием и т.д.), что ещё больше уверило крестьян в позитивности императорской власти.

Кроме антирусского направления газета несла в себе ещё и антиправославное. Причём отношение к православию было достаточно радикальным. Униатская карта разыгрывалась достаточно осознанно. Повстанцы хотели найти как можно больше отличий между населением Северо-Западного края и центральных российских губерний. А поскольку у великорусов и большей части белорусов была одна общая вера – православие, то нужно было создать определённую оппозицию, чтобы разграничить крестьян на «своих», то есть не православных, и «чужих».

В «Мужицкой правде» православие подвергается не только критике, но и откровенным нападкам и оскорблениям. Судя по всему, авторы не очень хорошо представляли, как логически можно объяснить свой призыв к белорусским крестьянам о переходе их в униатство, поэтому решили попросту скомпрометировать православие путём навешивания на него различных негативных ярлыков. В листовке православие называется схизмой и собачьей верой, всем православным авторы угрожали вечными мучениями на том свете¹⁵.

Листовка пыталась играть на религиозных чувствах крестьян, поскольку крестьянство являлось достаточно религиозным слоем населения. Интересен факт, что листовка печаталась на гродненском диалекте белорусского языка, а предназначена была для крестьян Восточной и Центральной Белоруссии, поскольку призывы переходить в униатство касались православного населения, а Гродненщина была в основном католической. Это ещё один момент, который подтверждает то, что крестьяне не воспринимали «Мужицкую правду» как «свою» листовку, написанную крестьянином.

Примечательно, что в «Мужицкой правде» нет ни одного упоминания о католиках. Складывается ощущение, что среди крестьян их вообще на территории Белоруссии не существовало. Это ещё одно доказательство антиправославного и антирусского направления листовки, поскольку католики, по мнению руководителей восстания, должны были априори поддерживать восстановление католической Польши. Опять же из данного расклада становится ясно, что ни о каком самоопределении белорусов речи не шло, так как агитация предназначалась только для белорусов-православных.

«Мужицкая правда» нападает на православие, в то время как подавляющая часть белорусских крестьян являлись православными.

ми. Конечно, большинство из них в недавнем прошлом были униатами, но с того момента прошло уже более 20 лет. Молодое поколение крестьян не переживало опыта перехода в другую веру. Оно могло судить об униатстве лишь по рассказам старших, поэтому белорусская крестьянская молодёжь не несла в себе идею возвращения непонятной для неё и не утерянной ею униатской веры. В восстании же в основном принимала участие молодёжь, что дало повод дореволюционному исследователю А.И. Миловидову называть восстание 1863–1864 гг. «мятежом детей»¹⁶. Для крестьянской молодёжи 60-х гг. XIX в. униатство не несло сакрального смысла и не являлось той идеей, к возвращению которой нужно было стремиться. Именно поэтому антиправославная агитация не имела под собой серьёзной почвы и была скорее наивной попыткой сплотить будущих польских подданных в единый монолит с помощью религии. Причём, исходя из соображений польского повстанческого руководства, с православием нужно было бороться жёсткими методами, поскольку в случае возрождения Речи Посполитой православная Россия постоянно бы имела среди её православных подданных своих союзников, что создавало бы проблемы сепаратистских движений и давало бы возможность вмешиваться во внутренние дела под знаменем защиты единоверного населения, что уже произошло в конце XVIII в. и вылилось в раздел Речи Посполитой между соседними государствами. Страх возможности антигосударственных движений в будущей Речи Посполитой со стороны православного населения объяснялся и тем, что представители польско-католических кругов постоянно занимались этим в составе Российской Империи и, судя по всему, представляли любое сепаратистское движение именно в таком ключе.

Авторы «Мужицкой правды» исходили из своих идеологических соображений и были уверены, что такими же категориями должны мыслить и крестьяне, к которым были обращены их послания. Они пытались связать социальный статус крестьянина с исповедованием униатства. По их маркировке, лишь крестьянин-униат был законным жителем края, кроме того, этот крестьянин должен был с неприязнью относиться к великорусам. Только такое поведение давало возможность обезопасить от тяготения массы крестьян к России. Следует заметить, что к середине XIX в. можно говорить об общеимперском патриотизме, с развитием которого становилось всё меньше шансов для сепаратистской активности.

Под именем «Яськи-гаспадара из-под Вильно», т.е. Калиновского, известен ещё один документ – его «Письмо Яськи-гаспадара

из-под Вильно к мужикам земли польской», написанное на белорусском языке и распространяемое в пределах Белоруссии. Письмо выдержано в той же стилистике, что и «Мужицкая правда», но более конкретно определяет политические предпочтения автора. В нём чётко прописано то, что население Белоруссии живёт на польской земле, ест польский хлеб и является поляками¹⁷. Белорусский историк Г.В. Киселёв утверждал, что авторство Калиновского сомнительно, поскольку он не мог исповедовать подобные мысли. Других весомых доказательств того, что Калиновский не писал это воззвание, нет. Хотя, если проанализировать остальные написанные Калиновским тексты, «Письмо Яськи-гаспадара к мужикам земли польской» не выбивается из идеологического ряда, а достаточно органично конкретными выводами венчает публицистику Калиновского. Судя по печати на сохранившемся воззвании, оно было напечатано в варшавской типографии. Произошло это летом 1863 г. В этот же период вышел седьмой номер «Мужицкой правды», который был написан не на гродненском, а на брестском диалекте. Там заявлены идеи определённого отличия Белоруссии от этнической Польши, чего не было в предыдущих выпусках листовки. Кроме того, само расположение текста на странице отличалось от предыдущих номеров «Мужицкой правды». На основании этого можно утверждать, что седьмой номер газеты готовил не Калиновский, а кто-то другой. Если учесть, что «Письмо Яськи-гаспадара к мужикам земли Польской» вышло в это же время, то его выход можно рассматривать как реакцию Калиновского на седьмой номер «Мужицкой правды», к которому он, судя по всему, не имел отношения. Тем более, что Центральный Национальный комитет к тому времени признал его как руководителя восстанием в Литве и Белоруссии, поэтому у амбициозного двадцатилетнего диктатора не было резона вступать в конфликт с варшавским руководством. Авторство Калиновского «Письма к мужикам земли польской» подтверждает и тот факт, что в первых шести выпусках «Мужицкой правды» хотя и не столь явно, но прослеживается такое же наполнение, что и в «Письме Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской». Например, в «первой белорусской газете» нет ни одного упоминания ни о белорусах, ни о литвинах, но постоянно подчёркивается, как хорошо крестьяне жили в период существования Речи Посполитой, что короли польские заботились о своих подданных, не эксплуатировали крестьян. Примерно те же слова можно найти и в письме польским мужикам.

Вызывает интерес, что в «Письме Яськи-гаспадара из-под Вильно к мужикам земли польской» к крестьянам апеллируют не только как к бывшим униатам, но, в первую очередь, как к нынешним полякам. Неэффективность антиправославной пропаганды стала достаточно понятна, поэтому пришлось взывать к «этническим корням», убеждать, что местные крестьяне – поляки. Убеждение строилось на достаточно простой логике: «по польской земле ходим, польский хлеб едим», то есть Калиновский считал белорусские земли польскими, что полностью не соответствует тому образу белорусского национального героя и первого белорусского националиста, который создала из него белорусская историческая школа. Эта не имеющая под собой серьёзного фактического основания идея продолжает циркулировать в среде белорусских, а также части зарубежных историков и поныне.

Последним белорусскоязычным произведением В.К. Калиновского стали так называемые «Письма из-под виселицы», где он прощался с крестьянами, призывая их к образованию и борьбе против великорусов и православия. Белорусский язык данного послания, судя по всему, можно объяснить лишь тем, что шляхта, начавшая с прибытием в Вильно М.Н. Муравьёва верноподданническую кампанию, разочаровала и так не жаловавшего её диктатора Литвы и Белоруссии, который свято продолжал верить, что единственной социальной группой, которую можно заставить жить по «правильным» идеям, было крестьянство. Возможно, это было лишь желание создать эффект последнего жеста и остаться в памяти народа. Однако этого не случилось, и народная память начала воспринимать своего «героя» лишь после долгой работы белорусских националистов по созданию белорусского имиджа Калиновского и части его белорусскоязычного печатного наследия.

Таким образом, повстанческая пропаганда 60-х гг. XIX в. на территории Северо-Западного края призывала крестьянское население к поддержке повстанцев, борющихся за возрождение польского государства. Однако пропаганда не увенчалась успехом по причине того, что она несла в себе антиправославную и антимонархическую риторику, которая не воспринималась крестьянами положительно.

¹ Подробнее о фигуре Калиновского см.: Гронский А.Д. Конструирование образа белорусского национального героя: В.К. Калиновский // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., 2008. С. 253–265.

² *Трещенок Я.И.* История Беларуси: Учеб. пособие для студентов вузов. Могилев, 2003. С. 132.

³ Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. М., 1964. С. 127.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ В книге Г.В. Киселёва «З думай пра Беларусь» указываются некоторые административные территории, на которых находили «Мужицкую правду». В основном, это Гродненская губерния (*Кісялёў Г.* З думай пра Беларусь: даследаванні і знаходкі з гісторыі беларускай літаратуры і рэвалюцыйнага руху другой паловы XIX стагоддзя. Мінск, 1966. С. 5–67).

⁷ Архивные материалы муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Вильно, 1915. С. 11; Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. С. 141.

⁸ *Трещенок Я.И.* Указ. соч. С. 132.

⁹ *Хайстовіч М.* «Цяпер маскаль пые мудрагелікі свае» // Спадчына. 1999. № 5–6. С. 88.

¹⁰ *Кісялёў Г.* Указ. соч. С. 47.

¹¹ *К. Калиновский:* Из печатного и рукописного наследия. Минск, 1988. С. 175.

¹² *Кісялёў Г.* Указ. соч. С. 41–42.

¹³ *Калінойскі К.* За нашу вольнасць. Творы, дакументы. Мінск, 1999. С. 241–242; *Historja powstania narodu polskiego w 1861–1864 r. / przez Agatona Gillera.* Paryż, 1867. S. 326–327.

¹⁴ *Панютич В.П.* Историография аграрной истории Беларуси 1861–1917 гг. (исследования 1990-х годов) // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. У 3 ч. Ч. 1. Мн., 2003. С. 153.

¹⁵ Этот тезис прослеживается практически во всех номерах «Мужицкой правды». См.: Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. С. 124–133.

¹⁶ *Гулюк М.А.* Дореволюционная историография о правительственной политике по подготовке педагогических кадров в Виленском учебном округе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі: Матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. У 3 ч. Ч. 1. Минск, 2003. С. 228.

¹⁷ *Калінойскі К.* За нашу вольнасць. Творы, дакументы. С. 241–242.

А.К. ТИХОНОВ
(Владимир)

ТУРКЕСТАН В ЭПОХУ М.Д. СКОБЕЛЕВА

После присоединения Средней Азии и закрепления в Казахстане (в XIX – начале XX вв. он назывался Киргизским краем) своеобразно складывалось управление мусульманами. Российская администрация в лице туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана стала проводить реформы местного управления, суда, организацию землепользования и налогообложения в крае. При этом старались соблюдать две особенности: лояльное отношение к местному туземному населению и полное невмешательство в религиозную, домашнюю и внутреннюю жизнь казахов. Основную массу населения Казахстана составляли кочевники-скотоводы, но имелось и незначительное количество земледельческого населения – сарты. Каждая из этих категорий населения сохраняла свои особенности жизненного уклада, которые учитывались русской администрацией в вопросах организации их местного управления.

До появления в крае русской администрации у местного населения – кочевников и сартов – существовало собственное, во многом отличное, управление. В основе управления сартами лежали принципы шариата. Каждый кишлак составлял отдельную религиозную общину. Его приход – махалля – являлся единственной общественной единицей. К людям таких приходов выдвигались условия: аккуратное посещение мечетей, выполнение установлений шариата и исправная плата податей. У кочевого населения основу составлял родовой патриархальный быт. Кочевники-казахи делились на поколения. Поколения на роды, роды на отделения, отделения на подотделения, а последние на аулы и семьи. Аул был независим и самостоятелен. Его жители платили лишь государственные и церковные подати и отправляли одного или двух джигитов в войско против общего врага. Родовое начало было не опасно в политическом отношении, т.к. все попытки ханов собрать их в единое целое разбивались о политическую индифферентность казахов, обособленность родов, их малочисленность и большую разбросанность по территории. Родовая солидарность приводила к тому, что казахи никогда не бросали своих зимовок и летовок ради целей, не относящихся к их непосредственным интересам. Таким образом, сарты жили по шариату, а кочевники – по родовому обычаю. Между ними всегда ощущались сложности во взаимоотношениях.

Российская администрация выделила три основы, на которых опиралось все управление в крае¹. Во-первых, неразделенность военной и гражданской власти в крае. Во-вторых, предоставление внутреннего самоуправления туземным народам, кроме вопросов политического характера. В-третьих, система выборности местной власти. Она исходила из нового принципа территориального деления края на уезды, волости, аулы и кибитки. От 10 кибиток направлялся один избиратель на сход избирателей, которые выбирали аульного старшину. На волостной сход направлялся один избиратель от 50 кибиток (пятидесятник). Такой сход выбирал волостного управителя и народных судей. Итогом такой организации местной власти стали разрушение родового деления казахов и появление в период выборов ранее не известных для данной местности явлений – массовых подкупов потенциальных избирателей, доносов на своих конкурентов, подлогов. Нередки были случаи убийства своих противников. Все это делалось только с одной целью – занять выборную должность. В результате многие претенденты на выборные должности разоряли себя. Общим итогом стали полная деморализация многовековых нравов и выборы в основном честолюбцев и корыстных людей. Выборы в итоге достигли совершенно иной цели – навязали казахам чуждые им порядки, не согласованные с их правами и обычаями, разрушили родовой быт. Вместо родовых групп, представляющих самый благонадежный элемент в политическом отношении, явились люди без всякой внутренней связи, искусственно собранные в административные аулы и волости.

Сарты также не имели выборной организации власти, но эта система не привела к ломке устоев шариата и создала у них общественную жизнь. Но также появились все связанные с выборами безобразия – подкупы, интриги, доносы, что в целом привело к деморализации общества у сартов.

С приходом русской администрации изменилась и организация деятельности суда. До этого у сартов суд исполнялся по законам шариата казнями. Обычным явлением было отсечение рук, ног, смертные приговоры, продажа в рабство. Повсеместно имелись зинданы – ямы для содержания преступников, которые использовались как тюрьмы. Порядок в городах и крупных земледельческих поселениях поддерживали раисы (днем) и курбаши (ночью). Они по два раза в свое время суток объезжали город и имели право остановить любого человека и заставить его пересказать основные обязанности мусульманина по шариату, а также проверить на знание главных сур Корана. За незнание наказывали ударами (до 39) палкой. Раисы

контролировали учебный процесс в медресе. За пропаганду чуждых идей полагалась смерть для мударрисов (учителей).

У кочевников суд проводили бии. Эта должность была наследственной и переходила от отца к сыну. Суд совершался на основе родовых обычаев, сформировавшихся с древнейших времен. Как правило, все бии пользовались большим уважением в роду.

Российская администрация, исходя из Положений 1886 и 1891 гг., оставила кочевникам институт биев, но ввела их выборность. Предполагалось избирать от 4 до 8 биев на волость. Бием мог стать любой мужчина в возрасте старше 25 лет, не находящийся под следствием и не имевший судимостей. Это внесло неразбериху в состав биев, и нередко в их число попадали недостойные люди, получавшие эти места подкупом потенциальных избирателей. У сартов были отменены наиболее изуверские методы наказаний, ликвидировано рабство, зинданы, должности раисов и курбаши. Вместо казиев стали выбирать народных судей двух инстанций: единоличного судью (народный судья) и съезд народных судей как апелляционная инстанция. Однако Положения 1886 и 1891 гг. не указывали, как судить: по законам шариата или же по обычаю. К этому добавились еще и традиционные злоупотребления при выборах судей. Все это в целом приводило к неразберихе, когда старые судебные инстанции уже не работали, а новые еще были абсолютно неэффективны.

Большое внимание обращалось на организацию землепользования в крае. Земля по мусульманским законам являлась государственной собственностью, кроме мельков (частных земель) и вакуфов (земель духовенства). Земля находилась в общинном владении (чак). Если земля не обрабатывалась три года, то ее мог занять любой сарт-общинник из числа тех, кто первым передаст хану одну десятую часть этой земли. До 1886 г. русская администрация в крае ничего не меняла. С этого года по Положению сартам предоставлялось право пользования и распоряжения землей, но не давалось право полной собственности на землю. Для кочевников вопрос владения землей не стоял, поэтому для них не предусматривалось обладание земельной собственностью.

Одновременно с земельным для новых властей остро стоял вопрос организации сбора податей, часть которых шла на увеличение эффективности местного управления. До утверждения российской администрации в крае кочевники-казахи платили закят, который равнялся одной сороковой части со всего скота. Как правило, подсчитать точное число поголовья у каждого кочевника было не-

возможно и численность стада сознательно уменьшалась с целью снижения налога. Поэтому русская администрация перешла к кибиточной подати, т.е. платить стали с каждой кибитки. Эта мера помогла упорядочить взимание налогов с кочевого населения, скрыться от которых стало сложнее.

Оседлое население – сарты – издавна платили херадж, составлявший одну пятую часть урожая. Этой податью облагались все общественные земли, кроме мельковых и вакуфных. Херадж взимался после снятия и обмолота хлеба. Далее сарты обязаны были дать зерна выполняющим полицейские функции арычным, духовенству, нищим. Существовал также танапный сбор – сбор с земли (танап равнялся 1/6 десятины). Российская администрация первоначально оставила налог в прежнем виде, только размер хераджа определили в 1/10 часть урожая. С 1870 г. перешли к прямым окладам по волостям. Оплата равнялась бывшему хераджу и танапу.

К изменениям местного управления российские власти привнесли и светское образование в край. Традиционно обучение местного населения (особенно у сартов) проводилось в религиозных учебных заведениях – мактефах (школы) и медресе (высшие училища). Российская военная администрация во всех уездных городах открыла городские училища, а в Верном – мужскую и женскую гимназии. Цель называлась сразу – оторвать население от влияния мусульманского духовенства, особенно экстремистски настроенного (хотя в этом регионе такие встречались крайне редко). Говорилось о возможности перевести в школах обучение с арабского на русский язык. В целях ассимиляции и обрусения края поддерживалось усиленное заселение края (особенно Семиречья и Сырдарьинской области) русскими переселенцами. Но это движение сдерживалось недостатком средств и поселением переселенцев в радиусе 50-100 верст от уездных городов. Православие местному населению не навязывалось, но эта вера считалась господствующей в крае. Это означало, что только православная церковь могла активно проповедовать свою веру среди населения. Стали выделяться средства и на обустройство городов: появились административные кварталы, строились мосты через реки и каналы, практиковалось строительство дорог с твердым покрытием, разбивка парков, садов и бульваров. Вне городов ничего не предпринималось по обустройству населенных пунктов ввиду отсутствия средств.

Для степных областей вышло три положения по управлению духовными делами местных мусульман: 7 декабря 1883 г., 25 марта 1891 г. и 10 февраля 1895 г. По ним, заведование духовными делами

предоставлено муллам, избираемым из среды инородцев по приговорам обществ, причем утверждение, а также устранение избранного лица от этого звания принадлежит губернатору. Число мулл ограничено – по одному в волости. Официальные муллы установлены по тем соображениям, что надзор за деятельностью духовных лиц, признанных в этом звании правительством и потому действующих открыто, удобнее, чем за лицами, действующими тайно, под защитой тех, кто обращается к ним.

Избрание в каждой волости муллы не обязательно; не исключается отправление религиозных обрядов и треб лицами, не признанными официально духовными. Обязанности мулл не определены, им не придано значения органов управления. Поэтому на мулл не возложено ведение метрических записей. Муллы устранены от рассмотрения брачных и семейных дел в тех видах, чтобы дела не получали разрешения по шариату и тем не упрочивался ислам в степных областях. Признано было даже необходимым установить правило об ответственности мулл за вмешательство в названные дела как за самовольное присвоение власти. Брачные и семейные дела предоставлены ведению народного суда. Муллы подлежат платежу податей и другим повинностям наравне с киргизами. Возведение мечетей допускается только с разрешения высшей административной власти. Раньше административной практикой разрешалось строить не более одной мечети на волость из-за противодействия развитию мусульманства среди киргизов. Мечети и школы при них содержались за счет обществ без какого-либо пособия от казны, причем воспрещалось принуждать к участию в сборах на этот предмет лиц, не изъявивших на то согласия². Подобным же образом управлялась и Внутренняя Букеевская орда, включавшая три уезда Астраханской губернии, населенных казаками (или как их тогда называли – киргизами), которая была выделена из состава степных областей. Попытки создать для этого региона собственное устройство духовной жизни в 1873 и 1887 гг. не были утверждены³.

Таким образом, влияние русской военной администрации на местное управление имело двоякий характер. Во-первых, предпринимались попытки привнести в местные специфические условия демократические институты в управление снизу, которые уже стали появляться в самой России. С другой стороны, разрушение вековых укладов управления привело к хаосу и низкой эффективности местной власти, росту коррупции и неисполнения законов государства. С такими проблемами местного управления вошел Казахстан в XX в.

В секретном отзыве министра финансов С.Ю. Витте в октябре 1900 г. на проект «Временных правил об управлении духовными делами мусульман в Туркестанском крае» говорится: «Что же касается степных кочевников Туркестана, то едва ли существует необходимость в каких-либо мерах против мусульманской пропаганды, так как и без того почти все они исповедуют ныне эту религию. В отношении доступа имамов в среду киргизов-кочевников следует ограничить лишь доступ из числа бухарских подданных или же подданных других мусульманских стран»⁴.

В 80-е – 90-е гг. XIX в. произошли изменения в административно-территориальном делении Туркестанского генерал-губернаторства. В 1882 г. Семиреченская область была присоединена к Степному генерал-губернаторству, а в 1886 г. из земель Зеравшанского округа образована новая Самаркандская область. В 1891 г. в Памире произошло вооруженное столкновение русских войск с афганцами. Его результатом стало фактическое занятие Россией почти всего Памира и заключение русско-афганского договора от 27 февраля 1895 г. о русско-афганском разграничении на Памире. Такой договор был подписан в 1896 г. В 1898 г. к Туркестанскому генерал-губернаторству была присоединена Семиреченская и Закаспийская области и открыто железнодорожное сообщение между Андижаном и Ташкентом. В 1899 г. началось строительство железной дороги от Ташкента до Оренбурга.

После административно-территориального разграничения в Средней Азии встал вопрос об организации эффективного управления этой территорией. Российская администрация столкнулась с некоторыми особенностями в поведении мусульман в отношении к иноверцам. Прежде всего, собственную веру – ислам – они считали выше христианской. Очень гордились знакомствами с представителями различных администраций и старались навязать им свое общение, при этом часто выпрашивали для себя у них всевозможные льготы и вещи по причине их большой нужности и важности для них. Также мусульмане поощрялись бывшим административным аппаратом к даче ложных доносов против иноверцев. Поэтому нужен был такой порядок управления, который позволил бы туземному населению видеть в русской администрации защитников от произвола местной аристократии и, одновременно, не оттолкнуть знать от новой власти. Эти задачи следовало решать в условиях абсолютного преобладания мусульманской веры.

Понимая значение мусульманской веры для населения среднеазиатского региона, русская администрация не вмешивалась в во-

просы веры и обычаев, оставив также мусульманский суд. Новая российская администрация понимала, что поднять мусульман против нее могут только путем длительной и целенаправленной пропаганды фанатичной части мусульманского духовенства. Для ограждения местного населения от подобной пропаганды вводились ограничения на контакты с подданными из других мусульманских стран. Параллельно создавался суд по общегражданским российским законам. Управление территорией края осуществляли в основном военные. На низшем уровне управление передавалось местному населению. На содержание мулл воспрещались принудительные общественные сборы с мусульманского населения.

Таким образом, центральная власть Российской империи в среднеазиатском регионе подчинила местное население гражданским общероссийским законам, которые одновременно учитывали исламскую специфику региона. В вопросах веры мусульманам в Средней Азии давалась полная свобода, но запрещалось распространение ислама на новые слои населения, прежде всего, переселенцев из российских провинций.

¹ Свод законов Российской империи. М., 1910. Кн. 1. Т. 2. Ч. 1. С. 480. Это было зафиксировано в двух Положениях об управлении. Одно 1886 г. – Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областями и 1891 г. Положение об управлении Туркестанским краем.

² Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 279–280.

³ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917. С. 3. Уже в 1912 г. в отдельное управление были выделены Кубанская и Терская области, а также Ставропольская губерния.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 150. Д. 409. Л. 21 об., 24.

Е.Н. КОСТЫЛЕВА
(Рязань)

**РАЗВИТИЕ ОПЕРАЦИЙ КРЕСТЬЯНСКОГО
ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА ПО ПРИОБРЕТЕНИЮ ИМЕНИЙ
ЗА СЧЕТ СОБСТВЕННОГО КАПИТАЛА
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.
(по материалам Рязанской губернии)**

Начало нового периода в деятельности Крестьянского поземельного банка ознаменовалось законодательными изменениями. По утвержденному 27 ноября 1895 г. Уставу, он получал право приобретать земли за счет собственного капитала для последующей перепродажи их крестьянам¹. Это вносило отличие в деятельность Крестьянского банка по сравнению с другими кредитными учреждениями: он становился посредником для сторон, подбирая продавцов и покупателей по своему усмотрению, противодействовал скупщикам-спекулянтам земли и осуществлял важную функцию сохранения сословного принципа землевладения.

Основанием для покупки Крестьянским банком имений за счет собственного капитала в губерниях служила специальная инструкция, составленная и утвержденная управляющим банком 12 июня 1896 г. Статья первая указывала, что «покупки имений за счет банка производятся в тех случаях, когда ... имеется возможность продать эти земли покупателям из числа лиц, которым принадлежит право на пользование ссудами из банка»².

Спецификой Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка было то, что покупка им имений за счет собственного капитала была начата ранее законодательного оформления этой операции. По Высочайшему повелению от 26 августа 1893 г., банком было куплено 16.256 дес. земли в с. Песочня Сапожковского уезда для распродажи нуждающемуся местному населению³. Песочинское имение принадлежало земскому гласному, крупному общественному деятелю, либеральному помещику А.И. Кошелеву, внесшему большой вклад в открытие Отделения Крестьянского поземельного банка в губернии⁴.

Песочинское имение состояло «из центральной усадьбы и 12 хуторских хозяйств с оброчными статьями, базарной площадью, винокуренными заводами и тремя водяными мельницами»⁵. По данным «Краткого отчета двадцатилетней деятельности Крестьянского банка в Рязанской губернии», из-за бедности местного населения

отделением был выработан постепенный план ликвидации имения, одобренный Советом банка. Немедленная передача крестьянам части имения наложила бы на них непосильные ссуды, поэтому решено было сдать земельные участки в девятилетнюю аренду. Ряд льготных условий предполагал невысокую арендную плату, равную платежам по ссудам, и принятие в счет аренды сельскохозяйственных продуктов – ржи, овса и картофеля. Исправность поступления платежей обеспечивали растущие на данной территории хлеб и травы, пользоваться которыми до уплаты всей годовой арендной платы крестьянам не разрешалось. Если платежи не поступали вовремя, соразмерная им часть урожая изымалась⁶. В случае исправного поступления платежей в течение арендного срока крестьянам могли быть выданы крепостные акты на землю. При покупке земли ссуда выдавалась на 51 г. 6 мес. из расчета 6% годовых. Для облегчения потенциальным заемщикам условий выплаты ссуды полупроцентная годовая сумма арендных платежей записывалась в счет погашения будущего долга, вследствие чего ежегодные платежи по ссуде уменьшались⁷.

Впервые арендные контракты на данных условиях были заключены в ноябре 1895 г. Было сдано в аренду 7.865 дес. земли 11 сельским обществам и 2 товариществам. Крестьяне пользовались землей на правах собственности, арендная плата составляла 46256 руб. К 26 октября не было уплачено около 18 тыс., но эта сумма была обеспечена хлебом и сеном. По мнению выборного от земства члена Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка г. Сотникова, «уборка хлеба в общее гумно для обеспечения исправного взноса платежей в тех обществах и товариществах, где арендная плата была не полностью внесена, не вызывала со стороны крестьян никаких возражений»⁸. Это свидетельствовало о росте правового сознания крестьянского сословия, понимании необходимости исполнения возложенных на него обязательств.

Анализ лицевых счетов покупателей, приобретавших земли из Песочинского имения, свидетельствует о фактах высокой крестьянской задолженности. К 15 апреля 1904 г. она составляла 49.980 руб., что по объемам равнялось практически годовому платежу по ссудам. «Краткий отчет двадцатилетней деятельности Крестьянского банка в Рязанской губернии» объяснял это общим для Рязанской губернии правилом «неприемлемости для хозяйственного предприятия и выполнения обязательств по ссудам сельскохозяйственных сделок»⁹. Товарищества, приобретавшие земли из этого имения, являлись лучшими плательщиками по ссудам¹⁰.

В целях ликвидации скученности крестьянского населения часть арендаторов, чья земля была расположена слишком далеко от новых участков, было решено переселить на приобретаемые ими земли. Для переселенцев банк из запасов имения выдавал стройматериалы со скидкой до 50% и денежные пособия в размере 75 руб.¹¹ Уже в 1896 г. на арендуемых землях были образованы новые поселки – Поляковский из 7 дворов, Кривельский Кошелевского общества из 42 дворов и Кривельский Можаровского общества из 26 дворов. Впервые в 1897 г. крепостные акты были выданы 3 сельским обществам и 1 товариществу, получившим в собственность 1.482 дес. земли. А в 1899 – 2 сельским обществам и 1 товариществу на 549 дес.¹²

Параллельно с заботами об устройстве местного крестьянского населения банк занимался ликвидацией оброчных статей Песочинского имения и неподходящих крестьянам земельных угодий. В 1897 г. купцу Мартынову был продан Михеевский винокурный завод с мельницей и 24 дес. земли за 30.000 руб. В 1898 г. сапожковскому купцу Нестерову и крестьянину с. Песочни Рыбину была продана Кривельская мельница и участок в 185 дес. земли с лесными угодьями за 36.000 руб.

Из оброчных статей имения в 1897 г. была ликвидирована телеграфная станция. Банк давал обязательство в течение 3 лет бесплатно предоставлять помещение для служащих с отоплением и освещением, денежное пособие в 195 руб., из которых 75 руб. выдавалось единовременно на обзаведение необходимыми вещами и 120 руб. (по 40 руб. в год) на канцелярские принадлежности. В течение 3 лет было решено выдавать три раза в неделю параконную, а в остальные дни – одноконную подводы для доставки почты в г. Сапожок из конторы и обратно¹³.

В 1899 г. Крестьянский поземельный банк пересмотрел свою политику хозяйствования и постановил до окончания ликвидационных работ передать земельные и лесные угодья с. Песочня в заведование Министерству земледелия и государственных имуществ. Оно должно было ежегодно выплачивать учреждению 4,5% от рыночной цены переданных земель. На 1.141 дес. земельных угодий и 3.677 дес. земельных площадей цена составляла 937.000 руб.¹⁴

Крестьянский банк оставлял за собой право организации хозяйства и винокурения. Этим он поддерживал покупателей и арендаторов путем предоставления им условий наиболее выгодного сбыта сельскохозяйственных продуктов. В 1900 г. были выданы крепостные акты 10 сельским обществам и 1 товариществу, которые еще

пользовались землей на правах аренды¹⁵. Для облегчения условий покупателям банк уменьшил ранее установленную цену земли на 100.000 руб. в зависимости от качества и производительности каждого продаваемого участка¹⁶.

В течение всей ликвидационной деятельности Песочинского имения банком была безвозмездно передана земля Сапожковскому уездному земству под фельдшерский пункт, Епархиальному ведомству под двухклассное училище и двум Волостным правлениям. Администрация банка признавала общественный характер этих учреждений и их большое значение для местного населения. В 1901 г. после продажи Чернослободского участка с мельницей в 28 дес. купцу Полунину и Песочинской базарной площади Первому и Второму Песочинским сельским обществам ликвидация Песочинского имения была закончена. Общая прибыль от этой операции составила 509.763 руб. Рязанское отделение Крестьянского поземельного банка выполнило поставленную перед ним задачу: 15 малоземельным сельским обществам и 5 товариществам было передано более 11.100 дес. земли¹⁷.

Таким образом, администрация Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка раньше всех осознала необходимость расширения законодательных функций учреждения. План ликвидации имений, купленных банком за счет собственного капитала, предполагал льготную арендную плату и ставил своей целью расширение земельного обеспечения крестьянского сословия. Сохранение задолженности в поступлении платежей по ссудам объяснялось большим количеством сделок с сельскими обществами и неприемлемостью их для Рязанской губернии. Для облегчения ведения хозяйства были заранее оговорены вопросы о переселении крестьян и выдаче вспомогательного денежного пособия. Безвозмездная передача банком земель под общественно значимые объекты свидетельствовала о тесном сотрудничестве с земством, стремлении максимально учитывать нужды губернии. Вся ликвидационная деятельность Рязанского отделения была направлена на облегчение покупок крестьянами земли и упрочнение их благосостояния. Были предоставлены льготы в понижении продажной цены, выдаче ссуд без требования доплат, пособий на переселение и обеспечении сбыта сельскохозяйственных продуктов. Опыт распродажи земель Песочинского имения будет использоваться Рязанским отделением Крестьянского поземельного банка и в дальнейшем.

¹ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 151. Оп. 35. Д. 115. Л. 97 об.; Устав Крестьянского Поземельного банка. – СПб.: тип. Евдокимова, 1895. С. 15.

² Доклад члена Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка по выбору от земства г. Сотникова // XXXII Очередное Рязанское Губернское земское собрание. 3–17 декабря 1896 г. Рязань, типография М.С. Орловой, 1897. С. 230.

³ ГАРО. Ф. 151. Оп. 35. Д. 115. Л. 98.

⁴ ГАРО. Ф. 151. Оп. 21. Д. 74. Л. 12 об.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 13 об.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Доклад члена Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка по выбору от земства г. Сотникова // XXXII Очередное Рязанское Губернское земское собрание. 3–17 декабря 1896 г. Рязань, типография М.С. Орловой, 1897. С. 233.

⁹ ГАРО. Ф. 151. Оп. 21. Д. 74. Л. 17 об.

¹⁰ Там же. Л. 18.

¹¹ Там же. Л. 14 об.; Доклад члена Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка по выбору от земства г. Сотникова // XXXII Очередное Рязанское Губернское земское собрание. 3–17 декабря 1896 г. Рязань, типография М.С. Орловой, 1897. С. 233.

¹² ГАРО. Ф. 151. Оп. 21. Д. 74. Л. 15.

¹³ Доклад членов Рязанского отделения Крестьянского поземельного банка по выбору от земства С.С. Сотникова и П.А. Андреева // XXXIII Очередное Рязанское Губернское земское собрание. Т. I. Декабрь 1897 г. Рязань, типография М.С. Орловой, 1898. С. 428.

¹⁴ ГАРО. Ф. 151. Оп. 21. Д. 74. Л. 15 об.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 16 об.

¹⁷ ГАРО. Ф. 151. Оп. 21. Д. 74. Л. 16 об.–17.

Н.А. МИШАКОВА, Е.А. ЖАРКОВА
(Рязань)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА

Модернизация современного российского общества, процессы перемен в экономической, политической и идеологической жизни страны стали причиной переосмысления исторического прошлого России. В связи с этим обращение исследователей к проблемам государственного и общественно-политического развития России конца XIX века позволяет глубже проанализировать опыт проводимых реформ в России, уяснить проблемы адаптации к ним различных социальных слоев.

В конце XIX века С.Ю. Витте понимал необходимость быстрого индустриального развития страны. Он видел отставание России в развитии тяжелой промышленности и, исходя из этого, составил план индустриализации страны, который включал следующие основные задачи:

- усиление государственного регулирования промышленности путем предоставления кредитов и распределения госзаказов среди частных предпринимателей;
- первоочередное развитие базовых отраслей тяжелой промышленности: горнодобывающей, металлургической, машиностроительной, химической;
- широкое привлечение иностранного капитала в Россию: зарубежные предприниматели способствовали ускорению развития тяжелой промышленности в России, в страну поступали передовые технологии;
- защита отечественного производителя от иностранной конкуренции путем покровительственных таможенных тарифов;
- развитие банковского дела;
- государственный контроль и поддержка акционерных банков.

Обширный план преобразований С.Ю. Витте требовал значительных средств. Поэтому ему пришлось провести преобразования и в налоговой системе:

- увеличение доходов казны путем добавления к налоговым поступлениям торговой прибыли;
- введение винной монополии;
- поднятие качества алкогольной продукции;
- привитие населению культуры потребления крепких напитков;

– создание благоприятных условий для развития сельскохозяйственного винокурения, сбыт продукции которого в казну по твердым ценам был бы обеспечен.

Фискальное значение винной монополии было огромно: доходы от нее с 1897 по 1914 г. возросли с 52 млн руб. до 824 млн руб.

Кроме того, необходимо учитывать опыт акцизной политики в отношении сахара (рис. 1).

Проводимая реформа сопровождалась и изменением таможенной политики, реформой промыслового налога, отменой круговой поруки, повышением косвенных налогов.

С.Ю. Витте был заключен торговый договор с Германией, в результате чего было положено начало политике торговых соглашений с другими странами. В 1894 г. начали действовать конвенции России с Сербией и Австро-Венгрией, в 1895 г. – с Данией, в 1896 г. – с Португалией. Все они были основаны на предоставлении друг другу режима наибольшего благоприятствования в торговле.

Действовавший в России промысловый налог давно подвергался критике за его недостаточное участие в пополнении бюджета. В 1898 г. поступления от промыслового налога составляли всего 3,2% бюджета. Вскоре после вступления в должность министра фи-

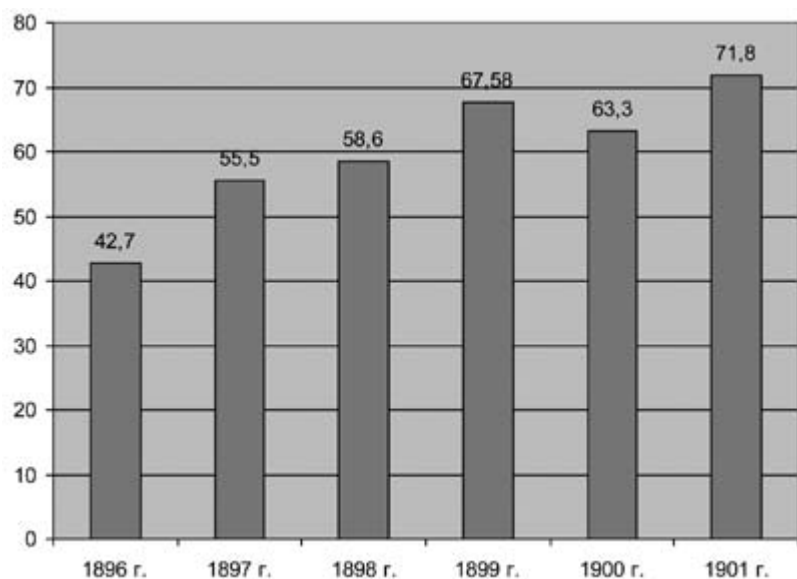

Рис. 1. Поступления сахарного акциза в 1896–1901 гг., млн руб.

нансов С.Ю. Витте образовал комиссию для пересмотра и реформирования промыслового налога. По новому закону, государственный промысловый налог включал в себя основной и дополнительный. Последний предусматривал уплату налога с капитала, процентного сбора с прибыли и раскладочного сбора. Новый закон, безусловно, ввел более справедливое обложение торговых и промышленных предприятий промысловым налогом: усилено обложение крупных предприятий за счет ослабления мелким. Увеличение поступлений в связи с введением нового налога оценивалось в 13 млн руб., а общее поступление – в 54,8 млн руб.

Следовало бы привести еще одну причину – отсутствие достаточных условий для повышения производительности крестьянского хозяйства, его платежеспособности (сохранение общинных порядков, круговая порука). И 7 февраля 1894 г. был принят закон, который допускал отсрочки и рассрочки недоимки по выкупным платежам по ходатайствам местных учреждений по крестьянским делам. Закон от 13 мая 1896 г. предоставил еще более значительные льготы: речь шла не о рассрочке, а о пересрочке – отодвигании установленных реформой 1861 г. сроков выкупных платежей на новые сроки – 56 лет, 41 год и 28 лет с начислением 4,5, 5 и 6%.

С.Ю. Витте скрупулезно анализировал преимущества и недостатки прямых и косвенных налогов¹. Теоретические исследования в данной области привели к выводу, что обе формы обложения имеют как достоинства, так и недостатки и, следовательно, наиболее эффективную налоговую систему можно построить только на основе их сочетания (таб. 1).

Вместе с тем, Витте подчеркивал важные преимущества косвенных налогов, а именно – их продуктивность. Это во многом объясняется быстрым ростом потребления. При росте благосостояния, увеличении численности населения без изменения ставок налога можно обеспечить постоянный рост доходов. Следующее преимущество косвенных налогов, на которое обращает внимание С.Ю. Витте, – возможность регулирования потребления: «Повышая размер налога и тем удорожая тот или иной продукт, государственная власть может влиять на уменьшение размеров его потребления в видах, например, народного здоровья, общественной нравственности и т.п., как это имеет место в отношении спиртных напитков»².

Таким образом, многое из происходящего ныне – поиск путей выхода из экономической ситуации, становление парламентского строя, соотношение реформаторских и революционных преобразований – имеет аналог в отечественной истории конца XIX в.

Таблица 1

Сравнение преимуществ и недостатков прямых и косвенных налогов

	Прямые налоги	Косвенные налоги
преимущества	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечивают известный заранее и гарантированный доход государственному бюджету. 2. Более справедливы, так как соизмеряются с платежеспособностью плательщика, позволяют применять освобождение малых доходов и имуществ. 3. Менее дестимулируют рост экономики, более нейтральны к результатам производства. 4. Требуют значительно меньших административных расходов по их взиманию. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обеспечивают больший фискальный эффект для государственного бюджета. 2. Являются завуалированной формой фиска, незаметной и раздражающей потребителей, где утрачивается непосредственная зависимость между платежом налога и осознанием этого платежа. 3. Платежи по этим налогам менее обременительны для потребителей, для государства они не могут сопровождаться существенными недоимками как одномоментные выплаты прямых налогов. 4. Дают право выбора плательщикам и возможность избежания обложения путем отказа от потребления, обложенного налогом товара.
недостатки	<ol style="list-style-type: none"> 1. Не оставляют права выбора плательщикам, платить или не платить эти налоги. Для того, чтобы не платить, нужно тогда не иметь дохода или имущества. 2. Психологически более заметны и обременительны для плательщиков. 3. Процесс их собирания характеризуется большей недоимкой. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Дестимулируют экономический рост, наиболее пагубны для развития предпринимательства, особенно малого. 2. Наиболее тяжелым бременем ложатся на бедные слои населения. 3. Требуют значительно больших административных расходов по взиманию. 4. Характеризуются непостоянством в качестве источников доходов бюджета. 5. Являются источником инфляции издержек.

ЧАСТЬ IV

ВКЛАД БИБЛИОТЕК И МУЗЕЕВ В ДЕЛО СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О М.Д. СКОБЕЛЕВЕ

¹ Корелин А.П. С.Ю. Витте и бюджетно-финансовые реформы в России конца XIX – начала XX века // Отечественная история. 1999. № 3. С. 42–64.

² Расков Н.В. Контуры политико-экономической системы Витте // Проблемы современной экономики. 2002. № 1. С. 124–131.

Е.В. КРИСАНОВА
(Москва)

**ЛИТЕРАТУРА О М.Д. СКОБЕЛЕВЕ В ФОНДАХ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ**

Казалось, русская природа
Его из меди отлила
И в руки меч ему дала
Во славу Русского народа
(Я.П. Полонский. 25 июня 1882 г.)¹

Полководец, «Суворову равный», «Белый генерал» – так называли М.Д. Скобелева современники. После смерти на народные пожертвования М.Д. Скобелеву был поставлен памятник в самом центре Москвы². Литература, которая отражает биографические факты короткой жизни выдающегося русского полководца М.Д. Скобелева, особо отличившегося в освободительной войне болгарского народа против Турции в 1877–1878 гг., состоит из ряда воспоминаний, зарисовок и отрывков, стихов и исторических романов. Уже при жизни в его честь слагались стихи, песни и драматические произведения – такая потребность была в гениальном и мудром вожде на фоне надвигающихся войн и революций, такое желание, чтобы пришел герой и защитил, что Скобелева сравнивали с былинными и народными любимцами, такими, как Ермак, князь Игорь, Илья Муромец, великан Святогор.

Михаил Дмитриевич Скобелев был четвертым военным в славном рязанском роде. Прадед его, крестьянин, дослужился до сержантского чина, что давало ему по тем временам право стать помещиком-однодворцем, то есть получить надел земли без крепостных душ. Дед Скобелева Иван Никитич Скобелев, сподвижник Кутузова, также прошёл путь от солдата до генерала и коменданта города Санкт-Петербурга; известен он был и своими мастерскими рассказами из солдатской народной жизни, имевшими в свое время довольно большую популярность. Отец полководца, генерал Дмитрий Иванович Скобелев – участник Крымской кампании 1853–1856 гг., Кавказских походов и Русско-турецкой войны – помог сыну в войну получить должность в действующей армии. Мать Михаила Дмитриевича, Ольга Николаевна, урожденная Полтавцева, была женщина интересная, с характером властным и настойчивым. Она очень любила сына, посещала его даже в походной обстанов-

ке. Похоронив мужа (1879 г.), она решила посвятить себя помощи больным и раненым и отправилась на Балканский полуостров, где возглавила отдел Красного Креста. Ею был открыт приют для 250 детей в Филипполе, приюты и школы в других болгарских городах. В 1880 г. она была убита под Филипполем разбойниками. Судьбы каждого члена этой славной русской семьи заслуживают быть увековеченными в литературе.

Литература дореволюционного периода в память о безвременно ушедшем герое и любимце российского общества издана в недорогих и популярных сериях для «чтений в войсках и народа». Выходили эти издания в товариществе И.Д. Сытина, в серии «Жизнь замечательных людей» Ф. Павленкова. Военный еженедельник «Разведчик», «Военно-исторический сборник» и другие патриотично настроенные издания Москвы, Санкт-Петербурга и других городов Российской империи печатали рассказы, заметки, памятки, стихи о Скобелеве. По всему видно, что утрата была чувствительная для русского общества.

Эта литература отражает политические настроения в обществе, дипломатические и военные взаимосвязи, роль генерала М.Д. Скобелева и его авторитет, интересы по многим вопросам политики и экономики и реакцию общества на его внезапную смерть от сердечного приступа.

Мы предлагаем вниманию ряд публикаций, хранящихся в Отделе военной литературы Российской государственной библиотеки, как дореволюционного периода, так и нового времени. Публикации современников М.Д. Скобелева наполнены не только большой любовью и благодарностью, но и критическим разбором поведения и подвигам воинов на войне.

Описание черт характера генерала, эпизоды из его жизни, его высказывания о литературе, об истории, военном искусстве и политике составляют содержание посмертных публикаций. Надо отметить, что в этих работах различные точки зрения авторов (в основном, современников и соратников) на поведение и политические симпатии М.Д. Скобелева не мешают отмечать его особое место в истории Российского государства.

Литература послереволюционного периода хранила молчание о человеке, который так много сделал для славы и могущества Родины, что имя его уже при жизни стало легендой, и не только в родной стране. В Болгарии – настоящий культ генерала М.Д. Скобелева: его именем названы села, парки и улицы. Памятники стоят незыблемо. Талантливый полководец и бесстрашный воин сделал, казалось,

невозможное, что решило судьбу болгарского народа, освободившегося от многовекового турецкого ига.

Но с 90-х гг. XX в. появилась необходимость вспомнить, что люди незаслуженно преданные забвению, посвятили себя без остатка служению Отечеству. Зная, как тяжела и полна лишений воинская служба, как беззаветно исполняли русские солдаты свой долг перед родиной, генерал Скобелев их высоко ценил и заботился о них. Непритязательный в личной жизни, Михаил Дмитриевич, получив наследство, писал: «Я, к крайнему своему удивлению, оказался богатым человеком. И рад этому... теперь моим боевым товарищам помогать стану... Я думаю отставных солдат селить у себя. Дам им какие-нибудь задания, чтобы они не думали, что едят хлеб даром... а умру – село Спасское по завещанию обращу в Инвалидный дом»³.

Аннотированный материал дореволюционного периода и нового времени располагается по разделам: «Приказы, рапорты, записки и письма генерала М.Д. Скобелева», «Воспоминания и памятные публикации», «Народные произведения, посвященные герою», «Зарубежные публикации», «Справочная литература» в алфавитном порядке по фамилиям авторов или названий. В конце каждого периода дан раздел «Публикации в периодических изданиях» (не имеющие аннотаций). Описание производилось согласно стандартным документам ГОСТ 7.1–2003 и ГОСТ Р7.0.12-2011.

В век современных информационных технологий стало возможным получить полнотекстовый доступ к ряду изданий о генерале М.Д. Скобелеве конца XIX – начала XX вв. из фондов Российской государственной библиотеки, которые были оцифрованы и размещены в электронной библиотеке РГБ.

Литература доступна широкому пользованию и может помочь в гуманитарных исследованиях.

Литература дореволюционного периода

и зарубежные издания

Приказы, рапорты, записки

и письма генерала М.Д. Скобелева

«Белый генерал», его геройские подвиги и заветы для офицеров и солдат / М.Д. Скобелев. – Москва: И.Д. Сытин, т-во, 1915. – 32 с.

Отношение к родине, военной науке, войне, к солдатам и офицерам, государственным интересам составляют содержание небольшой брошюры, представляющей из себя «Памятку» для солдат и офицеров Русской армии. М.Д. Скобелев писал: «Война всегда

должна быть честной. Всегда должна вдохновляться высокой целью. Честная война подымает лучшие, благороднейшие, бескорыстные порывы в людях: любовь к родине, жажду умереть за Отечество и чувство общности и братства между людьми, стоящими за святую правду» (стр. 32).

Письма М.Д. Скобелева К.П. фон Кауфману // Воен.-ист. сборник. – 1914. – № 1. – С.189–200: ил.

Письма датированы 18 августа 1876 г. и сообщают генерал-губернатору Туркестана о положении дел военной кампании в Средней Азии.

Приказы генерала М.Д. Скобелева: 1876–1882 / ред. инженер-капитан Маслов. – Санкт-Петербург: А.С. Суворин, тип., 1882. – 172 с.

В настоящий сборник вошли избранные приказы, относящиеся ко всему периоду самостоятельной военной деятельности генерала М.Д. Скобелева. В приказах отражены глубокое сознание долга, патриотизм и знание военного дела. Сам М.Д. Скобелев всегда делал то, что требовал от других.

Приказы Скобелева: 1877–1878/ сост. капитан Ген. штаба Марков. – Белосток: М. Пружанский, тип., 1907. – 72 с.

«Всех офицеров прошу побольше читать, что до нашего дела относится» (из приказа М.Д. Скобелева по войскам Ферганской области 30 ноября 1876 г. № 418). Главная черта приказов генерала была – «сегодня приказать, а затем завтра, послезавтра, постоянно и настойчиво следить за выполнением этих приказаний», – отмечает составитель этого сборника. В особую заслугу М.Д. Скобелеву ставится его необыкновенная забота о подчиненных и знание солдата. Но главное – практические советы на каждый отдельный случай в новых условиях военной практики.

Скобелев, М.Д. Мнение командира 4-го армейского корпуса генерал-адъютанта Скобелева об организации местного военного управления и о корпусах / М.Д. Скобелев. – [Б.м., б.и.], 1881. – 9 с.

Содержание профессионального отчета, которое отражает устройство окружных и корпусных управлений, интендантства, генерального штаба.

Скобелев, М.Д. Осада и штурм крепости Денгиль-Тепе (Геог-Тепе) / М.Д. Скобелев. – Санкт-Петербург: В.А. Полетика, тип., 1881. – 64 с.: карт., схем. – (Военный сборник).

Рапорт главнокомандующему армии с операционной картой и планами о положении дел в военной кампании.

Воспоминания и памятные публикации

Абаза, К.К. «Белый генерал» («Ак-паша») / К.К. Абаза. – Санкт-Петербург: В. Березовский, ценз., 1905. – 46 с.: ил., портр. – (Солдатская библиотека. № 328а.)

Автор – Константин Константинович Абаза (1841–1905) – полковник в отставке, русский писатель, автор многих учебных книг для просвещения народа. Публикация с портретом героя, иллюстрациями сражений и планом окрестностей Плевны предназначалась для солдатской среды.

Адам, Ж. Генерал Скобелев/ Ж. Адам. – Санкт-Петербург: В.С. Балашев, тип., 1886. – 55 с.: портр.

Французская писательница и общественный деятель Жюльетта Ламбер (Адам) (1836–1936) лично была знакома с «Белым генералом», увлекалась его идеями. В её воспоминаниях отражены политические и экономические взгляды М.Д. Скобелева. Она отмечала, что «это был человек столь возвышенного ума и чувств, что он вполне допускал мнения, которые сам не признавал... это была личность, до такой степени выходящая из ряда обыкновенных, что его нельзя было мерить одним масштабом с другими смертными» (стр. 54).

Апушкин, В.А. Скобелев о немцах: его заветы Славянству/ В.А. Апушкин. – Петроград: И.Д. Сытин, т-во, 1914. – 100 с.: портр.

Данная книга отражает расстановку политических сил и экономики в Европе в период 1879–1882 гг. Предупреждение на основе серьезных практических, военных и научных наблюдений покойного М.Д. Скобелева о скорой войне с Германией. Его имя всплыло, как только началась война с немцами в 1914 г. Девиз М.Д. Скобелева – «Мой символ краток: отечество, наука, свобода и славянство» – стал для многих близким в это время. Книга содержит портрет М.Д. Скобелева, автограф генерала, список литературы по данной теме, а также личный автограф автора публикации с дарственной надписью другу.

Аренс, Е. Скобелев и моряки / Е. Аренс // Разведчик № 1139. – Санкт-Петербург, 1912. – С. 564–566.

Публикация в военном еженедельнике по случаю открытия в Москве памятника М.Д. Скобелеву рассказывает о взаимоотношениях двух прославленных русских военачальников – генерала М.Д. Скобелева и адмирала С.О. Макарова (1848–1904) – на арене военных действий в Босфоре. По утверждению автора, «Скобелев и Макаров – это настоящие русские витязи, родственные натуры, братья по духу...». Автор призывает к великому братству, которым «должны быть неразрывно связаны у нас на Руси армия и флот».

Артамонов, Л.К. Покорение туркмен-текинцев русскими войсками под начальством генерала Скобелева в 1880–1881 гг. / Л.К. Артамонов. – Санкт-Петербург: М.М. Стасюлевич, тип., 1884. – 32 с.: портр., ил.

Благодаря рисункам, несмотря на краткий текст, публикация дает яркое представление о тяготах и необходимости военного похода в Среднюю Азию. Автор, очевидец и участник этих событий, посвящает «скромный труд свой в память М.Д. Скобелева, всех почивших участников и товарищей славного похода с благоговением и любовью».

Белый генерал Михаил Дмитриевич Скобелев/изд. Т.П. Мятлева. – Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1909. – 23 с.

Данное издание является пояснением к картинам волшебного фонаря (проекторного аппарата) серии 2-й: 19 картин изображают военные эпизоды жизни М.Д. Скобелева, его подвиги, отношение к покоренным городам и пленным с приложением жизнеописания, составленного по книжке С. фон Дитмара «Памяти Скобелева».

Венок в память Михаила Дмитриевича Скобелева: сборник / изд-во. – Санкт-Петербург: С. Добродеев, тип., 1882. – 64 с.: портр.

Все, что печаталось в газетных статьях на смерть М.Д. Скобелева: телеграммы в хронологическом порядке, стихи и биографические данные, а также последние воинские приказы самого генерала.

Верещагин, А.В. Новые рассказы. 1855–1895 / А.В. Верещагин. – Санкт-Петербург: В.А. Березовский, тип., 1900. – 220 с.

Автор Александр Васильевич Верещагин (1850–1909) – генерал-майор, писатель, брат знаменитого художника. Он описал события Русско-турецкой войны и военных действий в Туркестане. «Скобелев за Дунаем и в Ахал-Теке (воспоминания очевидца 1877–1881 гг.)» – так называется часть книги, посвященная генералу М.Д. Скобелеву.

Верещагин, В.В. На войне: Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 г. / В.В. Верещагин. – Москва: И.Д. Сытин, т-во, 1902. – 410 с.: портр., ил.

Книга написана выдающимся русским живописцем и писателем Василием Васильевичем Верещагиным (1842–1904). Его впечатления и зарисовки, а также репродукции его картин иллюстрируют войну с турками, глумление врагов над пленными русскими солдатами. Много военных эпизодов посвящено М.Д. Скобелеву, с которым автор был лично знаком. Эссе на стр. 287–410 написано на смерть «Белого генерала», в память о добром знакомстве и восхищении его личностью. На стр. 299 помещен портрет генерала

М.Д. Скобелева с автографом «В.В. Верещагину. На память 1877 года. М. Скобелев. Г. Плевна XII 77».

Верещагин, В.В. На войне в Азии и Европе / В.В. Верещагин. – Москва: И.Н. Кушнеров и Ко, 1894. – 370 с.

В память о минувших сражениях, о погибших солдатах, о генерале М.Д. Скобелеве – о людях, с кем художнику пришлось пережить тяготы войн, написана эта книга. Рассказам его не верили коллеги по художественному цеху, но приносили глубокие извинения, когда в газетах объявлялись награжденные за отвагу и подвиги воины: среди имен награжденных было имя Василия Васильевича Верещагина, воина, путешественника, художника и военного товарища генерала М.Д. Скобелева.

Витмер, А. Генерал Левицкий (столкновения его со Скобелевым) / А. Витмер. – Севастополь: Д.О. Харченко, электропечатня, [Б.г.]. – 147 с. – (Что видел, слышал, кого знал: Воспоминания).

Автор пишет о тех, кого знал и любил: «О мертвых правду, одну только правду». В данной книге отразились противоречия двух ярких личностей, соперников, горячность которых могла стоять обоям карьеры. Помощник начальника полевого штаба в Русско-турецкую войну Казимир Васильевич Левицкий (1835–1890) и Михаил Дмитриевич Скобелев разнились характерами и часто ссорились, что приводило их почти к дуэли, если бы преданные и благородные друзья не приходили на выручку.

Витмер, А. Скобелев и его юность: Задачи русского флота / А. Витмер. – Санкт-Петербург: Н.Я. Стойкова, т-во, 1910. – 139 с. – (Что видел, слышал, кого знал: Воспоминания).

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена годам становления личности М.Д. Скобелева (учеба, отзывы воспитателя француза Д. Жирардэ). Вторая – войне с Японией на Дальнем Востоке в 1904 г. И, конечно же, риторический вопрос мучает автора: как сложилась бы обстановка на этой проигранной войне в Маньчжурии, если бы не безвременная смерть «Белого генерала» М.Д. Скобелева.

Гейсман, П.А. М.Д. Скобелев / П.А. Гейсман. – Санкт-Петербург: электропечатня, 1901. – 24 с.

Выступление генерал-майора П.А. Гейсмана в торжественном собрании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества 18 февраля 1901 г. с памятным словом о генерале М.Д. Скобелеве, о его воинской доблести, человеческой порядочности, личном достоинстве, несмотря на клевету и ложные обвинения в честолюбии. Автор отмечает глубокий интерес

М.Д. Скобелева к политике Австро-Венгрии и Германии после франко-германской войны 1870–1871 гг., его внимание к литературе этих стран, особенно военного характера, где всё более начинали обозначаться захватнические настроения австрийских офицеров генерального штаба.

Генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Скобелев: краткое жизнеописание / ред. журн. «Чтение для солдат». – Санкт-Петербург: Братья Пантелеевы, тип., 1882. – 36 с.: ил.

Расширенный некролог, выпущенный отдельным изданием на смерть генерала М.Д. Скобелева, начинающийся с телеграммы императора, где смерть генерала названа потерей, «трудно заменимой для русской армии». Публикация снабжена рисунками, на которых изображены эпизоды пребывания генерала на войне с Турцией.

Генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Скобелев / сост. командование войсками Туркестанского воен. округа. – [Б.м.], штаб Туркестан. воен. окр., 1907. – 82 с.: портр.

Памятное издание содержит «Приказ войскам Ферганской области (г. Коканд, 8-го февраля 1877 г.)» М.Д. Скобелева, описание его боевого пути, а также горестные слова и стихи современников (князя Горчакова, А. Суцова) по поводу безвременной смерти героя.

Градовский, Г.К. М.Д. Скобелев: этюд по характеристике нашего времени и его героев / Г.К. Градовский. – Санкт-Петербург: И.С. Леви, тип., 1884. – 113 с.

Исследование политической обстановки в Европе, критическое отношение к воинственным призывам в среде российской общест-венности и историческая роль генерала М.Д. Скобелева представлены в данной небольшой публикации для объективного рассмотрения и размышления. Главная мысль автора состоит в том, что надо прежде решать противоречия в собственном государстве и быть очень осторожными в международной политике.

Гринев, С.А. М.Д. Скобелев за Дунаем: воспоминания / С.А. Гринев. – Киев: Крыжановский и Авдюшко, тип., 1894. – 92 с.

О встречах с генералом М.Д. Скобелевым рассказывает офицер саперной роты, входившей в речную команду. Первая встреча произошла, когда победы в битвах при Ловче, Плевне и Шейново были еще далеко впереди. Так как автор был боевым офицером и увлекался рисованием, то портретные характеристики даны ярко и образно. Все тяготы войны, которые легли на плечи русских солдат, описаны честно, с болью. В канву повествования вплетены стихи неизвестного поэта-дипломата: «Каким именем я назову – Пережитую ту эпопею, – Тот чудовищный сон наяву? – Без обоза, в лохмотьях

босая – Через горы, через снег, через лед – Эта серая сила святая – Совершила бессмертный поход – Да, – взирал целый мир в удивлении, – Как пошли мы врага попираТЬ...» (стр. 68).

Дитмар, С. фон. Русскому народу и русскому солдату на память о М.Д. Скобелеве / С. фон Дитмар. – Санкт-Петербург: Учрежд. глухонемых, 1908. – 59 с.: портр., ил.

По мнению современников автора, данная книга, написанная к 25-летию со дня смерти генерала М.Д. Скобелева, достойна внимания тем, что «просто и хорошо говорит о великом русском человеке». В публикации помещены стихи поэта В.И. Иванова «Памяти М.Д. Скобелева», которые начинаются словами: «Я помню, как Москва рыдала – Над этим прахом дорогим – И как вся Русь ей отвечала – Рыданьем горестным своим». Автор отмечает, что «после Суворова трудно найти другого человека, в котором одновременно совмещались бы образы рыцарски храброго воина, заботливого друга солдат, образованного генерала и высоко даровитого полководца, умевшего подчинять своей воле всех окружающих». Портрет генерала Скобелева, проект памятника герою и сцены военных сражений дополняют эту небольшую работу.

Дукмасов, П.А. Со Скобелевым в огне: воспоминания о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и о М.Д. Скобелеве / П.А. Дукмасов. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Муззер и Ко, 1895. – 488 с.: карт.

Петр Архипович Дукмасов (1854–1896) – есаул Донского казачьего войска, был ординарцем генерала М.Д. Скобелева во время Русско-турецкой войны за освобождение Болгарии. Он подробно и ответственно излагает все детали и эпизоды военной кампании, участником которой он был. Между автором и генералом М.Д. Скобелевым была большая разница в положении, воспитании, образовании. Но оба были едины в горячей любви к родине, оба отважны и храбры, оба честно и ревностно исполняли свой долг перед царем и отечеством. Книга состоит из нескольких частей: служба и деятельность в сотне, эпизоды со Скобелевым на полях сражений и поход из Адрианополя в Константинополь, мирное пребывание на турецкой территории близ исторического Босфора. Кроме того, в книгу вошел рассказ М.Д. Скобелева о Хивинской и Кокандской экспедициях. Повествование проиллюстрировано картами и факсимильными автографами генерала М.Д. Скобелева.

Ермилов, В. «Белый генерал», его геройские подвиги и заветы для офицеров и солдат / В. Ермилов. – Москва: И.Д. Сытин, т-во, 1915. – 32 с.: портр.

Аналитическая статья, которая разъясняет и комментирует наставления генерала М.Д. Скобелева, приводит примеры личных поступков и решительных действий самого генерала. Человечное отношение к солдатам и нетерпимость к расправам и телесным наказаниям сделали его абсолютным авторитетом среди войск. «Все верили в Белого генерала, каждый шел по первому его зову, куда угодно» (стр. 15).

Ермилов, В. В Берлин! Что предсказал М.Д. Скобелев о войне с немцами / В. Ермилов. – Москва: И.Д. Сытин, т-во, 1915. – 31 с.: портр., фот.

Небольшая по объему книжка дает представление о настроении русского общества в Первую мировую войну 1914–1918 гг. Рассуждения покойного генерала М.Д. Скобелева о характере и нравах, воспитании и общественном сознании в Германии стали актуальны в этот период. По мнению автора, причины, приведенные в статье генерала, привели к общеевропейской войне. Он цитирует слова М.Д. Скобелева: «Побеждает тот, кто защищает правое дело. А мы выиграем в борьбе, потому что не мы начали распрю, мы только будем обороняться. Ведь воевать только тогда надо, только тогда и простительна война, когда я защищаю, когда я обороняю своих или себя. А вот война корыстная, война ради захватов, ради интересов честолюбивого государя и его фамилии – это – подлость, позор!.. Черными пятнами на королях и императорах лежат такие войны...». В книге есть фотографии царственных особ Германии и Австро-Венгрии.

Жизнеописание Михаила Дмитриевича Скобелева. – Санкт-Петербург: Добродеев, тип., 1882. – 16 с.: портр.

Небольшая памятная публикация на смерть генерала М.Д. Скобелева содержит портретное изображение генерала. Помимо основного содержания сюда вошли хронологическая таблица выдающихся событий из жизни М.Д. Скобелева, стихи А. фон Беземана, а также случаи, рассказы и анекдоты.

Казначеев, И.В. Генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Скобелев: 1843–1882: биографический очерк / И.В. Казначеев. – Петроград: Гл. упр.воен. – уч. заведений, 1916. – 55 с.: ил., карт., портр.

В очерк вошли исторические события и факты из жизни генерала М.Д. Скобелева. Перечислены источники и публикации, по которым было составлено данное учебное пособие.

Как русские взяли Берлин в 1760 г. Скобелев о немцах // Библиотека Европейской войны 1914 г. № 6. – Одесса: С.К. Цессарский, тип. «Порядок», 1915. – 16 с.

Журналистские публицистические очерки, формировавшие патриотическое настроение в обществе в Первую мировую войну, называвшуюся Второй Отечественной после 1812 г.

Кашкаров, Д.Д. Взгляд на политику, войну, военное дело и военных Михаила Дмитриевича Скобелева / Д.Д. Кашкаров. – Санкт-Петербург: М.М. Стасюлевич, тип., 1893. – 260 с.: прилож.

Материалом к написанию этой книги, по словам автора, послужили письма, записки, приказы и свидетельства лиц, хорошо знавших генерала М.Д. Скобелева. Автор не разбирал взгляды Скобелева критически, а только собрал, систематизировал их и популярно изложил, «желая тем способствовать большему распространению их в армии». Приложение состоит из речей и инструкций генерала Скобелева.

Куропаткин, А.Н. Ловча, Плевна и Шейново (из истории русско-турецкой войны 1877 г.) / Куропаткин, А.Н. – Санкт-Петербург: В.А. Полетика, тип., 1881. – 218 с.

А.Н. Куропаткин, впоследствии ставший генералом и военным министром России (1898–1904), известен как автор военно-исторических и военно-географических работ. В период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. служил в должности начальника штаба отряда генерала М.Д. Скобелева. Он лично участвовал в сражении под Ловчей и в атаке 30-го и 31-го августа на Плевну был контужен. При переходе отряда Скобелева через Балканы (25 декабря 1877 г.) Куропаткин был тяжело ранен и вынужден был оставить сражение. Публикуемая работа дает детальное описание действий отрядов М.Д. Скобелева.

Михаил Дмитриевич Скобелев / ред. «Досуг и дело» – Санкт-Петербург: «Обществ. польза», тип., 1882. – 50 с.: ил.

Краткое описание жизни и боевых заслуг М.Д. Скобелева с репродукцией картины «Скобелев под Плевной 30 августа 1877 г.» и стихотворением унтер-офицера Григория Киселева, назвавшего генерала Скобелева «путеводителем русского солдата».

Михаил Дмитриевич Скобелев, его жизнь и служба Родине / изд. Н.К. Кодя. и И.С. Матросов. – Москва: «Московский телеграф», тип., 1882. – 79 с.: портр.

Памятное издание на смерть М.Д. Скобелева со стихами и выдержками из зарубежных газет.

Немирович-Данченко, В.И. Скобелев: личные воспоминания и впечатления / В.И. Немирович-Данченко. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1884. – 383 с.: портр., прилож.

Биография генерала Скобелева дополнена его портретами, включая изображение на смертном одре, отрывками писем к раз-

ным лицам и факсимиле письма М.Д. Скобелева по поводу положения дел в Сербии.

Немирович-Данченко, В.И. Собрание сочинений: в 18 т. Т. 16: Профили и зигзаги / В.И. Немирович-Данченко. – Санкт-Петербург: «Просвещение», 1914. – 359 с. – (Всемирная библиотека).

Жизнь и деятельность М.Д. Скобелева, его письма, рассказы о незабываемых встречах с героем помещены на страницах 244–273, 290–313 литературного труда, где отражены события, очевидцем которых был автор, военный корреспондент и писатель Василий Немирович-Данченко (1848–1936), старший брат режиссера и основателя Московского Художественного Театра Владимира Немировича-Данченко.

Новая славная 9-ти часовая победа генерала Скобелева над текинцами и взятие Геок-тепе и Денгель-тепе / ред. Н.К. Барков. – Москва: Малюков и Ко, 1881. – 15 с.: портр.

Отклик на победу русских войск под предводительством генерала М.Д. Скобелева в Средней Азии 12 января 1881 г.

Нотович, Н.А. Жизнеописание славного русского героя и полководца генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Михаила Дмитриевича Скобелева / Н.А. Нотович. – Санкт-Петербург: «Народная польза», 1882. – 32 с.

Содержание книги представлено описанием жизни героя, его участием в делах и подвигах, короткими историями и последним армейским приказом. Дан хронологический указатель событий.

Полянский, М.И. Памяти Михаила Дмитриевича Скобелева: биографический очерк / М.И. Полянский. – Вып. 1. – Санкт-Петербург: О-во ревнителей воен. знаний, 1908. – 91 с.: ил., портр., схем.

Как сказано в предисловии от автора, «просвещение и образованность народов познаются мерою почтительной памяти, воздаваемой ими людям, ознаменовавшим себя подвигами на пользу отечества». Автор называет себя скромным компилятором довольно скудных материалов по биографии М.Д. Скобелева и так видит свою задачу: дать читателю возможность в простом, ясном и образном рассказе современников узнать и полюбить гениального полководца.

Портрет М.Д. Скобелева // Разведчик. – 1899. – № 474. – С. 972.

Портрет с факсимильным автографом генерала Михаила Дмитриевича Скобелева помещен в числе портретов участников завоевания Туркмении (1880–1881) как одна из иллюстраций к рецензии на статью А.Н. Куропаткина (стр. 980).

Портреты русских генерал-адъютантов: альбом. – [Б.м., Б.г.]. – [74] с.

Альбом ручной работы с портретами генерал-адъютантов, среди которых помещен портрет М.Д. Скобелева.

Сеславин, Д.Н. М.Д. Скобелев: биографический очерк / Д.Н. Сеславин. – Киев: Харьков: Ф.А. Иогансон, кн. изд-во, 1899. – 39 с.: портр. – (Энциклопедическая библиотека «Вся Россия»).

В данном очерке автор делает попытку найти историческое место и значение деятельности генерала М.Д. Скобелева, так безвременно умершего в расцвете своей военной и политической карьеры.

Соколов, А. Белый генерал: Русский народный герой Михаил Дмитриевич Скобелев 2-й: его жизнь, подвиги, храбрость и добродушие: в 2-х ч. / А. Соколов. – Санкт-Петербург: П. Вошинская, тип., 1888. – 271 с.: прилож.

Первая часть посвящена жизни и подвигам «Белого генерала», представленным как народное достояние, так как у русских солдат была поговорка «Где Скобелев, там и победа». В конце жизнеописания есть эпизод, когда гроб с телом М.Д. Скобелева прибыл в Рязань: «Весь вокзал был залит народом... и Скобелев был сплошь окружен им... Сотни венков разорвали и бросали их людям, и те уносили их с собою, как святыню. Новые венки приносили крестьяне и горожане. Были наиболее между ними из васильков, из ромашки... За Рязанью шёл дождь, под дождем стояли всю ночь и мокли толпы в ожидании нашего поезда. В конце ... казалось, что это не похороны одного человека, а совершается какое-то грандиозное явление природы...» (стр. 271).

Вторая часть книги содержит приложение из 92 страниц анекдотов (в прежнем значении этого слова – маленьких рассказов) из солдатской жизни и стихотворений рязанского земляка поэта Я. Полонского (1819–1890) и других.

Струсевиц, А. Один из богатырей XIX века: популярный очерк с картами / А. Струсевиц. – Остров: Афонасьев и Фуфаев, тип., 1899. – 287 с.: карт., портр. – (Посвящается юным воинам XX века).

«Долговечность и слава – враги», «... богов любимцам дан короткий век!» (Геродот), «... лучше стадо баранов, предводимое львом, нежели стадо львов, предводимое бараном» (древние изречения, любимые М.Д. Скобелевым). Не только столица заботилась о воспитании патриотизма граждан, но и провинциальные российские города отдавали дань памяти великому полководцу, приводили в пример молодому поколению познания М.Д. Скобелева в науке и литературе.

Сухотин, полковник. Извлечение из отчета генерал-адъютанта Скобелева о маневрах I, II, и XY германских корпусов в 1879 г.: Вып. II / Полковник Сухотин. – Санкт-Петербург: Военная тип., 1883. – 40 с.

Данная публикация военно-ученого комитета Главного штаба является выдержкой из отчета генерала М.Д. Скобелева о маневрах германской армии, где явно усматривалась подготовка к войне. Это характеризует его как очень опытного и талантливого военного. Все публичные выступления М.Д. Скобелева после посещения военных учений в Германии были призывом к бдительности и напоминали о неизбежности войны с Германией.

Филиппов, М.М. М.Д. Скобелев: биографический очерк / М.М. Филиппов. – Санкт-Петербург: П.П. Сойкин, тип., 1894. – 96 с.: портр. – (Жизнь замечательных людей: Биографическая библиотека Ф. Павленкова).

Биография М.Д. Скобелева от детства и юности до полководца и администратора представлена в известной недорогой книжной серии для народа. В конце очерка приводится характеристика, данная генералу М.Д. Скобелеву в книге «Очерки военной жизни в России» американским военным уполномоченным лейтенантом Грином: «Скобелев водил свои войска на штурмы так много раз, как никто другой из полководцев нашего времени, исключая Гранта. В течение 19 лет Скобелев участвовал в 70 сражениях. Все штурмы его были победами, и только один раз (под Плевной) он после счастливого штурма должен был уступить подавляющим силам неприятеля. Его военный гений был так велик, что я твердо верю, что он будет главнокомандующим в будущей войне из-за восточного вопроса и займет тогда место среди пяти величайших полководцев нашего столетия рядом с Наполеоном, Веллингтоном, Грантом и Мольтке». (Это было написано при жизни Скобелева).

Чанцев, И.А. Скобелев как полководец. 1880–1882: исторический очерк / И.А. Чанцев. – Санкт-Петербург: В.С. Болашев, тип., 1883. – 171 с.: портр. с факсимиле.

Книга состоит из административно-хозяйственных распоряжений до начала военных действий, военных приказов, писем и речей генерала М.Д. Скобелева, характеризующих его как ответственного и заботливого командира.

Шеманский, А.Д. Скобелев и его мысли. 1879–1881: очерк / А.Д. Шеманский // Воен.-ист. вестник. – Кн.2. – Киев, 1913. – С. 79–87.

«Управлять значит заботиться», «На войне нет мелочей...» и другие высказывания М.Д. Скобелева, показывающие талантлив-

вого администратора, который мог быть примером для других офицеров.

Шульце, К. В отряде генерала Скобелева 2-го. 1877–1878/К. Шульце//Воен.-ист.сборник. – Санкт-Петербург, 1911. – С. 35–64.

Война России с Турцией на Балканском полуострове оставила много воспоминаний. Среди них – рассказ командира артиллерийской батареи, участника и очевидца описанных событий.

Эсадзе, Б.С. Скобелев в Закаспии: очерк Ахал-Текинской экспедиции. 1880–1881 / Б.С. Эсадзе. – Москва: Я.М. Сарандинаки, «Русская печатня», 1914. – 128 с.

Публикация увидела свет по случаю открытия памятника генералу М.Д. Скобелеву. Воспоминания подполковника русской армии Б.С. Эсадзе о событиях войны, в которой он принимал участие под командованием генерала М.Д. Скобелева. Поход в Среднюю Азию был очень трудным и опасным, но завершился победой и присоединением Ахал-Текинского оазиса и других районов Средней Азии к Российской империи. Общее настроение этой книги выражено словами критика Н.К. Михайловского (1842–1904) в 1882 году: «Если нас постигнет когда-нибудь бедствие войны, то мы с глубоким сожалением вспомним о Скобелеве».

Народные произведения, посвященные герою

«**Белый генерал**»: сборник солдатских боевых песен и стихотворений про М.Д. Скобелева и русско-турецкую войну/ без авт. – Москва: Ф.И. Филатов, тип., 1912. – 18 с.

«... Народной любовью хранимый, герой из героев с восточной войны, он Скобелев непобедимый...». Строки и названия этих песен и стихов говорят сами за себя: «Кто скачет, кто мчится на белом коне», «Стройся наш полк удалой», «Преображенскому полку», «Над могилой русских воинов», «Песня на взятие Карса», «Шашка», «Перед Плевной», «За Дунаем», «Взвейся соколы орлами», «После ученья», «Любим драться со врагами», «Святую Русь и Белого Царя давайте, братцы, петь согласно...», «Ездил русский Белый Царь...».

Евдокимов, Л.В. «Белый генерал» М.Д. Скобелев в народных сказаниях / Л.В. Евдокимов. – Санкт-Петербург: Гл. упр. уделов, 1911. – 30 с.: ил.

Статья из журнала «Военно-исторический сборник» № 2 за 1911 год (стр. 33–60), изданная отдельной брошюрой в том же году, с легендами и лубочными картинками, придуманными народом и солдатами о генерале М.Д. Скобелеве.

Сурин (Массальский), Ф. Смерть героя Скобелева: Что дороже золота, любви, жизни?: ист. пьеса / Ф. Сурин (Массальский). – Санкт-Петербург: [Б.и.], 1913. – 104 с.

Пьеса написана в память о генерале М.Д. Скобелеве для народных театров. Состоит из пяти действий и множества картин, хора, певцов и оркестра военной музыки.

Карачаев, Н. Скобелев в Маньчжурии в 1905 г.: Сибирская легенда / Н. Карачаев. – Иркутск: П. Макушин и В. Посохин, паровая типолитограф., 1910. – 11 с.

На фоне тяжелых военных событий Русско-японской войны сочинялись легенды о том, что генерал Скобелев жив, что придет он и победа будет за русскими солдатами.

Зарубежные публикации

Кнорринг, Н.Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев: ист. этюд: Ч. 1–2 / Н.Н. Кнорринг. – Париж: Ил. Россия, 1939. – 284 с. – (Библиотека «Иллюстрированная Россия»).

Книга состоит из писем, записок, черновики из архива М.Д. Скобелева, который хранился в Лондоне у С.К. Белосельского-Белозерского, племянника генерала. Автор книги отмечает роль М.Д. Скобелева как военного деятеля. «Сама по себе оригинальная и крупная личность этого генерала и недолгая, но яркая политическая роль его достаточно сильно оттеняют существенные стороны этой переходной – на рубеже двух царствований – эпохи, очень короткой по времени, но необыкновенно важной для объяснения дальнейшей судьбы России» (стр. 5).

Справочная литература

Библиографический указатель литературы, относящейся к биографии М.Д. Скобелева / сост. капитан М. Полянский. – Санкт-Петербург: О-во ревнителей воен. знаний, 1902. – 34 с.: прилож.

Ко дню двадцатилетия кончины генерала М.Д. Скобелева под редакцией его современника барона А.Н. Корфа, участника русско-турецких войн, был составлен данный справочник, содержащий не только список литературы, но также перечень фотографий и художественных изображений в различных техниках.

Публикации в периодических изданиях дореволюционного периода

Агапеев, П.Е. О М.Д. Скобелеве // Рус. старина. – 1914. – № 10. – С. 81–86. – (Т. 160).

Бессмертные // Разведчик. – 1909. – № 960. – С. 177–178.

Воспоминания о М.Д. Скобелеве // Ист. вестник. – 1908. – № 9. – (Т. 113).

Гейсман, П. М.Д. Скобелев: очерк его военной и государственной деятельности // Воен. сборник. – 1907. – № 6. – С. 1–56.

Генерал-лейтенант М.Д. Скобелев // Ил. хроника войны. – 1877. – № 44. – С. 346–348: портр. – (Т. 1).

Глебов, С.И. Белый генерал (по воспоминаниям крестьянина Никиты) // Ист. вестник. – 1894. № 3. – С. 794–803. – (Т. 55).

Дюбюк, Ф. Смерть Скобелева (письмо в редакцию) // Голос минувшего. – 1917. – № 5/6. – С. 102.

Марков, С.Л. Из воспоминаний о Белом генерале // Рус. старина. – 1913. – № 1. – С. 208–214; № 2. – С. 436–443. – (Т. 153); № 5. – С. 278–280. – (Т. 154).

Материалы о Скобелеве // Разведчик. – 1896. – №№ 305–306. – С. 723–725: портр.

О Скобелеве // Разведчик. – 1897. – № 362. – С. 827–828; 1898. – № 393. – С. 381.

Первые годы службы М.Д. Скобелева // Разведчик. – 1902. – № 610. – С. 585–586: портр.

Полянский, М. Из воспоминаний о Скобелеве // Разведчик. – 1902. – № 620. – С. 802–803.

Попов, Г.А. Воспоминания о Белом генерале М.Д. Скобелеве // Воен.-ист. сборник. 1915. – № 2. – С. 129–134.

Смирнов, Е. К характеристике М.Д. Скобелева // Ист. вестник. – 1914. – № 9. – С. 957–958. – (Т. 137).

Юдин, П.Л. // Рус. архив. – 1896. – Кн. 1. – Вып. 4. – С. 614–618.

Яшеров, В.В. Как умер М.Д. Скобелев // Рус. вестник. – 1904. – № 10. – С. 740–750. – (Т. 293).

Литература нового времени, посвященная М.Д. Скобелеву

Белые витязи: П.Н. Краснов. Атаман Платов; В.И. Немирович-Данченко. Скобелев: ист. романы / сост. В. Козаченко. – Москва: Нов. книга, 1996. – 528 с. – (Всемирная история в романах: великие полководцы России).

Исторические романы, составляющие этот сборник, посвящены прославленным полководцам русской армии. Атаман Платов в молодости возглавил легендарный поход в Индию, прерванный из-за смерти императора Павла I, вошел в историю как герой Отечествен-

ной войны 1812 г. Подвиги и личность генерала М.Д. Скобелева составили повествование второго произведения. «Полководец, Суворову равный», – говорили о Скобелеве в Военной академии. Походы в Коканду, присоединение к Российской империи Туркестана, защита братьев-славян в балканских сражениях под Плевной, на Шипке, долгое стояние русских войск под командованием Скобелева у стен заветного Царьграда-Константинополя (векового стремления России) – вот лишь некоторые эпизоды увлекательного рассказа автора, знавшего и дружившего с прославленным воином.

Белый генерал: сборник / редкол.: М.Н. Алексеев и др. – Москва: Патриот, 1991. – 539 с. – (Отчизны верные сыны).

В книгу вошли два произведения о герое. Исторический этюд «Михаил Дмитриевич Скобелев» Н.Н. Кнорринга (1880–1967), который ранее издавался в Санкт-Петербурге (1903 г.) и в Париже (1939 г.) и воспоминания «Скобелев» военного корреспондента и писателя В.В. Немировича-Данченко, прежде неоднократно изданные в дореволюционной России.

Васильев, Б.Л. Были и небыли: роман / Б.Л. Васильев. – Москва: Сов. писатель, 1981. – 704 с.: портр.

Роман-эпопея «Были и небыли» посвящен освобождению Болгарии из-под османского ига. Появление русских войск в Болгарии вызвало подъем национально-освободительной борьбы болгарского народа. Это была борьба против всех видов тирании, чем и объясняется массовый героизм русских и болгарских солдат и офицеров и что оказало огромное влияние на духовное становление русской интеллигенции.

Васильев, Б.Л. Скобелев: Есть только миг: роман / Б.Л. Васильев. – Москва: Астрель; АСТ, 2000. – 416 с.: ил. – (Русские полководцы).

Автор этой и предыдущей книг – известный писатель-фронтовик Борис Львович Васильев (1924–2013). Первое произведение содержало несколько страниц, посвященных генералу М.Д. Скобелеву. Эта книга состоит из биографических фактов короткой и яркой жизни М.Д. Скобелева. Ни разу он не сдался на чью-либо милость – будь то враги, государь, судьба или женщина. Ему прочили будущность фельдмаршала, его талант сравнивали с талантом Суворова и Наполеона. Любовь к нему народа вызывала ревность монархов, а генерал М.Д. Скобелев всегда ощущал себя простым солдатом, который ежедневно защищает честь России и тяжким трудом добывает ей вечную славу. Книга снабжена комментариями и хронологической таблицей.

Верещагин, В.В. Скобелев: русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина / В.В. Верещагин. – Москва: Дар, 2007. – 496 с. – (Большая игра).

Книга посвящается англо-русскому соперничеству за влияние на Ближнем и Среднем Востоке в XIX – начале XX в. Мемуары великого русского художника-баталиста и героя нескольких войн В.В. Верещагина интересны его личным свидетельством.

Верещагин, В.В. Генерал Скобелев: «Мы не хозяева в своем собственном доме» / В.В. Верещагин // Источник: док. русской истории. – 1993. – 5/6. – С. 38–59: ил. – (Приложение к журналу «Родина»).

Каким был генерал М.Д. Скобелев? Об этом говорят В.В. Верещагин и письма самого генерала. Детские годы и юность, путь боевого командира, отношения с близкими людьми, сослуживцами, солдатами, командирами и царственными особами – главные темы в воспоминаниях художника. Публикация хорошо проиллюстрирована портретами, рисунками и фотодокументами.

Вилинбахов, Г.В. Генерал «от пронунсиаменто» // Прометей. – 1969. – Т. 7. – С. 346–369.

Ежегодный альманах историко-биографической серии «Жизнь замечательных людей» разместил на своих страницах статью о генерале М.Д. Скобелеве, где автор характеризует его как мятежного генерала (термин «пронунсиаменто» означает военный переворот в странах Латинской Америки и Испании).

Генерал Скобелев / сост. Р.Г. Гагкуев. – Москва: изд. дом «Достоинство» [и др.], 2011. – 627 с. – (Белые воины).

В основу издания легли воспоминания адъютанта генерала М.Д. Скобелева – есаула П.А. Дукмасова. О выдающейся роли полководца М.Д. Скобелева в Русско-турецкой войне написано в первой части книги. Приказы «Белого генерала» по армии, очерк к открытию памятника в 1912 г., написанный генералом С.Л. Марковым («белым витязем» Добровольческой армии), составили вторую и третью части книги. В комментариях к впервые публикующимся в современной России документам большое внимание уделено связи двух поколений офицеров русской армии.

Жуков, Д.А. Избранное: в 3 т. Т. 2. – Москва: Вагриус: Кн. клуб, 2007. – 751 с.

Автор публикаций Дмитрий Александрович Жуков (1909–1981) – советский государственный деятель, писатель и переводчик. Его рассказы о художнике В.В. Верещагине и генерале М.Д. Скобе-

леве вплетены в канву повествования о русских мыслителях и героях конца XIX века.

К 165-летию со дня рождения М.Д. Скобелева: материалы межрегион. науч.-практ. конференции (Рязань, 26–27 сентября 2008 г.) / отв. ред. М.С. Урманов. – Рязань: РИАМЗ, 2008. – 110 с.: портр., ил.

Сборник докладов, сообщений, исследований. В издании помещены фотографии с изображением личных вещей семьи Скобелевых, портреты членов семьи, военные знаки отличия, награды и предметы быта из Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, музея-усадьбы Скобелевых, а также фотоснимки памятников генералу М.Д. Скобелеву. Каждую статью сборника сопровождает справочный материал.

Кавалергарды: история, биографии, мемуары / авт.-сост. А.Ю. Бондаренко. – Москва: Воениздат, 1997. – 399 с.: ил. – (Полки русской армии).

Книга большого формата, иллюстрированная картами, портретами и репродукциями с картин знаменитых художников-баталистов Н.Д. Дмитриева-Оренбургского (1837–1898), В.В. Верещагина (1842–1904) и других, рассказывает о самом блестящем и привилегированном полке русской гвардии со времен Петра I до последнего императора Николая II. Издание, составленное на основе подлинных текстов четырехтомной «Истории кавалергардов. 1724–1799–1899» (СПб., 1899–1912) и четырехтомного «Сборника биографий кавалергардов» (СПб., 1901–1908), включает историю полка, биографии офицеров, сыгравших заметную роль в жизни России и армии, а также опубликованные в разное время мемуары бывших кавалергардов. Старинные тексты и иллюстрации позволяют ощутить само дыхание ушедшей эпохи. Сведения о кавалергардах Михаиле Дмитриевиче Скобелеве и его отце Дмитрие Ивановиче Скобелеве помещены на стр. 316–317.

Костин, Б.А. Скобелев / Б.А. Костин. – Москва: Мол. гвардия, 2000. – 231 с.: портр., ил. – (Жизнь замечательных людей).

В книжной серии, основанной в 1933 г. М. Горьким, вышло исследование о происхождении рода Скобелевых. Их преданное ратное служение Российскому государству с петровских времен, любовь к литературе, живой и сердечный нрав передались и М.Д. Скобелеву. Внимание автора к военным действиям на среднеазиатском плацдарме, русско-турецким сражениям за Болгарию, справочный материал о военных орденах и наградах ставят книгу в ряд исторических исследований. Работа сопровождается фото-

графиями, репродукциями, портретами, хронологической таблицей жизни и деятельности М.Д. Скобелева и библиографическим списком литературы.

Ляхов, П.Р. Великие полководцы / П.Р. Ляхов. – Москва: Астрель, 2002. – 479 с.: портр., ил. – (Великие и знаменитые).

Книги данной серии рассказывают о знаменитых полководцах мира от древнейших времен до современности. Обширный фактический материал интересен подробностями и живостью изложения. На стр. 268–273 данного издания размещена биография М.Д. Скобелева, которая включает в себя этапы жизни от рождения в семье потомственных военных до гибели при загадочных обстоятельствах, службу на благо Отечества на Западе и на Востоке, участие в различных военных кампаниях.

Мавзолей Скобелевых в с. Заборове // Г.К. Вагнер, С.В. Чугунов. Рязанские достопамятности. – Москва, 1974. – С. 73–74.

О родовом имении Скобелевых с церковью-мавзолеем, где и нашёл свое упокоение герой Шипки.

Михаил Дмитриевич Скобелев: Слово Белого генерала: Слово современников: Слово потомков /сост. С.Н. Семанов. – Москва: Русский мир, 2000. – 368 с.: ил. – (Русский мир в лицах).

Серию открывает книга о полководце и национальном герое. В первом разделе представлены собственные тексты М.Д. Скобелева – его заветы славянству, письма, приказы. Во втором и третьем разделах – воспоминания современников о Белом генерале и благодарная оценка его героической деятельности потомками. Представлены даты жизни М.Д. Скобелева, справки об авторах и краткая библиография.

Михаил Скобелев: Жизнеописания, факты и гипотезы, портреты и документы: сборник / сост. И.Д. Носков. – Москва: Новатор, 1997. – 492 с.: ил. – (Российские судьбы).

Сборник состоит из произведений разных авторов: М.Д. Скобелев «Заветы славянству», Н.Н. Кнорринг «Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев», В.И. Немирович-Данченко «Скобелев», И.С. Аксаков «Смерть Скобелева», «Воспоминания В.В. Верещагина», личные письма и приказы М.Д. Скобелева и другие.

Муханов, В.М. Белый генерал / В.М. Муханов // Отечество. – Вып. 20 – Москва, 2001. – С. 89–134.

Общественно-литературный и историко-краеведческий альманах поместил на своих страницах жизнеописание М.Д. Скобелева.

Немирович-Данченко, В.И. Скобелев / В.И. Немирович-Данченко. – Москва: Воениздат, 1993. – 287 с.: портр.

Книга была выпущена в свет к 150-летию со дня рождения полководца, снискавшего боевую славу на полях сражений и оставившего добрый след в памяти потомков. Автор сам был очевидцем событий, где генерал М.Д. Скобелев особо отличился: в освободительной войне болгарского народа против Турции в 1877–1878 гг. Вся жизнь генерала М.Д. Скобелева охарактеризована автором как «религия долга».

Полководцы России / сост. Е.И. Кильсеев. – Нижний Новгород: изд-во «Нижний Новгород», 1995. – 224 с.: ил. – (50-летию Великой Победы посвящается).

Биографические очерки, посвященные крупнейшим полководцам и флотоводцам России, среди них Скобелев Михаил Дмитриевич (стр.169–176). Книга иллюстрирована репродукциями известных художников и портретами героев.

Чистяков, В.Н. Под самым прекрасным флагом: ист. миниатюры / В.Н. Чистяков. – Москва: Русская панорама, 2004. – 256 с. – (Малая серия).

В сборник вошли более 30 очерков, каждый из которых посвящен одной из славных страниц прошлого нашей Родины. Герои этих рассказов – адмиралы и первопроходцы, дипломаты и педагоги, министры и инженеры, литераторы и заводчики. Среди них – легендарная личность Ивана Никитича Скобелева (1778–1849): генерала, писателя, деда генерала М.Д. Скобелева.

Шолохов, А.Б. Всадник на белом коне: Бурная жизнь и таинственная смерть генерала М.Д. Скобелева. – Уфа: Восточный ун-т, 1999. – 268 с.: ил.

Слава М.Д. Скобелева связана с Русско-турецкой войной, освободившей балканских славян от османского ига, и с присоединением Туркестана к России. В характере этого сложного человека тесно переплелись отвага и честолюбие, доходившие до авантюризма, либеральные убеждения и консерватизм, вера в объединение славян и бонапартизм. Его таинственная смерть породила множество догадок и версий, в которых автор желает разобраться. Книга снабжена справочным материалом и иллюстрациями.

Шолохов, А.Б. Загадка смерти генерала Скобелева / А.Б. Шолохов. – Москва: Знание, 1992. – 64 с.: портр. – (Новое в жизни, науке, технике: под знаком Марса. – № 3).

Генерал от инфантерии М.Д. Скобелев – что мы сегодня знаем о нем? Очень мало, его имя почти забыто, а ведь когда-то его слава гремела по всей России и многие соотечественники именно с ним, человеком действия, связывали свои надежды на выход из полити-

ческого кризиса, потрясшего Россию в начале 80-х гг. XIX столетия. Об удивительном человеке, многое в жизни и в самой смерти которого окутано тайной, посвящена данная работа.

Шолохов, А.Б. Полководец, Суворову равный, или Минский корсиканец Михаил Скобелев / А.Б. Шолохов. – Москва: Юни-ВестМедиа, 2008. – 408 с.: ил., карт, портр. – (Русские витязи: защитники и созидатели России).

Монография на основе архивных материалов и многочисленных литературных источников рассказывает о взглядах М.Д. Скобелева на развитие России, о его приверженности патриотическим ценностям и православной вере. Книга проиллюстрирована и снабжена справочными материалами.

Справочная литература

История России в лицах с древности до наших дней [5–20 вв.]: биограф. словарь / редкол. О.М. Рапов и др. – Москва: Рус.слово, 1997. – 542 с.: портр.

На стр. 329–330 помещена биография генерала М.Д. Скобелева.

Герои и антигерои Отечества: биограф. справочник / сост. В.М. Забродин. – Москва: Инфорэкспресс, 1992. – 445 с.

О генерале М.Д. Скобелеве – на стр. 147–216.

Публикации о генерале М.Д. Скобелеве в периодических изданиях нового времени

Апушкин, В.А. Заветы Скобелева // Моск. журнал. – 1993. – № 9. – С. 4–5.

Бондаренко, В. Последний приют героев Шипки: [О судьбе Русского кладбища в селе Шипка, где похоронены участники Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.] // Кр. звезда. – 2010. – 23 дек.: портр.

Верстаков, В. Судьба русского генерала // Лит. Россия. – 1996. – (№ 25). – С. 3.

Володин, Н. Не рубите мужики, не рубите...// Воен. знания. – 1997. – № 10. – С. 16–17.

Воспоминания Д.Д. Оболенского о М.Д. Скобелеве // Отеч. архивы. – 1995. – № 5. – С. 56–57.

Горбачев, М. Вел войска через пустыни // Сов. патриот. – 1990. – № 47. – С. 8: портр.

Гусаров, В. Легенды России // Азия и Африка. – 1994. – № 12.

Егорин, А. Доброе имя полководца // Нар. газета. – 1994. – 8 февр. – С. 3.

Ильин, И. Подвиг не нуждается в защите // Воен.-истор. ж. – 1991. – № 8. – С. 54–56: портр.

Курчавов, И. Все выдюжим: мы же русские // Ветеран. – 1992. – № 3. – С. 10: портр.

Курчавов, И. Легендарный при жизни // Сов.патриот. – 1990. – № 47. – С. 9: портр.

Муханов, В. Суворову равный // Моск. правда. – 2000. – (№ 176). – С. 3.

О памятнике М.Д. Скобелеву // Московский журнал. – 2001. – № 3. – С. 12: ил.

О Скобелеве // Лит. Россия. – 1997. – 18 июля (№ 29). – С. 14.

О Скобелеве // Патриот. – 1993. – март. – (№ 9). – С. 6.

О Скобелеве // Смена. – 1998. – № 1. – С. 4–9.

О Скобелеве // Тыл вооруж. сил. – 1991 – № 7. – С. 63–68; № 8. – С. 24–26: портр.

Оболенский, Д.Д. О Скобелеве // Наука и религия. – 1996. – № 1. – С. 12–15.

Полководец М.Д. Скобелев // Воен.-ист. ж. – 1992. – № 1; 1993. – № 10. – С. 91.

Попов, М. Ак-Паша – «Белый генерал» // Звезда Востока. – 1990. – № 3. – С. 111–117.

Секринский, С.С. Русский Наполеон: феномен бонапартизма и легенда о Белом генерале // Родина. – 2001. – № 7. – С. 60–64.

Скобелев, М.Д. Дисциплина достигается нравственным авторитетом // Ориентир. – 1997. – № 2. – С. 4.

Шейкин, В. Великие сыны России: полководец и художник. – Воин России. – 2008. – № 12. – С. 121–125.

Шолохов, А.Б. Белый генерал: док.повесть // Мол. гвардия. – 1992. – № 10. – С. 118–162.

Шолохов, А.Б. Честь и слава генерала Скобелева / А.Б. Шолохов // Коммунист вооруженных сил. – 1991. – № 5. – С. 66–73: ил.

Яковлев, В. «Все штурмы его были победами» // Лит. Россия. – 1994. – 21 янв. – (№ 3). – С. 14–15.

Яковлев, В. ... у могилы второго Суворова // Лит. Россия. – 1993. – 3 дек. – (№ 44–45). – С. 16.

¹ Апушкин В.А. Скобелев о немцах: его заветы Славянству. Пг., 1914. С.1.

² Памятник создан не профессиональным скульптором, а русским офицером П.А. Самоновым, скульптором-самоучкой.

³ Михаил Дмитриевич Скобелев: Слово Белого генерала: Слово современников: Слово потомков. М., 2000. С. 10.

И.П. САМОЙЛОВА
(Рязань)

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА М.Д. СКОБЕЛЕВА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

Когда горестная весть о смерти генерала М.Д. Скобелева облетела Россию, периодическая печать откликнулась публикацией nekрологов и воспоминаний. Они появились на страницах журналов «Русская старина», «Исторический вестник», «Русский вестник», «Наблюдатель», «Гражданин», «Век», «Русский архив» и др.

Большая часть публикаций о М.Д. Скобелеве в фонде библиотеки Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника оказалась в журнале «Русская старина». Часть номеров, в том числе первый номер журнала, попала к нам из библиотеки нашего земляка историка А.Н. Попова – первого историографа Отечественной войны 1812 года.

«Высшим историческим апелляционным судом»... называли современники журнал «Русская старина», издававшийся в Петербурге с 1870 по 1918 год. Основателем и первым редактором журнала был Михаил Иванович Семевский (1837–1892)¹. Название журнала Семевский позаимствовал у Н.М. Карамзина, который в журнале «Вестник Европы» за 1803 год поместил статью под названием «Русская старина», основная мысль которой не устарела до наших дней: «Мы так худо знаем Русскую старину, любезную для сердца Патриотов!»². Кроме того, под названием «Русская старина» в 1824 г. А. Корнилович издал первый русский исторический альманах.

В предисловии к первому номеру журнала М.И. Семевский писал: «Редакция «Русской старины» может обещать, что выбор статей и материалов будет вполне соответствовать важности задачи принимаемого издания; все, что служит к чести и славе прежних отечественных деятелей, будет с полным беспристрастием помещаться наряду с теми данными, которые указывают и на перешедшие уже в достояние истории темные стороны нашего общественного быта»³.

Заслугой журнала было введение в научный оборот источников по истории России XVIII–XIX вв. и популяризация исторических знаний. Темы публикаций отличались разнообразием. Наряду с историческими исследованиями часто печатались биографические очерки, переписка, воспоминания, дневники. С появлением исто-

рических журналов участники знаменательных событий получили возможность поведать современникам о пережитом.

Для нас журнал интересен кроме всего прочего тем, что на его страницах периодически печатались материалы о М.Д. Скобелеве. Начало положил некролог «Памяти Михаила Дмитриевича Скобелева», составленный историком, генерал-лейтенантом Николаем Карловичем Шильдером. Историк писал: «Нелегко живется на Руси ее великим сынам. Над ними тяготеет какой-то злосчастный рок. Смерть с особенной любовью поражает этих избранных жертв»⁴.

Если расположить содержание по хронологии событий жизни М.Д. Скобелева, то начать надо с воспоминаний Александра Николаевича Витмера, боевого офицера, когда-то принимавшего у него экзамен в Академии Генерального штаба. На экзамене по военной истории Михаилу Дмитриевичу достался билет о Рымникском бое, в котором А.В. Суворов с горстью войск разбил турецкого неприятеля вдсятеро сильнее его. Экзаменаторы приготовились выслушать ничем не примечательный правильный ответ. Но настроение их быстро изменилось, настолько ярко, живо, талантливо Михаил Дмитриевич изложил все перипетии сражения. Оба экзаменатора были в восторге и единодушно поставили высшую оценку в Академии – 12 баллов⁵.

Важным этапом в военной карьере Скобелева был Хивинский поход. Скобелев по своей природе был натурой деятельной, кипучей, что порой толкало его на отчаянные поступки. Так, однажды, переодевшись в туркменское платье, он с двумя джигитами совершил глубокую разведку в тыл противника. За это был награжден первым Георгиевским крестом. После Хивинского похода был Кокандский, где М.Д. Скобелев «окончательно выдвинулся как боевой офицер, отлично подготовленный, разумный, храбрый и предприимчивый», – писал в своих воспоминаниях художник В.В. Верещагин⁶. В Кокандском походе Скобелев занимал должность начальника кавалерии. Во время этой кампании он совершил маневр, ранее прославивший многих кавалеристов. Разведка донесла о подготовленной засаде для внезапного нападения на русский отряд. Скобелев с сотней лихих казаков с криком «ура» так налетел на крепко спавших неприятелей, что они в панике, давя и убивая друг друга, разбежались во все стороны, не проявив ни малейшего сопротивления. По словам Скобелева, «на другой день было собрано на поле битвы 2000 чалм»⁷. Рассказывая об этом, В.В. Верещагин отметил искренность Михаила Дмитриевича, который честно признался, что в темноте потерял начальника сот-

ни Машина и попал на поле битвы, когда кокандцы уже дрогнули и побежали.

Событиям Русско-турецкой войны посвящена статья Леонида Николаевича Соболева «Последний бой за Шипку. По поводу воспоминаний В.В. Верещагина» в майском номере за 1889 г. Основная мысль статьи сводится к тому, что главная тяжесть боев за Шипку легла на плечи генералов Радецкого и Святополк-Мирского. Отклонение Скобелева от первоначального плана вступления в бой 27 декабря теми силами, которые были готовы. К статье приложен схематический чертеж движения обходных колонн Радецкого, Мирского и Скобелева. В тон Соболеву вторит другой автор воспоминаний Виктор Иванович Дмитриевский, который в июньской книжке за 1901 г. поместил статью «Радецкий и Скобелев в сражении 27-го и 28-го декабря 1877 г. под Шипкой». Автор детально рассматривает операцию под Шипкой-Шейново по окружению турецкого корпуса. Он говорит: «Генералу Скобелеву ставили в упрек то, что он не поддержал 27 декабря атаку князя Святополк-Мирского 2-го теми силами, которые у него были под рукой... Кто не делает ошибок и особенно на войне? Да и что такое война? Не есть ли это ряд ошибок, и не остается ли в выигрыше тот, кто сделал ошибкою меньше?»⁸.

Иной взгляд на эти события мы увидим на страницах воспоминаний Александра Николаевича Витмера. Он писал: «Скобелев поступил в высшей степени основательно, не атакуя турок 27 декабря, не подвергая поражению по частям своих батальонов, а, лишь собрав весь свой отряд, обрушился 28-го декабря на армии Весселя-паши, результатом чего было пленение этой армии»⁹.

В научной библиотеке музея-заповедника хранится десять книг, помеченных экслибрисом «Сенницкая библиотека гр. Келлера»: восемь книг на французском языке и два тома роскошно изданных «Древностей Российского государства». Граф Федор Эдуардович Келлер после ранения А.Н. Куропаткина был до конца турецкой кампании начальником штаба у Скобелева. Он был в числе преданных людей, которые не молчали, «когда невыгодно было в служебном отношении защищать Скобелева от несправедливых нападок»¹⁰. Книги попали в музей из имения Сенницы Зарайского уезда в первые годы революции.

Воспоминания Д.И. Иловайского «Поездка под Плевну в 1877 году» посвящены следующему этапу Русско-турецкой войны. Встревоженный сообщениями в прессе о неудачах русской армии под Плевной, Дмитрий Иванович предпринял рискованное путе-

шествие. Не без труда добравшись до русского лагеря, он нашел М.Д. Скобелева в просторной палатке в обществе представителей штаба 16-й дивизии. «Очутившись случайно в этом обществе, я тотчас почувствовал, что попал в самый военный нерв нашей армии и что тут люди живут и дышат своей специальностью»¹¹. Деловая обстановка в лагере, уверенность Михаила Дмитриевича в скором взятии Плевны успокоили историка. Во время этого визита Иловайский познакомился с капитаном Алексеем Николаевичем Куропаткиным, который удивился столь опасной поездке штатского человека. К слову, в научной библиотеке музея-заповедника обнаружены две книги с экслибрисом А.Н. Куропаткина: «Землеведение Азии» Карла Риттера 1860 г. издания и «Рязанская губерния т. XXXV Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года» под редакцией Н.А. Тройницкого 1903 г.

Художник Василий Васильевич Верещагин в воспоминаниях «Михаил Дмитриевич Скобелев в 1870–1882 годах» («Русская старина» 1888–1889 гг.) показал всю свою любовь и уважение к Скобелеву. Он правдиво рассказал об удачах и неудачах боевого генерала. Верещагин верил, что Скобелев взял бы Плевну во время третьего штурма 30 августа 1877 г. «Но что было делать! Когда с ничтожными сравнительно силами он занял после трехдневной битвы турецкий редут, буквально висевший над городом, и орудия которого до того беспокоили Плевну, что Осман-паша решил отступить»¹². Михаил Дмитриевич умолял руководство о присылке подкрепления. А вместо этого получил небольшую поддержку. Ободренный этим Осман-паша с огромными силами напал на наши войска, разбил их и прогнал за старые позиции. Наши потери были велики.

Три года спустя художник ездил со Скобелевым на панихиду. Он пишет: «Тяжелые воспоминания передал мне тогда Михаил Дмитриевич. Чтобы легче идти на штурм, взбираться на высоты, солдаты побросали шанцевые инструменты, так что, когда пришлось после рыть траншеи со стороны наступавших турок, они пустили в дело штыки и свои пятерни! Конечно, не успели вырыть и ничтожного прикрытия, как турки налетели. Навалились в кучу, наших храбрых, оставшихся для последней защиты за траверзом в углу редута, – подняли на штыки. Указал мне эту канавку, рытую пальцами. Скобелев буквально залился слезами и потом во время панихиды опять горько плакал. Признаюсь, всплакнул и я вместе с большей частью присутствующих»¹³.

Ничто человеческое не было чуждо отважному генералу. Когда русские войска вошли в Адрианополь, жители города высыпа-

ли на улицу. «Из всех домов выглядывали женские лица гречанок, некоторые поразительной красоты. Ярый поклонник женской красоты, он [Скобелев] так и впивался глазами в красавиц, да, кажется, и те со своей стороны особенно старательно провожали его взорами»¹⁴.

В июльской книжке за 1882 г. после некролога помещена «Записка ген. – ад. М.Д. Скобелева», составленная в декабре 1878 г. в Адрианополе. Это размышления генерала о дальнейшем развитии ситуации на Балканах. Он с горечью говорит об опасности английского влияния в Турции. Страна утомлена, истощена и деморализована неудачами последней войны. Турки недовольны, что в их армии растет число должностных лиц британского происхождения. Русские войска стоят в Адрианополе – прямой дороге на Константинополь. Он пишет: «Кризис по всем признакам начинает уже развиваться... неужели мы не воспользуемся столь выгодно сложившимися для нас обстоятельствами и допустим создание английской колонии на развалинах турецкой империи»¹⁵.

После окончания Русско-турецкой войны М.Д. Скобелев был назначен начальником Закаспийских войск. Этому периоду посвящен материал бывшего подчиненного, командира Таманского казачьего полка Адольфа Феликсовича Арцишевского под названием «Михаил Дмитриевич Скобелев. Очерк его деятельности во время Ахал-Текинской экспедиции». Автор нашел следующие слова о своем командире: «Замечательная личность Михаила Дмитриевича Скобелева: всегда, везде, во всем [он] отличался своей необыкновенной энергией, силою ума и талантом проницательности; этот человек не был симпатичным человеком, но был обаятельным, могучим властелином и распорядителем вашей воли, вашей души и вашего сердца. Стоило с ним провести полчаса времени, чтобы вполне отдался его влиянию, его умению подчинить себе других»¹⁶. Автор вспоминает, что Скобелев вставал в 4 часа утра, шел на кухню смотреть, какие продукты закладывают в котлы, ночью неожиданно являлся в госпиталь, осматривал сторожевую службу и т.д. А.Ф. Арцишевский вспоминает, что Михаил Дмитриевич всегда тянулся к знаниям, не расставался с книгами и учебниками по разным вопросам ни в походной обстановке, ни в мирной жизни. Доктор О.Ф. Гейфельдер вспоминал, что Скобелев выписывал 15 журналов и газет на русском, немецком, английском и французском языках¹⁷. Арцишевский публикует распоряжения и деловые письма генерала Скобелева, характеризующие последнего как грамотного офицера и заботливого командира.

В 1885 г. офицер-артиллерист В. Шаховской в историческом очерке «Экспедиция против Ахал-текинцев в 1879–1880–1881 гг. Посвящается памяти М.Д. Скобелева» писал, что у генерала была выработана тактика расположить в свою пользу всех и каждого. «Он умел электризовать и воодушевлять массы. Один вид Скобелева приводил в восторг солдат и офицеров. Его шествие по траншеям сопровождалось задумчивым криком “ура!”»¹⁸. Возбуждая «бодрость духа, беспредельную энергию, он направлял ее к одной цели – победе. Вот где залог его побед! Тысячи солдат и офицеров всегда готовы были умереть для славы побед Скобелева. Он любил, чтобы в походах солдаты двигались не молча, а с веселой песней. Если узнавал, что в какой-то части плохо отзываются о солдатах, считал, что в ней плохой командир. У Суворова и Скобелева было одно и то же – чисто солдатское сердце, и это-то сердце выдвинуло их из толпы обыденных генералов»¹⁹.

В очерке В. Шаховского приведен текст «Инструкции гг. офицерам действующих частей войск. 18-го декабря 1880 г.». Эта подробнейшая инструкция, составленная М.Д. Скобелевым, объясняет специфику военных действий в условиях немногочисленности войска. В ней разработана тактика ведения военных действий, оговорены предосторожности во время ночлегов, учтены многие моменты, пренебрежение которыми может стоить жизни. В положениях инструкции виден громадный боевой опыт составителя, его совершенное знание военного дела.

Блестяще разработанная и осуществленная операция по замирению края и присоединению Туркмении к России закончилась победой. Автор очерка пишет: «Эта услуга Отечеству увековечивает бессмертное имя знаменитого генерала ... гениального тактика и храбрейшего из вождей, ум которого был озарен божественной искрой военного таланта, – Михаила Дмитриевича Скобелева»²⁰. В заключение автор приводит слова теоретика-стратега, генерала Генриха Антоновича Леера: «Да, не стало талантливое человека, не стало замечательного генерала. Силу всех талантов, как прирожденных, так и им же воспитанных, унесла могила. Но остается что-то, чего и смерть не может отнять у нас, это его пример постоянного, настойчивого труда на пользу и славу столь дорогого и столь любимого нами Отечества. Да послужит же его пример источником вдохновения, постоянного подражания для нас, как старых, так и новых его сотоварищей по военному делу»²¹.

По-своему интересны и информативны воспоминания военного врача Оскара Фердинандовича Гейфельдера. Доктор встре-

тился со Скобелевым во время Ахал-Текинской операции. Деля записи о состоянии здоровья Михаила Дмитриевича, он отметил, что это «человек с аристократической внешностью и с прекрасными, но уже поблекшими, потертыми жизнью чертами лица»²². «Он был высокого роста, стройного телосложения ... ширина плеч не особенно развита»²³. При обследовании доктор обнаружил слабо развитую сосудистую систему, слабую мускулатуру сердца, гастрит. Гейфельдер отметил, что Скобелев не курил и не играл в карты; во время экспедиций не пил крепких напитков, но чрезвычайно любил шампанское и сельтерскую воду; был отменно опрятен. Доктор рекомендовал Михаилу Дмитриевичу завтракать, питаться регулярно, не пить газированных напитков, не ездить много верхом, больше отдыхать. Он советовал по приезде в Петербург обратиться к знаменитому врачу, написав для этого историю болезни.

«Скобелев не исполнил ни одной меры из тех, которые я советовал; не лечился минеральными водами, отдыхом не пользовался. То возбуждение и расстройство нервной системы, которые остаются после войны у каждого, даже далеко не так тонко организованного человека, как Скобелев, он хотел победить постоянными переездами, работою, речами и кутежами»²⁴. Оскар Фердинандович отмечает, что Скобелев мало обращал внимания на рекомендации, данные относительно его здоровья, но, когда дело касалось вверенного ему войска, подавляющая часть замечаний была учтена. Это касалось облегчения солдатского труда по перемещению грузов, улучшения питьевой воды, выпечки свежего хлеба, улучшения санитарного состояния лагеря и т.д. «Скобелев был слишком умен, развит и хорошо образован, а потому быстро понял правильность моих медицинских и гигиенических мероприятий»²⁵.

Доктор Гейфельдер часто дискутировал с генералом о войне. У них были разные взгляды на историю. Доктор осуждал правящие круги, посылающие мирных людей в мясорубку войны, обрекая их на страдания и смерть, и высказывал надежду, что «настанет время, когда общество поймет сознательно, что всем народам одинаково дорога культура, цивилизация, образование, успехи наук»²⁶.

М.Д. Скобелев не верил, что настанет золотой век и войн не будет вообще. Он говорил: «Ваши мысли прекрасны и благородны, но все-таки это не более как утопия»²⁷. По мнению генерала, война поддерживает «в народе стремление к более возвышенным идеалам, а высокий воинский дух и воинская слава составляют высшее проявление жизни в государстве, как и в отдельной личности»²⁸.

Июльский номер журнала «Русская старина» за 1892 г. открывается гравированным портретом Михаила Дмитриевича Скобелева, с которого смотрят умные усталые глаза человека, отдавшего Родине все свои силы и знания. В памятном номере опубликованы воспоминания О.Ф. Гейфельдера «В закаспийской области». В дополнение к статье редакция дала биографическую справку об авторе и информацию о других ранее опубликованных в журнале материалах о Скобелеве.

В февральском номере журнала за 1891 г. подполковник М.В. Богаевский поместил небольшую заметку «Михаил Дмитриевич Скобелев. Могила героя». Эта статья – крик души. Через 8 лет после похорон славного генерала Богаевский посетил его могилу. Печальная картина запустения и забвения неприятно поразила его. «Скоро исполнится девять лет с того тяжелого дня, когда весь русский народ с единодушной скорбью оплакивал безвременную утрату своего легендарного витязя и народного героя Скобелева...»²⁹. Автор вспоминает горячие речи о незабвенной памяти Скобелева, для сохранения которой ничего не было сделано. «Грустно и обидно для каждого истинного русского сердца, тяжелые печальные мысли должна вызывать эта могила, так скоро и так легкомысленно преданная нами забвению. А между тем, эта могила, несомненно, должна бы служить родником рождения новых Скобелевых, новых молодых неиссякаемых русских сил»³⁰.

По прошествии многих лет, когда Россия терпела поражение за поражением от ничтожной островной страны, Александр Николаевич Витмер, вспоминая о Михаиле Дмитриевиче Скобелеве, отмечал такую его черту, как проницательность, проявившуюся в умении разбираться в людях и в стремлении ставить на важные должности людей даровитых и твердых. Он высказал свое убеждение: «Если бы в Манчжурии во главе нашей армии стоял Скобелев, война имела бы иной результат»³¹.

Журналу «Русская старина» удалось отобрать для публикации те материалы о М.Д. Скобелеве, которые осветили практически весь боевой путь полководца. Талант и высокий ум основателя журнала М.И. Семевского, несомненные достоинства его преемников позволили изданию быть всегда актуальным и сохранить для потомков воспоминания современников, очевидцев и участников событий, которые по прошествии времени стали документами эпохи.

¹ Бронникова Е. «Русская старина» // Наше наследие. 1988. № 3. С. 104.

² Там же.

³ Об издании с 1 января 1870 г. ежемесячного исторического журнала «Русская старина» // Русская старина. 1870. Январь. С. 2.

⁴ Памяти Михаила Дмитриевича Скобелева. 25-го июня 1882 г. // Там же. 1882. Июль. С. 225.

⁵ Витмер А.Н. Что видел, слышал, кого знал // Там же. 1908. Декабрь. С. 702–703.

⁶ Верещагин В.В. Михаил Дмитриевич Скобелев в 1870–1882 годах // Там же. 1889. Май. С. 392.

⁷ Там же. С. 393.

⁸ Соболев Л.Н. Последний бой за Шипку // Там же. 1889. С. 436.

⁹ Витмер А.Н. Указ. соч. С. 702.

¹⁰ Оболенский Д.Д. Война и мир генерала Скобелева // Наука и религия. 1996. № 1. С. 15.

¹¹ Иловайский Д.И. Поездка под Плевну в 1877 г. // Русская старина. 1883. Февраль. С. 368.

¹² Верещагин В.В. Указ. соч. С. 397.

¹³ Там же. С. 398–399.

¹⁴ Там же. 1888. Ноябрь. С. 467.

¹⁵ Записка ген.-ад. М.Д. Скобелева // Там же. 1882. Июль. С. 229.

¹⁶ Арцишевский А.Ф. Михаил Дмитриевич Скобелев и его письма и поражения во время Ахал-Текинской экспедиции // Там же. 1883. Апрель. С. 390.

¹⁷ Гейфельдер О.Ф. Воспоминания врача о М.Д. Скобелеве // Там же. 1892. Июль. С. 207.

¹⁸ Шаховский В. Экспедиция против Ахал-Текинцев // Там же. 1885. Июнь. С. 547.

¹⁹ Там же. С. 548.

²⁰ Там же. С. 545.

²¹ Там же. С. 558.

²² Гейфельдер О.Ф. Указ. соч. // 1886. Ноябрь. С. 395

²³ Там же. С. 397.

²⁴ Там же. С. 402.

²⁵ Там же. 1892. Июль. С. 205.

²⁶ Там же. 1887. Июль. С. 223.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 222.

²⁹ Богаевский М.В. М.Д. Скобелев. Могила героя // Там же. 1891. Февраль. С. 467.

³⁰ Там же. С. 468.

³¹ Витмер А.Н. Указ. соч. С. 699–700.

Р.Д. КУДЯКОВА
(Рязань)

ИЗУЧЕНИЕ И РАСКРЫТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМ. ГОРЬКОГО О М.Д. СКОБЕЛЕВЕ

Рязанская областная библиотека им. Горького располагает достаточно большой коллекцией печатных источников о М.Д. Скобелеве, охватывающих период с конца XIX в. до нашего времени. На основе фондов и справочного аппарата РОУНБ сотрудниками библиотеки в 2003 г. к 160-летию со дня рождения полководца был подготовлен к печати биобиблиографический указатель «Михаил Дмитриевич Скобелев»¹. До этого единственный указатель литературы о Скобелеве был издан в 1902 г. капитаном М.Д. Полянским под названием «Библиографический указатель литературы, относящейся к биографии М.Д. Скобелева: Ко дню двадцатилетия кончины его»². В дореволюционное время он несколько раз переиздавался.

Указатель, подготовленный сотрудниками Рязанской областной библиотеки им. Горького, содержит библиографические записи на книги, статьи из книг и периодических изданий, всего более 550 записей, сгруппированных в разделы: родственные связи, общие работы, основные периоды военной службы, Скобелев и современники и другие. Отбор источников ограничен, в основном, имеющимися в библиотеке изданиями с конца XIX в. до 2003 г. Однако наиболее известные книги и статьи, выявленные по прикнижной и пристатейной библиографии и отсутствующие в РОУНБ, были включены в указатель с пометкой «*».

Рецензент издания – кандидат исторических наук, доцент РГУ Владимир Анатольевич Горнов. Научно-вспомогательный аппарат пособия включает указатели имен, географических названий, организаций, авторов и заглавий книг.

Издание открывает «Хроника жизни Михаила Дмитриевича Скобелева». В биобиблиографическом очерке даны сведения об основных этапах жизни и деятельности полководца, увековечении его памяти в России и Болгарии. Краткими биобиблиографическими справками снабжены разделы, посвященные ближайшим родственникам М.Д. Скобелева: деду – генералу от инфантерии Ивану Никитичу Скобелеву, отцу – генерал-лейтенанту Дмитрию Ивановичу Скобелеву и матери – Ольге Николаевне Скобелевой.

За последние 20 лет изданы монографии о Скобелеве, подготовленные на основе архивных источников, писем, воспоминаний современников генерала. Это книги В.Н. Масальского³, Б.А. Костина⁴, В.И. Гусарова⁵, А.Б. Шолохова⁶ и др. Одна из первых популярных биографий М.Д. Скобелева написана ученым и просветителем М.М. Филипповым – «М.Д. Скобелев, его жизнь и деятельность, военная, административная и общественная» (СПб., 1894). Книга вышла в серии «Жизнь замечательных людей»; была переиздана в 1996 г.⁷

Источником изучения биографии Скобелева являются его выступления, приказы, статьи, письма. В указателе сведения о них отражены в разделах «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» (подраздел «Документы и материалы Скобелева»), «Скобелев как полководец и политический деятель» (подраздел «Письма, статьи, речи М.Д. Скобелева»).

Письма, донесения М.Д. Скобелева были опубликованы в журналах «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник». Приказы генерала Скобелева выпущены отдельным изданием в 1882 г. (2-е издание – в 1913 г.) под редакцией инженер-капитана А.Н. Маслова. Этой книги нет в нашей библиотеке, посмотреть издание в оцифрованном виде можно на сайте Российской государственной библиотеки, в фондах которой хранится экземпляр книги⁸. В сборниках, вышедших в последние годы: «Михаил Скобелев» (М., 1997)⁹, «Генерал Скобелев» (М., 2011)¹⁰, «Скобелев М.Д. Стою за правду и за Армию!» (М., 2012)¹¹, – опубликованы «Письма М.Д. Скобелева», его «Заветы славянству», «Приказы М.Д. Скобелева».

Обширная литература посвящена военной деятельности М.Д. Скобелева. О завоеваниях генерала в Средней Азии дают представление статьи из Военной энциклопедии – «Андижан» (Т. 2. СПб., 1911)¹², «Кокандская экспедиция 1875–1876 гг.» (Т. 13. СПб., 1913)¹³. Описание военных операций под руководством Скобелева дано на страницах пособия для изучения военной истории в военных училищах «Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. 3, Кн. 2.» (СПб., 1889)¹⁴.

Один из источников официального описания русско-турецкой войны – «Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове»¹⁵ в 97 выпусках, созданный Военно-исторической комиссией, которая функционировала с 1879 по 1911 гг. Это журналы военных действий, по которым исследователи могут проследить и участие в них отряда М.Д. Скобелева.

Важным источником изучения биографии М.Д. Скобелева являются воспоминания его современников. Многие из них были опубликованы в журналах конца XIX – начала XX вв., выходили отдельными книгами, некоторые были переизданы и в наши дни. Большое количество литературы, посвященной М.Д. Скобелеву, вышло после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Писатель В.И. Немирович-Данченко в период Русско-турецкой войны был в действующей армии в качестве корреспондента газеты «Новое время». Им написана книга «Скобелев: Личные воспоминания и впечатления» (СПб., 1884)¹⁶, переиздавалась в 1993 г., помещена в нескольких сборниках о М.Д. Скобелеве (1992 г., 1997 г.). Как писал автор, это «не биография, а ряд воспоминаний и отрывков, написанных под живым впечатлением тяжелой утраты этого замечательного человека»¹⁷. На страницах другой книги – «Год войны: (Дневник русского корреспондента): 1877–1878» (СПб., 1878)¹⁸ также есть сведения о М.Д. Скобелеве.

Известный художник-баталист В.В. Верещагин, не раз видевший Скобелева на поле боя, свои воспоминания о Русско-турецкой войне публиковал на страницах журнала «Русская старина»¹⁹, затем они вышли отдельным изданием.

Русский врач-терапевт, профессор С.П. Боткин в 1877 г. как лейб-медик императорской семьи сопровождал императора Александра II на Балканском фронте. Его «Письма из Болгарии. 1877 г.», опубликованные в 1893 г., являются интересным материалом для изучения истории Русско-турецкой войны и роли М.Д. Скобелева: «Одна личность была для меня в высшей степени симпатична и внушала доверие как к военачальнику – это молодой Скобелев; но он здесь в загоне и чуть-чуть было не уехал еще из Зимницы вследствие неприятностей с главнокомандующим; между тем под Плевной 18-го числа²⁰ он показал себя не только замечательно храбрым, но и замечательно дельным, прикрывая все наше отступление с ничтожной горстью людей. Сегодня в депеше от Имеретинского, командовавшего при Ловче, Скобелев назван героем дня; говорят, что и мысль, и план взятия Ловчи перед Плевной принадлежат тоже Скобелеву»²¹.

Русский писатель, историк, просветитель, секретарь – член правления издательской фирмы «М.О. Вольф» в Петербурге С.Ф. Либрович в книге «На книжном посту: воспоминания. Записки. Документы» (Птг.; М., 1916) писал о круге чтения Скобелева, которого не раз видел в книжном магазине М.О. Вольфа в Петербурге. Накануне Русско-турецкой войны Скобелев изучал литера-

туру о Турции и Балканах: «ему отсылались из книжного магазина Вольфа все те касающиеся Турции и Балкан книги, брошюры, карты, которые можно было получить тогда в Петербурге». По окончании войны «томившийся мирным временем, с нетерпением ожидавший новой войны, он с удвоенным усердием принялся за чтение. Покупал и читал он поразительно много и читал с какой-то лихорадочною быстротою. Исторические романы, жизнеописания полководцев на всех языках покупал он целыми десятками. Но их только читал, а не собирал, оставляя у себя лишь немногие сочинения научного, преимущественно энциклопедического характера. Больше всего его интересовали славянские земли, их история, литература». После Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. «Скобелев уезжает в с. Спасское, Рязанской губернии, откуда из книжного магазина Вольфа выписывает огромное количество книг по... сельскому хозяйству...»²².

Особого внимания заслуживают воспоминания военных деятелей, сослуживцев Скобелева: А.Н. Куропаткина, П.А. Дукмасова, П.Д. Зотова и др. Они отличаются точностью в описании событий, поскольку часто основаны на документах, военных журналах.

Адъютант М.Д. Скобелева, офицер Донского казачьего войска П.А. Дукмасов написал книгу «Со Скобелевым в огне: Воспоминания о русско-турецкой войне 1877–78 гг. и о М.Д. Скобелеве его ординарца Петра Дукмасова»²³, которая выдержала два издания (1889, 1895 гг.). В фонде нашей библиотеки есть сборники с переизданными воспоминаниями Дукмасова, вышедшие в 2011, 2012 гг., – «Генерал Скобелев», составителем которого является кандидат исторических наук Р.Г. Гагкуев, «Скобелев М.Д. Стою за правду и за Армию!». Воспоминания Дукмасова – один из наиболее полных источников о деятельности Скобелева в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он описывает, по словам автора предисловия к книге, участника Русско-турецкой войны полковника А.П. Струевича, «привычки, взгляды, недостатки» Скобелева. А.П. Струевич писал: «Между автором и Скобелевым, конечно, громадная разница по положению, образованию, воспитанию, привычкам... В одном только отношении они похожи друг на друга: оба были отважны и храбры, оба горячо любили свою Родину и свое боевое призвание, оба честно и ревностно исполняли свой долг перед Царем и Отечеством»²⁴.

Генерал, начальник штаба отряда Скобелева, будущий военный министр России А.Н. Куропаткин в журнале «Военный сборник»²⁵

публиковал материалы о Русско-турецкой войне, в том числе о боевых действиях, в которых принимал участие М.Д. Скобелев.

Генерал от инфантерии П.Д. Зотов, в 1877 г. – командир 4 армейского корпуса в действующей армии, во время войны вел дневник, который частично был помещен в журнале «Русская старина» (в 1886 г., 1907 г.) под названием «Война за независимость славян в 1877–1878 гг.»²⁶. Автор воспоминаний дает оценку военным действиям Скобелева при штурме Плевны.

Ранее не опубликованные воспоминания А.Н. Куропаткина, записки П.Д. Зотова, хранящиеся в фондах Российского государственного военно-исторического архива, были изданы в 2001 г. в составе сборника «Русский орел на Балканах: русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания»²⁷.

Участие Скобелева в Ахал-Текинской экспедиции подробно описывает начальник штаба М.Д. Скобелева, генерал от инфантерии, военный писатель, востоковед, историк Н.И. Гродеков в четырехтомном издании «Война в Туркмении: Поход Скобелева в 1880–1881 гг.»²⁸. Это фундаментальный труд, каждая глава которого снабжена приложениями с картами, письмами, в том числе М.Д. Скобелева, другими документами.

Деятельность Скобелева в военных действиях в Средней Азии, в Русско-турецкой войне описана на страницах мемуаров, опубликованных в периодической печати конца XIX – начала XX вв.

Интерес представляют воспоминания военного писателя, сподвижника Скобелева, генерала от инфантерии П.Д. Паренсова, опубликованные в журнале «Русская старина» за 1899, 1902, 1903 и 1907 гг. под заглавием «Из прошлого»²⁹, признанные Императорской академией наук достойными Макарьевской премии и премии имени М.Н. Ахматова. Паренсов участвовал в сражении под Плевной 18 июля в отряде генерал-майора Скобелева, 30 августа – в штурме Плевны с южной стороны отрядом Скобелева, а также в многочисленных сражениях под начальством генералов М.Д. Скобелева, князя А.Н. Имеретинского, графа П.А. Шувалова и И.В. Гурко. Воспоминания Паренсова основаны на письмах, которые он писал жене во время войны, а также проверены по документам, переданным автором после окончания военных действий в Военно-историческую комиссию. Все это делает мемуары Паренсова достоверным источником для изучения биографии Скобелева. Автором подробно описаны действия Скобелева при взятии Ловчи и Плевны.

«Мой дневник на войне 1877–78 годов» М.А. Газенкампа печатался на страницах журнала «Вестник Европы»³⁰ в 1905–1906 гг.,

позже вышел отдельной книгой (Мой дневник. – СПб., 1908). Во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. военный деятель, писатель Газенкампа состоял в распоряжении главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича, вел его секретную переписку и журнал военных действий. Эти события нашли отражение в дневнике, на страницах которого в связи с военными действиями часто упоминается имя М.Д. Скобелева.

Воспоминания историка Д.И. Иловайского о встрече со Скобелевым написаны в октябре 1882 г., после смерти Белого генерала, напечатаны в журнале «Русская старина» за 1883 г.: «Поездка под Плевну в 1877 году. Посвящается памяти Михаила Дмитриевича Скобелева»³¹. Иловайский пишет о взаимоотношениях генерала со своим начальником штаба А.Н. Куропаткиным, о заботе Скобелева о солдатах.

В своих мемуарах П. Федоров, один из ведущих сотрудников канцелярии генерал-губернатора Туркестана, писал о Скобелеве: «Роль его в покорении Кокандского ханства давно всем известна. Здесь, как и впоследствии в Турции и в Закаспийском крае, он был тем орлом, каким его признала военная история. Войска его в буквальном смысле боготворили, население вновь покоренной области страшно боялось, но уважало»³².

Это лишь малая часть источников о М.Д. Скобелеве, имеющих в фондах нашей библиотеки, информация о которых представлена в указателе. Указатель «Михаил Дмитриевич Скобелев» получил высокую оценку Скобелевского комитета, удостоен диплома 2-й степени 3-го областного конкурса творческих работ по проблемам нравственности и патриотизма «Моя Россия» (2004). В своей работе его используют ученые, преподаватели, учителя, студенты и школьники, интересующиеся краеведением. Указатель размещен на сайте библиотеки, что делает его доступным для удаленных пользователей, занимающихся изучением биографии и деятельности М.Д. Скобелева. Издание широко используется в научной и массовой работе библиотеки.

Участники молодежного клуба краеведов «Наследники», работающего при библиотеке, – ученики старших классов школы № 65 г. Рязани под руководством учителя Г.Н. Чесалиной – также занимаются изучением биографии Скобелева. Так, в 2011 г. для членов клуба «Наследники» сотрудниками краеведческого информационного центра был проведен библиографический тренинг по поиску информационных ресурсов по теме «Михаил Дмитриевич Скобелев».

В 2012 г. на заседании молодежного клуба краеведов «Люди и события Великой эпохи»: к 200-летию Отечественной войны 1812 года» учащийся школы № 65 Андрей Вахрушев рассказывал о генерале И.Н. Скобелеве.

В 2013 г. на 5-й межвузовской конференции студентов г. Рязани выступала ученица 9 класса школы № 65 г. Рязани Анастасия Гаврилова с темой «Образ М.Д. Скобелева в русском изобразительном искусстве 2-й половины XIX века».

На заседаниях клубов краеведов проходили презентации книг, посвященных М.Д. Скобелеву, выступали ученые, учителя, сотрудники библиотеки: главный библиограф краеведческого отдела Рязанской областной библиотеки им. Горького Е.И. Кутырова, кандидат военных наук В.И. Шайкин, краевед, журналист В.И. Яковлев, заведующая отделом Государственного архива Рязанской области Г.К. Гольцева, фотохудожник Е.Н. Каширин, художник, учитель С.Д. Анфимов.

Таким образом, библиотека обладает большим информационным ресурсом о Скобелеве, участвует в создании качественной информации и активно продвигает ее среди различных категорий пользователей.

¹ Скобелев Михаил Дмитриевич: указ. лит. / ГУК «Ряз. обл. универс. науч. б-ка им. М. Горького», МУК «Центр. б-ка ЦБС Новодерев. р-на»; сост.: В.В. Безуглова [и др.]; Рец. В.А. Горнов. Рязань, 2003. 80 с.

² Полянский М.Д. Библиографический указатель литературы, относящейся к биографии М.Д. Скобелева: Ко дню двадцатилетия кончины его. СПб., 1902.

³ Масальский В.Н. Скобелев: ист. портр. М., 1998. 415 с.

⁴ Костин Б.А. Скобелев. М., 2000. 232 с.

⁵ Гусаров В.И. Генерал М.Д. Скобелев: легендарная слава и несбывшиеся надежды М., 2003. 334, с.

⁶ Шолохов А.Б. Полководец, Суворову равный, или Минский корсиканец Михаил Скобелев. М., 2008. 407 с.

⁷ Филиппов М.М. М.Д. Скобелев: Его жизнь и деятельность, военная, административная и общественная: Биогр. очерк. СПб., 1894. 96 с.; То же. Демосфен и Цицерон. Тиберий и Гай Гракхи. Богдан Хмельницкий. Джузеппе Гарибальди. Михаил Скобелев: биогр. повествования / сост., общ. ред. Н.Ф. Болдырева; послесл. А.Ф. Арендаря. Челябинск, 1996. С. 435–538.

⁸ Скобелев М.Д. Приказы генерала М.Д. Скобелева (1876–1882) [Электронный ресурс] / под ред. А.Н. Маслова. СПб., 1882. Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003544992?page=1>.

⁹ Михаил Скобелев: [сб. / сост. И.Д. Носков; Изд. К.В. Кренов]. М., 1997. 492 с.

¹⁰ Генерал Скобелев / [сост.: Р.Г. Гагкуев]. Москва, 2011. 627, [3] с., [8] л. цв. ил.: цв. портр. (Военно-историческая серия «Белые войны» / науч. ред.: д. ист. н. В.Ж. Цветков).

¹¹ Скобелев М.Д. «Стою за правду и за Армию!». Москва, 2012. 476.

¹² Андижан // Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 2. С. 543–545.

¹³ Кокандская экспедиция 1875–1876 гг. // Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 13. С. 23–25.

¹⁴ Завоевание Туркмении: Поход в Ахал-Теке в 1880–81 гг. // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1889. Ч. 3, кн. 2. С. 533–685.

¹⁵ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове / изд. Воен.-ист. комис. Гл. Штаба. СПб., 1898–1911.

¹⁶ Немирович-Данченко В.И. Скобелев: Личные воспоминания и впечатления. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1882. 358 с.; То же. Белый генерал. М., 1991. С. 277–538.; То же. М., 1993. 285 с.; То же. Михаил Скобелев: Сб. М., 1997. С. 223–430.

¹⁷ Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М., 1993. С. 5.

¹⁸ Немирович-Данченко В.И. Год войны: (Дневник русского корреспондента): 1877–1878. СПб., 1878. Т. 2. 329 с.

¹⁹ Верещагин В.В. Воспоминания художника В.В. Верещагина // Русская старина. 1888. № 11. С. 445–468; № 12. С. 671–688; 1889. № 3. С. 586–630; № 5. С. 389–410; № 11. С. 475–492; № 12. С. 783–794.

²⁰ 18 (30) июля 1877 г. – второй штурм Плевны.

²¹ Боткин С.П. Письма из Болгарии. 1877 г. СПб., 1893. С. 169.

²² Либрович С.Ф. Скобелев и книги // Либрович С.Ф. На книжном посту: воспоминания, записки, документы. Птг.; М., 1916. С. 327, 329–330.

²³ Дукмасов П.А. Со Скобелевым в огне: воспоминания о русско-турецкой войне 1877–78 гг. и о М.Д. Скобелеве его ординарца Петра Дукмасова // Генерал Скобелев / [сост.: Р.Г. Гагкуев]. М., 2011. С. 9–380.; То же. Скобелев М.Д. «Стою за правду и за Армию!». М., 2012. С. 113–460.

²⁴ Дукмасов П.А. Со Скобелевым в огне: воспоминания о русско-турецкой войне 1877–78 гг. и о М.Д. Скобелеве его ординарца Петра Дукмасова // Генерал Скобелев / [сост.: Р.Г. Гагкуев]. М., 2011. С. 18.

²⁵ Куропаткин А.Н. Ловча, Плевна и Шейново: (Из истории русско-турецкой войны 1877–1878 годов) // Военный сборник. 1881. № 1. С. 5–52; № 2. С. 217–262; № 3. С. 5–44; № 4. С. 217–269; № 5. С. 5–30; 1882. № 8. С. 161–188; № 9. С. 5–36; № 10. С. 202–234; № 11. С. 5–28; № 12. С. 143–176; 1883. № 1. С. 70–91; № 2. С. 208–233; № 7. С. 5–85; № 10. С. 165–213; № 11. С. 28–64; Куропаткин А.Н. Блокада Плевны: (Продолжение статей «Плев-

на, Ловча и Шейново») // Там же. 1885. № 2. 185–256. 1886. № 9. С. 5–53. № 10. С. 179–214.; № 11. С. 5–38; № 12. С. 167–209. *Куропаткин А.Н.* К штурму Плевны 30–31 августа 1877–1878 года: (С планом) // Там же. 1885. № 7. С. 25–60; *Куропаткин А.Н.* Переход через Балканы отряда генерала Скобелева и бой у д. Шейново, 28 декабря 1877 года: (Окончание статей «Плевна, Ловча и Шейново») // Там же. 1889. № 6. С. 189–229; № 8. С. 177–224; № 9. С. 5–43; № 10. С. 185–249; *Куропаткин А.Н.* Сражение под Плевною 28-го ноября 1877 года: (Окончание статьи «Блокада Плевны») // Там же. 1887. № 12. С. 181–232.

²⁶ *Зотов П.Д.* Война за независимость славян в 1877–1878 гг. // Русская старина. 1886. № 1. С. 213–240; № 2. С. 425–449. *Зотов П.Д.* Война за независимость славян в 1877–1878 гг.: Посмертные записки генерала от инфантерии П.Д. Зотова // Там же. 1907. № 1. С. 5–27; № 2. С. 309–319; № 11. С. 319–330.

²⁷ Русский орел на Балканах: русско-турецкая война 1877–1878 гг. главами ее участников: Записки и воспоминания / сост. Н.В. Ильина. М., 2001. 213 с., ил.

²⁸ *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении: Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т. 1–4. СПб., 1883–1884.

²⁹ *Паренсов П.* Из прошлого: (Воспоминания офицера Генерального штаба о войне 1877–1878 гг.) // Русская старина. 1899. № 9. С. 629–648; № 10. С. 151–174; № 11. С. 335–358; № 12. С. 603–633; 1902. № 10. С. 57–64; № 11. С. 285–300; № 12. С. 450–474; 1903. № 1. С. 95–121, № 5. С. 91–302; 1907. № 10. С. 27–44.

³⁰ *Газенкамф М.А.* Из дневника на войне 1877–1878 гг.: 1878 год. 1-е января – 17 апреля // Вестник Европы. 1906. Кн. 3. С. 258, 259, 262, 269, 273–277, 279–282; Кн. 4. С. 495, 496, 498, 499, 502, 507, 509, 511, 519; Кн. 5. С. 35, 47, 51; Кн. 6. С. 527, 528, 550, 564, 568, 571; Кн. 7. С. 75, 86; *Газенкамф М.А.* Мой дневник на войне 1877–1878 годов // Там же. 1905. Кн. 4. С. 488; Кн. 5. С. 10, 11, 31, 32, 34, 40, 41, 43–46, 48, 50, 52; Кн. 6. С. 458, 468, 481, 483, 487, 493, 494; Кн. 7. С. 46, 48, 65, 67, 69, 86; Кн. 8. С. 434, 448, 463; Кн. 9. С. 10, 14, 15, 23, 24, 26–28, 40.

³¹ *Иловыйский Д.И.* Поездка под Плевну в 1877 г.: Посвящается памяти М.Д. Скобелева // Русская старина. 1883. № 2. С. 351–374.

³² *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 г.) // Исторический вестник. 1913. № 10. С. 43.

Е.П. ПАНФЕРОВА
(Рязанская область)

РОЛЬ МУНИЦИПАЛЬНОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ «МУЗЕЙ-УСАДЬБА «МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС М.Д. СКОБЕЛЕВА» В УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ ПРОСЛАВЛЕННОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА

В военной истории России есть имена, которые оставили в ее летописи неизгладимый десятилетиями и веками след, яркий пример для подражания нынешним и последующим поколениям людей. Это киевский князь Святослав, ходивший на врагов и побеждавший их, первый российский император Петр Первый, в сражениях «сам командовавший полками и сам пушки заряжавший», Александр Суворов, «быстротой, глазомером, натиском» со своими чудо-богатырями разивший неприятелей и не знавший поражений... В середине второй половины XIX в. на российском военно-историческом небосклоне ярко возшла звезда незаурядного военного таланта «Белого генерала» Михаила Дмитриевича Скобелева, «Героя, Суворову равному». Он достойно занял место в ряду этих великих имен.

«Белый генерал», как его называли, и, наверное, не столько за пристрастие к белым лошадям и кителям, сколько за его ратные подвиги и высокие человеческие качества: искренность и порядочность, ум и неустанную заботу о солдатах и офицерах, о тех, за кого он отвечал перед Богом, Государем и Отечеством.

И мы гордимся тем, что имя Скобелева связано с Рязанской землей. В селе Заборово Александрово-Невского района (бывшее с. Спасское, Заборовские Гаи, Ряжского уезда) Рязанской области было родовое имение Скобелевых, любимое местопребывание Михаила Дмитриевича Скобелева. Для Михаила Дмитриевича это был райский уголок, он говорил, что именно здесь он мог успокоиться, воскреснуть и что только здесь он становится другим человеком. Здесь же он и нашел свое последнее пристанище, будучи похороненным в приделе церкви Спас-Преображения.

До революции имя Михаила Дмитриевича, народного героя и великого полководца, национального героя Болгарии, было увековечено в разных изданиях. Памятники ему устанавливались в Болгарии, в России. Его именем были названы города, улицы, учреждения и т.д. Но с 1918 г. память о Скобелеве стала угасать. Имение его в с. Заборово было разрушено.

В настоящее время имя гениального русского полководца Михаила Дмитриевича Скобелева возрождается.

28 сентября 2003 г. во время празднования 160-летия со дня рождения М.Д. Скобелева в с. Заборово Александро-Невского района Рязанской области был открыт мемориальный комплекс выдающегося полководца, генерала от инфантерии, национального героя Болгарии.

На территории мемориального комплекса находятся музей М.Д. Скобелева, бронзовый бюст, отреставрированная Спасская церковь, в пределах которой похоронены родители Скобелева и сам М.Д. Скобелев.

Музей располагается в восстановленном здании сельской школы, построенной для местных детей в 1881 г. на средства Михаила Дмитриевича.

В музее действует экспозиция, отражающая историю усадьбы, родословную Скобелевых, жизнь и деятельность Михаила Дмитриевича Скобелева. В экспозициях представлены вещи из усадьбы, документы, фотографии, живописные портреты, копии наград М.Д. Скобелева.

В 2008 г., в год празднования 165-летия со дня рождения М.Д. Скобелева, музей был переименован в Музей-усадьбу «Мемориальный комплекс М.Д. Скобелева». В том же году в музее была проведена реэкспозиция и открыта новая экспозиция: «Признание заслуг М.Д. Скобелева перед Россией и Болгарией».

28 сентября 2013 г. ко дню празднования 170-летия со дня рождения М.Д. Скобелева состоялось открытие новой экспозиции, посвященной русскому воинству, здесь же представлены документы, фотографии и исторические предметы.

На территории усадьбы, в парке, находится захоронение боевого коня М.Д. Скобелева. Это белый жеребец ахалтекинской породы, которого Белый генерал назвал Геок-Тепе в честь взятия крепости Геок-Тепе во время последней своей военной экспедиции в Ахал-Текинском оазисе в 1881 г. Конь пережил своего хозяина на 28 лет. В 2008 г., благодаря ассоциации ахалтекинского коннозаводства России, была изготовлена и установлена на могилу коня каменная надгробная плита.

В музее ведется экспозиционно-информационная работа, которая направлена на военно-патриотическое воспитание молодежи. Проводятся мероприятия и выставки, посвященные памяти М.Д. Скобелева и его родословной. Постоянно ведется исследовательская работа по выявлению новых материалов о родословной и о деятельности

М.Д. Скобелева. Налаживаются контакты с историческими клубами и обществами как Рязанской области, так и за её пределами.

В музее ежегодно проводятся мероприятия, посвященные дню рождения и смерти М.Д. Скобелева. Два раза в год проходит мероприятие «День призывника», на котором будущие воины дают клятву у памятника М.Д. Скобелеву. В мае 2013 г. на территории музея-усадьбы прошло областное мероприятие, на котором собрались будущие призывники нескольких районов Рязанской области. Становится традицией принятие присяги у могилы Михаила Дмитриевича юных кадетов-скобелевцев города Рязани.

Музейный фонд постоянно пополняется новыми экспонатами, предметами, знакомящими с деятельностью М.Д. Скобелева и русским воинством. В настоящее время в музее находится 475 экспонатов основного и научно-вспомогательного фонда. Из них 98 предметов поступило за 2013 г. Хочется выразить признательность людям, благодаря которым музейный фонд пополняется новыми экспонатами. Особая благодарность А.В. Кирилину – генерал-майору, члену президиума Международного Скобелевского комитета, начальнику Управления делами ЦИК России; Благотворительному фонду «Достойная память»; Скобелевскому Комитету г. Москвы, а также редактору журнала «Юный Краевед» С.И. Савинкову; А.Н. Потапову, Ю.И. Проскуровской и всем, кто помогает возрождению имени Михаила Дмитриевича Скобелева и музея. Нам пишут из разных уголков России, со многими из которых у нас ведется уже постоянная переписка. Предоставляем необходимую информацию всем, кто интересуется биографией М.Д. Скобелева.

Интерес посетителей к музею, к истории жизни и деятельности М.Д. Скобелева возрастает с каждым годом. Со времени открытия нашего музея прошло 10 лет. Но за это время его уже посетили более 25 тысяч человек. Проведено более 1200 экскурсий.

Музей посещают не только школьники, туристические группы из Рязанской области, но также из других областей России и даже из Украины, Казахстана, Армении.

Среди посетителей очень много военных, курсантов различных вузов. Теплые отзывы, которые оставляют гости, говорят о значимости нашего музея. Один из последних: «Спасибо. Возвращение к нашей славной истории государства Российского, к нашим героям – это нить к возрождению нашего величия как государства», «Память потомков вечна».

Мы верим, что люди всегда будут приезжать в музей, чтобы прикоснуться к этому историческому месту.

Е.Г. ШАЛАХОВ
(пос. Юрино, Республика Марий Эл)

СКОБЕЛЕВСКИЙ КАБИНЕТ В ЮРИНСКОМ ЗАМКЕ ШЕРЕМЕТЕВЫХ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Кабинет генерала Михаила Дмитриевича Скобелева в Юринском замке нижегородских дворян Шереметевых – одно из статусных помещений с любопытной историей как в позапрошлом веке, так и в наши дни. Самые значимые события, происходившие в старинных стенах Юринской усадьбы, так или иначе касались этой комнаты, расположенной сразу за Малой гостиной в центральном корпусе Главного дома. Именно здесь обычно останавливался, приезжая в отпуск в гости к своей родной сестре Ольге Дмитриевне, ставшей женой юринского помещика Василия Петровича Шереметева, знаменитый «Белый генерал».

«Скобелевский зал» с его уникальным интерьером начал формироваться ещё при жизни М.Д. Скобелева – в конце 70-х гг. XIX в. Один из первых исследователей Юринской Шереметевской старины нижегородский писатель Константин Андреевич Кислов, опираясь на архивные материалы и собственные воспоминания, описывал Скобелевский кабинет как настоящий арсенал замка. К началу XX столетия в собрании кабинета было значительное количество единиц огнестрельного и холодного оружия, различного по происхождению и видам, в том числе наградное Скобелевское и трофейное азиатское, привезенное в Юрино самим генералом¹.

После кончины О.Д. Шереметевой (1898 г.), пережившей своего супруга всего на пять лет, хранителем Скобелевских реликвий стал её сын Пётр Васильевич Шереметев – родной племянник героя Шипки. Среди вещей, упомянутых в недавно опубликованной «Дополнительной описи движимого имущества в нижнем этаже «Главного дома» Юринского имения дворянина П.В. Шереметева»², составленной 25–28 января 1916 г. ввиду преждевременной смерти молодого хозяина, значились: за № 300 «один футляр с шашкой и ножной Скобелева в золоченой оправе с эмалью»³; за № 301 «шашка «золотое оружие» за храбрость с георгиевским и анненским крестами и георгиевским темляком»⁴; за № 302 «шпага за храбрость»⁵; за № 310 «суконный форменный сюртук Скобелева с пагонами»⁶.

Кроме того, наглядным подтверждением трепетного отношения Петра Васильевича к памяти великого дяди может послужить следующий факт. Когда в начале июня 1916 г. наследницы имения Луиза Камиловна Шереметева (жена П.В. Шереметева) и сёстры покойного Ольга Васильевна и Марина Васильевна вскрыли ящик охранительной описи № 3, то обнаружили в нём не только личные вещи и бумаги близкого им человека, но и «чепрак бархатный, обшитый золотом с гербом М.Д. Скобелева, альбом с карточками, ордена Скобелева и три ленты: две – святой Анны, одна – Александра Невского; 14 медалей; адрес М.Д. Скобелева в г. Минске; медный походный котелок, много всяких дорогостоящих безделушек, принадлежавших генералу М.Д. Скобелеву и в разное время и по разным поводам дареных ему (у Скобелева своей семьи не было)»⁷.

К сожалению, после эвакуации художественных коллекций из Главного дома усадьбы, осуществленной нижегородскими властями в 1922–1923 гг.⁸, замок лишился и Скобелевских реликвий.

На исходе века забвения, каким был двадцатый, в Юрине вновь заговорили о Скобелеве. Важной вехой в воскрешении славного имени «Белого генерала» стали Скобелевские чтения, которые три года подряд – с 1999-го по 2001-й – собирали в замке научную общественность всех уровней. Организатором чтений выступил Скобелевский комитет во главе с его президентом, лётчиком-космонавтом А.А. Леоновым. Алексей Архипович лично выступил на первых чтениях, состоявшихся 17 сентября 1999 г. в бывшей картинной галерее Юринского замка⁹.

Скобелевские чтения сыграли не последнюю роль в дальнейшей судьбе бывшей Шереметевской усадьбы. К осени 2005 г., благодаря финансированию из федерального и республиканского (Марий Эл) бюджетов¹⁰, в Скобелевском кабинете был произведен ремонт стен, отреставрирована потолочная лепнина. В том же году сотрудники Марийского научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры передали в обновленный кабинет богато иллюстрированный стенд «Генерал от инфантерии Михаил Дмитриевич Скобелев (17.09.1843–7.07.1882). Последний эпический герой русской истории». А ещё через два года в интерьере современного Скобелевского зала появилась репродукция картины «Шипка–Шейново (Скобелев под Шипкой)» художника В.В. Верещагина, «которого многое связывало с М.Д. Скобелевым»¹¹. Репродукция полотна, завершавшего масштабную «Балканскую серию», созданную мастером батальной

живописи¹², была подарена усадебно-архитектурному комплексу «Юринский замок и его усадьба» туристическим агентством «Вездеход» (г. Йошкар-Ола).

Позитивные перемены в Юринском замке пробудили интерес к нему как к месту для проведения межрегиональных научно-практических конференций с исторической и культуроведческой направленностью. В стенах Скобелевского кабинета трижды – в 2006, 2008, 2012 гг. – проходили Шереметевские чтения. Доклады и сообщения выступавших были посвящены генеалогии рода Шереметевых, истории их нижегородских вотчин – Богородской и Юринской. Некоторые выступления в полной мере освещали различные аспекты изучения художественного и документального наследия Юринского замка¹³. Остается добавить, что организаторами указанных чтений в разные годы являлись Институт генеалогических исследований Российской национальной библиотеки, Русское генеалогическое общество, Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Национальная библиотека Республики Марий Эл им. С.Г. Чавайна, Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры», Государственный архив Республики Марий Эл, Марийское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, администрация муниципального образования «Юринский муниципальный район». Программа Шереметевских чтений 2012 г. и фотоматериалы с конференции размещены на сайте Национального музея Республики Марий Эл¹⁴.

Весной 2013 г. комплекс «Юринский замок и его усадьба» был реорганизован в Государственное бюджетное учреждение культуры (далее – ГБУК) Республики Марий Эл «Замок Шереметева». Одно из первых массовых мероприятий ГБУК было посвящено 170-летию «Белого генерала». Шереметевский прием «Виват, Россия!», состоявшийся 12 июня в Главном доме усадьбы, позволил всем желающим соприкоснуться с миром славной русской старины. Почти сразу после торжественной встречи в Зимнем саду замка мы пригласили гостей (в основном, это были жители пос. Юрино) в кабинет Скобелева. Здесь впервые прозвучала ода в честь героя Плевны и Шипки, сочиненная автором этих строк специально для приема. Вечер «у Шереметева» продолжился в Малой гостиной, где наши уважаемые визитеры, расположившись в креслах и любуясь

огнём, зажженным в старинном камине, вместе с местными музыкантами пели романсы прошлых лет. Запоминающимися частями программы мероприятия стали также дегустация пирога по рецепту О.Д. Шереметевой и фуршет на террасе Северного подъезда Главного дома.

В течение всего туристического сезона 2013-го – с мая по сентябрь – мы вновь и вновь обращались к славным деяниям генерала Скобелева, приводя в его бывший кабинет туристов из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Чебоксар, Казани, Ижевска, Иркутска и других российских городов. Рассказы о великом русском полководце и его походах слышали наши зарубежные гости из Франции, Чехии, Норвегии и Китая.

Юбилейные мероприятия нынешнего года, посвященные М.Д. Скобелеву, по замыслу руководства ГБУК «Замок Шереметева», будет венчать тематическая программа «Юбилей Белого генерала», которая состоится 4 октября. Как и в дни Шереметевских чтений, в стенах мемориального кабинета прозвучат, разумеется, с должным благоговением и трепетом доклады об истории Скобелевского рода и о том, что сделано для славянских народов «последним эпическим героем русской истории»¹⁵.

Таким образом, востребованность Скобелевского кабинета в пространстве современного Юринского замка наверняка будет и дальше способствовать сохранению исторической памяти о великом полководце России и Болгарии, каким был и останется в веках генерал от инфантерии Михаил Дмитриевич Скобелев.

¹ Кислов К. Усадебно-парковый комплекс помещиков Шереметевых в поселке Юрино Республики Марий Эл // Кислов К. Очерки Юринской жизни. Козьмодемьянск, 1998. С. 78.

² Иванов А.Г., Киселева Л.А. Описание Юринского имения дворянина П.В. Шереметева 1916 года // Марийский археографический вестник. 2012. Вып. 22. С. 169–186.

³ Там же. С. 178.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Кислов К. Юрино. Усадебно-архитектурный памятник. Йошкар-Ола, 1995. С. 47.

⁸ Капустина В.А. Последние Великие Романтики. Повествование о строителях Юринского замка Василии Петровиче и Ольге Дмитриевне Шереметевых. СПб, 2003. С. 44–45.

⁹ Палагушина О. Скобелевские чтения // Юринский рабочий. 1999. 24 сентября; Гусаров В. Скобелевские чтения в замке Шереметевых // Российская газета. 1999. 2 ноября. С. 2.

¹⁰ Началась реставрация Шереметевского замка в Марий Эл [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/521781.html> (дата обращения: 22.09.2013).

¹¹ Комаровская Е.В. Вся жизнь – России // III-е Скобелевские чтения (п. Юрино, 9–10 октября 2001 г.). Коллективный сборник. Йошкар-Ола, 2002. С. 31.

¹² Сайт информационно-образовательного центра «Русский музей: виртуальный филиал». Верещагин В.В. Шипка-Шейново (Скобелев под Шипкой). До 1890 [Электронный ресурс]. URL: <http://virtualrm.spb.ru/ru/node/4960> (дата обращения: 22.09.2013).

¹³ Шомина В.П. Документы Государственного архива Республики Марий Эл о Юринской усадьбе Шереметевых // Марийский архивный ежегодник – 2007. Йошкар-Ола, 2007. С. 114–117.

¹⁴ http://www.fumus.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=213:шереметевские-чтения-2012&Itemid=795 (дата обращения: 23.09.2013).

¹⁵ Полонский А. Последний эпический герой русской истории [Электронный ресурс]. URL: <http://his.1september.ru/2002/21/2.htm> (дата обращения: 25.09.2013).

М.А. ВИНОГРАДОВ
(Москва)

СКОБЕЛЕВЫ И ВИНОГРАДОВЫ В ЗАБОРОВО: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМЕН И ТРАДИЦИЙ

Заборовские Гаи (Спасское) на протяжении почти столетия были свидетелем тесных дружеских связей нескольких поколений семей Скобелевых и Виноградовых. В 30-х гг. XIX в. село Заборовские Гаи перешло во владение от генерала Заборовского к Ивану Никитичу Скобелеву – деду будущего «Белого генерала». С тех пор оно стало любимым местом пребывания семьи Скобелевых.

Род священников Виноградовых известен в Заборовских Гаях еще с конца XVIII в., когда в 1782 г. иерей Павел Никифорович приступил к службе в сельской церкви Спаса Нерукотворного образа. В 1826 г. служение в храме продолжил его сын священник Александр Павлович (1791–1856) и отдал этому более тридцати лет жизни. Здесь родились шестеро его детей, четверо из них впоследствии приняли священнический сан. Заборовские Гаи – родина известного духовного композитора протоиерея Михаила Александровича Виноградова.

У владельца усадьбы генерала Скобелева завязываются дружеские отношения с отцом Александром. В качестве посаженного отца Иван Никитич присутствует на бракосочетании композитора Михаила Виноградова с Екатериной Благовещенской, дочерью священника из Рязани.

В становлении отношений двух родов решающую роль сыграли личности их основателей: генерала Ивана Никитича Скобелева и священника Александра Павловича Виноградова. И.Н. Скобелев и А.П. Виноградов были выходцами из самой гущи народа, из той патриархальной России, которая оставалась верна старым традициям. Как отмечали современники, Иван Никитич был человеком глубоко верующим, с большим почтением относящимся к Русской церкви и духовенству.

Образ деда Ивана Никитича Скобелева – его натура, характер, привычки, жизненные ценности – стали примером для будущего «Белого генерала». Он первый заронил в душу мальчика идею долга перед Родиной, зажег в нем любовь к солдату, научил внука говорить языком близким и понятным солдату. При сопоставлении приказов Скобелева, отданных им в разное время под Плевной, в Фергане и других местах, с приказами и литературными трудами Скобелева-

деда становится ясно, кто был образцом для Михаила Дмитриевича. Скобелев-отец, Дмитрий Иванович, человек довольно суровый, скупой и старых взглядов, имел меньшее влияние на своего сына. Тем не менее, Георгиевские кресты деда и отца с детских лет служили путеводной звездой для Скобелева-ребенка и определили его карьеру.

Генерал Иван Никитич Скобелев родился в 1778 г. в деревне Новиковка в Оренбургском крае. Сын сержанта-одногодворца, Скобелев рано лишился отца, и детские годы его протекали в обстановке крайне бедной под присмотром матери, женщины религиозной. По одним сведениям, его мать, Татьяна Михайловна, происходила из дворянского рода Коревых, по другим – была простой крестьянкой, даже не знавшей грамоты¹.

Четырнадцать лет он поступил вольноопределяющимся в 1-й полевой Оренбургский полк. Обратив на себя внимание начальства своими способностями к службе и бойким характером, Скобелев быстро продвигался по службе, но, тем не менее, двенадцать лет прослужил в нижних чинах. В 1804 г. был произведен прапорщиком в Уфимский мушкетёрский полк; в последнем он дослужился до офицерского чина. В 1817 г. был произведен в генерал-майоры, а в 1843 г. – стал генералом от инфантерии.

Иван Никитич Скобелев принял участие практически во всех военных компаниях первой половины XIX в. В Отечественной войне 1812 г. был старшим адъютантом у главнокомандующего Кутузова, отличился при Бородино и Малоярославце. В ходе боевых операций неоднократно был ранен: ему ампутировали левую руку, на правой осталось только два пальца. Георгиевский кавалер имел многочисленные награды, был любим и уважаем в армии, особенно среди простых солдат.

Получив весьма поверхностное образование, Иван Никитич сумел заменить его природной сметливостью и умом, а свободное от службы время посвящал литературным занятиям. Его произведения отличались оригинальностью, охотно читались простолюдинами. Известный литератор Ф.В. Булгарин вспоминал о Скобелеве: он был «... истинный представитель русской народности: умный, смелый, находчивый, храбрый, истинный христианин, преданный душевно престолу, любивший пламенно Отечество и все отечественное, благотворительный и хлебосол... русак чистой крови, самородное русское золотое, без всякой примеси»². Как отмечали современники, Иван Никитич был человеком глубоко верующим, с большим почтением относящим-

ся к Церкви и духовенству: «... фундамент может быть прочен, и здание счастливо совершится тогда только, – писал он сыну Дмитрию, – когда с усердными, тёплыми молитвами будешь ты ежедневно прибегать к Господу Богу и когда все благотворные в себе причины будешь признавать благими дарами Царя – Отца Небесного. Всеу трудисься, скудельный человек, аще не Бог созиждет дом твой!»³.

Оба рода – Скобелевых и Виноградовых – были необыкновенно музыкальны: об этом говорят их семейные архивы, эту же мысль подчеркивают биографы двух фамилий. «Музыка у Скобелева была всюду и всегда, – отмечали современники Михаила Дмитриевича, – под музыку шли в бой, музыка заглушала предсмертные стоны, музыка торжествовала победу, музыка, наконец, завораживала диких текинцев, когда под стенами Геок-Тепе раздавались торжественные звуки вечерней зари и молитвы»⁴. Из приказа М.Д. Скобелева по 16-й пехотной дивизии в 1877 году: «Лагерь наш слишком скучный. Желательно было бы, чтобы чаще горели костры, пели бы песни; назначать по очереди перед вечернею зарею в центре позиции играть хору музыки. Разрешается петь и поздно вечером. Во всех ротах обратить серьезное внимание на образование хороших песельников (певцов – *М.В.*); поход без песельников – грусть, тоска»⁵. И кто знает, быть может, благодаря музыкальным спасским семейным традициям, возвышающим дух и самого человека, и были одержаны те величайшие победы, которые прославили имя Скобелева и землю русскую.

Протоиерей Михаил Александрович Виноградов, рано почувствовав призвание к музыке и пению, девяти лет отроду был взят в рязанский архиерейский хор, а в семнадцать лет был назначен регентом этого хора. В этом звании состоял по совместительству с должностью священника 44 года. Талантливый духовный композитор-самоучка, недостаток знаний Михаил Александрович восполнял самостоятельным изучением образцов духовной музыки. Музыкальные достоинства, легкость и доступность исполнения его произведений небольшими хорами были причиной широкой популярности произведений отца Михаила. Духовные песнопения протоиерея Виноградова были изданы придворной певческой капеллой, а также фирмами Юргенсон и Гутхейль в виде грамофонных записей вместе с произведениями П.И. Чайковского и Н.А. Римского-Корсакого. Фисгармония отца Михаила, подаренная его потомками в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, до настоящего времени используется при спевках главного хора Лавры.

В Рязани по благословению Митрополита Рязанского и Михайловского Павла с большим успехом проходят фестивали хоровой духовной музыки памяти протоиерея М.А. Виноградова. В начале XX в. духовные произведения композитора ежедневно исполняли во всех церквях Российской империи. В советские годы его обиходные сочинения во многих приходах пели без нот, на слух, не зная, что это произведения отца Михаила.

Архиепископ Тульчинский и Брацлавский Иоанафан (Елецких) – председатель жюри 5-го Фестиваля хоровой духовной музыки памяти протоиерея М.А. Виноградова (2010 г.) – отметил, что и сегодня в православных приходах США, Европы и Австралии сочинения отца Михаила Виноградова обязательно исполняют в дни особо больших торжеств – на Рождество и Пасху. В Рязани на могиле композитора стоит скромный мраморный памятник с надписью: «Пою Богу моему, дондеже есмь».

Младший сын композитора, Павел Михайлович Виноградов, пользовался большим уважением со стороны М.Д. Скобелева, был с ним в дружеских отношениях и даже оперировал его. Очевидно под влиянием Михаила Дмитриевича он стал одним из учредителей инициативного комитета по созданию и установке памятника русским медикам, погибшим в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Памятник построен по проекту архитектора А.И. Томишко итальянцем Луиджи Фарабоско в 1882–1884 гг. Сверху на четырех гранях написаны названия болгарских населенных пунктов, где было много жертв: Плевна, Мечка, Пловдив и Шипка. Докторский памятник – один из самых почитаемых в Болгарии.

Тесные дружеские отношения сложились у семейства Скобелевых со священнослужителями Виноградовыми на протяжении многих десятилетий. Скобелевы делали пожертвования в церковь и на развитие прихода. В 1881 г. М.Д. Скобелев основал в селе земскую школу, среди учителей которой были священнослужители Андрей и Василий Райновы. Ольга, младшая дочь композитора Виноградова, вышла замуж за священника Андрея Райнова, который прослужил почти полвека в Спасо-Преображенской церкви в с. Заборовские Гаи. В семье Виноградовых он известен под шутливым именем «дядя Седой».

Отношения Скобелева и Райнова были простыми и доверительными: Михаил Дмитриевич называл отца Андрея просто – «батя», а тот его – «соколом». Часто они обсуждали политические темы. Скобелев считал, что война с Германией неизбежна. «Я тебя, батя, возьму с собой, – говорил Скобелев, – ты пойдешь с крестом рядом

со мной, перед полком. А когда мы победим – а победим мы непременно – то я отпишу в Петербург о твоей храбрости, и тебе дадут такую ленту, какая не снилась твоему архиерею»⁶. По воспоминаниям адъютантов М.Д. Скобелева, генерал планировал передать все свое имущество под инвалидный дом, а управляющим сделать А.В. Райнова и поселить его там вместе с семьей. Но судьба распорядилась иначе...

Дочь композитора Ольга Михайловна Райнова вспоминала: «У него (М.Д. Скобелева) был замечательный музыкальный приятный голос. Придет, бывало, к нам и начнет декламировать стихи своего любимого Хомякова... Мы заслушивались. А как он любил музыку. Дочка моя, Ольга, играла ему, когда он уходил, его любимый марш. Он обернется, бывало... глаза горят... он помог нам в приобретении инструмента и оплачивал обучение на фортепьяно нашей дочери»⁷.

Ольга, дочь Райновых, вышла замуж за священника Озерова. Ее внуки – известный спортивный комментатор Николай Николаевич и кинорежиссер Юрий Николаевич Озеровы.

Внучка композитора Татьяна Павловна Виноградова (1894–1982) рассказывала, что «дядя Седой» ходил с большой связкой ключей от имени Скобелевых. В свой последний приезд в Заборовские Гаи незадолго до смерти Михаил Дмитриевич показал священнику Андрею Райнову место в церкви, где хотел бы быть похоронен.

Правнук композитора, Алексей Михайлович Виноградов (1926–2001), подарил в 1998 г. полевой циркуль-измеритель М.Д. Скобелева, с которым генерал не расставался во время всех боевых походов, музею Российского Дворянского Собрания. К сожалению, судьба циркуля после пожара музея в начале 2000-х гг. неизвестна.

¹ Синельникова Т. Иван Никитич Скобелев // <http://www.nuralis.ru/4458.htm>

² Капустина В. Генерал Иван Никитич Скобелев // http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/v_kapustina_general_ivan_nikitich_skobelev/24-1-0-2623

³ Синельникова Т. Иван Никитич Скобелев // <http://www.nuralis.ru/4458.htm>

⁴ Марков С.Л. Памяти М.Д. Скобелева. М., 1912 // <http://general-markov.narod.ru/index.files/skobelev.htm>

⁵ Там же.

⁶ Панкратов А.С. У великих могил. М., 1914. С. 133.

⁷ Там же. С. 131–132.

АНДРЕЙ ВАХРУШЕВ, АНАСТАСИЯ ГАВРИЛОВА,
МАРГАРИТА ДМИТРИЕВА

(учащиеся средней школы № 65 г. Рязани)

Руководители:

Чесалина Г.Н., руководитель НОУ «Юный исследователь»,

Янкина Н.Г., учитель истории и обществознания

РАБОТА НАД ПРОЕКТОМ «ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ “М.Д. СКОБЕЛЕВ – ГЕРОЙ ДВУХ НАРОДОВ”»

«Мой символ краток – любовь к Отечеству,
свобода, наука и славянство. На этих четырех ки-
тах мы построим такую политическую силу, что
нам не будут страшны ни враги, ни друзья»

М.Д. Скобелев

На занятиях кружка «Любителей истории» в 7 классе наш учи-
тель Янкина Н.Г. предложила такую тему для обсуждения: «Наш
земляк М.Д. Скобелев».

Мы заинтересовались этой личностью и нашли немало позна-
вательной, редкой информации, исследовали и систематизировали
ее целый учебный год, вели просветительскую деятельность в шко-
ле. Личность Михаила Дмитриевича Скобелева, его боевые заслуги
вызвали у нас восхищение и подлинный интерес, и мы решили не
ограничиваться лишь сухими биографическими фактами, а попы-
таться вживую прикоснуться к судьбе генерала, проникнуться ат-
мосферой той легендарной эпохи.

И в сентябре 2011 г., в сто шестьдесят восьмой День Рождения
Михаила Дмитриевича, мы посетили музей-усадьбу «Мемориаль-
ный комплекс русского полководца генерала М.Д. Скобелева», ко-
торый находится в трех часах езды от Рязани. Поездка произвела на
нас ярчайшее впечатление! Конечно, нам понравилось и скромное,
но такое величественное поместье, и удивительной красоты приро-
да вокруг, и увлекательная экскурсия.

То многое, что мы узнали о столь неординарной личности Ми-
хаила Дмитриевича, ставшей знаковой не только для России, но
и нескольких стран мира, оставило глубокий след в наших сердцах.
Вернувшись обратно, мы решили рассказать об увиденном и услы-
шанном другим школьникам, чтобы не только сохранить людскую
память о нашем замечательном земляке, но и на примере нелегкого
жизненного пути полководца показать сверстникам образец истин-

ного патриотизма, смелости, духовности, любви к делу. Так возник
наш проект «Виртуальный музей “М.Д. Скобелев – герой двух на-
родов”».

В создании проекта, в подборе необходимых монографий, ху-
дожественных и документальных произведений, архивных доку-
ментов большую помощь нам оказали сотрудники краеведческого
центра Рязанской областной универсальной научной библиотеки
им. Горького.

Одно из занятий нашего краеведческого клуба на базе РОУНБ
им. Горького «Наследники», на котором проходил тренинг по поис-
ку информационных ресурсов о М.Д. Скобелеве, посетили губерна-
тор Рязанской области О.И. Ковалев и председатель Совета Феде-
рации В.И. Матвиенко.

Мы провели более десяти тематических классных часов в на-
шей и других школах, представляли свой проект на празднике «День
Героя» перед ветеранами труда и боевых действий, на городском се-
минаре заместителей директоров по воспитательной работе. Рефе-
рат об Иване Никитиче Скобелеве «От солдата до генерала» был
представлен на региональном конкурсе научно-исследовательских
работ, посвященном 1150-летию Истории Российского государства.
Этот конкурс проводился в РГМУ им. И.П. Павлова. Мы принима-
ли активное участие в областном историческом конкурсе «Сыны
Отечества, освободившие Россию», приуроченном к 200-летию
Отечественной войны 1812 года, который проходил в Музее исто-
рии молодежного движения.

Работая над проектом, мы совершенствовали навыки иссле-
довательской деятельности, встречались с интересными людьми,
например, со скульптором, автором памятников М.Д. Скобелеву
в селе Заборово и в Рязани, Борисом Горбуновым, вели переписку
с московской школой № 1064 им. Скобелева, помогали им в сборе
материала для конференции «Исчезнувшие памятники».

С исследовательской работой на тему «Образ М.Д. Скобеле-
ва в русском изобразительном искусстве» ученица нашего 10 «А»
класса Гаврилова Анастасия выступала на городской исторической
конференции для школьников «Ступени», где стала призером. Так-
же она принимала участие в межвузовской краеведческой конфе-
ренции в апреле 2013 г.

Еще один ученик нашей школы Андрей Вахрушев со своим ис-
следованием на тему «История создания и деятельность Скобелев-
ского комитета» участвовал в международных Кирилло-Мефоди-
евских Чтениях (секция «Россия и зарубежные славяне: языковой,

исторический и культурный аспекты взаимодействия»), проходивших 13–17 мая 2013 г. в Москве на базе Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Его работа была опубликована в журнале «Юный краевед» (№ 7 за 2013 г.).

В конце прошлого учебного года наш проект «Виртуальный музей «М.Д.Скобелев – герой двух народов» завоевал диплом II степени в городском конкурсе молодежных социальных инициатив. Мы также получили ценный приз – видеокамеру.

А 29 сентября 2013 г. мы вновь совершили поездку в Заборово вместе с активистами детских и молодежных общественных объединений, представителями волонтерских отрядов, воспитанниками казачьих, кадетских и военно-ориентированных классов.

Мы не собираемся останавливаться на достигнутом. В ближайшие два года в наши планы входит активное участие в различных мероприятиях, посвященных Михаилу Дмитриевичу Скобелеву и его жизненному пути.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аболмасов Вадим Владимирович (Россия, Рязань), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Акульшин Петр Владимирович (Россия, Рязань), доктор исторических наук, профессор, заведующий научно-образовательным центром историко-гуманитарных и социально-экономических исследований Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, заведующий кафедрой философии и истории Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова, председатель правления Рязанского исторического общества.

Артамонов Владимир Алексеевич (Россия, Москва), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории Российской академии наук.

Виноградов Михаил Алексеевич (Россия, Москва), старший преподаватель кафедры туризма Московского государственного института индустрии туризма им. Ю.А.Сенкевича.

Горак Артур (Польша, Люблин), доктор, адъюнкт Кафедры архивоведения Университета Марии Склодовской-Кюри.

Гребенкин Игорь Николаевич (Россия, Рязань), доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, старший научный сотрудник научно-образовательного центра историко-гуманитарных и социально-экономических исследований Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Гронский Александр Дмитриевич (Беларусь, Минск), кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

Деметер Габор (Венгрия, Будапешт), доктор, Институт истории Венгерской академии наук.

Ермаченко Игорь Олегович (Россия, Санкт-Петербург), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Жаркова Екатерина Александровна (Россия, Рязань), магистрант направления «Экономика» Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Жолудов Михаил Валентинович (Россия, Рязань), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Захаров Андрей Леонидович (Россия, Орел), кандидат исторических наук, преподаватель кафедры общих гуманитарных и социально-экономических наук Мезенского педагогического колледжа.

Крисанова Екатерина Васильевна (Россия, Москва), главный библиотекарь отдела военной литературы Российской государственной библиотеки.

Костылева Елена Николаевна (Россия, Рязань), аспирант кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Кудякова Розилия Динаровна (Россия, Рязань), главный библиограф краеведческого информационного центра Рязанской областной универсальной научной библиотеки имени Горького.

Лавицкая Марина Ивановна (Россия, Орел), доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Орловского государственного университета.

Легеч Яцек (Польша, Кельце), кандидат исторических наук, адъюнкт, Институт Истории Университета Яна Кухановского.

Милевский Олег Анатольевич (Россия, Сургут), доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета.

Минчев Димитр (Болгария, София), доктор, Центр военно-исторических исследований Национальной военной академии «Г.С. Раковски», председатель Болгарской национальной комиссии по военной истории.

Митев Трендафил (Болгария, София), доктор исторических наук, профессор, Университет национального и мирового хозяйства.

Мишакова Надежда Анатольевна (Россия, Рязань), кандидат экономических наук, заведующая кафедрой национальной экономики и регионального развития Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Мостяев Юрий Николаевич (Россия, Рязань), кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Панферова Елена Петровна (Россия, Рязанская область), заведующая музеем-усадьбой «Мемориальный комплекс М.Д. Скобелева» (с. Заборово, Александрово-Невский район).

Репников Александр Витальевич (Россия, Москва), доктор исторических наук, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории, профессор кафедры Истории, философии и литературы Российского университета театрального искусства.

Самойлова Ирина Петровна (Россия, Рязань), заведующая научной библиотекой Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

Семкин Максим Александрович (Россия, Рязань), кандидат филологических наук, сотрудник архивного отдела научно-просветительского центра по изучению наследия А.И. Солженицына Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Соколов Александр Станиславович (Россия, Рязань), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета.

Тарабрин Евгений Георгиевич (Россия, Рязань), кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина.

Тихонов Андрей Константинович (Россия, Владимир), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и краеведения Владимирского государственного университета им. братьев Столетовых, председатель Союза краеведов Владимирской области, действительный член Рязанского исторического общества.

Фролова Марина Михайловна (Россия, Москва), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения Российской академии наук.

Христов Димитр (Болгария, София), доктор, Институт исторических исследований Болгарской академии наук.

Чекурин Леонид Васильевич (Россия, Рязань), кандидат исторических наук, заведующий кафедрой общенаучных дисциплин, профессор Рязанского заочного института (филиала) Московского государственного университета культуры и искусств.

Шалахов Евгений Геннадьевич (Россия, респ. Марий Эл), экскурсовод Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева».

Шолохов Андрей Борисович (Россия, Москва), кандидат исторических наук, доцент, главный редактор газеты «Вузовский вестник».

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово

Губернатора Рязанской области О.И. Ковалева
и Вице-губернатора Рязанской области –
первого заместителя Председателя
Правительства Рязанской области С.В. Филимонова 3

ЧАСТЬ I.

М.Д. Скобелев: судьба, образ, память

П.В. Акульшин (Рязань)

М.Д. Скобелев и российское общество
пореформенной эпохи 7

В.А. Артамонов (Москва)

Полководец «от Бога»
(к 170-летию со дня рождения М.Д. Скобелева)..... 21

Д. Христов (Болгария, София)

О признательности:
Михаил Дмитриевич Скобелев и Болгария 33

А. Горак (Польша, Люблин)

След М.Д. Скобелева в польских землях:
памятники, майораты и село Скобелевка..... 42

И.О. Ермаченко (Санкт-Петербург)

Легенда о «Белом генерале»:
от Турции до Японии
(ориентализм и «народная культура»
на рубеже XIX и XX вв.)..... 51

О.А. Милевский (Сургут)

Михаил Дмитриевич Скобелев и «Народная воля»..... 63

Л.В. Чекурин (Рязань) Историк Д.И. Иловайский о «Восточном вопросе» и воспоминания о М.Д. Скобелеве	77
Ю.Н. Мостяев (Рязань) Индия в стратегических планах М.Д. Скобелева	88
Е.Г. Тарабрин (Рязань) М.Д. Скобелев и присоединение Средней Азии к России в учебной и справочной литературе	95
М.А. Семкин (Рязань) М.Д. Скобелев в зарубежных политических комментариях 80–90-х гг. XIX в.	103
А.Б. Шолохов (Москва) Почему востребован «Белый генерал»? К 170-летию со дня рождения М.Д. Скобелева (1843–1882).....	109

ЧАСТЬ II.

Россия и освобождение Болгарии

Т. Митев (Болгария, София) Вклад генерала Михаила Дмитриевича Скобелева в победу русской армии под Плевной в 1877 году	121
М.М. Фролова (Москва) К вопросу об участии болгар в русско-турецких войнах XIX в.	136
Д. Минчев (Болгария, София) Болгарское ополчение во время Русско-турецкой Освободительной войны 1877–1878 гг.	152
Я. Легеч (Польша, Кельце) Солдаты из Царства Польского в Русской армии во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	158

А.С. Соколов (Рязань) Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и денежное обращение России	167
М.И. Лавицкая (Орел) Генерал Скобелев в исторической судьбе русско-болгарских отношений	171
Габор Деметер (Венгрия, Будапешт) Граф Андраши и позиция Австро-Венгрии по вопросу Восточного кризиса (1875–1879 гг.). Историографический обзор	182
М.В. Жолудов (Рязань) Британские либералы и балканский кризис второй половины 70-х годов XIX века	202
В.В. Аболмасов (Рязань) Восточный вопрос во внешней политике Великобритании в конце XIX века	210

ЧАСТЬ III.

Россия в эпоху реформ и модернизации

А.В. Репников (Москва) Панславизм, консерватизм и прогресс в условиях российских модернизационных изменений конца XIX – начала XX вв.	217
И.Н. Гребенкин (Рязань) Русский офицерский корпус в эпоху реформ	235
А.Л. Захаров (Орел) Орловский дворянский род Цуриковых и военные конфликты конца XIX – начала XX вв.	247
А.Д. Гронский (Беларусь, Минск) Повстанческая пропаганда Константина Калиновского накануне и в период польского восстания 1863–1864 гг.	256

А.К. Тихонов (Владимир) Туркестан в эпоху М.Д. Скобелева	265
Е.Н. Костылева (Рязань) Развитие операций Крестьянского поземельного банка по приобретению имений за счет собственного капитала на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Рязанской губернии)	272
Н.А. Мишакова, Е.А. Жаркова (Рязань) Исторический опыт развития налогообложения в России конца XIX века	277

ЧАСТЬ IV.

Вклад библиотек и музеев в дело сохранения памяти о М.Д. Скобелеве

Е.В. Крисанова (Москва) Литература о М.Д. Скобелеве в фондах Российской государственной библиотеки	283
И.П. Самойлова (Рязань) Воспоминания и размышления о жизни и деятельности генерала М.Д. Скобелева на страницах журнала «Русская старина»	307
Р.Д. Кудякова (Рязань) Изучение и раскрытие информационных ресурсов Рязанской областной универсальной научной библиотеки им. Горького о М.Д. Скобелеве	316
Е.П. Панферова (Рязанская область) Роль Муниципального бюджетного учреждения культуры «Музей-усадьба “Мемориальный комплекс М.Д. Скобелева”» в увековечении памяти прославленного военачальника	325
Е.Г. Шалахов (пос. Юрино, Республика Марий Эл) Скобелевский кабинет в Юринском замке Шереметевых: история, современное состояние и использование	328

М.А. Виноградов (Москва) Скобелевы и Виноградовы в Заборово: возрождение имен и традиций	333
Андрей Вахрушев, Анастасия Гаврилова, Маргарита Дмитриева (учащиеся средней школы № 65 г. Рязани) Работа над проектом «Виртуальный музей “М.Д. Скобелев – герой двух народов”»	338
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	341
СОДЕРЖАНИЕ	345

Научное издание

**ГЕНЕРАЛ М.Д. СКОБЕЛЕВ И ЕГО ВРЕМЯ
(к 170-летию со дня рождения)**

Материалы международной
научно-практической конференции
«М.Д. Скобелев: история и современность»
Рязань, 27–28 сентября 2013 г.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 22. Тираж 300 экз. Заказ № ?

Издательство РИАМЗ. 390000, г. Рязань, музей-заповедник Кремль, 15

Тел. (4912) 27-21-11

e-mail: museum@riamz.ru

www.ryazankreml.ru

Отпечатано: ЗАО «ПРИЗ» ?

390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

